

ДЖЕЙН ФЭЙЗЕР

ПОЧТИ
НЕВЕСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ШАРМ

Джейн Фэйзер

Почти невеста

OCR Roland; SpellChec Аваричка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157820

Почти невеста: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва; 2006

ISBN 5-17-037659-6, 5-9713-2712-7, 5-9578-4396-2

Аннотация

Страстный игрок поставил на карту все, даже руку и сердце красавицы сестры – и проиграл...

Что делать теперь гордой Арабелле Лэйси – опозорить имя брата и лишиться родного дома или, в уплату долга чести, пойти под венец с циничным авантюристом Джеком Фортескью?

Арабелла выбирает горькую свадьбу...

Однако Джек вовсе не намерен превращать жизнь молоденькой супруги в ад. Напротив, он мечтает лишь об одном – открыть для Арабеллы мир, полный страстной любви – нежной, чувственной и сладостной...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	60
ГЛАВА 4	87
ГЛАВА 5	114
ГЛАВА 6	141
ГЛАВА 7	162
ГЛАВА 8	186
ГЛАВА 9	214
ГЛАВА 10	240
ГЛАВА 11	269
ГЛАВА 12	288
ГЛАВА 13	310
ГЛАВА 14	335
ГЛАВА 15	355
ГЛАВА 16	381
ГЛАВА 17	404
ГЛАВА 18	431
ГЛАВА 19	452
ГЛАВА 20	475
ГЛАВА 21	497
ГЛАВА 22	522
ГЛАВА 23	549

ГЛАВА 24

570

ЭПИЛОГ

582

Джейн Фэйзер

Почти невеста

ГЛАВА 1

Скольжение карт по зеленому сукну, звяканье монет, сложенных столбиками, когда игроки делали ставки, негромкое бормотание лакеев, подсчитывавших баланс, – вот и все звуки, слышные во внутреннем помещении фешенебельного клуба «Брукс», где шла игра в фараон. Вокруг стола сидели шесть мужчин, сражавшихся против одного банкюмета. На них были кожаные нарукавники, предохранявшие кружевные манжеты рубашек, и козырьки для защиты глаз от нестерпимо яркого света, который бросало множество свечей на стол под зеленым сукном. Банкюмет сдавал карты, наблюдал за игроками, делавшими ставки, выплачивал выигрыш или подводил итог после каждого роббера. Лицо его было бесстрастным. Для зрителей, собравшихся в комнате, выигрыш или проигрыш, казалось, были вопросами жизни и смерти, в то время как Джек Фортестью, герцог Сент-Джулз, демонстрировал полное равнодушие к тому и другому.

Но здесь были и такие, кто знал, что его безразличие – напускное. На этот раз игра в элегантно обставленной комнате чем-то неувлимо отличалась от обычной, зависящей от

везения. Несмотря на поздний час летнего дня, здесь стояла жара, будто пойманная в ловушку. В спертом воздухе густой запах пота смешался с тяжелым духом одеколона и пролитого вина. Напряжение сконцентрировалось на почти осязаемой связи между банкометом и одним из игроков, в то время как остальные постепенно выходили из игры. Запас монет иссякал, как и азарт игры.

Фредерик Лэйси, граф Данстон, продолжал делать ставки с лихорадочным упорством. Когда он проигрывал, просто бросал монеты на поднос и ставил вновь. Герцог, как всегда непроницаемый, поворачивал карты к себе и откладывал вправо выигравшие, влево – битые. Его холодные серые глаза на миг сверкнули, и он бросил острый оценивающий взгляд на своего визави, потом снова сосредоточился на ломберном столе. Никто не проронил ни слова.

– Клянусь Господом, сегодня в Джека вселился сам дьявол, – пробормотал стоявший в двери и наблюдавший за игрой Чарлз Джеймс Фокс.

Он был в невероятно узком костюме, обтягивающем ярко-малиновом жилете с золотыми полосами и соломенной шляпе, украшенной лентами и увенчивающей волосы, обсыпанные какой-то неправдоподобно синей пудрой.

– И везение это какое-то дьявольское, Чарлз, – откликнулся его собеседник вполголоса.

Его собственный костюм, в изобилии украшенный кружевами, брыжами и золотистым бархатом, казался темным по

сравнению с одеждой других.

– Ему не изменяет удача уже много месяцев.

– И это везение всегда направлено против Лэйси, – задумчиво прокомментировал Фокс, делая большой глоток бургундского. – Вчера я видел, как Джек выиграл десять тысяч гиней.

– И двадцать тысяч в понедельник. Похоже, что игра у Джека в крови. Он играет не ради удовольствия, здесь нечто большее, какая-то особая цель, – заметил Джордж Кавена. – Будто он хочет разорить Лэйси. Только почему?

Фокс ответил не сразу, но ему припомнился старый скандал. Никто не знал подлинной подоплеки той истории, а случилось это много лет назад и едва ли имело отношение к сегодняшней игре. Он покачал головой:

– С тех пор как Джек вернулся из Парижа, его будто подменили. – Он слегка пожал плечами. – Не могу понять, в чем дело. Вроде бы он все тот же беззаботный обаятельный малый, но под этим фасадом появилось что-то новое, какая-то жесткость, которой прежде не было.

– Это неудивительно. Каждый, кто испытал на себе французскую чертову анархию и кому удалось выйти живым из смертоубийственного ада, не может остаться прежним, – мрачно возразил Джордж. – Говорят, герцог был на волоске от гибели, но он об этом ни гугу. Смеется дьявольским смехом и тотчас старается сменить тему.

Он протянул свой бокал проходившему мимо лакею, тот-

час же наполнившему его.

Мужчины умолкли и продолжали наблюдать за игрой. Теперь перед Фредериком Лэйси лежал всего один столбик монет. На секунду его рука нерешительно задержалась над ним. Это означало, что впервые за нынешний вечер он заколебался. Сент-Джулз гладил ножку своего винного бокала безупречно наманикюренной рукой. Сияние свечей высекло искру голубого огня из большого сапфира в его кольце. Он ждал.

С коротким глубоким вздохом Лэйси поставил на туза. Герцог взял очередную карту из колоды и открыл первую – туз. Лэйси еще больше побледнел. Его всегда красное лицо человека, злоупотребляющего спиртным, утратило свой обычный цвет. Герцог все с тем же бесстрашием положил туза и взял следующую карту из колоды. Он перевернул ее и показал десятку пик, будто в насмешку над графом, лицо которого стало пепельно-серым. Герцог сгреб монеты в горку, блестящую возле его локтя. Он молча смотрел на графа. Теперь оставалось раздать всего три карты.

Грудь Фредерика Лэйси сжал спазм. За последний месяц он проиграл этому человеку, которому почему-то чертовски везло, все свое состояние. Герцог Сент-Джулз всегда играл основательно. В зеленые годы юности он оставил в игорных домах целое состояние, исчез и пропал за границей, чтобы появиться вновь. Вернулся он несколькими годами позже, нажив второе, еще большее состояние. Но его он не про-

играл, напротив, преумножил, играя постоянно и мастерски. Он был прирожденным игроком и теперь не повторял ошибок молодости. Очень редко, если такое вообще когда-нибудь случалось, он позволял себе встать из-за игорного стола, оставшись в проигрыше.

Лэйси уставился на две стопки сброшенных карт рядом с игроком, а потом на три карты, оставшиеся в колоде. Он знал, каковы эти три карты, как и каждый игрок, примечающий, какие карты вышли. Если ему удастся угадать, в какой последовательности они выйдут, у него останется один шанс из пяти. Но в этом случае банкомет должен выплатить ему из расчета четыре к одному. Один решающий удар, и он отыграется. Он поднял глаза и встретил взгляд серых глаз человека, которого ненавидел со страстью, не поддающейся описанию. Он догадывался о намерениях Сент-Джулза и, единственный в этой душной комнате, знал их причину.

Но в случае удачи он мог бы избежать краха и повернуть колесо фортуны. Если Сент-Джулз примет ставку и проиграет, ему придется выплатить выигрыш противнику из расчета четыре к одному, а это означает его разорение. И Лэйси знал, что Сент-Джулз примет вызов. Он не спеша снял кольца и булавку с алмазом, угнездившуюся в пене кружев у него на шее, намеренно положил все это в центре стола и медленно сказал:

- Моя очередь делать ставку.
- И какова же ваша ставка?

Тон герцога был недоверчивым. В свете того, что было выиграно и проиграно, это заявление прозвучало абсурдно.

Лицо графа залил неяркий румянец:

– Я ставлю на карту все, что у меня есть, милорд герцог, – Лэйси-Корт и дом на Олбермарл-стрит со всем, что там находится.

Было слышно, как в притихшей комнате кто-то шумно втянул воздух. Зрители обменялись взглядами.

– Со всем, что там находится? – спросил герцог, слегка выделив голосом последнее слово. – Со всем одушевленным и неодушевленным имуществом?

– Со всем, – последовал уверенный и твердый ответ.

Джек Фортестью передвинул свои столбики монет на середину стола.

– Милорд, едва ли эта сумма покроет мой проигрыш, – сказал он с легким сомнением и обвел взглядом комнату. – Во сколько мы оценим имущество графа, джентльмены? Если мне придется выплатить проигрыш в соотношении четыре к одному, я должен знать в точности, чем рискую.

– Будем считать, что все это стоит двести тысяч фунтов, – предположил Чарлз Фокс.

Будучи заядлым игроком, он уже проиграл все деньги до последнего пенни и одалживал у друзей с полной бесшабашностью, зная, что не сможет выплатить долга и что, в свою очередь, разорит многих своих кредиторов. Было вполне уместно, что такой человек имеет право высказаться о

сумме выплаты проигравшего.

– Это значит, что Джеку придется выплатить восемьсот тысяч фунтов.

В комнате воцарилась полная тишина – грандиозность суммы поразила всех. Даже для одержимых, смысл жизни которых – игра, было трудно смириться с мыслью, что в одну ночь можно проиграть и выиграть такое состояние. Глаза Фокса возбужденно заблестели в предвкушении дальнейших событий. Все взоры обратились к Сент-Джулзу, откинувшемуся на спинку стула и все еще лениво поглаживавшему ножку своего бокала. На губах его играла едва заметная улыбка, но глаза, остановившиеся на лице того, кто сидел напротив, были холодны как лед.

– Вы согласны с названными суммами, Лэйси? – Голос герцога был на удивление спокойным.

– А вы сможете выплатить такие деньги? – спросил граф, с раздражением уловивший предательскую дрожь в своем голосе.

– Вы сомневаетесь?

Вопрос был задан с безразличной уверенностью, не оставлявшей места для сомнений.

– Я принимаю условия.

Граф щелкнул пальцами, подавая знак лакею, и тот немедленно принес пергамент и письменные принадлежности. Слышен был только скрип пера графа, излагавшего условия договоренности. Закончив, он взял песочницу и осушил чер-

нила, после чего поднял со стола свое кольцо с печаткой. Лакей капнул воска на пергамент, а граф поставил подпись и прижал печатку кольца к теплomu воску. Потом безмолвно подвинул документ герцогу, чтобы тот тоже подписал его.

Герцог огляделся, и взгляд его упал на Джорджа Кавену.

– Джордж, последишь, чтобы условия договора были соблюдены?

Джордж кивком выразил свое согласие и подошел к столу. Он взял документ, прочел его и сказал, что все в порядке. Его глаза на мгновение задержались на бесстрастном лице друга, будто он молча вопрошал его о чем-то. Потом он сложил документ и опустил его во внутренний карман сюртука.

Герцог отпил глоток вина и учтиво обратился к графу:

– Будьте так любезны назвать карту, милорд.

Лэйси облизнул губы быстрым и нервным движением, подался вперед, не сводя глаз с оставшихся карт, будто силился угадать, что в них, потом медленно произнес:

– Туз червей... десятка трэф... пятерка пик.

Все затаили дыхание, и внезапное шипение свечи, стоявшей на низком буфете, прозвучало в мертвой тишине как раскат грома. Сент-Джулз взял и открыл первую карту. Он медленно перевернул ее – это оказался туз червей.

Нерушимая тишина, казалось, стала еще более непроницаемой и глубокой, если такое было возможно. Граф подался вперед еще немного, его взгляд неотступно следовал за движениями длинной белой руки, в то время как она под-

няла следующую карту. Лицо герцога по-прежнему оставалось бесстрастным. Он открыл карту. Это была пятерка пик. Граф упал в кресло. Глаза его были закрыты, лицо мгновенно осунулось и стало почти таким же белым, как тщательно завитые и напудренные волосы. Он не взглянул на последнюю карту. Теперь это было не важно. Пятерка пик лишила его выигрыша. Наконец он открыл глаза и посмотрел через стол на своего врага.

Сент-Джулз встретил его взгляд, но в его холодных серых глазах не отразилось ни удовлетворения, ни торжества.

– Итак, *mon ami*, – сказал он тихо, – цыплят по осени считают.

Граф со скрипом отодвинул стул, поцарапав полированный дубовый пол. Толпа игроков расступилась, пропуская его к французским дверям, открытым по летнему времени, чтобы смягчить жару, царившую в комнате. Он преследовал на небольшой балкон, выходящий на Сент-Джеймс-стрит. Тяжелые занавеси сомкнулись за ним.

Чарлз Фокс устремился за графом, внезапно издав восклицание, сделал шаг, но тут прогремел пистолетный выстрел. Фокс не успел даже дойти до двери. Он порывисто раздвинул портьеры и опустился на колени возле неподвижного тела Данстона. Не было никакой надобности щупать его пульс, потому что верхняя часть головы отсутствовала. Под тело уже натекла лужа крови. Она просачивалась сквозь перила балкона и капала вниз, на улицу.

Игроки толпились у двери, протискивались на балкон, склонялись над телом. Герцог Сент-Джулз, оставшийся в одиночестве, не спеша собрал карты, перетасовал их и положил в коробку.

– Что за дьявольские игры, Джек? – грубо спросил Джордж Кавена, входя в комнату.

– Игры окончены, Джордж, – ответил тот, пожимая плечами.

Он взял свой бокал и допил вино.

– Лэйси был трусом и умер смертью труса.

– А что еще ему оставалось, приятель? – поинтересовался Джордж. – Ведь ты его разорил.

– Он сам принимал решения, мой дорогой, он, а не я, – возразил его друг, слегка растягивая слова. – Он пошел на риск по доброй воле.

Герцог поднялся с места, и лакей поспешил помочь ему избавиться от байковой куртки – униформы всех профессиональных игроков. Он надел собственный сюртук малинового бархата поверх сапфирового жилета, снял с запястий нарукавники и отряхнул кружевные манжеты. За нарукавниками последовал кожаный козырек. Его черные, как ночь, волосы были связаны на затылке в хвостик сапфировой бархатной лентой. Поразительно контрастировавшая своей белизной прядь спускалась на широкий лоб, куда волосы ниспадали мыском. Джордж знал, что у Сент-Джулза эта белая прядь была всегда, что не облегчало ему жизнь в Вестминстерской

школе, где царили грубые и жестокие нравы. Но его сверстники и однокашники скоро убедились, что Джек Фортескью – крепкий орешек. Он дрался без зазрения совести, никогда не оставлял брошенного вызова без ответа и, как правило, выходил из любого побоища потрепанным, покрытым кровью, но победоносным.

И неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Фредерик Лэйси, граф Данстон, и Джек Фортескью, герцог Сент-Джулз, стали смертельными врагами.

– Неужели это было так необходимо, Джек? – спросил Джордж напрямую.

Джек снова отряхнул кружевные манжеты на запястьях и оглядел их с критическим видом, будто был недоволен их состоянием.

– Это личное дело, друг мой, но поверь мне, что так было надо. Миру было лучше избавиться от такой канальи, как Фредерик Лэйси.

– Значит, теперь ты владеешь всем имуществом Лэйси, – заключил Джордж, выходя с ним вместе из комнаты. – Тебе принадлежит оно все, живое и неживое. И что ты собираешься делать со всем этим? С двумя домами, конюшнями, собаками, возможно, слугами и арендаторами... и... – На мгновение он замолчал, потом закончил фразу: – И конечно, с его сестрой?

Джек остановился на верхней площадке лестницы, ведущей на первый этаж.

– Ах да, – сказал он, – у него ведь есть сестра. Я и забыл о ней. – Он озадаченно покачал головой. – Непростительная оплошность при нынешних обстоятельствах.

– Каких обстоятельствах? – спросил Джордж, но ответом ему были только загадочная улыбка да пожатие плеч.

– Она ведь останется без гроша, – наседал Джордж, – если ей не досталось чего-нибудь от матери. Помнится, графиня умерла, когда ее дочь была еще ребенком.

– Да, кажется, так, – ответил Джек, сделав жест, будто отмахивался от неприятной мысли. – Дочери остались какие-то крохи, но ничего значительного.

И он направился вниз по лестнице.

Джордж последовал за ним, раздумывая, почему Джек так скрытен и несловоохотлив и столь равнодушен к судьбе незнакомой ему женщины, всего лишь раз появившейся в лондонском обществе, до того как удалиться на постоянное жительство в деревню. Он покачал головой, молча проклиная своего загадочного друга, проявившего столь очевидную бессердечность и черствость, шокировавшие даже самых циничных членов общества. Но он знал, что в нужде не было лучшего и вернейшего друга, чем Джек. Он готов был поделиться последним пенни с тем, к кому питал привязанность, он никогда не лгал и никого не обманывал. Но только глупец мог позволить себе выступить против него с мечом, лишь человек, не дороживший своей шкурой, мог позволить себе стать врагом Джека Фортескью.

– Так каковы твои намерения в отношении его сестры? – спросил Джордж, когда они вышли на улицу.

Уже три недели стояла сушь, и воздух стал тяжелым, будто его и не было вовсе, а от переполненных отходами контейнеров с мусором, как и от куч лошадиного навоза и человеческих экскрементов, несло душной гнилью и смрадом.

Джек остановился, повернулся к своему спутнику, и впервые за вечер на его полных чувственных губах появилась искренняя улыбка, осветившая и глаза.

– Ей ничего не грозит, мой дорогой, клянусь тебе. – Потом он похлопал Джорджа по плечу и сказал: – Прости меня, Джордж, мне надо побыть одному.

Джордж смотрел вслед удаляющемуся другу. Джек держал руку на рукоятке шпаги и насвистывал какой-то немудрящий мотивчик, но глаза его были внимательными и зоркими и не упускали из виду ни одной тени, гнездящейся в темных закоулках узких и опасных городских улиц и тупиков.

Джордж пожал плечами и вернулся в «Брукс». Там еще оставались дела, требовавшие его внимания, – ведь нынче ночью умер человек.

Арабелла Лэйси была поглощена уходом за своими драгоценными орхидеями. Она занималась ими в оранжерее в задней части дома и не слышала ничего – ни прибытия гостя... ни стука лошадиных копыт по гравийной подъездной аллее, ни скрипа колес экипажа, запряженного четверкой лошадей, ни окрика фореитора, призывавшего грума, ни гром-

кого стука тяжелого дверного молотка в форме львиной головы в парадную дверь.

Она была так увлечена своим делом, что даже упустила момент, когда ее собаки вскочили с нагретого солнцем места в углу оранжереи и бесшумно выбежали через застекленную дверь в задний холл, где остановились, как часовые, – уши торчком, пушистые хвосты подняты. Она не слышала, как отворилась дверь, потому что в эту минуту осматривала листья одного из своих редчайших экземпляров, хмурясь при виде черной точки, появившейся на листе растения.

– Прошу простить мое вторжение, мадам.

При звуке мягкого негромкого голоса, слегка растягивавшего слова, Арабелла вздрогнула и уронила секатор, который держала в руках. Она обернулась, сделав резкое движение, и поднесла руку к горлу.

– Вы меня напугали, – сказала она несколько раздраженно, что было совсем неуместно.

– Да, понимаю. Прошу меня простить, но я не знал, как еще заявить о своем присутствии.

Ее гость сделал несколько шагов по оранжерее, и она заметила со смешанным чувством удивления и раздражения, что каждая его рука покоится на голове ее двух рыжих сеттеров и что они послушны ему не меньше, чем ей самой. Борис и Оскар, как правило, относились к незнакомцам крайне подозрительно, и обычно можно было не сомневаться, что они поднимут тревогу при появлении любого гостя, даже знако-

мого, а уж чужака и подавно. Точно так же вел себя и Франклин, ее дворецкий. Куда же он подевался нынче утром?

Она разглядывала визитера с нескрываемым любопытством. Его ненапудренные волосы были повязаны на затылке черной лентой, и с минуту она не могла отвести взгляда от ослепительно белой пряди, спускавшейся мыском на широкий лоб. Он был одет в костюм для верховой езды и в одной руке держал треуголку, обшитую золотым кантом, а в другой – хлыст с серебряной рукоятью, которым постукивал по икре ноги, обутой в сапог. На нее бестрепетно смотрели ясные и очень проницательные серые глаза.

– Не думаю, что мы знакомы, сэръ, – сказала Арабелла с некоторым высокомерием.

Она вопросительно склонила голову к плечу и с неудовольствием почувствовала, что на лбу у нее капельки испарины, а волосы прилипли к голове влажными прядями. В оранжерее было жарко и влажно.

Гость изящно поклонился. При этом полы его черного бархатного сюртука взметнулись.

– Джек Фортескью к вашим услугам, миледи.

Он выпрямился и протянул ей руку приветственным жестом.

Арабелла невольно посмотрела на собственные руки. Она не снисходила до того, чтобы надевать перчатки во время садовых работ, и под ногтями у нее скопилась грязь. Поэтому протянутой руки не приняла и только присела в реверансе,

сожалея о том, что на ней вытертое до основы муслиновое платье, настолько выцветшее, что о его исходном цвете остались одни воспоминания. Она чувствовала себя неловко в присутствии этого лощеного, безупречно одетого незнакомца. Но имя вызвало смутные воспоминания.

– Ваша светлость Сент-Джулз? – спросила она.

– Он самый, мадам.

Он снова отвесил поклон, поднял оброненные ею инструменты и положил на стол на козлах.

– Боюсь, что сейчас моего брата нет дома, – сказала она. – Думаю, вы найдете его в Лондоне.

Ей показалось, что это сообщение не вызвало у него интереса. Он только заметил:

– Орхидеи прекрасны.

– Да, это что-то вроде хобби, – ответила Арабелла.

Если он не собирается немедленно сообщить ей причину своего появления, то черта с два она проявит хоть малейшее любопытство. Она щелкнула пальцами, подзывая собак, неохотно, как ей показалось, оставивших герцога и теперь послушно устроившихся у ее ног.

– Красивые собаки, – сказал он.

– Да, – согласилась Арабелла.

Она отвела со лба влажную прядь волос и осознала, что лицо ее неподобающе покраснелось от жары.

– Может, нам перейти в более прохладное место? – предложил он заботливо. – Похоже, что вы... гм... немного раз-

горячились, если позволите мне так вольно выразиться.

– Я работаю на палящем солнце в оранжерее, а сейчас середина августа, – огрызнулась она.

У него ни один волосок не выбивался из прически, а кружевные манжеты оставались сильно накрахмаленными и, казалось, только что вышли из-под утюга, хотя он стоял под стеклянным потолком оранжереи, куда прямо падали ослепительные лучи.

Он наклонил голову, отступил к двери, открыл и придержал ее для Арабеллы. Она проскользнула мимо, уловив запах хорошо отглаженного льна и лаванды. Испутив невольно вздох облегчения в относительной прохладе холла с полом, выложенным каменными плитами, Арабелла подумала, что взяла на себя роль грума. Собаки, тяжело дыша, бросились на каменные плиты.

– Все ли в порядке, миледи? – спросил появившийся из тени и несколько обеспокоенный дворецкий. – Я объяснил его светлости, что лорда Данстона нет, а вы заняты, но...

Он не закончил фразы, но было ясно, что герцог Сент-Джулз не дал ему возможности выполнить свои обязанности должным образом.

– Откровенно говоря, Франклин, я не вполне понимаю, в чем дело, – ответила Арабелла, бросив взгляд на гостя. – Может быть, вы проводите его светлость в гостиную? Я уверена, что в такую жару он не откажется от кружки эля, а я бы попросила подать кувшин лимонада... Простите меня, ми-

лорд герцог, я присоединюсь к вам через несколько минут. – Поколебавшись, она добавила: – Если, конечно, вы не пожелаете изложить свое дело немедленно. Я полагаю, что ваш лестный визит вызван какой-то особой причиной. Нельзя ли сказать о ней в нескольких словах?

Его губы тронула одобрительная улыбка, на мгновение она коснулась и глаз. Он явно различил вызов в ее тоне.

– Боюсь, что не удастся завершить дело так быстро, миледи, – ответил он. – Я вас подожду.

Озадаченная и заинтригованная его ответом, Арабелла нахмурилась и безошибочно почувствовала недоброе. Потом, едва заметно пожав плечами, она щелкнула пальцами, призывая собак, повернулась и направилась по черной лестнице к себе в спальню. Борис и Оскар следовали за ней по пятам.

– Принеси мне горячей воды, Бекки, – попросила она горничную, стягивая влажную липкую ленту с волос. – У меня грязные руки, а в гостиной ждет герцог.

– О да, миледи, мы все об этом знаем, – ответила горничная, не пытаясь скрыть любопытства. – Выдумаете, это весточка от его сиятельства милорда?

– Думаю, да, – с отсутствующим видом ответила Арабелла, подходя к зеркалу на туалетном столике. – Я слышала, как мой брат говорил о герцогe.

Арабелла мрачно смотрела на свое отражение. Выглядела она еще хуже, чем думала. Ее лицо украшали потеки грязи

пополам с потом, а спутанные волосы походили на кошму.

– Поспеши с водой, Бекки... но сначала расстегни мне платье. – Она подставила горничной спину, и проворные пальцы девушки запорхали по пуговицам. – Благодарю... а теперь воды.

В нижней юбке Арабелла села на пух и принялась расчесывать щеткой массу своих темно-каштановых кудрей. Ее брови сошлись над переносицей в глубокой задумчивости. Фредерик и вправду не раз упоминал имя Джека Фортескью, герцога Сент-Джулза, но всегда с неприязнью. Однако, размышляла она, правдой было и то, что ее единокровный братец жаловал немногих и, насколько она уловила во время своего единственного появления в лондонском свете, эти чувства обычно бывали взаимными. По правде говоря, она и сама его недолюбливала. В лучшем случае его можно было бы назвать слабым и злым, и он ничего не делал, чтобы завоевать ее сестринскую любовь.

Но совершенно непонятно, какое дело могло привести герцога Сент-Джулза в Лэйси-Корт, находящийся в тридцати милях от Лондона, среди вишневых садов Кента.

Вернулась Бекки с кувшином горячей воды и вылила ее в таз. Арабелла вымыла лицо, провела влажной губкой по рукам и шее, а щеткой для ногтей – по пальцам.

– Принеси, пожалуйста, Бекки, яблочно-зеленое утреннее платье... то, из индийского шелка... Для корсета и кринолина слишком жарко.

Ее гость, элегантный в своем черном бархатном сюртуке и бриджах, носил волосы непудреными и не надел парика, что было необычно для светского утреннего визита.

– Нынче утром мои волосы в ужасном состоянии, – пожаловалась Арабелла, сражаясь с непокорными локонами. – От влажного воздуха оранжереи они спутались и вьются.

– О, предоставьте это мне, миледи.

Бекки взяла щетку и принялась ловко орудовать ею, расчесывая длинные темные волнистые пряди, кольцами окружавшие лицо ее госпожи.

– Если вы наденете этот прелестный французский чепчик, все будет идеально, – объявила она, прикалывая белый, отделанный кружевами чепчик на темя хозяйки. – Вот так.

Она отступила, чтобы полюбоваться плодами своих трудов.

– Ты просто творишь чудеса, Бекки, – заявила Арабелла.

Она встала и шагнула в простое шелковое утреннее платье, которое горничная держала перед ней наготове, приснула духами на внутреннюю поверхность запястий, локтей и за ушами. Она не вполне понимала, почему это делает ради нежданного гостя. Ее не покидало нехорошее предчувствие, и казалось уместным выглядеть достойно во время предстоящего разговора.

Она спустилась по лестнице, осознав, что предоставила гостя самому себе более чем на полчаса. Когти ее рыжих сеттеров, следовавших за ней, застучали по навощенному полу.

Спускаясь по елизаветинской лестнице, она заметила Франклина, маячившего в парадном холле.

– Его светлость в библиотеке, миледи. Он предпочел ее гостиной.

Тон дворецкого был беспомощным и виноватым.

Арабелла нахмурилась. Обычно гости не отвергают распоряжений хозяев и не бродят по дому в поисках более предпочтительного места. Она сочла такое поведение грубым и дерзким и попыталась угадать, что за человек расположился под ее кровом. И от этих мыслей усугубилось нехорошее предчувствие.

– Ты подал ему эль?

– Он попросил бургундского, мадам. Я принес ему графин. И кувшин лимонада для вас.

Арабелла кивнула и направилась через холл в библиотеку. Эта комната была много меньше парадной гостиной. Она была темнее и интимнее. В ней пахло книгами, старой кожей и пчелиным воском.

Его светлость Сент-Джулз стоял у окна, выходящего в боковую часть сада. В руке он держал бокал с вином. Его треугольная шляпа и хлыст были беспечно брошены на сиденье стула, и впервые Арабелла заметила тонкую прямую рапиру в ножнах, прикрепленную на боку. Это было не парадное, а повседневное оружие. По спине у нее побежали неприятные мурашки.

Когда она вошла с собаками, бежавшими впереди, он

обернулся.

– Ваше увлечение орхидеями распространяется на садоводство вообще?

Она тихо закрыла за собой дверь и ответила:

– Да.

– Сразу ясно, если у кого-нибудь есть вкус к ландшафтному садоводству, – заметил он с улыбкой, отходя от окна и усаживаясь на стул без подлокотников, у пустого незажженного камина. – Сад камней великолепен.

– Благодарю вас, – ответила она просто, наливая себе лимонад из кувшина, стоящего на маленьком золоченом столике. – Как вы находите вино?

– Прекрасная выдержка, – ответил гость. – Ваш брат держал замечательный погреб.

Ее рука замерла в воздухе, не донеся бокал до рта:

– Держал?

С минуту он смотрел на нее, потом тихо ответил:

– Боюсь, что я принес вам скверные вести, леди Арабелла.

Она не сразу нашлась что ответить. Поставила на стол стакан с лимонадом, из которого так и не сделала ни глотка, бессознательно скрестила руки и обхватила локти, глядя перед собой.

Джек ждал, наблюдая за ней, пока она переваривала это сообщение. Он поймал себя на том, что разглядывает колечки волос, обрамляющих ее лицо. Они были богатого оттенка шоколада, а ее глаза – золотисто-карими и завораживающи-

ми. Он так и не мог решить, какие они больше – золотистые или карие. Кожа ее была цвета густых сливок. Но несмотря на столь соблазнительные краски, она не была ни красивой, ни хорошенькой, ни даже импозантной в привычном смысле слова. Она уже переступила за предел нежного возраста. Лицо ее было уж очень энергичным и непреклонным. Высокие скулы, четко очерченный волевой подбородок и орлиный нос доминировали в нем. Ее темные брови были гуще, чем требовала мода, а губы слишком полными, и уголки рта чуть приподняты.

Наконец она уронила руки, и они упали по бокам ее тела.
– Как он умер?

Сначала прямота ее вопроса изумила его, но он быстро решил, что удивляться не стоит. У него создалось впечатление, что Арабелла принадлежит к типу женщин, не привыкших избегать неприятностей или ходить вокруг да около.

– От своей собственной руки, – ответил Джек, стараясь сохранять хладнокровие.

Теперь ее взгляд был устремлен в себя самое. Она не была потрясена безвременной кончиной Фредерика. Арабелла всегда считала такую смерть неизбежным следствием его образа жизни, склонности к дебоширству и предпочтению, которое он оказывал людям определенного круга. Она видела, какими агрессивными они становятся в подпитии, а трезвыми их можно было встретить редко. Он мог умереть от пьянства или в результате какой-нибудь фатальной стычки, и ее

это не удивило бы. Но самоубийство? Она не думала, что ее единокровный брат был способен на такое.

– Почему он это сделал? – спросила она задумчиво.

– Он проиграл все, что имел.

– Все? – Она закусила нижнюю губу.

– Боюсь, что так.

Ее ноздри расширились, и она дотронулась до губ кончиками пальцев. Это объясняло подобную смерть. Арабелла знала своего брата. Вероятно, Фредерик мог жить обесчещенным, но не сумел примириться с мыслью о бедности. Она попыталась найти в своем сердце сострадание к нему и не смогла, осознав в ту же минуту, насколько мрачное будущее ее ожидает. Конечно, Фредерик оказался верен самому себе и даже мимоходом не подумал о сестре.

Она холодно созерцала этого вестника судьбы. Лицо его было бесстрастным, но серые глаза внимательно следили за ней. Почему этот человек решил сообщить ей новость? Он ведь не был ни другом, ни приятелем Фредерика.

Это было очевидно. Она сказала:

– Как я понимаю, Фредерик проиграл свое имущество, а вы, ваша светлость, его выиграли?

– Ваше предположение правильно.

Он сунул руку в карман сюртука и извлек из него документ, который ее брат начертал на столе для игры в фараон. Сент-Джулз поднялся со своего стула и передал бумагу ей.

Арабелла взяла ее, развернула документ, потом обратила

лицо к гостю и сухо сказала:

– Примите мое поздравление, ваша светлость. Когда мне покинуть мой дом?

Он снова сунул бумагу во внутренний карман сюртука и спокойно ответил:

– Как это ни смешно, дорогая, но я пришел сюда не для того, чтобы обездолжить вас. Я намерен предложить вам свое покровительство.

На ее губах появилась слабая недоверчивая улыбка, а в голосе прозвучало презрение, когда она заговорила:

– Карт-бланш... ваша светлость... как это любезно с вашей стороны. Но боюсь, мне придется отклонить ваше благородное предложение.

Он протестующе поднял руку и покачал головой:

– Не делайте необоснованных выводов, леди Арабелла. У меня уже есть любовница, и я вполне удовлетворен ею, мне нет нужды заводить другую. Однако мне нужна жена.

ГЛАВА 2

Арабелла рассмеялась. Это был спонтанный взрыв искреннего веселья, так же сильно удивившего ее самое, как и герцога. Он смотрел на нее, лишившись дара речи. Его редко можно было привести в замешательство, но это был как раз такой случай.

Наконец Арабелла перестала смеяться и быстро отрезвела, поняв, что в ее веселости было нечто от истерики.

– У вас необыкновенное чувство юмора, милорд герцог. И, если позволите заметить, весьма неуместное в настоящих обстоятельствах. Принести весть о смерти брата и тотчас же позволить себе пошутить, предложив мне брак! В высшей степени оригинально!

– Это вовсе не шутка, – возразил он смущенно.

Теперь наступила очередь Арабеллы вытаращить глаза.

– Вы не можете говорить серьезно. По вашему собственному признанию, вы довели моего брата до самоубийства, а теперь предлагаете мне выйти за вас замуж?

Джек пригубил вино, пытаясь восстановить спокойствие, пока обдумывал ответ.

– Рассматривайте мое предложение как некую форму компенсации, – сказал он наконец, и тон его был сдержанным и взвешенным. – Конечно, я повинен в том, что лишил вас покровительства брата, и потому предлагаю свое. Разу-

меется, это будет брак по расчету, но предложение вполне обычное и достойное. Я надеялся, что вы осознаете его преимущества, прежде чем потешаться над ним.

На этот раз она не засмеялась. Губы ее сжались, а глаза засверкали гневом. Собаки, развалившиеся на ковре, тотчас же встали и наострили уши, заметив настороженное выражение глаз герцога. Арабелла успокаивающим жестом погладила их по головам. Потом сказала с ледяным сарказмом:

– Какая забота с вашей стороны, сэр. Может быть, вы извините меня, если мне не удастся увидеть вашими глазами преимущества брака с совершенным незнакомцем, оказавшимся, однако, способным довести человека до самоубийства, чтобы завладеть его состоянием. Вы должны также понять, что я не столь уж жалкое существо, чтобы претендовать на покровительство любого представителя мужского пола. Возможно, это вас удивит, милорд, но есть женщины, способные полагаться на собственные силы.

Она сжала руки жестом, означавшим окончательность и непреклонность.

Герцог в ответ только глотнул вина и молча посмотрел на нее. Арабелле показалось, что он рассчитывает на ее благоразумие и на то, что она непременно изменит свое решение и пожалеет об опрометчиво сказанных словах. И потому, должно быть, он готов предоставить ей время взять их назад во зрелом размышлении. Его тяжелые веки придавали ему вид человека праздного и вялого, если бы не пронзительный

взгляд серых глаз. В их выражении было нечто будоражащее, намекающее на опасность. Впечатление угрозы усугубляли смоляные брови и одинокая белоснежная прядь среди черных волос, спускавшаяся на широкий лоб.

– Мне достаточно часа, чтобы подготовиться к отъезду, – сказала Арабелла ледяным тоном. – Я не смогу сегодня вывезти все свое имущество, но попрошу Франклина подержать мои вещи некоторое время на чердаке, пока не устрою свои дела, и тогда пришлю за ними. Думаю, вас это удовлетворит, ваша светлость.

– Нет, – возразил он, – никоим образом. – Он снова повернулся к графину и наполнил бокал. – У меня нет ни малейшего намерения выбрасывать вас из дома. Оставайтесь здесь сколько угодно.

Она нахмурилась:

– Не понимаю. Вы позволите мне остаться здесь?

Он снова повернулся к Арабелле. Улыбка, сверкнувшая в серых глазах, преобразила его лицо. И теперь она не находила ничего устрашающего ни в его черных бровях, ни в белой пряди волос.

– Разумеется. Я не такой людоед, каким кажусь вам, леди Арабелла.

Его улыбка была заразительной, и лицо ее смягчилось. Скорее всего, она неправильно судила о нем, ведь он признался в содеянном. Но каковы бы ни были ее отношения с Фредериком, как-никак он был ее единокровным братом.

Этот человек не мог знать о том, что их равнодушие друг к другу порой граничило с прямой враждебностью. Но то, как он рассказал ей о смерти Фредерика, в лучшем случае можно было назвать пренебрежительным и небрежным, в худшем – черствым и жестоким. Он ни на секунду не задумался о ее чувствах. И все же эта его улыбка намекала на то, что в характере этого человека есть и другие, более привлекательные черты.

Арабелла предпочла выбрать нейтральный тон:

– Простите меня, если я покажусь вам невежливой, герцог. Ваша новость вызвала у меня шок. Но мне следует поблагодарить вас за ваше предложение.

Он поклонился:

– Для меня это удовольствие, мадам.

Он потянулся, взял ее руку, поднес к губам и легонько дотронулся ими до ее кожи. В соответствии со светскими правилами губы мужчины не должны были коснуться ее, учитывая краткость знакомства. Достаточно было поцеловать воздух над тыльной стороной ее ладони, но Арабелла решила, что сейчас неподходящий момент для того, чтобы придерживаться столь строгих правил. Если он готов был позволить ей остаться в доме, до тех пор пока она не подготовится к отъезду должным образом, имело смысл бытье ним любезной.

– Позвольте мне предложить вам поесть, прежде чем вы вернетесь в Лондон, – сказала она, убирая руку, как только

он ее выпустил из кончиков пальцев. – Уже почти полдень, а вы, должно быть, рано встали нынче утром.

– Я выехал на рассвете, – ответил он непринужденно. – Но в Лондон возвращаться не собираюсь, мадам.

– О? – Ее красиво очерченные брови недоуменно поднялись. – Значит, в Кенте у вас есть друзья?

Он покачал головой, и глаза его так ярко блеснули, что по коже ее снова побежали мурашки в предчувствии неизвестной опасности.

– Нет, – ответил он. – Но у меня есть дом в Кенте и, похоже, очень славный. – И он сделал жест, охвативший все, что их окружало. – Я намерен остаться надолго. Мне надо обсудить дела с управляющим, я надеюсь повидать арендаторов и, разумеется, познакомиться с прислугой. Вы согласитесь, конечно, что в летнюю жару в деревне гораздо приятнее, чем в Лондоне.

Пол под ногами Арабеллы закачался, как зыбучий песок.

– Похоже, я очень несообразительна, – выговорила она медленно. – Должно быть, это от жары. У меня создалось впечатление, что вы дали мне разрешение остаться здесь до тех пор, пока я не устрою свои дела.

Он поклонился:

– Это так. Вы можете здесь оставаться столько, сколько вам будет угодно.

– И... простите меня, должно быть, в этом вопросе я проявляю особенную недогадливость... вы собираетесь остаться-

ся под одной крышей со мной? – Снова ее брови взметнулись вверх.

– Разумеется, миледи. И вы прекрасно оценили ситуацию.

Он улыбнулся непринужденно и дружески, и на этот раз ей показалось, что его улыбка не таит ни малейшей угрозы. И снова в ее золотистых глазах загорелся гнев.

– Вам, очевидно, нравится дурачить меня, герцог. И я не приложу ума, что я такое сделала, чтобы заслужить это. Прошу прощения.

Она направилась было к двери.

Джек опередил ее и положил руку на косяк. Обе собаки заворчали, шерсть у них на загривках поднялась дыбом.

– Успокойтесь. Сидеть, – приказал он им.

К досаде Арабеллы, они послушались, хотя не спускали с него глаз.

– Я вовсе не дурачу вас, Арабелла, – сказал он. – Поверьте, я никогда не позволил бы себе ничего подобного. Вы ведь делили этот дом со своим единокровным братом. Разве не так?

Она решила не обращать внимания на его фамильярное обращение, как и на его летучий поцелуй, и скрестила руки на груди, показывая, что вполне владеет ситуацией и ничто не может ее поколебать и сбить с толку. На самом деле каждая клеточка тела и ее нервы были напряжены до предела. Она была готова действовать, что бы ни уготовила ей эта странная встреча.

– Он нечасто навещал этот дом, – ответила Арабелла, невольно припоминая те ужасные случаи, когда Фредерик заявлялся с шумной компанией дебоширов и завладевал всем домом.

Из чистого чувства самосохранения она удалялась в свои комнаты и не выходила из них до их отъезда.

– И никто не находил в этом ничего неподобающего, – подытожил он.

– Разумеется, нет, – нетерпеливо ответила Арабелла. – Фредерик – мой брат, и я зависела от него, потому что он был моим покровителем.

«Или потому, – мрачно добавила она мысленно, – что мне приходилось терпеть все неприятности в силу моего положения».

– Но теперь я занял место Фредерика, – заметил герцог. – Ваш брат оставил вас на мое попечение. – Он постучал ногтем по карману, в котором лежал документ, подписанный и заверенный во время игры в фараон. – Здесь ясно сказано, что граф Данстон передает мне свои обязательства, как и свое имущество и доходы. – Его губы слегка изогнулись в улыбке: – А вас, леди Арабелла, я считаю его ценным имуществом.

Лицо Арабеллы продолжало хранить каменное выражение, и его выжидательная улыбка испарилась. Джек не имел склонности расточать свое обаяние попусту. Он хладнокровно продолжил:

– Я считаю, что в результате всего этого вы поступаете под мою ответственность и защиту. Я оказался на месте вашего брата. Если никто не возражал против вашего совместного проживания с Фредериком под одной крышей, как можно осуждать то, что вы будете находиться под покровительством человека, который его заменит?

Эта абсурдная логика поразила Арабеллу. Ее глаза стали круглыми, со странным придушенным звуком она отвернулась от него и подошла к окну. Так она и стояла, поглаживая одной рукой губы и глядя на свой любимый сад. Внезапно Джек заметил, что ее плечи сотрясаются. Он в несколько шагов преодолел разделявшее их пространство.

– Арабелла?

Она обернулась, и он с изумлением увидел, что она трясется от смеха, а глаза ее сверкают, как топазы.

– Ясно, – сказала она, – что вы не имели удовольствия встречаться с леди Эслоп.

Он покачал головой, и в его глазах отразилось ответное веселье, хотя он понятия не имел, что рассмешило ее.

– Нет, я не имел такого удовольствия. И много ли от этого потерял?

– Леди Эслоп – жена виконта Эслопа из Эслоп-Мэнор. – торжественно сообщила Арабелла. – Она дама последовательная, и ей свойственна несокрушимая добродетель. Она арбитр в вопросе моды и поведения в свете, и это известно на двадцать миль вокруг. И никто бы не решился с легко-

стью пренебречь ее мнением и навлечь на себя неудовольствие этой леди.

Джек неторопливо кивнул, и глаза его заблестели еще ярче.

– Я уловил неодобрительную нотку в вашем голосе, мадам. Может, упомянутая вами дама уж слишком высоко оценивает свое значение в обществе?

– Вы поняли меня верно. Лавиния Эслоп – дочь деревенского стряпчего, но старается замаскировать свое далеко не аристократическое происхождение, всячески демонстрируя свое значение. Путем запугивания она добилась лидерства в обществе нашего графства. – Теперь в голосе Арабеллы звучала презрительная усмешка. – Как только она услышит о смерти Фредерика и вашем прибытии в Лэйси-Корт, тотчас же явится ко мне. Это минутное дело. Я ожидаю ее визита самое позднее завтра утром.

– Я горю нетерпением познакомиться с ней и объяснить положение дел, – ответил Джек серьезно.

Арабелла не могла больше сдерживаться. Она обладала особым чувством юмора, которое обычно проявлялось в самый неподходящий момент. Возможно, сейчас как раз и наступил такой, и она не сумела сдержать веселья. Она одна могла стать достойной противницей Лавинии Эслоп... но в содружестве с герцогом Сент-Джулзом... О, это была бы королевская битва!

– А знаете, – сказала она, против воли улыбаясь, – пожа-

луй, мне даже хочется согласиться с вашим планом, хотя бы для того, чтобы увидеть выражение ее лица, когда вы будете ей объяснять, что нет ни малейшей разницы между покровительством, оказываемым одинокой женщине братом или посторонним мужчиной, и совершенно безразлично, делить кров с ним или с вами.

– Ну так? – Он развел руками, приглашая ее к совместным действиям.

Она заколебалась, когда внезапно на нее обрушилась реальность со всеми возможными последствиями случившегося. Ей вовсе не хотелось оставлять свой дом, сад, орхидеи, по крайней мере покидать это все так внезапно. Орхидеи требовали ежедневного внимания, хотя Уивер, главный садовник, будет следовать ее инструкциям, и с некоторой долей любовного внимания это могло помочь их процветанию. Она знала, что ее всегда с распростертыми объятиями примут у Барретов. Мэг Баррет была ее самой дорогой и близкой подругой с раннего детства, а сэр Марки леди Баррет всегда обращались с Арабеллой как с дочерью. Но это было бы всего лишь временным решением вопроса. Их средства были весьма скромными и все больше истощались. Была еще усадьба викария. Дэвид и его жена на некоторое время примут ее с радостью, но при наличии шестерых детей, постоянно вертящихся под ногами, едва ли у них было лишнее место для гостей. Кроме того, мысль о скитаниях по друзьям в поисках приюта вызывала у нее неприятие.

Беспощадная честность заставляла ее признать, что поиски решения в случае, когда она внезапно лишалась дома, должны были потребовать некоторого времени и, несомненно, вынуждали к компромиссам. У нее были дальние родственники матери в графстве Корнуолл, но после ее смерти их общение ограничивалось краткими официальными контактами. Им пришлось бы писать письма... письма с просьбами. Арабелла поморщилась.

Джек стоял, опираясь широкими плечами о каминную полку, и наблюдал за ней. У Арабеллы было очень подвижное лицо, и ему не составляло труда разгадать ее мысли и даже их последовательность. Он ожидал, что Фредерик и его сестра окажутся внешне похожими, но не мог обнаружить ничего свидетельствующего об их кровном родстве. Он почти надеялся, что сходство окажется разительным. И тогда ему было бы просто держаться на расстоянии от нее и соблюдать чисто прагматические условия в предложенных им взаимоотношениях. Но, к своему удивлению, он испытал скорее облегчение, чем страх, обнаружив ее полное несходство с единокровным братом. А это, подумал он, не самая разумная реакция.

Эти размышления подвигли его на то, чтобы издать довольно резкое восклицание.

– Ну? – спросил он снова.

Она очнулась от своих мыслей, вздрогнув, оттого что он так внезапно их прервал. Теперь его лицо оказалось в тени,

и это пригасило блеск в его глазах, придав им оттенок олова. Они стали жесткими и холодными и неприятно пронизательными. И вдруг, будто он почувствовал, что она подглядела это его выражение, ничуть не согласующееся с его целями, его лицо изменилось. Герцог улыбнулся, и глаза его снова заискрились.

– Ну же, Арабелла, давайте вместе потешимся над леди Эслоп. Будь я вашим опекуном, не было бы ни слова сказано о неуместности нашего проживания в одном доме. В усадьбе полно людей, способных засвидетельствовать ваше благонравие, – экономка, горничные и... может быть, у вас есть старая няня?

– Я уже давно перешагнула тот рубеж, когда требуются опекуны или даже дуэньи, герцог, – напомнила она. – Мне двадцать восемь, я уже почти в маразматическом возрасте, и пора меня положить на полку.

Она казалась настолько удовлетворенной таким описанием собственной личности, что он не смог удержаться от смеха.

– В таком случае, дорогая, вы вполне способны принимать решения самостоятельно. Если сочтете, что в этом предложении нет ничего непристойного, кто сможет вам воспрепятствовать?

– Леди Эслоп, – возразила она поспешно и добавила многозначительно: – Но раз уж я перешагнула брачный возраст, моя репутация значения не имеет.

Она быстро соображала. Такое решение было необычным, но она ведь никогда и не была последовательницей и рабыней заурядных решений. В доме были свидетели ее беспорочного стародевского существования, и он был достаточно обширен для того, чтобы там могли жить два человека, не попадаясь друг другу на глаза, если бы им не захотелось видаться. Она могла просто вести себя так, как вела себя во время наездов Фредерика, и оставаться в собственных комнатах.

Арабелла пожала плечами:

– Предоставим кошкам сплетничать сколько угодно. Но вы можете не сомневаться, милорд герцог, что я никогда не посягну на ваше время и внимание. Я немедленно примусь за приготовления. Это, вероятно, займет несколько недель... Теперь письма идут так медленно. – Она повернулась было к двери, потом осознала некоторые неудобства нынешней ситуации. В ближайшие недели она в еще большей степени их почувствует, печально размышляла она, пытаясь примириться с реальностью. – Так как моего брата больше нет, не будете ли вы так любезны, ваша светлость, отправлять мои письма?

– Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

– Благодарю вас, – с полной искренностью ответила Арабелла.

Она взялась за ручку двери. Собаки выжидательно смотрели на нее и жались к ее ногам.

– Не могу ли я еще немного злоупотребить вашим вниманием и временем? – спросил Джек.

Она обернулась, все еще держась за ручку уже открытой двери.

– Чего вы хотите, сэр?

Джек ответил непринужденно, следуя ее примеру, не придерживаясь церемоний:

– Я не знаю дома, мадам. Может быть, вы покажете мне мои комнаты? Моих лошадей следует поместить в конюшню, грумам и кучеру показать, где они будут ночевать, познакомиться моего личного слугу с экономкой и дворецким.

– Я уверена, что ваших лошадей расседлали и отвели в конюшню, герцог, – сказала Арабелла. – В моем доме хозяйством... – Она умолкла и исправила свою ошибку, сделав особое ударение на слове «хозяйством»: – Хозяйством ведают Франклин и миссис Эллиот. Не думаю, что у вас будут основания для жалоб.

– Я и не ищу повода для недовольства, – мягко возразил он. – Я только попросил показать мне дом. И может быть, сегодня днем мы с вами проедемся верхом и вы покажете мне имение.

Эти планы никак не согласовывались с ее представлениями о сохранении дистанции между двумя людьми, вынужденными жить в одном доме. И в этот вопрос следовало внести ясность с самого начала. Она ответила холодно:

– Миссис Эллиот покажет вам дом, а Франклин пошлет

весточку Питеру Бэйли, управляющему, чтобы он прибыл нынче днем. Он покажет вам амбарные книги и проведет вас по имению, а также ответит на все вопросы, которые могут у вас возникнуть.

– Понимаю. – Он отстранился от каминной полки. – Полагаю, вы мало что знаете об управлении имением.

Как он и ожидал, это его замечание вызвало у нее румянец, окрасивший ее высокие скулы.

– Напротив, – возразила она, – это мой брат не проявлял интереса к делам в усадьбе. Я же работаю в тесном контакте с Питером... – Она умолкла, осознав, в какую ловушку он так умело заманил ее. – Уверена, что от Питера вы получите все необходимые сведения. А у меня сегодня много дел... Я буду готовиться к отъезду.

– Ах да, – кивнул он, соглашаясь. – Может, вы уделите мне сейчас хоть несколько минут, покажете мои комнаты...

Арабелла хотела было возразить, но не посмела проявить такую неучтивость. Она ведь была здесь хозяйкой. Очень неприятно показывать новому владельцу дом, где она прожила всю жизнь и после смерти отца всегда считала, что в первую очередь он принадлежит ей, несмотря на то, что официально его собственником был Фредерик. Но просьба герцога была вполне обоснованной. Он изо всех сил старался убедить ее, что печется о ее интересах, но она не могла отделаться от подозрения, что Сент-Джулз не имел намерения делать ей что-либо приятное.

Ее снедали сомнения. Не играет ли она с огнем? Но если это и так, сказала она себе твердо, она достаточно умна, чтобы не обжечься. К тому же был ли у нее выбор?

Она отрешенно улыбнулась ему:

– Разумеется, сэр. Следуйте за мной. – И, сопровождаемая собаками, вышла из библиотеки.

Холл с квадратными потолочными балками был пуст, хотя у Арабеллы возникло ощущение, что за ними исподтишка внимательно наблюдают. В воздухе повисло почти осязаемое ощущение чего-то мрачного, и каждый из слуг хотел бы знать, что происходит. Она поговорит с Франклином и миссис Эллиот, после того как выполнит неприятную обязанность по отношению к новому владельцу Лэйси-Корт. Арабелла поднялась на верхнюю ступеньку лестницы и тотчас же заметила, что герцог не следует за ней. Она посмотрела через плечо. Он стоял в дверном проеме в желтом пучке света, падавшего сквозь открытую дверь на вощенный дубовый пол.

– Похоже, что о моих людях и лошадях позаботились, – заметил он, возвращаясь в холл.

– Неужели вы в этом сомневались? – отрывисто спросила Арабелла. – Я ведь вас заверила, что это будет сделано.

– Да, вы так сказали, – согласился герцог с беззаботной улыбкой. – Но я всегда предпочитаю все проверять лично.

«В таком случае надо тотчас же бежать с криками восторга в объятия моих корнуоллских родственников», – мрачно подумала Арабелла.

– Не займете ли вы комнаты брата, герцог? – Она силилась говорить нейтральным тоном, будто эта тема не представляла для нее ни малейшего интереса.

– Они принадлежат хозяину дома?

– Да, – проронила она, не разжимая губ.

– В таком случае это было бы самым лучшим, – ответил он любезно, направляясь через холл к лестнице быстро и непринужденно, походкой крадущегося ягуара. В его серых глазах время от времени посверкивало нечто настораживающее, напоминающее об опасности... ну точь-в-точь ягуар, расправляющий лапы и вытягивающий когти, зевающий и показывающий крепкие белые зубы...

Из тени под лестницей послышался деликатный кашель, и Арабелла попыталась стряхнуть одолевавшие ее мысли, потому что в солнечном свете, падавшем в холл сквозь решетки окон, появился Франклин.

– Миледи, со слов грума его светлости я понял, что он намерен остаться на ночь в Лэйси-Корт. Грум попросил меня обеспечить слугам его светлости приличный ночлег.

В каждой черте худого лица и долговязого тела Франклина сквозило негодование. Должно быть, разговор с личным слугой герцога взбудоражил его и, вероятно, вся его шерсть поднялась дыбом, потому что его чувство приличия было оскорблено мыслью о том, что в доме будет ночевать чужой человек без позволения графа Данстона.

– Да, это так, Франклин, – сдержанно ответила Арабел-

ла. – Я не сомневаюсь в том, что ты знаешь, как устроить на ночь слуг герцога. – Ее рука все еще покоилась на балюстраде лестницы, и знакомая гладкая округлость столбика помогла ей успокоиться и продолжать в том же ровном тоне: – Лорд Данстон умер в Лондоне несколько дней назад. Теперь его светлость – владелец Лэйси-Корт. Надеюсь, что при первой же возможности ты поговоришь со слугами и объяснишь им, как обстоят дела.

Она посмотрела на герцога, будто искала подтверждения своим словам.

Джек наклонил голову и вежливо обратился к дворецкому:

– Я был бы вам благодарен, Франклин, если бы вы и... миссис Эллиот – кажется, так ее зовут? – если бы вы пришли в библиотеку сегодня в три часа. Мы сможем обсудить все изменения в образе жизни дома, если таковые будут. Я хотел бы, чтобы вы ввели меня в курс дела.

Франклин ошарашенно смотрел на Арабеллу. Рот его слегка приоткрылся.

– Лорд Данстон мертв? – пробормотал он.

– Да, – ответила Арабелла.

– Значит, мы в трауре, – продолжал Франклин потрясенно.

Как всегда в минуты кризиса, он находил утешение в практических делах и мелочах.

– Надо немедленно повесить над дверью скорбное изве-

щение. Всем слугам следует надеть траурные повязки... К вам ведь будут приходиться выразить соболезнования... А как насчет похорон, миледи? Они будут здесь или в Лондоне?

Арабелла набрала полную грудь воздуха. Из-за утренних хлопот она совсем упустила из виду то, что обычно следует за смертью – похороны и все остальное. Как объяснить смерть Фредерика? Ведь самоубийц не хоронят в освященной земле. Если не скрывать правды, это навлечет позор на семью и их имя. Но как это утаить?

Герцог откашлялся, и она повернулась к нему.

– Ваш брат... Лорд Данстон... позвольте мне как его наследнику принять на себя хлопоты по устройству похорон, леди Арабелла. Мне будет неприятно, если все эти тяготы лягут на ваши плечи. Он хотел, чтобы погребение было частным делом и его похоронили немедленно после смерти. Прежде чем ехать сюда, я в Лондоне обо всем распорядился. Он выразил пожелание, чтобы по нему не носили траура, и я уверен, что вы захотите выполнить его предсмертную волю.

Франклин с изумлением взирал на нового владельца Лэйси-Корт.

– Как умер его лордство, ваша светлость?

– Погиб на дуэли, – поспешил ответить Джек. – Он умер от ран, и его распоряжение насчет похорон вполне ясно.

– Понимаю, – сказал дворецкий, хмуро уставившись в пол.

И он, и миссис Эллиот предвидели возможность такой

смерти графа, и все же следовало соблюсти необходимые формальности. Он покачал головой.

– Это весьма необычно, миледи.

– Верно, Франклин, но следует уважать последнюю волю лорда Данстона, – ответила Арабелла, испытывая огромное облегчение. Конечно, Фредерик не высказывал такой просьбы, но она решила, что не станет опровергать столь удобную для нее версию герцога.

Франклин все же, казалось, не был убежден, и теперь его взор обратился к герцогу, но, что бы он ни собирался сказать, дворецкий не рискнул выразиться вслух, а вместо этого только отдал поклон.

– Добро пожаловать в Лэйси-Корт, ваша светлость, – сказал он деревянным тоном.

– Благодарю, Франклин, – ответил Джек и мягко добавил: – Уверяю вас, что, находясь здесь, я буду руководствоваться законом и никто в этом доме может не опасаться за свое будущее. Пожалуйста, сообщите об этом слугам и разъясните им положение дел.

Франклин снова поклонился, не скрывая облегчения.

– Миссис Эллиот и я будем ждать вас в три часа, ваша светлость.

Джек кивнул и начал подниматься по лестнице вслед за Арабеллой. Он ободряюще обнял ее за талию, и все в ней возмутилось этим фамильярным прикосновением. Что он делает? И о чем думает? Ее снова одолели сомнения, и она

почти бегом поднялась по ступенькам на площадку. Он не спеша следовал за ней, в то время как она торопливо шла по коридору, ведущему в восточное крыло дома.

– Комнаты Фредерика здесь, ваша светлость. – Она открыла двустворчатые двери в конце коридора и сделала шаг назад. – Надеюсь, что вам будет удобно.

– После вас, – сказал герцог, учтиво кланяясь, и ей пришлось войти в комнату.

– Думаю, что вы сами найдете дорогу в спальню, – сказала она и тотчас же пожалела, что не выразила это иначе. – Если вам что-нибудь понадобится, возле камина есть колокольчик. Я пришлю вашего слугу с вещами.

– Скажите, – обратился он к ней непринужденно, входя в спальню, – леди Эслоп и ей подобные поверят предсмертной просьбе вашего брата и примут ее?

Арабелла осталась стоять в двери. Эта тема показалась ей вполне безопасной. К тому же она находилась на почтительном расстоянии от него, и теперь сердце ее билось ровно.

– Нет, – ответила она, – но ей будет нечего делать, кроме как сплетничать, разъезжая по соседям.

Он улыбнулся ей с некоторым злорадством:

– Но ведь мы желаем вызвать небольшую бурю в этом болоте? Разве не так?

– Я не хочу, чтобы сплетни следовали за мной в Корнуолл, – заявила Арабелла, не позволив себе ответить на его заговорщическую улыбку, потому что в ней крепло убежде-

ние, что обаятельные манеры герцога не более чем маска. Он был также опасен, как висевшая на его поясе рапира. И она решила противостоять этим чарам всеми силами и отвергнуть его неподобающую фамильярность.

– Корнуолл? – спросил он удивленно.

– Там живут родственники моей матери, – ответила она отрешенно. – Я отправлюсь к ним, как только улажу дела.

– Довольно унылая перспектива, – заметил он, прогуливаясь по комнате. – Вы не предпочли бы остаться в Лондоне? Там столько развлечений, достаточно, чтобы занять воображение.

– Едва ли мне по карману жить в Лондоне, – заметила Арабелла. – Особенно теперь.

– В качестве моей жены вы могли бы жить где угодно и выбрать такой образ жизни, какой вам понравится.

– Благодарю вас, но думаю, что мне больше подойдет Корнуолл, – заявила Арабелла. – Климат там лучше для орхидей.

– Вы могли бы завести оранжерею и в Лондоне, – возразил он, прерывая созерцание сада, которым любовался из окна.

Но в двери уже никого не было. Он пожал плечами и поджал губы.

Джек не рассчитывал на такое сопротивление со стороны сестры Фредерика. У него были все основания предполагать, что она запрыгает от радости и бросится ему на шею, вне зависимости оттого, понравится ей его предложение или нет. Разве у нее был выбор? Много ли найдется женщин, а осо-

бенно таких, как эта старая дева без гроша за душой, кто откажется от предложения герцога, одного из богатейших людей в стране? Корнуолл! Курам на смех! Его губы изогнулись в презрительной усмешке. Похоронить себя заживо! Лондон, его Лондон был бы прекрасной и самой подходящей оправой для такой необычной женщины. Именно там ее острый ум и своеобразная внешность могли бы обрести новый блеск и ярко засверкать.

Да о чем он, черт возьми, думает? Он покачал головой, не веря самому себе. Видеть Арабеллу Лэйси в обществе – было последним, о чем он мог подумать. Получить ее в жены – всего лишь средство закончить начатое дело, последний этап задуманной мести! Он был готов жениться на скучной, бесцветной старой деве, которая не стала бы путаться у него под ногами и жила в имении в Кенте, потому что это устраивало бы ее мужа, и беспрекословно стала бы исполнять свой супружеский долг, когда пожелает он, и, если повезет, родила бы в положенный срок ему наследника. Разумеется, в его планы вовсе не входило доставлять ей наслаждение, как он не ожидал, что получит удовольствие от общения с ней, если не считать удовлетворения от сознания того, что он отнял у Фредерика Лэйси последнее из того, что ему принадлежало.

Так какого черта он предложил ей что-то еще, кроме брака? Зачем ему понадобилось завлекать ее, хотя он знал, что скоро она увидит, что у нее нет выбора? Ей придется принять его предложение.

В комнате было жарко, и он распахнул окно, потом высвободил плечи из своего черного бархатного сюртука и распустил отделанный кружевами галстук прежде, чем отстегнуть пояс. Осторожно положил рапиру, вложенную в ножны, на подоконник и, выглянув в окно, увидел фруктовый сад, доходивший до горизонта и терявшийся вдали. Это графство называли садом Англии, и, вне всякого сомнения, земли здесь были плодородными, деревья ломались от плодов, а поля за садами зеленели и отливали золотом от созревающих злаков.

Шарлотта любила деревенскую жизнь... и предпочитала ее городской. Пологие холмы Бургундии соответствовали ее непритязательному вкусу и мягкому характеру, но ее муж граф де Вильфранш ценил свое положение при дворе Людовика XVI, и Шарлотте волей-неволей приходилось оставаться среди приближенных королевы Марии Антуанетты.

Вильфранш проехал в одной телеге с герцогом Орлеанским, когда для него настало время встречи с мадам Гильотиной, а Фредерик Лэйси принял меры, чтобы Шарлотта последовала на смерть за своим мужем.

Джек бросился на кровать, подложив сцепленные руки под голову. Когда на него накатывали воспоминания и ярость, он знал, что не следует им противиться, а иначе это мрачное настроение начинало душить его, и он уже был не в состоянии ясно мыслить и целесообразно действовать. Он закрыл глаза и позволил картинам того жаркого дня заполнить его сознание, пока вновь переживал все это, питая свою

мстительность и укрепляя решимость.

Плебс жаждал крови, чернь толпилась вокруг телег, пока они гроыхали по булыжной мостовой к гильотине на площади Бастилии. Теперь от старой тюрьмы оставалась только груда мусора, и ревушая толпа лезла на нее, чтобы лучше видеть казнь. Ровный звук, который производило падающее лезвие, тошнотворный глухой шум, когда нож перерубал кость, мягкий стук, когда отрубленная голова падала в подставленную корзину, могли слышать только те, кто стоял близко к залитому кровью помосту.

Джек был одет в простое платье санкюлота, к его колпаку была приколата трехцветная кокарда. Он пробивался сквозь толпу подальше от гильотины, к краю площади. На него не обращали внимания, и никто не знал, что этот санкюлот-англичанин ежедневно приходил к гильотине, чтобы видеть гибель друзей и знакомых и доставить списки погибших их родственникам и близким в Англию, где отчаянно ожидали вестей. Его невозможно было отличить от других, когда он вот так протискивался сквозь давку, удаляясь от смрада разложения и крови. Добравшись до места, где толпа поредела, он перевел дух. Воздух казался сгустившимся от испарений человеческих тел, лука, винного перегара. Джек не мог больше выносить запаха крови.

Его взгляд упал на трех представителей народной полиции, стоявших близко друг к другу, будто связанных в один узел, на углу площади, а также на человека рядом с ними,

одетого по последней моде. Однако костюм его был помят и запачкан, парик съехал набок, кружева на манжетах порваны, пышный галстук сорван с шеи. И понятно было почему. Один из членов народной полиции держал в руке булавку с изумрудом и, как и его товарищи, смеялся, проталкивая пленника к помосту с гильотиной.

Джек с минуту наблюдал эту сцену с бесстрастным лицом, но держа руку на эфесе короткой шпаги, которую постоянно скрывал в складках своего обшарпанного жилета. Узник был англичанином, а иностранцы не были обычной мишенью народной полиции. Но большинство англичан в Париже в эти отчаянные времена вели себя скромно, стараясь держаться подальше от улиц и не привлекать к себе внимания. Они не выставляли напоказ свои изумруды, шелка и кружева. Только дурак или чванливый глупец стал бы испытывать судьбу и подвергать себя опасности. А Фредерик Лэйси, граф Данстон, всегда был высокомерным болваном, и чем бы он ни занимался здесь, в Париже, это не могло привести ни к чему хорошему.

Если бы Джек поспешил ему на помощь, он бы всего лишь умер с ним за компанию. Сейчас он думал об этом холодно и отстраненно, хотя едва ли было подвигом добродетели увеличить количество смертей вдвое. Он сделал шаг к этой группе людей, а арестант, обводя площадь безумными глазами, натолкнулся взглядом прямо на него. Джек понял, что тот его узнал. В этом нет ничего удивительного, подумал

Джек. Человек всегда узнает другого, как бы тот ни был замаскирован, если однажды тот чуть не убил его.

Данстон рванулся из рук своих тюремщиков и принялся что-то быстро им говорить, лихорадочно размахивая руками. Казалось, ему удалось привлечь их внимание, потому что они приостановили свое продвижение к гильотине и принялись задавать ему вопросы. Потом, все еще крепко удерживая его за локти, повернулись и направились вместе с ним в сторону от площади.

Джек незаметно нырнул в близлежащий переулок. Что бы ни сказал Данстон, это обеспечило ему передышку и отсрочку казни, а у Джека еще были дела в городе.

С наступлением темноты он вернулся в Марэ, на узкую улочку, где держал свою лавочку виноторговец. Дверь была заперта на засов, окна защищены ставнями. С минуту Джек постоял, глядя на фасад дома. Сердце его сжала холодная рука страха. Потом его взгляд обратился к крошечному чердачному оконцу. Оно тоже было закрыто ставнями. На противоположной стороне улочки, открываясь, хлопнула дверь. Он обернулся. Там стояла женщина, одетая в черно-ржавое вдовье платье, и смотрела на него. Он медленно подошел к ней, и она скользнула в дом сквозь узкую дверь. Джек последовал за ней в тесный коридор.

– Madame, qu'est-ce qui se passe?¹

Она принялась ломать свои узловатые пальцы, рассказы-

---

¹ Мадам, что случилось? (фр.)

вая ему о том, что агенты народной полиции, придя в лавку виноторговца в сопровождении какого-то мужчины, забрали с собой всех, включая и женщину.

Джек открыл глаза. Страшные образы стали меркнуть в его памяти, и столь отчетливый запах крови, который он живо ощущал минуту назад, начал рассеиваться. Но он все еще испытывал ледяной ужас, сжавший его сердце когтями, пока смотрел на закрытое ставнями окно чердака в Марэ.

Он был так близок к тому, чтобы увезти Шарлотту из Парижа! Ему не хватило всего двух дней до прибытия корнуэльского рыбацкого суденышка к диким скалистым берегам Бретани. Все было готово для их бегства из Парижа. Оставалось только немного подождать.

А пока они ждали, было безопаснее находиться в центре этого змеиного гнезда и скрываться на чердаке над лавкой виноторговца в самом сердце Марэ, одетым как гражданин и гражданка Франции, добропорядочные и благонамеренные санкюлоты, активные участники народной революции, так же, как и все остальные, жаждавшие плясать вокруг телег с обреченными на казнь, смешавшись с плебсом, осыпавшим насмешками аристократов, которых везли со связанными за спиной руками, женщин – в нижних сорочках, мужчин – в расстегнутых рубашках, открывавших шею для более удобного доступа ножа гильотины.

И вот в этот последний день их ожидания, в то время как Джек собирал сведения о личностях узников Шатле, народ-

ная полиция нагрянула в лавку виноторговца. Они знали, за кем пришли и где ее найти. Когда Джек вернулся, Шарлотта исчезла. Он проследил за ней до тюрьмы Ля Форс, но в ту же самую ночь узников казнили. Двор при здании суда был завален изуродованными трупами, телами изнасилованных и убитых женщин, залит кровью.

Джек пытался отогнать осаждавшие его картины, выжженные навсегда в памяти. Он лихорадочно искал труп Шарлотты, отчаянно звал ее по имени, пока какая-то старая карга, одна из «вязальщиц»², наслаждавшихся видом резни, не рассказала ему с нескрываемым восторгом о женщине с удивительной белоснежной прядью в темных волосах, которую поволокли из тюрьмы под угрозой ножей ее тюремщиков.

Джек готов был убить эту ведьму собственным ножом, если бы друзья с риском для собственной жизни не оттащили его прочь. Он почти не помнил подробностей своего бегства из Парижа через всю страну, путешествия на рыбацкой лодке, доставившей его к берегам Корнуолла. Но он знал, кто выдал Шарлотту. Фредерик Лэйси, который спас собственную шкуру ценой жизни Шарлотты и заодно отомстил Джеку за давнее оскорбление.

Но Лэйси теперь сполна заплатил за это. Все, что прежде принадлежало ему, перешло к его врагу, за одним исключе-

---

² «Вязальщицы» – народные мстительницы во время Великой французской революции, не выпускавшие из рук вязанья, даже присутствия на казнях.

нием. Лэйси забрал жизнь Шарлотты и лишил Джека любимой сестры. Джек был намерен завладеть сестрой Лэйси и рассчитывал, что она принесет ему наследника и тем самым он довершит истребление ее брата. И Фредерик Лэйси будет поджариваться на вертеле в аду, но адское пламя и ярость будут ничто по сравнению с сознанием его полного уничтожения от руки человека, которого он ненавидел большую часть своего жалкого существования на земле.

Как и всегда, мысль об этом принесла Джеку злобное удовлетворение. Арабелла Лэйси оказалась совсем не такой, какой он ее представлял, но как он мог догадаться, что затворница, деревенщина и старая дева окажется такой отважной и уверенной в себе? Столь боевой и задиристой? Впрочем, ему это было все равно. Он знал, что так или иначе женится на ней.

Джек был терпеливым человеком, если это согласовывалось с его планами.

ГЛАВА 3

– Таково положение дел, – закончила Арабелла свою речь, обращаясь к дворецкому и экономке и улыбаясь им, как она надеялась, ободряюще.

– Прошу прощения, миледи, но мне кажется, это неправильно. Я никак не могу взять ничего в толк, – сказала миссис Эллиот. – Это так внезапно... я имею в виду потерять его лордство и все остальное. Я хочу сказать, что ведь он был совсем молодым человеком. – Она шмыгнула носом. – Конечно, учитывая его образ жизни... Впрочем, не мне об этом судить.

Она бросила многозначительный взгляд на Франклина, и тот кивнул.

Арабелла решила оставить это замечание без внимания. Насильственная и безвременная смерть ее брата станет главной темой сплетен и домыслов среди слуг в течение будущих недель, а возможно, и месяцев.

Она решительно повернула разговор в другое русло:

– Его светлость сказал, что не будет никаких серьезных перемен в ведении хозяйства. Поэтому никто не должен опасаться потерять место.

– Но перемены все-таки будут, мадам, – заявила миссис Эллиот, вытирая руки о до хруста накрахмаленный передник. – Это ясно без слов.

Арабелла вздохнула:

– Да, уверена, что будут, но меня бы удивило, если бы оказалось, что герцог станет много времени проводить в деревне. Подозреваю, что Лондон больше соответствует его вкусам. Вероятнее всего, вы редко будете его видеть.

– Да, он прекрасный джентльмен... – сказала домохозяйка. – Почти такой же, как этот его лакей. – Она снова шмыгнула носом. – Он доставит много хлопот и неприятностей с такими утонченными вкусами и привередливостью. Не знаю, как я все это выдержу. Верно, мистер Франклин?

– Точно, миссис Эллиот, – мрачно согласился дворецкий. – Уж верно говорится про новую метлу...

Арабелла подавила вздох. Она всегда поощряла легкие, доверительные отношения со слугами, к большому недовольству брата, но это соответствовало ее характеру. Однако у нее не было настроения слушать сейчас их причитания. Ей хватало и собственных забот.

– Надеюсь, в конце концов все уладится, – сказала она. – И, как я уже говорила, не думаю, что его светлость надолго останется здесь, и уверена, что он заберет с собой своих слуг, когда соберется в город.

– Но как насчет вас, миледи? – спросила экономка. – Куда отправитесь вы?

– Пока еще не знаю точно, – ответила Арабелла. – Думаю поехать к родственникам в Корнуолл. Но потребует некоторое время, чтобы все подготовить к отъезду, а герцог лю-

безно предложил мне оставаться здесь, до тех пор пока я не улажу свои дела.

Миссис Эллиот покачала головой:

– Мне это не кажется правильным, миледи, если позволите высказаться. Для незамужней леди это... – Она снова покачала головой. – Не понимаю, о чем думал лорд Данстон... как он не оставил распоряжений на этот счет...

Она смутилась и умолкла, и фраза ее повисла незаконченной. Она не имела права обсуждать действия своих хозяев.

Арабелла не ответила на это замечание. Она только сказала отрывисто:

– Герцог и я будем вести каждый свою жизнь. Я останусь в своих комнатах в моем крыле дома. Вы, конечно, будете накрывать на стол для его светлости в столовой, я же стану питаться в своей гостиной. Отныне вы будете принимать все распоряжения от его светлости и докладывать лично ему как хозяину дома обо всех визитерах. Он сам вам все объяснит. О, если только речь не будет идти о моих друзьях, – добавила она. – Если, например, меня навестит мисс Баррет, то в этом случае, Франклин, не стоит тревожить герцога.

– Разумеется, мадам, – поклонился Франклин, всем своим видом показывая, что не следует ему напоминать о таких очевидных вещах.

Арабелла встала.

– Если есть еще вопросы...

– Не думаю, мадам, что есть, – ответил дворецкий, снова

отвешивая поклон.

Домоправительница присела в реверансе, и оба они направились к двери, вышли и закрыли ее за собой.

Хорошо, что с этим покончено, подумала Арабелла с облегчением. Она старалась выглядеть деловитой и равнодушной. И ей это удалось, но легко было представить переполох внизу из-за столь внезапной смены хозяев. Да и арендаторы тоже, должно быть, всполошились. Все в имении зависело от щедрости и благородства владельца Лэйси-Корт. Разница в характерах владельцев могла сделать их жизнь несносной и даже невозможной. Фредерик не уделял внимания ведению хозяйства и не интересовался благосостоянием слуг и фермеров, да и ничем, что так или иначе было связано с имением, кроме поступавшего от него дохода. Но Питер Бэйли был очень способным управляющим, и Арабелла присматривала за тем, чтобы все шло как полагается. Она могла только надеяться на то, что Джек Фортескью оценит Питера и оставит его в должности. Но он мог бы предпочесть и своего человека на столь важном месте.

От одной этой мысли у нее разболелась голова. Ей показалось, что этот день длится шестьдесят часов. Она присела за дубовый письменный стол и придвинула к себе пачку бумаг. Как начать письмо с просьбой к едва знакомым родственникам? Тем более если она не о чем-нибудь столь безобидном, как небольшая ссуда или право провести одну ночь под их кровом? Клянчить о предоставлении постоянного приюта

казалось ей чудовищным.

Она окунула перо в чернильницу и стала писать. Вымарала первую строчку и начала заново. Борис и Оскар разлеглись между столом и дверью гостиной. Обычно в это время дня Арабелла отправлялась на верховую прогулку, и собаки освобождались от накопившейся энергии, стараясь поспеть за ее лошадью...

А как же насчет Ренегата, ее коня? Он все еще принадлежит ей или теперь уже Джеку Фортескью? Она замерла, не закончив строчки. Ренегат родился в имении и потому формально стал его собственностью. Строго говоря, он ей не принадлежал. Это было чем-то вроде ссуды... и продолжалось в течение пяти лет.

Арабелла уронила перо на бумагу, разбрызгав чернила. Что же еще не принадлежало ей? Одежда?.. Да нет же, конечно, одежда эта была ее. Но ведь она была куплена на доходы от имения. И все же эта мысль показалась ей абсурдной. Собаки заскулили, и она прикрикнула на них с несвойственным ей нетерпением. Уж они-то принадлежали ей. Они были подарены ей в день рождения сэром Марком Барретом. И были его гордостью, так как происходили от помета, принесенного его обожаемой Ред Леди.

Несколько драгоценностей тоже были ее личным имуществом. Было несколько вещей ее матери и жемчужный гарнитур, подаренный ей отцом по случаю, когда ее представили ко двору... Он назвал это расточительством, поскольку

она вернулась домой, не обретя поклонника. Но подарка не отобрал. Арабелла подумала, что юридически и их можно счесть имуществом, приобретенным на прибыли от имения. Конечно, у нее было крошечное состояние, перешедшее от матери. Этими деньгами она смогла бы оплачивать свое содержание, но оно не помогло бы ей жить независимо.

О, это было невозможно! У нее закружилась голова, потому что она почувствовала, что в комнате вдруг стало невыносимо жарко. Она вскочила с места:

– Отлично, мы покатаемся верхом.

Два пушистых хвоста завияли, показывая неподдельную радость их хозяев. Арабелла прошла мимо них в спальню, сбрасывая по дороге домашнее платье. Надеть бриджи и амазонку из практичного тонкого зеленого сукна было минутным делом. Она взяла жилет такого же цвета и из такой же ткани, потом бросила его на кровать. Быстро заправила свою простую белую льняную юбку под широкий пояс амазонки. Погода была слишком жаркой для того, чтобы обременять себя жилетом или плащом. Она ведь не собиралась показываться в этом наряде в обществе. Она не выедет за границы имения. Арабелла присела, чтобы натянуть сапоги. Собаки волновались и шумно дышали, дожидаясь ее у двери. Она схватила перчатки и хлыст, взяла было шляпу, потом» и ее бросила на кровать. Ей надо почувствовать, как ветер развеивает волосы.

– Идемте, мальчики.

Арабелла открыла дверь, и собаки запрыгали вниз по лестнице, опережая ее. Было уже почти три часа, и герцог, должно быть, совещался в библиотеке с Франклином и миссис Эллиот. Ей бы ни за что не хотелось столкнуться с ним. Поэтому она предпочла спуститься по черной лестнице и выйти из дома через кухню и подсобные помещения.

– Сегодня Ренегат несколько вялый, миледи, – сообщил ей грум, как только она вошла на задний двор, где располагалась конюшня. – Думаю, это от жары. Нас всех от нее клонит ко сну.

Арабелла с улыбкой кивнула ему, соглашаясь, и присела на перевернутую бочку для сбора дождевой воды подождать, пока оседлают ее лошадь.

– Нынче утром пришел здоровый малый, – непринужденно заметил грум, выведивший ее лошадь из конюшни, – и привел сюда четырех первоклассных упряжных лошадей.

Он застенчиво бросил на хозяйку вопросительный взгляд, потом положил седло на спину Ренегата.

– Думаю, у его светлости герцога Сент-Джулза все самое лучшее, – сказала Арабелла с холодным кивком. – Полагаю, он отличный ценитель лошадей.

– Ну уж кто-то точно ценитель, – заявил грум. – Вы только взгляните на них, миледи. Мерин в четвертом деннике, а остальные в конце второго ряда.

Арабелла соскользнула с бочонка и направилась к конюшне, притворяясь едва заинтересованной во вновь прибывших

лошадях, что было далеко от истины. Норовистый гнедой был великолепным животным, но требовались крепкие руки, чтобы его удержать, и еще более сильные, чтобы управлять им. Она представила узкие изящные руки герцога и испытала смятение, осознав, что заметила форму его рук. Оказалось даже, что она запомнила каждую мелочь в его внешности, от наманикюренных ногтей до бледной гладкой кожи на тыльной стороне рук, туго натянутой на суставы, до узких запястий, выступающих из пены кружевных манжет. Но стройность не означала слабости. Она легко могла представить их упругую силу, мощь человека, умеющего владеть рапирой и знающего, когда и как ее применить.

Напомнив себе, что не стоит воображать всякие нелепости, она отвернулась от денника и вышла из конюшни на солнечный свет. Ренегат, завидев ее, тряхнул головой, а Борис и Оскар принялись носиться по мощенному булыжником двору все расширяющимися кругами. Грум подвел лошадь к колоде, с которой Арабелла легко взлетела в седло. Она наклонилась вперед, чтобы похлопать животное по холке.

– Ну же, просыпайся, Ренегат.

Он всхрапнул и снова мотнул головой, потом неспешно и расслабленно двинулся со двора.

Арабелла направила коня в овраг, а потом к берегу реки. Она расслабилась, приспособившись к его ровному ходу, наслаждаясь живительным дуновением ветра, который овеивал ее лицо, прояснял мысли и даже каким-то образом помогал

разобраться в путанице обрушившихся на нее проблем.

Возможно, в Корнуолле, на земле ее родственников, коттедж все еще пустует. Он, конечно, невелик, всего-то домик из двух комнат, но ей вполне подойдет. Ее средств хватит на самую скромную жизнь. Овощи она сможет выращивать сама. У нее будет садик, возможно, пара фруктовых деревьев. Она сможет обменивать свои плоды на мясо и муку... Ей вовсе не придется существовать на подаяние. Есть способ свести концы с концами, если только она найдет кров. И если она сможет транспортировать свои орхидеи, то будет их выращивать и продавать, как делает это теперь. Сейчас это было для нее всего лишь хобби, но со временем может стать хорошим заработком.

Когда Арабелла повернула Ренегата к дому, она была полна покоя и умиротворения, словно вопрос о ее будущем был благополучно решен. Собаки вразвалку трусили вровень с лошадьё, истощив свою неумемную буйную энергию. Они рысцой направились к конюшне, и Арабелла еле слышно выбранилась: герцог и Питер Бэйли стояли посреди двора, погруженные, как ей показалось, в серьезный разговор.

Оба они обернулись, когда она въезжала во двор. Питер Бэйли сорвал с головы шляпу. Она заметила, что его доброе умное лицо выразило глубокое огорчение. Он направился к ней.

– Леди Арабелла, я так потрясен вестью о смерти графа. Разговаривая с ней, он держал руку на уздечке. Она кив-

нула и приветствовала его бледной улыбкой:

– Да, это было так неожиданно, Питер. Герцог разъяснил вам все обстоятельства?

– Да, в основном разъяснил, мадам. – Лицо Питера еще больше омрачилось, а голос он понизил так, что тот звучал чуть громче шепота. – Странная ситуация с землями и состоянием Данстона, если мне будет позволено высказать свое мнение.

Арабелла снова кивнула:

– Не понимаю, как это произошло, но, как вы знаете, мой брат был сам себе голова и закон и имел полное право распоряжаться своим имуществом, как ему заблагорассудится.

В ответ на это Питер удовольствовался полупоклоном, соглашаясь с ней. Говорить о покойнике дурно не принято, но, как и все остальные обитатели имения, Питер не питал никаких иллюзий в отношении характера Фредерика Лэйси и обстоятельств смерти графа, о которых ему поведал герцог. И изменить было ничего нельзя.

Джек скромно выжидал с минуту или две, не желая потревожить этих двоих, переговаривавшихся шепотом. Он подумал, что никогда прежде не встречал достойной женщины из общества, которая бы столь мало заботилась о своей внешности. На ней не было ни плаща, ни шляпы, волосы ее были растрепаны и спутаны, после того как над ними порезвился ветер. На носу у нее была пыль, лоб покрыт испариной. Леди Арабелла выглядела вполне уместно на конюшне и вполне

могла сойти за дочь фермера, возвратившуюся после целого дня работы в поле на уборке сена. Он подумал о Лили, своей прекрасной и элегантной любовнице, у которой из прически никогда не выбивалось ни единого волоска даже в пароксизме страсти. По неизвестной причине эта непохожесть вызвала у него невольную улыбку.

Кашлянув, чтобы предупредить их о своем приближении, он направился к ним через двор.

– Я думал, мадам, что вы слишком заняты нынче днем для верховой прогулки, – сказал он с холодноватой улыбкой.

Он оглядел ее, и на мгновение взгляд его задержался на ее высокой груди, обтянутой легкой тканью. Это создавало интересный контраст с тонкой талией и широкими бедрами под зеленой амазонкой.

– Дать возможность погулять собакам – одно из моих дел, – ответила Арабелла, испытывая смущение и неловкость под этим быстрым оценивающим взглядом, и подумала, что зря не надела плаща или хотя бы шляпы. Вероятно, она выглядела как цыганка, такая же взлохмаченная и потная, как утром в оранжерее, герцог же снова был одет безупречно, и это выводило ее из себя. Она могла с уверенностью сказать, что он сменил рубашку со времени их последней встречи.

Он положил руку на теплую шею ее лошади, погладив ее мягкий, бархатистый нос.

– А в компании это сделать невозможно, – задумчиво про-

говорил он, и в этой фразе была только тень вопроса.

– Скорость, с какой я скачу, когда выгуливаю собак, не располагает к беседе, ваша светлость, – заявила Арабелла и сжала коленями бока Ренегата, понуждая его приблизиться к колоде, предназначенной для того, чтобы садиться на лошадь и спешиваться.

Чем скорее она закончит этот неприятный разговор, тем лучше – она и так оказалась в невыигрышном положении.

Джек пошел рядом.

– Красивый мерин, – похвалил он. – Да.

Арабелла спрыгнула с седла на колоду и отвернулась от герцога:

– Питер, если вы сможете прийти в дом, после того как закончите дела с его светлостью, я буду рада кое-что обсудить с вами.

– Сделаю это с радостью, мадам. – Питер отвесил поклон.

Арабелла бегло улыбнулась ему в знак признательности, передала поводья груму, свистнула собакам и покинула двор, едва удостоив взглядом Джека Фортескью.

Джек смотрел ей вслед, поглаживая подбородок и любуясь тем, как покачиваются ее бедра, когда она удаляется быстрым и деловитым шагом. Потом тряхнул головой, будто отказавшись от мысли разрешить загадку.

Питер прервал тягостное молчание, осторожно заметив:

– Арендаторы обожают леди Арабеллу. Эта новость потрясет их. Она знает их всех по именам, также как и их де-

тей. Им известно, что они могут обратиться к ней в случае несчастья и она поможет деньгами, едой или отложит выплату арендной платы. Что они будут делать без нее?

Джек промолчал.

После краткой паузы Питер продолжал:

– Когда стало ясно, что леди Арабелла не собирается вступить в брак юной, я попытался убедить ее отца выделить ей часть земли и капитала на всякий случай, ну вот такой, как этот. Конечно, он думал, что лорд Фредерик позаботится о сестре, когда вступит в права наследства.

– А он этого не сделал.

Питер покачал головой:

– Я пытался убедить его создать траст на ее имя, но... – Его фраза снова осталась незаконченной, пока наконец он не собрался с духом и не решился высказаться более прямолинейно: – Видите ли, милорд герцог, графа и леди Арабеллу не связывали особенно нежные чувства.

– Понимаю.

Джек слегка наклонил голову, показывая, что это его не слишком удивило. Теперь, когда он познакомился с сестрой Фредерика, он понял, что трудно себе представить более непохожих людей, чем брат и сестра.

Питер откашлялся и продолжал:

– Лорд Фредерик очень мало принимал участия в ведении хозяйства в имении. Если вы меня извините, ваша светлость, то это просто преступление, что тот член семьи, кто всегда

пекся о благополучии арендаторов и заботился о хозяйстве в усадьбе, оказался ни с чем. – Он посмотрел на герцога с отвагой и беспокойством одновременно, будто хотел бросить ему вызов. – Прошу прощения, что я высказываюсь так прямо, сэр.

– Разумеется, – ответил Джек. – Но должен вам сказать, что если эта речь рассчитана на то, что я устыжусь и устрою дела леди Арабеллы, то вы обратились не по адресу.

Предложить даме приемлемую альтернативу в противовес браку с ним никак не соответствовало его цели.

Питер отшатнулся от него, услышав такое заявление, произнесенное будничным и холодным тоном. И подумал, что этот новый хозяин нравится ему еще меньше прежнего. Уж граф по крайней мере имел неоспоримое право на свою землю и имущество.

– Однако вы скоро убедитесь, что я вовсе не равнодушен к судьбе своих арендаторов и ценю благоустройство имения, – продолжал герцог. – Я верю, что вы окажете мне честь сохранить свое место здесь.

Он бросил взгляд искоса на собеседника и с некоторым смущением заметил ледяное выражение его лица. Должно быть, леди Арабелла была ему дорога.

– Я останусь здесь так долго, как вы пожелаете, ваша светлость, – ответил Питер смущенно.

– Благодарю вас. – Герцог улыбнулся, и у управляющего возникло странное чувство, будто рядом с ним находится со-

вершенно другой человек. – Вы можете не сомневаться, что я не желаю зла леди Арабелле. Я вовсе не собираюсь выгнать ее из дома, пока она не решит, что хочет его покинуть.

Питер слегка оттаял:

– Тогда вы можете остановиться в местной гостинице. Она вполне приличная.

Джек покачал головой:

– Нет, я останусь в Лэйси-Корт. Управляющий с изумлением воззрился на него:

– Но... но... ваша светлость, это неприлично.

– Леди Арабелла считает, что прилично, – ответил Джек мягко. – Ведь в конце концов я замещаю ее брата. – И он тотчас же заговорил о другом: – А теперь расскажите мне, если возможно, о здешних условиях и системе хозяйства.

Джек вернулся в дом вскоре после пяти часов пополудни. Питер расстался с ним чуть раньше, якобы для того, чтобы встретиться и поговорить с Арабеллой, и герцог продолжил прогулку по своим владениям в одиночку. Куда бы он ни бросил взгляд, он видел результаты кропотливого труда и разумного хозяйствования. Сады, в изобилии украшенные цветами, были прекрасны и являли собой свидетельство умелого и тщательного ухода, а ферма процветала. Там был пруд со множеством уток, курятнике огромным количеством кур, голуби на голубятне и пчелы в ульях. Фруктовые деревья ломились под тяжестью плодов, сено на полях подготовлено к тому, чтобы его сложили в скирды. Коровы в стойлах опове-

щали мычанием о том, что близится час вечерней дойки.

Он чувствовал, что о нем судачат, пока прогуливался по вновь обретенным землям. Коровницы перестали сбивать масло, как только он вошел в прохладное помещение молочной фермы, но краснощекая женщина, снимавшая сливки с молока, прикрикнула на них, и они вернулись к своей работе. Девушка, которая помогала на кухне, а сейчас собирала в огороде бобы, выпрямилась и с раскрытым ртом вытаращилась на элегантного гостя. Джек коротко кивнул ей. Она отчаянно покраснела.

Если верить Питеру Бэйли, то все шло в имении гладко только благодаря усилиям Арабеллы. Джек отлично знал: если хозяйство налажено и обходится без постоянного строгого надзора, несомненно, это происходит благодаря тому, что кто-то берет на себя ответственность за порядок. Ясно, что Питер Бэйли – хороший управляющий, но он был наемным работником, а Лэйси-Корт со всеми своими сельскохозяйственными достижениями обнаруживал участие кого-то, лично заинтересованного в процветании имения и эмоционально с ним связанного.

Конечно, любовь Арабеллы к своему дому делает ее более сговорчивой и заставит принять любое предложение, которое даст ей возможность сохранить его. Как бы то ни было, он сознавал, что это потребует от него дополнительных усилий, ему придется натянуть новую тетиву в своем луке, и с этой мыслью он направился к дому и обеду. Он был отчаянно

голоден, потому что с момента завтрака на рассвете не держал во рту ни крошки. И смутно припоминал, что Арабелла, кажется, в полдень предлагала ему перекусить, когда еще думала, что он вернется в Лондон, но, поскольку их беседа в этот момент стала особенно волнующей, вопрос о еде отпал как-то сам собой. Он не спросил, в котором часу садится обедать хозяйка дома. В Лондоне он обычно обедал около шести, но догадывался, что в деревне, вероятно, соблюдается другое расписание. Значит, он заставил Арабеллу ждать.

Он поспешил под сень прохладного холла. Откуда ни возьмись появился Франклин, должно быть, услышавший шаги герцога. Он церемонно поклонился и спросил:

– В котором часу ваша светлость желает отобедать?

Джек ответил ему дружеской улыбкой, надеясь пробиться сквозь холодную учтивость дворецкого.

– Как только переоденусь и смою с себя грязь, Франклин. Это не займет более пятнадцати минут.

Франклин, не откликнувшись на улыбку, только снова отвесил поклон:

– Очень хорошо, ваша светлость. Обед будет подан в столовой через четверть часа.

Он повернулся и растворился в тени.

Джек пожал плечами и стал подниматься по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Обычно он не задумывался над вопросом о том, любят его слуги или нет. Для него это не имело никакого значения, если они выполняли работу, за ко-

торуЮ получали деньги, но сейчас ситуация была особенной. Эти люди не добивались, чтобы он взял их на службу. Они готовы были сохранить место здесь в силу обстоятельств, но Джек предпочел бы, чтобы слуги остались по доброй воле, а не потому, что им некуда идти.

Лакей ждал его в просторных комнатах, принадлежавших прежде графу Данстону.

– Думаю, подойдет бирюзовый бархат, ваша светлость. В сочетании с золототканым жилетом.

Он указал щеткой для одежды на сюртук, отделанный по краю золотым кружевом, который в этот момент чистил.

– Да, это будет прекрасно, – ответил Джек, движением плеч освобождаясь от костюма для верховой езды.

Он разделся до нижнего белья и умылся, постаравшись удалить влажной губкой пыль, смешанную с потом. Он рассчитывал провести приятный дружеский вечер в обществе леди Арабеллы, а если бы ей пришлось слишком долго дожидаться его за столом, начало их дружбы было бы испорчено.

Десятью минутами позже он стоял перед зеркалом в человеческий рост и оправлял пену кружев у шеи. Он, как обычно, не стал пудрить волосы, но это было его единственным отступлением от строгих правил моды, предписывавших определенный вечерний туалет. Он подумал, как оденется к обеду Арабелла. Она выглядела опрятно в своем утреннем яблочно-зеленом платье. Что же вообще касалось ее туалетов, то ее одежду в лучшем случае можно было бы

назвать небрежной. Но к обеду она, вероятно, оденется тщательнее.

Он заколол кружева воротника булавкой с алмазом, размышляя с загадочной улыбкой, что хотел бы сам позаботиться о ее гардеробе. Необычные краски и фигура Юноны принадлежали к ее достоинствам, и ей бы подошел новый и даже вызывающий стиль в одежде. Он подумал, что знает с полдюжины модисток, которые перерезали бы друг другу глотки, оспаривая право одевать герцогиню Сент-Джулз.

– Вас что-то позабавило, ваша светлость? – спросил лакей, подавая ему серебряную табакерку, украшенную чеканкой.

– Ничего, Луи, – сказал герцог, опуская табакерку в карман сюртука.

Непонятно, почему он думал о возможной женитьбе с удовольствием, в то время как считал ее всего лишь правильным и разумным устройством дел? Он нахмурился, веселье покинуло его, и с мрачным видом герцог направился к двери.

– Кстати, – обратился он к лакею, – вас удобно устроили?

– Вполне сносно, – ответил тот, фыркнув. – Но если бы мне позволили высказаться с полной откровенностью, я сказал бы, что эта деревенская челядь не имеет понятия о том, какие требования предъявляет джентльмен к своему благоустройству.

Джек приостановился, держа руку на ручке двери, и спокойно оглядел своего слугу с головы до ног, и тот съежился под этим взглядом и смущенно сглотнул слюну.

– Заруби себе на носу, дружище, что эти люди ведут свое хозяйство безупречно без нашего вмешательства. И я намерен оставить здесь все как есть.

Луи поклонился так низко, что чуть не коснулся носом колен.

– Разумеется, ваша светлость. Это всего лишь наблюдение.

– Так оставь свои наблюдения при себе. – посоветовал герцог и вышел из комнаты.

Он вступил в холл, как раз когда часы пробили четверть. Дверь гостиной была открыта, и он приостановился, думая, что Арабелла ждет его там. Но комната оказалась пуста, хотя недавнее присутствие хозяйки ощущалось. Воздух был напоен благоуханием крупных роз, стоявших в огромных вазах, окна отворены навстречу прохладному вечеру и ароматам сада. Безошибочно чувствовался женский вкус в убранстве гостиной, и это было приятно.

Шарлотта тоже это любила, подумал он, ощутив знакомую боль, но Лили не занималась такими мелочами. Ее дом, а точнее сказать, дом ее мужа, был безупречно элегантным, и все в нем соответствовало требованиям новейшей моды. Ничто старомодное не могло запятнать его. К примеру, эти розы были бы отвергнуты Лили, потому что они в какой-то степени не были чистыми, как, впрочем, и садовник. Он поймал себя на том, что снова улыбается.

– Ваша светлость?

Голос Франклина отвлек его от размышлений. Дворецкий стоял в настежь распахнутых дверях столовой с приветливой улыбкой на лице.

– Обед подан, сэр.

– Благодарю вас, Франклин.

Герцог пересек холл и вошел в столовую, все еще улыбаясь. Комната купалась в золотистом свете раннего вечера. В распахнутые окна проникали пение птиц и ароматы сада. На всем протяжении стола красного дерева стояли зажженные свечи, мерцал хрусталь, сверкало серебро. От восхитительного запаха жареного мяса рот его наполнился слюной.

Но на столе был только один прибор. В дальнем конце его в округлом алькове стоял резной стул и перед ним на столе бокал, приборы, фарфоровые тарелки – все, что требовалось для изысканного обеда. Но, похоже, обедать ему придется в одиночестве.

Франклин подошел, чтобы отодвинуть стул от стола, и сказал что-то о том, что надеется угодить герцогу кларетом, выбранным им к обеду. Джек удивленно проговорил:

– Я подожду леди Арабеллу. Франклин кашлянул в ладонь:

– Она наверху, сэр. В своей гостиной. Она пожелала, чтобы я открыл...

Герцог перебил его:

– Ей известно, что обед подан? Пожалуйста, сообщите ей. Я буду ждать ее в гостиной. – Он повернулся, чтобы выйти

из комнаты.

Франклин торопливо заговорил:

– Ваша светлость, миледи уже отобедала.

Джек резко обернулся:

– Отобедала?

– Да, ваша светлость. Она предпочла пообедать в своей гостиной. Миледи всегда обедает в пять часов, и она не пожелала...

Фантазия дворецкого иссякла. Леди Арабелла дала понять своим слугам, что ее намерения вести независимую жизнь отлично известны герцогу. Но, похоже, что все было не так. Ему не понравилось выражение серых глаз его светлости. На мгновение в них загорелась искра гнева, но тотчас же исчезла, и герцог спокойно сказал:

– Скажите леди Арабелле, что я бы был счастлив насладиться ее обществом, пока буду обедать. Может, она не откажется выпить бокал вина?

Он обошел стол, чтобы сесть на стул, который дворецкий все еще держал наготове.

Франклин на мгновение заколебался, прежде чем направиться к двери. Он уже собирался выйти, когда Джек остановил его:

– Нет, подождите.

Франклин вздохнул с облегчением:

– Да, ваша светлость?

Джек решительно отодвинул стул и встал:

– Я передумал, пожалуй, я сам, лично, приглашу ее. Где ее гостиная?

Ошеломленный Франклин не двигался с места.

– Ваша светлость, это личные покои леди Арабеллы.

– Вы забываете, Франклин, что обстоятельства несколько изменились. Теперь леди Арабелла – моя гостья.

Потом добавил мягко:

– Единственные личные покои в этом доме – мои.

Он направился к дворецкому, и Франклин невольно сделал шаг назад, хотя приближение герцога не представляло для него никакой угрозы.

Джек обратился к нему самым вежливым и мягким тоном:

– Будьте любезны, Франклин, показать мне, где эта гостиная.

Франклин поколебался одно мгновение, готовясь к битве за свою хозяйку, но разум подсказал ему, что такой вызов был бы бессмысленным. Это было бы все равно, как если бы обычный петух выступил против бойцового. Не произнеся ни слова, он повернулся и направился к лестнице.

Джек последовал за ним подлинному коридору в крыло, противоположное тому, где помещались его комнаты. Он отметил про себя, что покои Арабеллы были чрезвычайно далеко от комнат ее брата. Собственно говоря, здесь было вполне возможно вести совершенно независимую друг от друга жизнь даже под одной крышей. И он начал понимать, почему она приняла его предложение без особых возраже-

ний.

Франклин постучал в одни, потом в другие двустворчатые двери, близнецы дверей в комнаты Джека, и в ответ на нежный голос из-за последней двери встал в дверном проеме, загораживая вход.

– Миледи, его светлость хотел бы, чтобы вы присоединились к нему в столовой, – обратился к Арабелле дворецкий.

Арабелла положила перо.

– Вы объяснили ему, что я уже пообедала?

– Да, Арабелла, объяснил. – Джек, не проявляя излишнего насилия, но с явно выраженной целеустремленностью, отодвинул с дороги дворецкого и вошел в гостиную.

Арабелла сидела за письменным столом, одетая по-домашнему, как и подобает леди в своих апартаментах, в белое льняное negligé, вышитое розами. Ее неубранные волосы обрамляли лицо, и когда она повернулась на стуле и посмотрела на него, он, внутренне усмехнувшись, заметил, что ее ноги босы.

– Это моя гостиная, сэръ, – объяснила она, изумленная его бесцеремонным вторжением. – Не припомню, чтобы приглашала вас.

– Но должен вам напомнить, мадам, что, как хозяин дома, я не нуждаюсь в приглашении, чтобы войти в любую комнату.

Тон его был мягким и умиротворяющим, будто он не говорил ничего неразумного.

Она слегка побледнела. Его речь содержала горькую правду. Она не имела права распоряжаться в комнатах, исконно принадлежавших ей. Теперь она никогда не смогла бы надежно запереть дверь с сознанием, что никто не потревожит ее без приглашения. Она не могла больше позволить себе сидеть за письменным столом с босыми ногами в неглиже в уверенности, что ее уединение не будет нарушено.

Не произнеся ни слова, она вернулась к своему занятию и продолжала писать письмо, потом посыпала написанное песком и сложила листок, взяла свечу, горевшую рядом на столе, и покапала расплавленного воска, чтобы запечатать письмо, потом надписала адрес на конверте. Поднялась со стула и прошла через гостиную.

– Вы были так любезны, что предложили воспользоваться вашей почтой, ваша светлость. – Она протянула ему запечатанное письмо.

Он принял его. Оно было адресовано ее родственникам в Корнуолле. Джек опустил его в карман сюртука, потом сказал с поклоном:

– Я буду счастлив, мадам, исполнить вашу волю. Не могу ли я проводить вас в столовую?

– Вы должны извинить меня, – ответила она, – но я очень устала нынче вечером и хочу лечь в постель.

Он поднял брови, бросив взгляд на отделанные эмалью часы на каминной полке:

– Сейчас всего половина седьмого, Арабелла. Рановато

даже для маленьких детей.

Арабелла не нашла слов, чтобы отказаться вежливо. Она могла только упираться с озлобленным видом, а он, вероятно, так и будет стоять в дверях и настаивать, и это ни к чему их не приведет. Она осознала, что еще недостаточно твердо объяснила ему решение жить независимо, пусть и под одной с ним кровлей. Ясно было, что он пребывает в заблуждении, и чем скорее она рассеет его, тем лучше. Она присоединится к нему и выпьет бокал вина в столовой, на нейтральной площади, и разъяснит все раз и навсегда.

Арабелла внимательно оглядела его, отметив пышность бархатного бирюзового сюртука и золотого кружева. Хотя ее собственный домашний туалет был вполне уместен здесь, он не мог соперничать с изысканным костюмом ее сотрапезника. Арабелла сказала с легким намеком на сарказм:

– Через пять минут я присоединюсь к вам в столовой, сэр. Разрешите мне хотя бы надеть домашние туфли.

Джек поклонился с явной неохотой и оставил ее одну. В коридоре он остановился, прислушиваясь к звуку опускающейся задвижки. Здесь не было никого. Нет, решил он, Арабелла Лэйси никогда бы не струсилась. Она встретится с ним на его территории, размышлял он, и будет сражаться оружием, выбранным им.

Однако он не спешил спускаться вниз. Вместо этого направился в свою спальню, вынул письмо из кармана и запер его в портативном железном сейфе. Он не даст корну-

эльским родичам Арабеллы выразить согласие принять ее с распростертыми объятиями. В конце концов, он ведь не обещал отправить письмо немедленно. Это вовсе не означало, что он его не отправит.

С насмешливой улыбкой, адресованной себе самому, Джек спустился вниз по лестнице.

В столовой он занял хозяйское место и позволил Франклину налить себе бокал кларета. Откинувшись на спинку резного стула, он принялся ждать свою гостью.

ГЛАВА 4

Джек ждал с полчаса, до тех пор пока не услышал ее легких и быстрых шагов в холле. Он поднялся со стула, как только Арабелла вошла в столовую, прищурился, оценивая ее туалет. Эти полчаса она использовала с толком. Теперь на ней было кремовое муслиновое платье с разрезом спереди, позволявшим видеть темно-зеленую атласную нижнюю юбку. Ее грудь прикрывала косынка, заколотая на шее брошью с аметистом. Волосы были перевиты зеленой атласной лентой, а ноги обуты в легкие домашние замшевые туфельки на низком каблуке. Похоже, что она не всегда пренебрегает своей внешностью.

Он поклонился и шагнул, чтобы отодвинуть от стола стул справа от своего. Она кивнула, принимая эту услугу, и сказала:

– Вам не следовало ждать меня к обеду, сэр. Я не стану есть, а миссис Эллиот будет огорчена, если ее стряпня испортится.

Она бросила взгляд на дверь, где маячил дворецкий.

– Пожалуйста, подай обед его светлости немедленно, Франклин.

Джек налил кларета в ее бокал и заметил мягко:

– Я не хотел начинать без вас. Я и так уже повинен в нарушении приличий.

На лице Арабеллы застыло изумление.

– Как это, сэр?

Он улыбнулся и занял свое место.

– Я забыл вас спросить, когда вы предпочитаете обедать, и вынудил есть в одиночестве. Прошу прощения.

Он поднял свой бокал, приветствуя ее, и отпил глоток. Арабелле пришлось отведать кларета, прежде чем она заговорила:

– Вы не проявили невежливости, ваша светлость. Я не рассчитывала обедать в вашем обществе. Вам следует только говорить Франклину, когда вы желаете отобедать, а он позаботится об остальном. У меня свой распорядок дня и нет ни малейшего желания навязывать вам свое общество.

Франклин поставил перед герцогом супницу и ретировался к двери. Джек опустил ложку в суп и посмотрел на дворецкого:

– Мне не надо прислуживать за столом.

Дворецкий бросил на леди Арабеллу взгляд, полный сомнения, но, так как она не подала ему никакого знака, поклонился и вышел в холл.

– Надеюсь, суп вам понравится, ваша светлость, – любезно сказала Арабелла. – Миссис Эллиот – превосходная кулинарка и экономка. Уверена, что вы останетесь ею довольны.

Джек ничего не говорил, пока не доел суп, потом положил ложку и откинулся на спинку стула.

– Суп изысканный, и уверен, что я не найду никаких изъ-

янов в ведении хозяйства. Итак, давайте перейдем к делу.

Она нахмурилась и, чтобы собраться с силами, отпила немного вина. Солнце уже стояло низко, и вокруг головы герцога, обращенной затылком к открытому окну, образовалось ярко-оранжевое сияние. По сравнению с ним свечи казались бледными.

– Какое же у нас дело, ваша светлость?

Он повертел тонкую ножку бокала в длинных пальцах, и взгляд Арабеллы уловил сверкание рубина на одном из них и квадратный изумруд на другом. Камни были великолепные. Какая потребность была у этого человека в состоянии ее брата? Почему он желал его смерти? Этот вопрос вызвал у нее в воображении образ кладбища, и ее передернуло. Она не спрашивала об этом прежде, но, конечно же, за смертью и бесчестьем Фредерика стояло нечто большее, чем карточный проигрыш.

– Так какое же дело нам надлежит обсудить, ваша светлость? – спросила она снова, когда ей показалось, что он не собирается ей отвечать.

– Моя дорогая, я не верю, что вы так упрямы или несообразительны, как пытаетесь меня убедить, – сказал он. – Во-первых, у меня есть имя, и мне было бы приятно, если бы вы стали обращаться ко мне по имени. «Ваша светлость» и «ваша светлость» – это начинает раздражать. Если вы не против, называйте меня Джеком. А во-вторых, одарить меня удовольствием находиться в вашем обществе – не слишком

большая плата за то, что вы продолжаете пользоваться этим домом как своим собственным.

Он позвонил в маленький колокольчик, стоявший возле его тарелки, будто стараясь обратить ее внимание на то, что сказанное имеет вес.

Арабелла была не в состоянии что-нибудь вымолвить, пока Франклин не убрал суп и не подал вместо него пирог с куропаткой, жареного цыпленка и пару речных форелей, а также блюдо с артишоками и грибами.

– Уверены, что не хотите, чтобы я отрезал для вас кусочек этого великолепного пирога? – спросил Джек заботливо, когда Франклин снова исчез из поля зрения.

– Нет. О, благодарю вас, – ответила Арабелла с некоторым опозданием. – Как я уже объяснила, я обедала.

«И мой обед был не таким изысканным», – добавила она про себя.

Миссис Эллиот приготовила для герцога такой обед, какой потребовал бы Фредерик, в то время как Арабелла довольствовалась всего двумя блюдами, когда бывала в доме одна.

– В таком случае разрешите предложить вам еще вина.

Он протянул руку, чтобы наполнить ее бокал. Арабелла с трудом перевела дух:

– Ваша светлость...

– Если для вас не составит труда – Джек, – перебил он ее хмуро.

Она сжала губы.

– Сэр, – сказала она, – если составить вам компанию – это цена, которую я должна заплатить за право находиться здесь, пока мне не удастся устроить свою жизнь по-другому, боюсь, что предпочту не платить ее. Я уеду через час.

Она сделала движение, чтобы отодвинуть свой стул, но он удержал ее, положив свою руку поверх ее руки, которой она оперлась о стол, чтобы встать. Казалось, его ладонь просто лежит на ее запястье, но на самом деле он пригвоздил ее к столу, как прикалывают булавкой бабочку, и Арабелле пришлось остаться сидеть.

– Прошу прощения, – сказал он, не убирая руки. – Вы не вполне ясно мыслите, Арабелла. Все, чего я прошу, – это присутствовать за столом да иногда сопровождать меня на верховых прогулках по моим землям. Надеюсь, вы мне расскажете о том, как вести дела в имении, и познакомите с арендаторами. Бэйли говорит, что все они вас любят, и я хотел бы, чтобы вы замолвили за меня словечко. Вы не можете не видеть, что это в наших общих интересах.

Арабелла пошевелила пальцами под его рукой, и он отпустил ее. Она положила руки на колени.

– Что вы имеете против меня? – спросил он непринужденным тоном, приступая к филе форели.

Она гневно воззрилась на него:

– Вы довели до смерти моего брата. Вы отняли все, что принадлежало ему. Вы обездолили меня...

Он протестующе поднял руку:

– Нет, нет! Вы не можете обвинить меня в том, что я вас обездолил, Арабелла. Я предложил вам руку. И в этом случае вы не только сохраните свой дом, но вдобавок станете хозяйкой всего, что принадлежит мне. Я предлагаю вам выбрать. Вы можете остаться жить здесь со своими орхидеями или пойти на приступ и взять Лондон. И я в любом случае не стану вам препятствовать. Если вы захотите основать политический салон и поддерживать тори, я и тогда не буду против. Хотя, – добавил он, – как убежденному вигу, это станет мне поперек горла. Я достаточно богат, моя дорогая, чтобы дать вам возможность жить так, как вы сами предпочтете. А теперь скажите мне, можно ли при таких условиях считать, что я вас обездолил?

И он спокойно продолжал есть форель. Арабелла невидящим взором смотрела в пространство через стол. Она не была душой. Он предлагал ей весь мир на серебряном подносе. Но почему? Он не знал ее. Хотя знание не было необходимым условием супружества. Многие браки заключались между людьми, не имеющими понятия друг о друге. Но они или их семьи что-то выигрывали от этих союзов. Что мог выиграть Джек Фортескью от женитьбы на ней? Он уже владел всем, что раньше принадлежало ей, если не считать крошечного состояния, доставшегося от матери.

– Почему? – спросила она наконец. – Почему вы делаете мне такое предложение? Что есть у меня такого, чем бы вы

хотели завладеть?

– Мне нужна жена, – ответил он просто, зачерпывая ложкой грибы со своей тарелки. – И законные наследники.

– Но для этой цели вы можете получить любую молодую женщину, какую пожелаете. При вас все – происхождение, богатство и нет очевидных недостатков...

Она внимательно наблюдала за ним, будто пыталась проникнуть сквозь его безупречно элегантную одежду и увидеть покрытое шрамами тело под ней и столь же неприглядную исковерканную душу.

Джек усмехнулся.

– Я опасаюсь юных девиц, – пояснил он, и в глазах его заплясали искорки. – А уж что касается их мамаш, они считают меня дьяволом во плоти.

– Ну, это не остановило бы ни одну мамашу, если бы ей представилась возможность отхватить для своей дочери такого мужа, – возразила Арабелла. – Вы могли бы быть самым настоящим Сине́й Бородой, если бы при этом сделали ее дочку герцогиней.

– Вот что мне в вас нравится, – произнес Джек. – Вы сразу берете быка за рога. С вами лезть неуместно, миледи Арабелла, – пустая трата времени.

– Как я могу вам нравиться, если вы меня не знаете? – возразила она, жестом показывая, что отмечает такую возможность.

– Ну, вот теперь мы совершили полный круг и пришли к

тому, с чего начали, – сказал герцог, положив нож и вилку. – Я и предлагаю проводить побольше времени вместе. Тогда мы сможем узнать друг друга. Разве в этом нет смысла?

Он поднял свой бокал с вином и торжественно ей поклонился, что вдруг заставило ее не к месту рассмеяться. Однако она довольно быстро опомнилась.

– Сэр, разве вы предлагаете мне больше времени проводить в вашем обществе? У меня сложилось убеждение, что вы ставите это условием моего пребывания здесь, в Лэйси-Корт, то есть принуждаете.

Он нахмурился:

– «Принуждать» – плохое слово. И вообще я его не проносил.

– А что бы вы сказали?

– Я настоятельно и вполне серьезно приглашаю вас поддержать компанию, – мгновенно ответил он. – Уверен, что, если бы вы дали себе труд хоть минуту подумать, а не делать сгоряча необоснованные выводы, вы бы оценили мое предложение по достоинству.

Солнце уже опустилось ниже подоконника, и теперь свечи засияли собственным светом. Белая прядь волос, спускавшаяся ему на лоб, замерцала серебром, когда он наклонился к своей тарелке.

«А что, собственно, я теряю?» – подумала Арабелла.

Она могла оставаться в Лэйси-Корт, пока не получит ответа из Корнуолла, или по крайней мере до тех пор, когда

ей было бы удобнее всего уехать. А герцог Сент-Джулз мог оказаться интересным и приятным собеседником. Он был цивилизованным городским жителем и, как она уже догадалась, хорошо разбирался в политике и общественной жизни, а она иногда задыхалась в своем оазисе среди садов Кента от недостатка информации о внешнем мире. Она довольствовалась крохами, получаемыми от соседей, совершавших иногда вылазки в город и привозивших оттуда газеты и журналы, но они всегда бывали старыми. Фредерик в этом отношении не был помощником. Он не интересовался политикой и еще меньше вопросами, возникавшими у сестры, и не пытался на них ответить.

– Вы сказали, что вы виг? – спросила она как бы между прочим, протянув руку к корзинке с хлебом за рогаликом.

Он поднял на нее глаза и посмотрел заинтересованно, потому что ее вопрос показался ему неожиданным.

– Да.

Она кивнула:

– Значит, вы друг принца Уэльского?

– Так уж случилось. – Он отодвинул тарелку и снова взял бокал с вином.

– Стало быть, король к вам не слишком благосклонен, – заметила Арабелла, откусывая от своего рогалика.

– Не благосклонен, – согласился он, глядя на нее поверх края бокала с веселым любопытством.

– Как и королева Шарлотта, – сказала Арабелла. – Я слы-

шала, что она теперь изгоняет пламенных вигов из своих гостиных.

Он кивнул:

– Это недальновидность с ее стороны, но и она, и ее супруг мало что смыслят в том, что не касается их королевских прерогатив. – Между его бровями залегла едва заметная морщинка, а в серых глазах засверкали искорки смеха, скорее только намек на них. – Какова цель этой политической дискуссии, Арабелла?

– Позвоните в колокольчик, – ответила Арабелла. – Миссис Эллиот горит желанием подать следующее блюдо. Нет, эта дискуссия не преследует определенной цели, но сдаётся мне, что вы могли бы удовлетворить мое любопытство в области политики. По-моему, это справедливо, если я буду просвещать вас насчет ведения хозяйства в имении.

Похоже, они пришли к молчаливому соглашению, размышлял Джек. Впрочем, политика не была его излюбленной темой, но он не стал увиливать.

– Справедливо, – согласился он и послушно позвонил в колокольчик.

Франклин убрал блюда и принес корзинку тарталеток с сыром и лимонное суфле.

– Миссис Эллиот просит прощения за то, что обед такой скудный, ваша светлость. Если бы она узнала немного раньше о вашем приезде, она бы... – Он отвесил поклон.

– Этого более чем достаточно, – возразил Джек. – Прошу

вас поблагодарить миссис Эллиот за ее труды. Я ценю их. – Он сделал жест в сторону Арабеллы: – Может быть, вы поставите еще одну тарелку для леди Арабеллы?

– Нет, благодарю вас, – отказалась Арабелла, смахивая горку крошек хлеба со скатерти, образовавшуюся перед ней, будто она недоумевала, откуда они появились.

Джек наклонил голову в знак того, что готов считаться с ее желаниями, и взял тарталетку с сыром.

– Итак, моя дорогая, принимая во внимание ваш интерес к политике, я предвижу много приятных обедов в вашем обществе.

– Думаю, мы сможем многое обсудить, – сказала Арабелла. – А теперь, если вы меня извините, сэр, у меня есть кое-какие дела.

Она оперлась о стол, чтобы отодвинуть свой стул, и на этот раз он не стал ее удерживать.

– Я надеялся, что мы сможем сыграть партию в триктрак или даже в пикет? – предложил он.

Арабелла с изумлением взглянула на него, потом рассмеялась безрадостным смехом:

– Мой дорогой сэр, неужели вы полагаете, что я сяду играть в карты или в кости с человеком, который каким-то образом вынудил моего брата проиграть и свою жизнь, и имущество?

Лицо Джека помрачнело. Но когда он заговорил, его голос был спокойным:

– Не стоит заблуждаться, Арабелла. То, что совершил ваш брат, он сделал по собственной воле и шел на это с открытыми глазами. Он знал, чем рискует... и почему.

Последние два слова он произнес едва слышно, и Арабелла не была уверена, что правильно его поняла. Но ей захотелось задавать Джеку Фортескью новые вопросы. Теперь его глаза утратили всякое выражение и стали двумя пустыми озерами. Он сидел неподвижно и вдруг напомнил ей привидение, оболочку человека, сквозь которую можно все видеть. И она различила в нем угрозу.

Ей захотелось подняться и уйти подальше от стола, выйти из этой комнаты, но все же, пока он так сидел, забыв о ней, погруженный в себя с мрачным лицом, освещенным мягким сиянием свечей, она не могла заставить себя шевельнуться.

Джек видел Шарлотту такой, какой она запомнилась ему в их последнюю встречу, утром того последнего дня. Он слышал ее пение. Она любила петь, и ее негромкий дискант напоминал ему птичьи рулады. Потом внезапно его взгляд сфокусировался, впитал в себя мерцание свечей и золотые разливы света на полированной поверхности стола, а также рубиновое вино в хрустальном бокале, который он все еще держал, зажав его ножку между большим и указательным пальцами. Он посмотрел на женщину рядом с собой.

В ее золотистых глазах он прочел недоумение и вопрос, но на этот вопрос не мог и не хотел отвечать.

Арабелла, будто очнувшись от наваждения, отодвинула

свой стул.

– Доброй ночи, сэра.

Джек не попытался удержать ее. Вместо этого сам поднялся с места и проводил ее до двери. Он положил руку на ручку двери и не спешил ее открыть. Свободной он взял ее руку и поднес к губам, и их глаза встретились, когда его губы коснулись тыльной стороны ее руки. Он больше не был похож на незнакомца, таящего угрозу. Потом он склонился к ней и легонько поцеловал ее в уголок рта. Это было легкое, скользкое прикосновение. Когда он выпрямился, то все еще не отпускал ее руку и посмотрел с улыбкой в ее изумленно поднятое к нему лицо. Ее замешательство мгновенно сменилось негодованием и смущением, а золотистые глаза загорелись гневом.

Но он опередил ее, и гневные слова замерли у нее на губах, когда он произнес:

– Мне трудно поверить, Арабелла, что в свои двадцать восемь лет вы ни разу не целовались.

В его глазах она увидела усмешку и вопрос.

– Никогда меня не целовали без разрешения, – ответила она. – Что вы о себе вообразили? Пусть теперь вы хозяин этого дома, ваша светлость, но это не дает вам *droit de seigneur*³. Пожалуйста, посторонитесь и дайте мне пройти.

Он рассмеялся, повернул дверную ручку и распахнул дверь. Она проскользнула мимо, не ответив на его прощаль-

---

³ Право первой ночи (фр.)

ный поклон.

– Доброй ночи, Арабелла, – тихо окликнул он ее. – С нетерпением буду ждать завтрашнего дня.

Она повернулась, все еще стоя одной ногой на нижней ступеньке лестницы.

– Как ни смешно, я не разделяю вашего нетерпения.

И, удовлетворившись этим не вполне достойным отпором, она начала подниматься по лестнице наверх.

К величайшему своему удивлению, Арабелла спала крепко и без снов и проснулась в обычный час, омываемая свежим воздухом и светом раннего утра, когда собаки, решив, что наступил день, принялись тыкаться носами в ее обнаженную руку.

– Хорошо, хорошо, – еще сонная пробормотала она и, зевая, села на кровати.

Собаки нетерпеливо крутились возле двери. Она спрыгнула с постели и открыла ее для них. Сейчас они отправятся на кухню, кто-нибудь впустит их туда, а Бекки, поняв, что ее госпожа уже проснулась, принесет ей горячий шоколад и подогретую воду. Это были неписанные правила, установленные Арабеллой.

Она снова забралась в постель и, опираясь спиной о подушки, стала обдумывать, как быть с остальными привычными занятиями. Утро она проводила в оранжерее, днем ездила верхом в сопровождении собак, каждый четверг встречалась по утрам с Питером Бэйли, иногда с друзьями, с Мэг...

о! Ей будет так недоставать Мэг! Они были близки, как сестры, а возможно, и ближе. Ее жизнь и будущее теперь казались ей головоломкой, которую кто-то взял в руки, уронил, и теперь некоторые ее элементы отсутствовали; найти и поставить их на место, чтобы восстановить прежнюю картину, было невозможно. В дверь постучала Бекки и внесла поднос.

– Доброе утро, миледи, – сказала она бодро, ставя поднос на ночной столик. – Похоже, будет еще один жаркий день. Налить шоколаду? – Она взяла в руки серебряный кофейник.

– Да, пожалуйста, Бекки.

Арабелла взяла неглубокую чашку дельфтского фарфора, наполненную ароматным шоколадом, которую протянула ей горничная.

– Я собираюсь нынче утром навестить Барретов. Поэтому найди мне платье из полосатого индийского муслина.

– То, что в оранжевую и коричневую полоску, мадам? – спросила Бекки, открывая гардероб.

– Да, оно легкое и прохладное.

Арабелла пила мелкими глотками шоколад, размышляя, как проведет день, в особенности же удастся ли ей избежать встречи с новым обитателем дома. Если она отправится к Барретам, то могла бы взять прогуляться собак, потому что туда и обратно можно пройти пешком. И тогда не будет необходимости в дневной верховой прогулке и это время она могла бы провести в оранжерее. Никто, находясь в здравом

уме, даже столь решительный и упорный человек, как герцог, не пожелает изнемогать от жары в оранжерее весь день только ради того, чтобы навязать ей свое общество. Значит, останется один обед. Ладно, она способна скрепя сердце отобедать в его обществе раз в день, как обещала, и вести себя цивилизованно. Пока он будет соблюдать дистанцию между ними, добавила она про себя с гримаской.

– Что-то не так, леди Арабелла? – всполошилась Бекки, заметив, что выражение лица хозяйки изменилось. – У вас болят зубы?

Недавно Бекки на себе испытала приступ зубной боли и считала, что ничего на свете не может быть хуже.

– Вовсе нет, Бекки. – Арабелла через силу улыбнулась, стараясь выглядеть бодрой. – Я думала о том, что мне придется сделать и чего я делать не хочу.

Бекки с критическим видом оправляла складки ее оранжево-коричневого полосатого платья и хмурилась.

– Нужно слегка пройтись по нему утюгом. Оно немного измялось.

– О, в этом нет нужды, – беспечно ответила Арабелла. – Я пойду полями, а в такую жару оно все равно помнется и запылится.

– Ну, не знаю, миледи, – усомнилась Бекки. – По крайней мере если вы выйдете из дома в отглаженном платье...

Арабелла уже собралась со смехом отместить это предложение, но тут вспомнила о герцоге. Он всегда выглядел без-

упречно, кружева на его вороте и манжетах были ослепительно белыми, хорошо накрахмаленными и отглаженными даже после верховой езды и когда он стоял в ее оранжерее под прямыми лучами солнца. Каждый волосок в его шевелюре был на месте. Она же вчера была растрепанной, и волосы у нее висели как плети. Она была похожа на старую тряпичную куклу, забытую под дождем. Ничего удивительного, что он вел себя с ней так бесцеремонно. Он обращался с ней с такой же оскорбительной фамильярностью, как мог бы обходиться с коровницей. Она не хотела встречаться с ним до вечера, но уж если случайно столкнется, то предпочла бы выглядеть пристойно.

Вот и еще одно неудобство в том, что они живут под одной крышей, подумала она, выбираясь из-под одеяла и энергично откидывая его ногой. Нет, больше она не станет одеваться как попало.

– Отлично, Бекки, погладь его, если считаешь, что это нужно.

Она стянула ночную рубашку через голову и подошла к умывальнику. Следовало бы вымыть голову, решила она, оглядывая себя в зеркале, возвышавшемся над кувшином с водой.

– Я приму перед обедом ванну, Бекки. Думаешь, горячей воды хватит?

Бекки, хмурясь от сознания ответственности, водила утюгом по муслину и пробормотала в ответ что-то, выражавшее

согласие.

– И приготовь лимонный сок, чтобы прополоскать мои волосы, – продолжала Арабелла, выжимая мокрую губку над грудью.

– Да, миледи. А также лаванду и розовую воду для ванны, – сказала Бекки, складывая платье и придирчиво его оглядывая, прежде чем аккуратно повесить на спинку стула.

– Отлично, – сказала Арабелла и накинула через голову сорочку.

– Вы наденете корсет, миледи? – спросила Бекки, держа наготове жесткое сооружение из китового уса.

– В такую жару? – воскликнула Арабелла, влезая в батистовую нижнюю юбку.

Бекки убрала корсет в бельевой шкаф и вынула хлопчатобумажные чулки. Но и они были отвергнуты отрицательным кивком головы и возвратились на свое место, туда же, куда и корсет. Бекки взяла платье из индийского муслина, юбка которого была подбита тарлатаном, что придавало ему более строгий вид. Бросив взгляд в зеркало, Арабелла решила, что стоило поступиться комфортом ради того, чтобы выглядеть достойно.

– Причесать вас, миледи? – спросила Бекки, взяв в руки щетку, оправленную в серебро.

– Нет, я сама. – Арабелла протянула руку за щеткой. – Через пять минут я буду завтракать в своей гостиной.

– Очень хорошо, мадам. – Бекки поспешила выйти.

Арабелла села за туалетный столик. Проведя несколько раз щеткой по россыпи темных кудрей, она собрала их в тугой узел на темени, оставив обнаженной шею, чтобы ее овевал и освежал ветерок. Ноги ее скользнули в кожаные сандалии, практичную обувь для ходьбы по полям, хотя они и не соответствовали платью, как, впрочем, и отсутствие чулок. Решив, что костюм ее вполне приличен, она позавтракала в своей гостиной, примыкавшей к спальне. Эта комната была ее святилищем, с тех пор как она рассталась с миром детской и классной комнат. Ее особой страстью были книги. Она могла взять их с собой, куда бы судьба ни занесла ее в этой новой жизни. Орхидеи в горшках на подоконниках тоже принадлежали ей, как и две акварели с видами Венеции. Это Мэг привезла их ей из своего путешествия.

Намазывая масло на хлеб и отрезая ломтик ветчины, Арабелла улыбнулась. Она была изумлена нескромностью Мэг. При всей живости ума и характера Мэг производила впечатление законопослушной и вполне обычной девушки, но рыжие волосы шли вразрез с этим образом, подчеркивая необычность ее личности. Из двух подруг именно Арабелла производила впечатление более свободомыслящей и несклонной к конформизму. Но Мэг влюбилась в гондольера с мандолиной в руках.

Она вернулась в спешке и со слезами сожаления о Большом канале, и лишь Арабелла знала, что ее восторг был вызван не только усеянным звездами небом Венеции, но и кра-

сивым сладкоголосым гондольером, который предложил ей нечто большее, чем серенады. К счастью, леди и лорд Баррет знали только, что их дочь испытала глупое, но вполне объяснимое увлечение. Они быстро положили ему конец, хотя действовали со своей обычной добротой и деликатностью. Будучи уравновешенными, но твердолобыми сельскими жителями, они и представить себе не могли даже в кошмарном сне, что их единственная дочь пережила короткую, но страстную плотскую связь. К счастью, эта ее нескромность не имела фатальных последствий, и Арабелла сразу поняла, что прежняя Мэг исчезла навсегда.

Лишь Мэг могла высказать Арабелле свое беспристрастное и честное мнение о настоящей ситуации. Мэг сможет правильно истолковать этот его нелепый поцелуй.

Арабелла допила чай. Было рано, но в доме Барретов все уже, конечно, давным-давно встали, а сорокапятиминутная прогулка по полям была для Арабеллы очень приятна. Верхом она бы потратила только половину времени на это путешествие, но предпочла прогуляться пешком.

Джек проснулся до рассвета. Комната купалась в молочном сиянии, и, едва открыв глаза, он отбросил одеяло, подошел к открытому окну и выглянул в сад, все еще утопающий в лунном свете. Через полчаса звезды начнут меркнуть, но сейчас мир или небольшая его частица были окутаны сном. Если бы он был в Лондоне, то, вероятно, играл бы в карты и сейчас сдавал их в последний раз за ночь и вдыхал табач-

ный дым и запах пролитого вина, видел нетвердо держащихся на ногах игроков, слишком пьяных, чтобы играть прилично. Городские улицы, должно быть, источали запах отбросов и таили угрозу, исходившую от обитателей трущоб. Здесь же перед ним предстал омытый лунным светом сад, он вдыхал легкий свежий воздух и слышал уханье совы. А кругом царила тишина.

Эта была такая же земля, как та, где родилась Шарлотта и которую она так любила. Но тишина и бездействие вызывали у него беспокойство. Он не любил сельскую идиллию и с трудом выносил ее.

Джек надел рубашку и бриджи и тихо вышел из дома через кухонную дверь. Когда он через двор направился к оврагу и дальше к реке до границ имения Лэйси-Корт, часы на конюшне показывали половину пятого. Он был бы рад обществу собак, но их нигде не было видно.

Джек усомнился в том, что они спят в конюшне. Должно быть, свернулись калачиком в ногах постели Арабеллы.

Арабелла. Колючая, с трудным характером, упрямая, своевольная. Но чрезвычайно интересная. Шарлотта обладала характером и собственными взглядами, но она была склонна подчиняться требованиям общества и мириться с ними. Она вышла замуж из чувства долга и оказалась во французском суде. Лили была просто воплощением условностей. Хотя она и создала собственный мир по своему вкусу, но делала все возможное, чтобы даже намек на скандал не

коснулся ее. Она жила со снисходительным, но скучным мужем, но позволяла себе иметь любовника, удовлетворившего ее тягу к необычному и волнующему. Джек наслаждался ее обществом. Они упивались друг другом. Это было соглашение, нарушить которое претило Джеку. Но он и не собирался его расторгать даже в случае женитьбы.

Джек остановился на берегу реки. Он гулял около часа, и солнце уже окрасило восточный край горизонта. В тени плоского камня была видна спокойно лежащая радужная форель. Существовали непритязательные радости в сельской жизни, которые он был способен оценить, и Джек пожалел, что не взял с собой удочки. Рассвет – самое лучшее время для рыбалки.

У Фредерика Данстона должны были быть удочки. И ружья. Наверное, он рыбачил и охотился. Но Джек знал, что никогда не смог бы удить рыбу удочками Данстона и охотиться с его ружьями. Использование личных вещей этого человека не включалось в ту цену, которую тот должен был заплатить за смерть Шарлотты.

Но как насчет сестры Данстона? Да, она как раз входила в эту плату. Джек повернулся и направил свои стопы обратно вдоль берега реки. Она заплатит последнюю монету, и он таким образом завершит свою месть, но в то же время она ведь станет его женой и будет зависеть от своего благодетеля, от мужа, который спасет ее от нищеты и тем самым навяжет ей долг, который она никогда не сможет ему выплатить.

За смерть Шарлотты она заплатит своей свободой. Впрочем, теперь он уж не был так в этом уверен.

Джек подошел к дому, купавшемуся в мягком сиянии восходящего солнца, размышляя о неожиданно возникшей проблеме в его безупречном плане. Похоже, его предполагаемая жена не была склонна принимать ни свою зависимость, ни его благодеяния.

Арабелла свистнула собакам и спустилась по лестнице, полная нетерпения поскорее добраться до Барретов. Оскар и Борис мгновенно появились и затопали к ней по полированному полу. С их морд капало молоко. Они прекрасно знали, как подольститься к кухарке, и неизменно встречали на кухне радушный прием. Арабелла давно отказалась соблюдать правила содержания и кормления двух очаровательных рыжих сеттеров. Она полагала, что, если иногда им достается по миске молока, это не может повредить, а у них было достаточно возможностей порезвиться, что компенсировало это отступление от правил.

– К Барретам, – сказала она им, открывая парадную дверь.

Они завиляли пушистыми хвостами и бросились вниз по ступенькам, опережая ее. Там жила их мать, прогулка к Барретам в раннее утро была для них желанной.

– Доброе утро, Арабелла.

Это приветствие, произнесенное приятным и мелодичным голосом, заставило ее замереть на нижней ступеньке. Она медленно повернула голову. Что он здесь делал в столь

ранний час? Ведь он был горожанином. И в это время должен был еще почивать и не беспокоить ее. Однако бодрствовал, хорошо причесанный, сияющий и вполне по-городскому облаченный в черный бархат и серебристые кружева. Его костюм был совершенен до мельчайших деталей, включая и рапиру в ножнах у пояса.

Она ответила на приветствие, но не улыбнулась:

– Здравствуйте, ваша светлость.

Он быстро сбежал по ступенькам и поравнялся с ней.

– Я думал, что мы еще вчера вечером покончили с этой досадной формальностью.

– Я предпочитаю оставаться педантом, – сказала Арабелла.

– Ах! – Казалось, он обдумывал ее слова, в то же время оглядывая ее и охватывая всю ее фигуру от волос, собранных в узел, до босых ног в простых кожаных сандалиях. – Понимаю.

– Если вы меня извините, сэр, – сказала Арабелла с ледяной учтивостью и достоинством, – я поспешу по своему чрезвычайно важному делу.

– В таком случае я составлю вам компанию и провожу вас, – ответил он с любезной улыбкой.

– Миссис Эллиот приготовит вам завтрак, – сообщила она.

– О, я уже позавтракал час назад, – сказал герцог, все еще улыбаясь. – И должен вам сказать, что еда была отменной.

Так куда же вы направляетесь?

– Мое дело не требует компании. Оно слишком личное, – сказала Арабелла.

– Но если оно как-то связано с именем, я должен принять в нем участие.

Теперь в этой его улыбке появилось что-то от вызова, а серые глаза стали неприятно пронизывающими.

– Это не имеет к имению ни малейшего отношения, – заявила Арабелла, начиная себя чувствовать крысой, загнанной в угол. – Это совершенно личное дело. Поэтому прошу вас извинить меня, сэр. – И она поспешила по подъездной дорожке.

– Я провожу вас туда, куда вы направляетесь, – ответил он, легко догнав ее. – Может быть, по дороге вы мне кое-что покажете или расскажете об этих землях.

Арабелла поняла, что ей от него не отделаться, если только не натравить на него собак, но, отпущенные на свободу, они прыгали вокруг него, издавая восторженное тьяканье. Поэтому надежда на успех была весьма проблематичной. Оставалось только в молчании идти с ним рядом, стараясь, насколько возможно, не обращать на него внимания.

– Если память мне не изменяет, один сезон вы провели в Лондоне, – сказал Джек.

Отвечать молчанием на столь невинное и ординарное замечание было просто невозможно.

– Да, десять лет назад.

Она подняла обслюнявленную Борисом палку и отбросила в сторону.

– Вам не понравилось в городе?

Он бросил палку Оскару.

– Нет.

Джек размышлял над ее кратким ответом. Он никак не располагал к дальнейшей содержательной беседе. Все-таки Джек с глупой настойчивостью спросил:

– Почему?

Впервые с момента, когда они пошли рядом, Арабелла посмотрела на него. Ее четко очерченные брови поднялись, и она ответила:

– Что за нелепый вопрос, сэр? Посмотрите на себя и на меня. Как вы думаете, совместима ли я с вашим миром? У меня нет интереса к модам, сплетням, интригам, ко всей этой фальши... которая так устраивала моего брата и, как видно, вполне подходит вам, но не годится для меня.

– В этом мире, Арабелла, есть место и для необычных вещей, – сказал он. – Есть место для нового.

– Я женщина, – объявила она, будто ставя точку в их разговоре.

– Женщины тоже могут быть носительницами новшеств, – мягко возразил он, бросая собакам новую палку.

– Нет, насколько показывает мой опыт.

Беседа начала занимать ее, к величайшему ее раздражению.

– Осмелюсь заметить, что ваш опыт жизни в городе оказался очень небольшим, если вы провели там всего один сезон. К тому же следует принимать во внимание и ограничения, связанные с тем, что вы были дебютанткой.

Возможно, в его словах и был смысл, но Арабелла сделала всего одно замечание, произнесенное кислым тоном:

– Мне его хватило.

– Но как насчет вашего интереса к политике? – наседал герцог. – Он был вызван к жизни этим вашим кратким пребыванием в Лондоне?

– Может быть, – ответила Арабелла и ускорила шаг.

Ему пришлось тоже поспешить, чтобы не отстать от нее.

– А как насчет искусств, Арабелла? Театра, оперы, музыки... Конечно, вы не стали бы отказываться от всего этого.

– Я ни от чего не отказываюсь. – Она не пыталась скрыть раздражения: от его замечания ей еще больше стало не по себе.

– Прошу меня простить, но мне кажется, что вы как раз это и делаете. Вы исключаете из своей жизни многое, что сулит новый и интересный опыт. Вы не хотите жить полной жизнью. Почему?

В его вопросе прозвучала искренняя заинтересованность. Арабелла остановилась и повернулась к нему лицом.

– Ваша светлость, вы забываете, что эта полная жизнь и новый опыт означали бы брак с вами. А я его решительно отвергаю.

ГЛАВА 5

Арабелла снова двинулась вперед, и ее юбки взметнулись от энергичного шага. Джек изумленно поднял брови. Она, несомненно, старалась сохранять как можно большую дистанцию между собой и нежеланным спутником. Но он был не менее упрямым. Он быстро последовал за ней, легко ее догнал, хотя она шла все быстрее и быстрее, едва удерживаясь от того, чтобы припустить непристойной рысью.

– Питер Бэйли говорил мне о споре с каким-то соседом об участке земли в дальнем конце деревни, – заметил он, будто они и не обменялись колкими репликами. – Может ли житель Лэйси-Корт сам разобраться в этом деле? Или ему следует обратиться в местный суд?

– Лорд Лэйси-Корт и есть местный судья, – ответила она, позволив себе слегка замедлить шаг.

Несмотря на ранний час, погода была слишком жаркой для такой быстрой ходьбы. К тому же ей стало ясно, что она нипочем не отделается от нежеланного спутника, что бы ни говорила и ни делала. Единственно достойным выходом было покориться.

– Он сидит на одной скамье с сэром Марком Барретом и лордом Эслопом.

– Понимаю. В таком случае было бы уместно познакомиться с коллегами судьями, – заметил Джек.

– О, можете не волноваться. Они сами придут к вам и постучат в вашу дверь, – сухо ответила Арабелла. – Держу пари, что Лавиния Эслоп уже излагает суть дела своему долго-терпеливому мужу, который наверняка еще лежит в постели, и требует, чтобы он немедленно оделся и следовал за ней в Лэйси-Корт.

– И он подчинится?

Арабелла не смогла удержаться от смеха:

– О да! Можете на этот счет не волноваться. Лавинии достаточно щелкнуть пальцами, и он послушно прыгнет через обруч.

– Похоже, он под каблуком у жены, – сказал Джек.

– Ну, как я уже предупредила вас вчера, так или иначе, а вам предстоит познакомиться с Лавинией Эслоп.

Арабелла свернула с проселочной дороги, чтобы нырнуть в лаз в высокой изгороди:

– Я пойду этой дорогой, а вы можете продолжать идти прямо.

– Зачем мне это?

– Едва ли ваш костюм подходит для того, чтобы лезть в пролом в изгороди, а потом петлять по полям и прыгать через канавы, – заметила Арабелла самым дружелюбным тоном.

– А как же вы? – поинтересовался он.

– Я привыкла, – сообщила Арабелла и поставила ногу на край лаза.

– Позвольте мне первому.

Его руки обвилились вокруг ее талии, и он поднял ее, снял с первой перекладины и поставил рядом. Потом ловко перемахнул через препятствие, и рапира ничуть не помешала его действиям. Движения его были четкими и точными.

– А теперь, – сказал он, поворачиваясь к ней лицом, – если вы встанете на эту перекладину, я перенесу вас через нее.

– Вы очень галантны, но в этом нет необходимости, – заявила Арабелла. – Если бы вы были так добры и посторонились... – Она поставила ногу в сандалии на грубо обточенную планку.

На его губах зазмеилась ленивая усмешка:

– А если я этого не сделаю?

– В таком случае я пойду дальше по проселочной дороге, а вы можете наслаждаться прогулкой по полям, сколько захотите, – огрызнулась она.

Джек рассмеялся и отступил от лаза:

– Сделайте милость.

Он был вынужден признать, что она одолела препятствие с изяществом и грацией, и чуть приподнявшаяся от ее движений юбка позволила ему полюбоваться ее точеными лодыжками.

Арабелла спрыгнула с перекладины и пошла через поле, задевая юбкой созревшие колосья. Стебли доставали ей почти до пояса, волнуясь под легким ветерком. Собаки были на седьмом небе. Они носились кругами, виляли хвостами

и оглашали окрестность пронзительным лаем, пугая кроликов, затаившихся в хлебах.

– Должно быть, скоро начнется горячая пора, сбор урожая, – сказал Джек, стараясь идти в одном темпе с ней.

– На следующей неделе, – ответила Арабелла. – Если вы здесь задержитесь, вам придется быть хозяином на обеде в честь сбора урожая.

– И что это повлечет за собой?

На протяжении их дальнейшего пути Джек задавал ей нейтральные, безобидные вопросы о деревенской жизни и ведении хозяйства в имении, и Арабелла давала ему ясные ответы. Они не затрагивали личных тем, и только раз он прикоснулся к ней, удержав ее от падения, когда ее нога попала в кроличью нору. И она не нашла в этом ничего дурного. Они подошли к дому Барретов, красному кирпичному зданию, украшенному изразцами, миновав узкую аллею, ведущую к нему. Дом стоял близко к проселочной дороге. Узкая дорожка между двумя низкими каменными столбами вела прямо к парадной двери. Более широкая подъездная аллея шла вдоль стены конюшни и каретного сарая с тыльной их стороны. Дом был скромным, как и надлежит жилищу человека с неприятзательным вкусом, бережливого и не думающего о том, какое производит впечатление, размышлял Джек.

– Здесь я вас покину, – сказала Арабелла, уже положив руку на щеколду калитки. – Если вы продолжите идти по про-

селочной дороге и дойдете до перекрестка, поверните налево, и дорога приведет вас в Лэйси-Корт. Если пойдете направо, придете в деревню.

Он стоял, прислоняясь спиной к одному из столбов.

– А сколько времени вам потребуется на то, чтобы закончить свое неотложное дело?

– Понятия не имею, – ответила Арабелла. – Могу остаться здесь и на целый день.

И это было правдой. Часто она и Мэг проводили вместе весь день.

– Может быть, в таком случае я еще погуляю с собаками? – спросил он вежливо, хотя было очевидно, что Борис и Оскар, уже стоявшие на задних лапах и пытавшиеся открыть калитку, считали, что добрались до цели.

Арабелла покачала головой.

– У них здесь семья, – пояснила она. – Вы можете увести их отсюда только силой.

Он кивнул и негромко рассмеялся:

– Да, я вижу.

Арабелла открыла калитку, и собаки рванулись к задней двери дома.

Появилось еще два таких же рыжих сеттера, и все четверо переплелись в клубок, возбужденно лая и кувыркаясь.

– Это их сестры, – сказала Арабелла, – а вон и мать. У нее сейчас новый помет.

Сука с отвисшими, полными молока сосками не спеша вы-

шла из-за угла приветствовать своих первенцев.

– А ваши служат производителями для своих сестер? – поинтересовался Джек.

Арабелла покачала головой:

– Нет, сэр Марк не одобряет инбридинга. Он разводит собак не для денег, а ради удовольствия.

Вот, значит, каким было жилище его коллеги – мирового судьи. Ведь можно получить недурную прибыль, разводя охотничьих собак, размышлял Джек. Но требовались опыт и знания для того, чтобы понять выгоду их разведения.

Арабелла поздоровалась с дворецким, открывшим ей дверь:

– Доброе утро, Харкорт. Мисс Баррету себя наверху?

– Она еще завтракает в гостиной, леди Арабелла. С сэром Марком и ее милостью.

Арабеллу это сообщение несколько смутило. Для удобства общения было, оказывается, слишком рано. Она надеялась все рассказать Мэг, прежде чем изложит положение дел сэру Марку и его супруге. Но теперь уже ничего нельзя было предпринять. Дворецкий открывал дверь в маленькую гостиную за лестницей, где хозяева завтракали.

За столом, накрытым для завтрака, сидели трое. Они удивленно воззрились на незваную гостью, прервавшую их занятие, но изумление быстро миновало и, как обычно, сменилось радостью и теплым приветствием. Арабелла в доме Барретов была так же желанна, как и их собственная дочь.

– О, Белла, дорогая, ты так рано встала и пришла как раз вовремя! – воскликнула леди Баррет, и ее круглое розовое лицо засветилось улыбкой. – Садись и выпей кофе. – Она указала на стул рядом с дочерью. – Ты уже завтракала?

– Да, мэм, час назад, – ответила Арабелла, наклоняясь поцеловать леди Баррет, потом обошла стол, чтобы подойти к сэру Марку.

Он был высокого роста и слегка сутулился из-за необходимости постоянно подныривать под низкие притолоки. Его длинное лицо было изборождено глубокими морщинами, но зеленые глаза под кустистыми седыми бровями смотрели пронизательно и зорко. Редкие седые волосы кое-где украшали мощный купол лба и оттеняли блестящую лысину. В уединении своего дома он предпочитал не скрывать плешь под пудренным париком.

Он поднялся на ноги и одарил Арабеллу отеческим поцелуем в лоб.

– Доброе утро, моя дорогая Белла. Надеюсь, у тебя все в порядке?

В этом доброжелательном приветствии оставался намек на вопрос, что почти не удивило Арабеллу. Сэр Марк Баррет, как и его дочь, отличался завидной пронизательностью и мало что упускал из виду, а сегодняшний визит Арабеллы был необычно ранним.

– Ну, почти, сэр, – ответила Арабелла, чуть помедлив.

Песочные брови Мэг высоко взметнулись, красноречиво

выразив ее недоумение и вопрос, когда она поднялась с места, чтобы обнять подругу.

– Великие умы всегда мыслят похоже, – заметила она со своим обычным заразительным смехом, заправляя за ухо непокорную прядь ярко-рыжих волос. – После завтрака, пока не слишком жарко, я как раз собиралась прогуляться в Лэйси-Корт.

Она налила Арабелле кофе.

– Так в чем дело, дорогая? – поинтересовался сэр Марк, как только Арабелла сделала первый глоток. – Должно быть, нечто из ряда вон выходящее привело тебя сюда в такую рань?

Арабелла заговорила, тщательно взвешивая слова. Она не хотела сразить наповал своими новостями сэра Марка и его жену. Не стоило мутить воду рассказом о сделанном ей предложении. Это она сообщит только Мэг.

– Не знаю, с чего начать, – покачала она головой. – Фредерик умер. – Это прямо высказанное известие повисло в воздухе, но она не могла придумать способа смягчить столь тяжелый факт.

На мгновение она почувствовала, как рука Мэг сжала под столом ее колено.

– О Боже, – пробормотала леди Баррет, прикладывая к губам салфетку. – Ах ты, бедное дитя! – Она перегнулась через стол, чтобы похлопать Арабеллу по руке.

Ее муж прокашлялся. Сэр Марк предпочитал придержи-

ваться фактов и не смешивать их с эмоциями.

– При каких обстоятельствах, Белла?

Стоило ли повторять ложь о дуэли или рассказать им правду? Она оглядела стол и сидящих за ним обеспокоенных людей и поняла, что не сможет им солгать. Всю жизнь они были ее друзьями и во всех случаях оставались ее единственной семьей, как только она вышла из младенческого возраста. Она не помнила своей матери. Отец же всегда оставался далеким и почти нереальным и совершенно равнодушным к ней. За отеческим утешением и советом она неизменно обращалась к сэру Марку, и он никогда не подводил ее и не обманывал ее доверия.

И она стала им объяснять новые обстоятельства в этой теперь притихшей комнате, где забытая еда остывала на тарелках. Голос ее был тихим и ровным.

– О, моя дорогая! – снова сказала леди Баррет, когда она наконец окончила свой рассказ и замолчала.

Она смотрела на Арабеллу испуганными глазами.

– В это... в это так трудно поверить.

– Да не так уж и трудно, – объявил сэр Марк, беспокойно отодвигая свой стул. – Фредерик не первый дурак, потерявший все из-за страсти к карточной игре, и не последний. Азартные игры – проклятие этого общества.

Он поднялся на ноги и заходил взад и вперед между окном и камином, заложив руки за спину и сжимая их.

– Теперь Арабелла на нашем попечении.

– О да, – отозвалась леди Баррет сочувственно. – Что тебе делать, мое бедное дитя? Как могло случиться, что у тебя не осталось средств, что о тебе не позаботились?

Она умолкла, но в голосе ее звучало подлинное негодование.

Мэг потеряла свой острый подбородок, и палец ее уперся в ямочку посередине него. У нее была привычка потирать подбородок, когда она была погружена в глубокое раздумье.

– Может быть, попытаться убедить герцога, чтобы он выделил тебе средства?

– Да, это тоже было моей первой мыслью, – поддержал ее отец. – Если он честный человек, то поступит порядочно. Я немедленно навещу его. Где он остановился, Белла?

– В Лэйси-Корт, – ответила Арабелла, ожидая того, что должно было непременно последовать.

Сэр Марк замер на середине пути между окном и камином.

– Он ночевал там прошлой ночью? – спросил он, не сводя глаз с Арабеллы.

– Да, сэр, в комнатах моего брата в восточном крыле.

– А ты?

В вопросе его уже звучало недоверие, будто он ожидал невероятного ответа.

– В своей спальне в западном крыле, сэр. – Арабелла крепко сжала руки, лежавшие на коленях, чтобы унять дрожь в пальцах.

Доброе мнение ней Барретов было для нее слишком важно, чтобы она могла примириться с их недовольством или равнодушием.

– Боже милостивый! – На мгновение он потерял дар речи.

Потом провел рукой по блестящей лысине и спросил:

– О чем же ты думала, Арабелла? Ты должна была немедленно прийти к нам.

– В самом деле, дорогая, ты вообще не должна возвращаться в этот дом, – заявила леди Баретт темпераментно, берясь за свой веер. – Нет, нет, еще не все потеряно, если ты останешься здесь теперь же. Мы скажем, что ты пришла сюда поздно вечером, когда этот... этот... О, я не нахожу слов! Когда этот герцог приехал и вынудил тебя покинуть свой дом. Какой же он, должно быть, негодяй? – спросила она, не ожидая, впрочем, ответа, с силой складывая веер. – Мы пошлем за твоими вещами... Франклин и миссис Эллиот знают, что надо сюда доставить.

– Мэм, в этом нет нужды. – Арабелла тщательно и осторожно подбирала слова. – Как объяснил герцог, он сейчас заменяет мне брата. Что говорит против нашего проживания в разных крыльях дома? Мы можем даже не встречаться в коридоре. Кроме того, – добавила она, когда ей стало ясно, что у ее собеседников масса возражений, – у меня полно компаньонов и компаньонок. Во-первых, миссис Эллиот, потом моя старая няня...

– Твоя няня давно впала в маразм и не заметит даже, ес-

ли в доме начнется пожар, – возразил сэр Марк. – И ты не можешь считать домоправительницу достойной компаньонкой. Если бы я не знал тебя лучше, Арабелла, я бы счел, что ты потеряла рассудок от известия о смерти Фредерика. – Его глаза буравили ее, и он нетерпеливо качал головой. – Нет, это неубедительно. Ты немедленно переезжаешь к нам.

– Мой дорогой сэр, вы знакомы с его светлостью? – спросила леди Баррет.

– Лично не знаком. Мы вращаемся в разных кругах общества, – кратко ответил сэр Марк. – Но репутация этого человека широко известна. Он плут и негодяй. Ни одна уважающая себя особа женского пола не останется в одной комнате с ним.

– Это интересно – пробормотала Мэг. – Ведь известно, что у каждой тучи есть серебряная подкладка и у всякого явления две стороны.

Но ее слова были предназначены для одной Арабеллы. Она произнесла их ей на ухо.

Арабелла подавила желание улыбнуться при проявлении этой неистребимой жажды бунтарства. Независимо от того, насколько мрачным представлялось положение дел, Мэг всегда умела поднять ей настроение. И правдой было то, что, как бы плохо она ни думала о герцоге Сент-Джулзе, он был интересной личностью.

– Скорее всего сейчас его светлости нет дома, сэр Марк, – сказала она, увидев, что баронет положил руку на дверную

ручку.

И добавила со смехом:

– Выходя из дома, я видела, что он отправился на верхнюю прогулку.

– В таком случае я поеду к Эслопу обсудить с ним это позорное дело.

Сэр Марк вышел, громко хлопнув дверью.

– Да уж, предоставь все это сэру Марку. Он скоро все уладит, Арабелла, дорогая, – сказала леди Баррет со своей обычной верой во всемогущество мужа. – И ты, разумеется, останешься здесь.

Как ни горько было Арабелле обижать своих друзей, она сознавала, что не может их обременять и заставлять обеспечивать ее завтрашний день. Каким бы мрачным ни казалось ее будущее, оно принадлежало ей одной. Ей предстояло принимать решения самой, как бы трудны они ни были. Она твердо знала, что не станет обузой ни для кого.

– Вы очень добры, мэм, – сказала она осторожно, – но сейчас я должна оставаться дома-. Я ожидаю прибытия орхидей из Суринама в любой день. Это очень чувствительные... и ценные экземпляры. И я должна быть на месте, чтобы принять их. К тому же они очень дорогие. – Она улыбнулась со смущенным видом, как бы извиняясь, но тотчас же стерла с лица улыбку, прежде чем услышала возражения. – Кроме того, у меня есть два заказа на мои собственные, выведенные мной сорта, и я обещала отправить цветы при первой же

возможности. Это могу сделать только я.

– Орхидеи! – воскликнула леди Баррет. – Как ты можешь предпочитать орхидеи своей незапятнанной репутации?

Смущенная и извиняющаяся улыбка Арабеллы едва ли могла скрыть ее внутреннюю решимость.

– Моей репутации ничто не грозит, мэм, – сказала она, – Я уже перешла за пределы того возраста, когда меня можно было бы заподозрить в нескромности. Разве вы не согласны с этим?

Лицо леди Баррет выражало мрачную озабоченность.

– Но я не понимаю, почему можно счесть недостойным мое пребывание под одной крышей с наследником моего брата, – продолжала упорствовать Арабелла. – Герцог и сам достаточно взрослый, мэм.

Она пыталась создать у леди Баррет впечатление, что этот джентльмен пожилой, увенчанный сединами и стремительно выпадающий в детство, но видела, что для той ее аргументы неубедительны. Каково-то будет ей, когда леди Баррет увидит герцога Сент-Джулза во плоти! Об этом Арабелла могла только догадываться.

Она решительно продолжала:

– Кроме того, мадам, наше совместное житье долго не продлится. Я уже написала родственникам моей матери в Корнуолл и надеюсь, что они предоставят в мое распоряжение маленький коттедж на своей земле.

– О, моя дорогая, что бы сказала твоя мать?

Леди Баррет начала обмахиваться веером. Щеки ее покраснелись от волнения.

Арабелла подумала, оказалась бы она в таком отчаянном положении, если бы ее мать не умерла, когда ей шел всего пятый год. Конечно, она бы сумела защитить интересы дочери, она бы настояла, чтобы ей было выделено состояние. Но такого рода размышления ничего не давали. Она и на самом деле не знала, какой была ее мать. Была ли она сильной и независимой? Или слабой и находилась в полном подчинении у мужа? Леди Баррет никогда не могла толком описать Вирджинию Лэйси.

Она подавила невольный вздох и сказала:

– Уверяю вас, мэм, что буду вести себя безупречно.

– О да... разумеется, будешь... но этот человек, этот герцог... он плут и распутник... О, что же делать? – Она покачала головой, и кружевной бант на ее чепчике подпрыгнул.

Мэг прикрыла рот сложенными в щепоть пальцами. Она видела, что готовится битва и войска уже построены по обе стороны линии будущего сражения, и лучше родителей понимала, насколько смелой могла быть Арабелла, если дело доходило до принятия бесповоротных решений. Но возможно, пока еще для ее подруги не наступило время пойти ва-банк.

– Не думаю, что мы можем что-нибудь предпринять, пока не узнаем больше, – сказала она, и ее тонкие дугообразные брови сошлись над переносицей. – Было бы лучше, если бы

мы дали пыли осесть, и тогда, возможно, все мы будем мыслить яснее.

Она поднялась со стула, подошла к матери и нежно поцеловала леди в разгоряченную щеку. Леди Баррет издала тяжкий вздох:

– Ладно, подождем, пока вернется твой отец.

Мэг пробормотала что-то неразборчивое, но выражающее согласие, и они с Арабеллой встали из-за стола. Не сговариваясь, они отправились наверх, в старую классную комнату Мэг, ставшую теперь ее личной гостиной. Несколько поколений детей обитало в этой маленькой, отделанной панелями комнате с потертым дубовым полом и поцарапанным широким подоконником, еще слабо пахнувшей мелом и грифельными досками. Мебель была поношенной, цвет диванных подушек и вытертого до основы турецкого ковра, выгоревших на солнце, потускнел. Переплеты книг были отполированы до блеска. И все же она была по-своему уютной и хранила атмосферу дома. Медная ваза с ноготками украшала пустую и холодную каминную решетку. На столике с откидной крышкой цвела одна из экзотических орхидей Арабеллы. Так же молча, не сговариваясь, они закрыли дверь, облегченно вздохнув.

Мэг расположила свое худое и угловатое тело на лежащих на подоконнике вытертых диванных подушках и теперь смотрела с ненасытным любопытством на подругу умными зелеными глазами, слегка склонив голову набок.

– Итак, давай-ка восполним пробелы. Арабелла подергала себя за мочку уха. Она ожидала, что Мэг поймет, что за завтраком она рассказала только часть истории, так сказать, ее костяк, но у нее не было ни малейшего желания скрыть что-нибудь от Мэг, если бы она и могла это сделать. Обе девушки имели сначала одну гувернантку, потом одного наставника, когда сэру Марку стало ясно, что будет больше пользы, если им дадут неординарное образование, не такое, какое давали их сверстникам, которых готовили только для замужества. И эти годы, когда они были так близки, оставили у них обеих способность читать в душе друг друга.

– Ну, Белла, рассказывай, – повторила Мэг, после того как несколько минут прошло в молчании.

И Арабелла нерешительно начала.

– Я была в оранжерее, разгоряченная, потная и грязная, когда этот герцог вошел туда без доклада и выглядел, должна заметить, безусловно, – выпалила она с некоторым отвращением. – Можешь себе представить, на кого я была похожа!

– Легко могу, – согласилась Мэг сочувственно.

До известной степени она разделяла равнодушие Арабеллы к внешнему виду.

– Но раз ты работала в оранжерее в своем собственном доме, то не понимаю, какое ему могло быть дело до твоего вида.

Арабелла неохотно улыбнулась, распознав в этой речи обычную горячность Мэг и желание защитить ее.

– Он ничего и не сказал, – ответила она. – Но смотрел на меня.

– То есть оглядел тебя с головы до ног, нашел неполноценной и сообщил тебе, что твой брат убит и он выгоняет тебя из дома? – спросила Мэг с недоверием.

– Да уж, что касается этого, то он не был слишком учтив, – согласилась Арабелла. – Но он не сказал, что хочет выгнать меня из дома, – напротив, заявил, что я могу оставаться в Лэйси-Корт сколько угодно.

Она отвернулась от испытующих зеленых глаз Мэг и почувствовала, что краснеет.

Глаза пронизательной Мэгсузились.

– Это похоже на непристойное предложение.

Арабелла повернулась к ней с несколько принужденным смехом:

– Моя первая реакция была такой же. Однако оказалось, что у его светлости на уме другое.

Она замолчала, внезапно глаза ее задумчиво устремились куда-то в пространство.

Мэг ждала, затаив дыхание.

– Белла, – запротестовала она наконец, – ради Бога! Ты всегда начинаешь что-нибудь рассказывать и останавливаешься на самом интересном месте. Что произошло?

– О, прошу прощения! – Арабелла очнулась от своих мыслей. – Ну, короче, Мэг, он попросил меня выйти за него замуж.

Глаза Мэг стали похожи на блюдца.

– Он опустился на одно колено и попросил твоей руки?

Арабелла покачала головой и не смогла удержаться от смеха, представив эту нелепую сцену: элегантный и спокойный герцог Сент-Джулз на коленях.

– Ничего подобного. Это было прямо и без обиняков выраженное деловое предложение: «Мне нужны жена и наследник, вам необходим дом».

– Он видел тебя раньше? Я хочу спросить, он знал тебя? – Мэг никак не могла взять в толк случившееся.

– Нет, – решительно ответила Арабелла. – К тому же он был настолько любезен, что сообщил мне, что у него есть любовница, которая его вполне удовлетворяет, но ему позарез нужен законный наследник.

– Похоже, он настоящий хлыщ, – решила Мэг с холодным отвращением. – Надеюсь, ты дала ему должный отпор?

– Конечно, – согласилась Арабелла со страстью. – За кого ты меня принимаешь?

Мэг уставилась на свои колени, обтянутые муслином с узором из веточек, обводя рисунок кончиком пальца.

– Конечно, – сказала она медленно, – в иных обстоятельствах в таком браке были бы некоторые преимущества.

– Но ситуация должна была быть совсем иной, – язвительно ответила Арабелла. – Нет, я вовсе не слепа и понимаю преимущества брака с богатым герцогом. И все же предпочла бы получить его в мужа в другой, более приятной об-

становке.

– Значит, он довел твоего брата до смерти, – пробормотала Мэг. – Я не нахожу оправдания для Фредерика. Он превращал твою жизнь в настоящий ад, когда оказывался здесь, и все же во всем этом есть кое-что... – Она слегка передернула плечами. – Все-таки в этой смерти ощущается рука дьявола.

Арабелла мрачно кивнула:

– Я чувствую то же самое. И по правде говоря, Мэг, в самом герцоге Сент-Джулзе есть что-то дьявольское.

Мэг подняла глаза, оторвавшись от созерцания своей юбки. Внезапно глаза ее заблестели.

– Мне всегда была по душе игра с огнем.

– Знаю, – сказала Арабелла, вскакивая с низкого стула без подлокотников. – Но есть разница между тем, чтобы играть с огнем и быть пожираемой им.

Она принялась ходить по комнате, ее полосатые муслиновые юбки вихрем закручивались вокруг ног при каждом резком движении.

Мэг с минуту смотрела на нее, потом сказала со свойственной ей пронизательностью:

– Тебя уже немного опалил этот огонь, Белла?

Арабелла остановилась и заговорила, осторожно подбирая слова:

– Мэг, он вошел в мой дом, заявил, что отбирает его у меня, настоял, чтобы я составила ему компанию за обедом,

а потом поцеловал меня. Что ты скажешь?

– Думаю, у тебя есть основания его опасаться. – Мэг не спеша кивнула.

Блеск в ее глазах теперь превратился в пламя.

– И поцелуй был хорош? – В ее вопросе прозвучало искреннее любопытство.

Арабелла взяла диванную подушку и запустила в нее. Мэг со смехом увернулась, сделав змееобразное движение на подоконнике, чтобы поймать подушку, но ей это не удалось. Подушка ударилась в оконное стекло за ее спиной.

– О, – сказала она, голова ее все еще была повернута к окну, – похоже, твой герцог явился за тобой.

– Что?! – спросила Арабелла, сделав движение к окну.

Герцог Сент-Джулз с праздным видом стоял, прислонившись к столбу вороти поднимая лицо к солнцу. Он являл собой совершенную картину покоя и довольства.

– Белла, а герцог-то весьма элегантен и красив, – заметила Мэг.

– Я и не говорила, что это не так, – возразила Арабелла несколько запальчиво. – Но это ничего не меняет. Он по-прежнему остается распутником и плутом. Ты же слышала, что сказал твой отец. Он заядлый игрок, способный хладнокровно обречь человека насмерть...

– В нем есть что-то от дьявола, – перебила Мэг с задумчивым видом. – Несомненно, намек на что-то необычное и из ряда вон выходящее.

– Что-то опасное, – твердо заявила Арабелла. – От него исходит угроза.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – задумчиво сказала Мэг, прижимаясь лбом коконному стеклу, чтобы видеть лучше. – Может, такое впечатление создает седая прядь в волосах. Но этот седой локон придает ему и обаяние.

– Он так же опасен, как его рапира, – решила Арабелла. – И у него есть какой-то скрытый мотив, чтобы быть здесь, и что-то тайное кроется за его абсурдным предложением брака... как и за тем, что он довел Фредерика до самоубийства. Я в этом убеждена.

Мэг кивнула:

– Уверена, что ты права. Ах, – сказала она внезапно, – похоже, нас ждет что-то интересное.

– Что? – Арабелла встала коленями на подоконник рядом с подругой.

По тропинке к незнакомцу, стоявшему у ворот, приближался сэр Марк Баррет. Его сопровождали два мастифа. Шерсть у них на загривках поднялась дыбом.

В ожидании неизбежного Арабелла наблюдала, как герцог щелкает пальцами и обе огромные собаки подходят к нему и наклоняют головы, чтобы он потрепал их по шеям.

– Господи помилуй! – воскликнула Мэг. – Эти паршивцы вселяют непреодолимый страх всем, кроме отца.

– Скажу тебе, Мэг, если Джек Фортескью таким же образом очарует твоего отца, он сам дьявол во плоти, – заявила

Арабелла. – Эти зверюги просто показали, кто их господин.

Мэг разразилась смехом, но не спускала глаз со сцены у ворот. Они не могли слышать, о чем говорили мужчины, но видели, что герцог улыбается и ведет себя как нельзя более непринужденно. Казалось, он что-то объясняет сэру Марку, а тот слушает, не делая попытки перебить его. Теперь мастифы лежали на траве и казались мирными и не более опасными, чем пара миниатюрных пуделей. Раз или два баронет бросил на них взгляд, явно озадаченный необычной покорностью своих сторожевых собак.

– Бедный отец не знает, что и думать, – заметила Мэг. – Что твой герцог говорит ему?

– Он не мой герцог, – машинально возразила Арабелла.

– Ты только посмотри! – воскликнула Мэг. – Ты права. Он и впрямь воплощение дьявола.

Сэр Марк от души пожимал руку своему гостю, радушно приглашая его войти в дом.

– Он приручил отца, и тот теперь ест у него с руки, – сказала Мэг почтительно. – Если бы я не видела этого собственными глазами, не поверила бы.

– Я не говорила, что он не может быть обаятельным, когда захочет, – сказала Арабелла. – Но не приведешь ли причину, по которой я должна выйти замуж за человека, силой принуждающего меня к браку. Да и зачем ему я? Почему Джек Фортескью хочет на мне жениться?

– Это вроде военной репарации, – предположила Мэг.

– Да, и он сказал то же самое. Но только я не поверила. Есть в этом что-то еще.

Арабелла слезла с подоконника и снова начала беспокойно ходить по комнате.

– К тому же я не хочу, чтобы меня сочли бедной женщиной, лишившейся поддержки семьи и потому принимающей опеку человека, отнявшего у нее эту поддержку.

– Нет, разумеется, нет, – поспешила согласиться Мэг. – Это ужасное будущее. Мы обе знаем, что нельзя принимать ничего подобного. Мы обе давным-давно были бы замужем, будь мы способны на подобные компромиссы. Разумеется, ты не захочешь лишиться своей независимости. Но не стоит ли посмотреть на это с другой стороны?

– Не знаю как, – ответила Арабелла. – Мне просто предложили обмен: быть покорной женой и позволить мужу делать все, что угодно, а также пускать его в свою постель, когда он этого потребует. – В тоне ее прозвучала горечь.

Мэг обдумывала ее слова.

– Если рассмотреть все это только теоретически, потому что мы обе, разумеется, знаем, что ты ни в коем случае не примешь его предложение... мне кажется, если он считает, что ты должна смотреть на его связи сквозь пальцы, ты тоже могла бы потребовать подобной свободы. – Она задумчиво созерцала подругу. – Если, конечно, тебе захотелось бы завести любовника.

– У меня нет твоего опыта, Мэг, – сказала Арабелла с при-

нужденным смехом. – Все, что я знаю о восторгах спальни, я почерпнула от тебя.

Мэг издала короткий насмешливый вздох:

– Это было давно, так давно. Я почти и забыла, как это бывает.

– Когда у тебя возникнет возможность, ты все вспомнишь.

– Кто же я такая, если мне придется довольствоваться этим? – спросила Мэг. – Я однажды провела сезон в Лондоне, и из этого ничего не вышло. И потому я приговорена выбирать мужа из прыщавых юнцов или пьяных сквайров Кента.

– Или это, или придется вести жизнь, которая, как мы утверждали всегда, удовлетворяет нас, – заметила Арабелла. – В десять лет мы дали клятву и расписались кровью в том, что сохраним нашу независимость, и ничто, ни один мужчина не сможет заставить нас изменить решение.

Мэг со смехом покачала головой:

– Все это было прекрасно в десять лет, Белла. Но я еще не встретила мужчины, который согласился бы принять такие условия, да и ты тоже. И я не уверена, что хочу провести остаток жизни в состоянии целомудрия и девичества. А ты?

– По правде говоря, я тоже, – сказала Арабелла упавшим голосом. Ей представилась ее будущая жизнь в качестве бедной родственницы в коттедже в Корнуолле, и эти мысли ее не обрадовали.

Стук в дверь прервал затянувшееся молчание.

– Войдите, – сказала Мэг.

В дверном проеме возникла горничная, тотчас же присевшая в реверансе.

– Прошу прощения, мисс Мэг, но сэр Марк хочет знать, не присоединитесь ли вы с леди Арабеллой к нему в библиотеке.

Молодые женщины переглянулись. Если герцог ухитрился добиться поддержки баронета всего за полчаса, он был еще опаснее, чем они предполагали.

– Мы спустимся через пять минут, Мэдж, – сказала Мэг.

Когда за горничной закрылась дверь, она обернулась к Арабелле:

– Должно быть, он и в самом деле приручил моего отца, и тот ест у него с руки. Что такое он мог ему сказать?

– Очевидно, он убедительно представил ему все преимущества вступления с ним в брак, – сухо ответствовала Арабелла. – Твой отец всегда мыслил себя *in loco parentis*⁴, даже еще до смерти моего. А уж после того, как мой отец умер, сэр Марк не делал тайны из своего презрительного отношения к Фредерику. Я подозреваю, что он убедил себя, а сейчас, возможно, и твою мать в том, что это правильное решение моих проблем, и в том, что герцог – прекрасная и беспроблемная партия.

– Хотя, возможно, он развратник и плут, – пробормотала Мэг, вставая на цыпочки перед зеркалом и заправляя пряди,

---

⁴ В роли отца (лат.).

выбившиеся из ее рыжей гривы.

– О, я не сомневаюсь, что Джек внушил твоим родителям, что он сам архангел Гавриил, – кисло заметила Арабелла.

Мэг обратила внимание на то, что ее подруга столь непри-
нужденно назвала герцога по имени, и бросила на Арабеллу
проницательный взгляд, но воздержалась от комментариев.
Арабелле было решать, плавать ли в этих глубоких и темных
водах и как плавать. Мэг была готова предложить подруге
любую помощь и поддержку, если бы ей это потребовалось,
чтобы противостоять давлению со стороны ее родителей. А
они обе чувствовали, что их натиск будет нешуточным.

Она сжала руку Арабеллы, быстро и ободряюще клюнула
ее в щеку, и они пошли вперед по коридору.

ГЛАВА 6

– Ах, Белла, Мэг, дорогие, входите, – приветствовал их сэр Марк, как только они появились на пороге библиотеки.

Его супруга сидела на прямом стуле без подлокотников, держа на коленях сложенный веер. У нее был несколько смущенный и задумчивый вид человека, которого только что переселили на другую планету.

Джек поставил свою кружку с элем и поднялся на ноги.

– Моя дочь Маргарет, – сказал сэр Марк. – Мэг, дорогая, позволь представить тебе его светлость герцога Сент-Джулза.

Джек склонился над рукой Мэг:

– Счастлив с вами познакомиться, мэм.

– Сэр, – ответила Мэг, приседая в реверансе, и, отняв руку, принялась внимательно и придирчиво его разглядывать.

Джек ответил ей тем же. Он рассматривал ее, и на лице его появилась легкая задумчивая улыбка. Подруга Арабеллы была ее полной противоположностью: худощавая и угловатая, с острыми чертами лица, тонкокостная и низкорослая, в то время как Арабелла была высокой и линии ее тела были намного мягче, а фигура напоминала песочные часы. Да и краски Арабеллы были сочетанием кремовых и золотистых тонов. Во внешности Мэг обращал на себя внимание контраст между очень белой кожей, чуть припорошенной вес-

нушками, и короной ярко-рыжих обильных волос. Он размышлял, отразился ли этот контраст и на ее темпераменте. Чувствуя, что в этом разглядывании было нечто вызывающее, он несколько усомнился, что его догадка верна. Впрочем, Арабелла тоже смотрела на него во все глаза. Он бросил на нее внимательный взгляд, но лицо ее оставалось бесстрастным.

– Садитесь, мои дорогие, – сказал сэр Марк, жестом указывая на софу в стиле чиппендейл. – Знаю, Арабелла, что ты не любишь эль, но, может, выпьешь кофе... или лимонаду?

Арабелла покачала головой:

– Благодарю вас, сэр, я ничего не хочу. – Она села на софу рядом с Мэг, тоже отказавшейся от предложенных напитков.

Сэр Марк стоял возле незажженного камина, держа руки за спиной. Лицо у него было серьезное.

– Герцог только что разъяснил нам, при каких обстоятельствах умер твой брат, Арабелла...

– Неужели, сэр? – Арабелла подняла на него невинные глаза. – Мне он не смог объяснить этого удовлетворительно. Человек не доводит другого до самоубийства без веской причины.

Баронет нахмурился. Герцог же только снова взял в руки кружку с элем и подошел к высоким французским окнам, выходящим в сад и теперь открытым. Леди Баррет играла своим веером.

– Я знаю, Арабелла, что это трудно понять женщине, но

карточные долги отличаются от любых других, – сказал сэр Марк таким тоном, каким объясняют азбучные истины. – Человек не может не выплатить карточного долга, а если он не способен расплатиться, то у него не остается выбора... – Он умолк, и в комнате воцарилась тишина.

Потом заговорил снова:

– Есть только два пути – ссылка или смерть. Прости, что я излагаю все это так прямо, но в обществе есть неписанные правила, которым подчиняются все без исключения, и твой брат знал это.

– Я прекрасно это понимаю, сэр Марк. Но не могу взять в толк другое: почему единственным кредитором моего брата оказался его светлость? – Она сделала неопределенный жест в сторону герцога, наблюдавшего за ней из-за края кружки с пивом. – Я бы поняла, если бы Фредерик задолжал половине игроков Лондона, как и значительной части ростовщиков. Но похоже, что должен он был одному только герцогу Сент-Джулзу. Вам это не кажется несколько странным?

Джек поставил свою кружку и, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес:

– В таком случае позвольте мне объяснить это, что я был готов сделать и раньше, если бы меня спросили.

Арабелла наклонила голову, соглашаясь, но вид у нее был при этом иронический. Она сложила руки на коленях и приготовилась выслушать его. Баронет сел и поднес к губам бокал с видом человека, сбросившего с плеч тяжкую ношу.

Джек продолжал, по-прежнему чеканя каждое слово:

– Я принял на себя все долги вашего брата много месяцев назад, Арабелла. Я стал его единственным кредитором и полностью оплатил все его векселя.

Арабелла нахмурилась:

– Почему брат позволил вам взять на себя все его долги? Или вы, милорд, живете за счет вымогательства? И сколько же вы у него запросили за кредит?

– Арабелла! – осадил ее сэр Марк, не позволивший себе ничего, кроме как окликнуть ее по имени, протестуя против столь вопиющего оскорбления.

Леди Баррет громко и испуганно втянула воздух. Арабелла не обратила на них ни малейшего внимания и продолжала неотрывно смотреть на герцога.

Джек Фортескью пожал плечами:

– Ваш брат понятия не имел о том, что я выкупил его векселя у ростовщиков. Ему просто сказали, что некая неизвестная личность скупила его долговые расписки. Для ростовщиков в этом нет ничего необычного. Они постоянно продают векселя своих должников с выгодой для себя. Для них это существенная статья дохода. Ваш брат уже был больше не в состоянии выплачивать процент по ссуде, а я не был заинтересован в том, чтобы наживаться на нем.

– Почему же вы оказали ему такую услугу, сэр? Из того немногого, что я в прошлом слышала, у меня создалось впечатление, что вы не были друзьями.

Она выдержала его взгляд, сознавая, что если опустит глаза, то проиграет в этом поединке взглядов.

– Мы были знакомы, вращались в одних и тех же кругах.

– В кругах игроков, – перебила она.

Он отвесил ироничный поклон, признавая ее правоту.

– Само собой разумеется. В игорных домах и клубах помогать друг другу – обычное дело.

Внезапно глаза его стали непроницаемыми, будто подернулись дымкой, потому что на мгновение он вновь испытал злобное торжество, сопровождавшее каждый его шаг, который должен был привести Фредерика Лэйси к тщательно подготовленной им гибели. Каждую перекупленную долговую расписку Джек воспринимал как еще один кирпич в воздвигавшемся им здании мести, а граф не видел занесенного над своей головой меча, до тех пор пока тот на него не опустился.

– И вы обеспечили себе в конечном счете недурную прибыль, – заметила Арабелла с циничной улыбкой.

Он снова пожал плечами:

– Такова природа игры, мэм. Вы рискуете, делаете ставку, проигрываете или выигрываете.

От этого спокойного замечания у всех присутствующих пробежал по спинам холодок, а в глубине серых глаз герцога, до этого мгновения непроницаемых, блеснуло нечто, похожее на молниеносное сверкание рапиры.

Сэр Марк прокашлялся, туго натянутая нить, будто со-

единившая взгляды двух дуэлянтов, лопнула, и в сфере их интересов вновь оказалась комната и слушатели, внимание которых было приковано к соперникам.

– К несчастью, это правда, – подал голос сэр Марк. – Игра – это опасно, а твой брат играл как безумный, Арабелла. Он знал, что делает.

Арабелла не ответила. Она подозревала, что Фредерик считал, что знает, что делает, но на самом деле он играл с мастером, жившим по совсем иным правилам. Бедный глупец, подумала она с брезгливым состраданием. Теперь она не могла больше видеть в нем одну злобу и грубость. Он был путаником, и единственное, что его интересовало в жизни, – это он сам, но за это он заплатил, и, пожалуй, цена оказалась слишком высока.

Украдкой она бросила взгляд на герцога. Он был абсолютно спокоен, держался легко и непринужденно, улыбался очень уверенно. И был так безгранично опасен. Только глупец посмел бы играть против Джека Фортескью. Неужели и она была настолько доверчива, чтобы делать это? Внезапно явившаяся мысль поразила ее. Можно ли рассматривать всерьез предложение герцога? И думать о том, чтобы принять его? Господи! Должно быть, она сходит с ума! Не сознавая этого, Арабелла с силой тряхнула головой.

– Белла! – сказала Мэг, ткнув ее локтем в руку. – Ты выглядишь так, будто с кем-то разговариваешь.

С секунду Арабелла смотрела на нее, не понимая, о чем

та говорит. Потом пожала плечами и улыбнулась, извиняясь:

– Простите меня. Мне надо о многом подумать. Я оказалась будто в другой вселенной.

– Этого следовало ожидать, моя дорогая, – сказала леди Баррет сочувственно. – Но ты среди друзей и никогда не должна забывать об этом.

– Знаю, мэм, и я всегда вам за это благодарна, – ответила Арабелла и пожала ей руку с искренним чувством.

– Давайте теперь посмотрим, что можно сделать, – поспешил сэр Марк опередить жену, пока у той не полились слезы.

Он сделал большой глоток эля и задумчиво взглянул на Арабеллу.

– Герцог подсказал возможный способ разрешить это несчастное дело, моя дорогая. – Он выжидательно посмотрел на нее.

Арабелла решила, что было бы интересно увидеть, в какой форме Джек изложил Барретам причину, по которой сделал ей предложение. Поэтому она ничего не ответила, только посмотрела на сэра Марка, полная вежливого внимания, и лишь в глазах ее тлели искры умеренного любопытства.

Мэг принялась переставлять вазу с розами на низком столике возле софы.

Ей было очень любопытно, как Арабелла сыграет в этой сцене. Разумеется, она не станет облегчать герцогу его задачу, но сама Мэг решила, что предложение вовсе не такое уж плохое. Как ни пыталась она смотреть на него с холод-

ным и недоброжелательным интересом, все же не могла не заметить магнетической силы, исходившей от этого человека. Никакое сопротивление не могло устоять против нее. Решит ли Арабелла в конце концов принять его предложение или нет, ей потребуется вся помощь, какую они смогут ей оказать, для того чтобы сохранить свою позицию и не капитулировать вне зависимости от обстоятельств. Арабелле эта поддержка потребуется очень скоро, и придется ее оказывать ей часто и в дальнейшем.

Леди Баррет раскрыла веер среди затянувшегося молчания. Наконец сэр Марк сказал, недоуменно хмурясь:

– Кажется, Белла, его светлость говорил с тобой?

– Разумеется, у нас была беседа, – отвечала Арабелла с невинным видом. – Трудно было бы молчать, если врывается в чужой дом и лишаешь хозяев всей их собственности.

Джек сжал губы, будто собирался свистнуть, но из уст его не вырвалось ни звука. Он поставил пустую кружку и оперся плечами о притолоку. Сэр Марк смотрел на него с озадаченным видом:

– Фортескью, я так понял, что вы обсудили этот вопрос с Арабеллой.

– Так и есть, сэр.

Герцог принялся рассматривать свои руки, потом потирать большим пальцем одной ладонь другой руки, потом вертеть с задумчивым видом квадратный изумруд в своем перстне. Каждому присутствующему в комнате было ясно,

что герцог Сент-Джулз во власти сильных чувств и пытается держать их на привязи.

Арабелла так и не могла решить, взорвется ли он в припадке вулканического гнева или разразится смехом. Как бы то ни было, настало время покончить с этой шарадой.

– Разумеется, вы имеете в виду не смехотворное предложение герцога, сэра Марк? Я не придавала ему значения. Эта мысль абсурдна.

– Арабелла, дорогая моя, подумай как следует, – перебила леди Баррет, прежде чем ее муж успел что-нибудь сказать. – Это престижные связи. А в настоящих обстоятельствах... мне это представляется разумным. – Она нерешительно улыбнулась. – Знаешь ли, это весьма благородное предложение.

– Думаю, я смогу обойтись без такого благородства, мэм, – возразила Арабелла с изрядной долей высокомерия. – Я уже написала своим родственникам в Корнуолл и уверена, что они примут меня. Я смогу кое-что заработать, разводя орхидеи, и буду вполне независима и довольна.

Герцог издал звук, который можно было истолковать как изъявление недоверия или подавленный смех. Арабелла сверкнула на него глазами:

– Вы что-то сказали, ваша светлость?

– Нет, – ответил он, и в его глазах появился опасный блеск. – Я ни слова не произнес.

Сэр Марк вздохнул.

– Все это очень сложно, – признал он. – Не думаю, что вы могли ожидать от Арабеллы немедленного принятия решения. Но я хочу, чтобы ты хорошенько подумала, моя дорогая. В этом браке есть преимущества. – Он подошел к ней и потрепал ее по плечу. – Я и в самом деле считаю, как уже сказала леди Баррет, что тебе надо время, чтобы основательно все обдумать. Какие у тебя возможности? Сейчас твои нервы на взводе... – Он резко повернулся, услышав приглушенный звук, изданный дочерью. – Ты хочешь что-то сказать, Маргарет?

В глазах Мэг плясали искры.

– Отец, когда ты видел, чтобы у Беллы разыгрались нервы? Они у нее стальные.

Сэр Марк возмущенно посмотрел на дочь, но он знал Арабеллу с младенчества и не мог опровергнуть слова Мэг. Он откашлялся и сказал отрывисто:

– Ладно, пусть так, но смерть Фредерика – ужасное потрясение для нас всех.

Он бросил взгляд, полный сомнения, на герцога, все еще стоявшего у окна и наблюдавшего за этой сценой с насмешливым любопытством. Что-то в нем не вписывалось в образ человека, спокойно получившего прибыль от чьей-то смерти. Мысль эта будоражила, и баронет попытался ее прогнать. Его долгом было наилучшим образом обеспечить будущее Арабеллы, а брак с герцогом Сент-Джулзом мог стать едва ли не единственным способом разрешения этой прискорб-

ной ситуации.

Он снова повернулся к Арабелле и сказал:

– Моя дорогая, ты должна немедленно переселиться к нам, пока будешь раздумывать над предложением герцога. Тебе нужны материнская помощь и совет, а леди Баррет может дать тебе и то и другое.

Арабелла покусывала нижнюю губу. Ей была ненавистна мысль о том, что ее могут счесть неблагодарной, но она предпочитала справляться со своими неприятностями в одиночку. Теплота и привязанность к ней Барретов станут, как она знала, невыносимой ношей и усилят давление на нее, если она попытается найти хоть какой-нибудь выход и избежать этого брака. Она улыбнулась им со смиренным видом.

– Вы очень добры, – проговорила она с чувством. – Вы оба... но я останусь в Лэйси-Корт до тех пор, пока не получу известие из Корнуолла. Не думаю, что герцог пробудет здесь долго.

Она посмотрела на него. В ее взгляде был вызов.

– Напротив, – ответил он, разглаживая складку на пышной кружевной манжете. – У меня есть намерение задержаться в этой очаровательной части Кента до конца лета. Я нахожу его климат очень здоровым.

Арабелла прикусила губу. Леди Баррет заговорила снова:

– В таком случае все решено, дорогая. Ты должна тотчас же переехать к нам. Как мы все утро твердим тебе, ты не должна оставаться в одном доме с его светлостью без при-

смотра.

– Миссис Эллиот и моя старая няня – вполне надежная защита, мэм, – ответила Арабелла тем тоном, который ее собеседники отлично знали. – Я не хочу показаться неблагодарной или невнимательной к вашим советам, но решила, что меня не удастся выкурить из моего дома, пока я не буду готова его оставить. – Она поднялась с софы с решительным видом и протянула руку баронету: – Искренне благодарю вас, сэр.

– Ты всегда идешь своим путем, Белла, – сказал он, пожимая протянутую руку и качая головой.

Она снова повернулась к леди Баррет с той же извиняющейся улыбкой:

– Желаю вам доброго утра, сэр... леди Баррет.

Потом наклонилась поцеловать ее милость, которая только печально покачала головой, но клюнула ее в щеку.

– Пойду с тобой и позову собак, – сказала Мэг, вскакивая на ноги. – Ты должна увидеть, как подросли щенки Ред Леди.

Она сделала реверанс Джеку:

– Желаю вам доброго дня, ваша светлость.

Он поклонился:

– Всего хорошего, мисс Баррет. Я подожду вас у ворот, Арабелла.

– О, в этом нет необходимости, сэр, – ответила та, всем своим видом говоря, что отказывается от этой чести. – Я сумею найти дорогу домой.

– И все же я подожду вас. Я сопровождал вас сюда и провожу обратно.

В этом его заявлении было нечто неумолимое.

Арабелла решила, что ничего не выиграет от бессмысленных препирательств. Поэтому просто повернулась и пошла впереди Мэг.

– Битва титанов, – заметила Мэг со смехом, когда они вышли через заднюю дверь и повернули к конюшне.

– И что это значит?

– Это означает, что произошла встреча двух несокрушимых сил. И не берусь судить о том, кто выиграет сражение.

– Я бы не назвала это сражением, – сказала Арабелла, когда они вошли в прохладное пахнущее сеном помещение конюшни, где оценилась рыжая сука сеттера.

Или все-таки это противостояние можно было так назвать? Ей снова вспомнилось, что в какой-то нелепый момент она, казалось, помимо собственной воли раздумывала о возможности принять предложение герцога. Конечно, эта была минута безумия.

Мэг примостилась на перевернутом ящике рядом с коробкой, в которой копошились шестеро пушистых щенков, и посмотрела на подругу скептически.

– Чепуха, – заявила она. – Ты не можешь находиться с ним в одном доме и не сталкиваться постоянно.

Она протянула руку к куче щенков и положила одного себе на колени.

Арабелла села на тюк с сеном и тоже завладела одним пушистым комочком. Она не пыталась оспорить сказанное Мэг и только спросила:

– И что ты о нем думаешь? Теперь, когда познакомилась с ним.

Она принялась гладить длинные пушистые уши и почувствовала шершавый язычок на своем пальце. Остальные щенки проснулись и начали громоздиться друг на друга, пытаясь выбраться из коробки. Борис и Оскар ворвались и внезапно остановились на несколько секунд, а потом полезли на попискивающую и тявкающую кучу. Они заглядывали в коробку и обнюхивали малышей, тычась в их спины и подталкивая их носами.

Мэг засмеялась:

– По правде говоря, не знаю. Он не из тех, кто может нравиться. Это было бы слишком просто. – Она бросила на Арабеллу взгляд искоса. – Но я могу себе представить, что к нему можно испытывать тягу. Его что-то гнетет, какое-то время.

– М-м, – пробормотала Арабелла. – Мне пора идти. Я сегодня не занималась своими орхидеями.

Она опустила щенка в коробку с его братьями и поднялась. Борис и Оскар бросились в залитый солнцем двор и остановились в ожидании хозяйки.

Мэг удержала ее за руку, и так они последовали за собаками, не разжимая переплетенных пальцев. Она живо чув-

ствовала смятение Арабеллы, почти слышала его, но решила не напрашиваться на откровения, потому что знала, что та сама ей обо всем расскажет, когда будет готова. Дойдя до угла дома, они распрощались, обменялись поцелуями, и Мэг вернулась в дом, где, как она знала, предстоит долгий разговор с матерью о будущем Арабеллы.

Джек ждал именно там, где и обещал. Он казался терпеливым и вполне довольным. Собаки кинулись к нему, и он наклонился почесать их за ушами, а потом бросил им палку. Они помчались за ней с громким лаем, а он выпрямился и непринужденно улыбнулся Арабелле.

– Мы снова пойдем полями? – спросил он. – Проселочная дорога, идущая от перекрестка, по-моему, очень тихая, приятная и тенистая.

– И какую же дорогу вы предпочитаете?

Джек смотрел на нее с веселым и насмешливым удивлением:

– Вы спрашиваете меня?

– Почему бы и нет? – поинтересовалась она. – Я вполне способна пойти вам навстречу, если вы оказываете чему-нибудь предпочтение. Пока что я не проявила неучтивости по отношению к вам.

– А как вы назовете этот демарш у Барретов? Вы же делали вид, что понятия не имеете, о чем говорит сэр Марк.

В его голосе Арабелла расслышала раздражение и решила, что там, в библиотеке, он пытался подавить гнев, а не

смех.

– Мне не нравится, когда мое будущее обсуждают люди, не представляющие, какое решение я приму, – ответила она. – Сэр Марк и леди Баррет – мои друзья с самого моего детства, но они не имеют на меня никаких юридических прав. У меня нет опекуна, ваша светлость, и мне он не требуется... От перекрестка пойдем по проселочной дороге, потому что, кажется, вы предпочитаете ее.

Она зашагала впереди и наклонилась только, чтобы отобрать у Оскара облизывавшую палку, бросила ее через ограду, ограничивающую узкую проселочную дорогу, и та описала высокую дугу. Собаки нырнули в подлесок и исчезли из виду.

Джек нагнал ее и взял за руку:

– Минуточку, Арабелла! Похоже, возникло недоразумение. Я всего лишь объяснял мое присутствие здесь людям, которые будут моими соседями. Если я счел целесообразным объяснить мои намерения тем, кто столь неравнодушен к вам и готов защищать ваши интересы, то, думаю, в этом нет ничего дурного.

Арабелла стряхнула его руку:

– Не стоит лукавить, сэр. Вы не собираетесь жить в Лэйси-Корт и стать их соседом. Достигнув своей цели, какой бы она ни была, вы вернетесь в игорные дома Лондона. Вы просто пытались завербовать сторонников и получить поддержку от людей, которые, как вы правильно догадались, готовы

вам ее оказать.

Джек взял ее за плечи, когда она уже повернулась, чтобы идти дальше. Он стоял, глядя в ее золотистые глаза, которые теперь мерцали, как у кошки, подкарауливающей добычу. Ее полные губы были крепко сжаты, а подбородок поднят и выражал непоколебимую решимость.

– Вы делаете все возможное, чтобы вызвать мой гнев, – сказал он почти задумчиво. – Должен вас предупредить, дорогая, что это неразумно. В гневе я становлюсь безобразным, а перед вами пытаюсь предстать в наилучшем свете. Я хочу вам понравиться.

Эта идея вызвала ее смех, но в нем не было веселья. Как сказала Мэг, Джек Фортескью едва ли вызывал симпатию.

– Это можно было бы счесть самым мягким условием столь недостойного брака, – ответила она.

У нее возникло чувство, что такое предупреждение давалось ему нелегко, и она решила, что на время стоит покончить с конфронтацией. Он не слишком крепко держал ее за плечи, но она ощущала тепло его рук и близость его тела, и это не давало ей возможности стряхнуть его руки и отступить. Она чувствовала жар его кожи, и тем не менее яростное солнце не оказывало на него ни малейшего влияния, в то время как ее непокрытую голову оно пекло нещадно. Казалось, что на ее темя давит раскаленная тарелка.

– Да, понравиться, – повторил он. – Но в браке есть еще кое-что, Арабелла.

Джек убрал руку с ее плеча, и она тотчас же оказалась у нее под подбородком, и он приподнял ее лицо. Потом крепко поцеловал ее в губы. И этот поцелуй не походил на легкое вчерашнее прикосновение к уголку ее рта. Этот поцелуй поглотил ее всю. Глаза ее невольно закрылись, и она теперь воспринимала только запах его кожи, вкус языка и жаркий напор тела на ее собственное, и, не сознавая этого, она подалась ближе к нему. Свободной рукой он обхватил ее за талию и прижал к себе, а ее язык начал двигаться в одном ритме с его языком, и ей теперь показалось, что остался только чувственный мир, в котором алое пламя запылало под ее веками.

Он медленно поднял голову, не убирая руки с ее талии и другой придерживая ее голову под подбородком. Его серые глаза не отрывались от ее лица, а в их глубине таился томный жар.

– Есть и еще кое-что, – сказал он. – Брак без страсти – нечто унылое.

Арабелла сглотнула. Страсть? Она поднесла руку к голове, заправила непокорную прядь волос за ухо. У нее слова не шли с языка.

– Нам незачем стоять здесь на жарком солнце, – сказал Джек совсем иным тоном. – Вам не следовало выходить без шляпы.

Он взял ее за руку с привычной непринужденностью, казавшейся совершенно естественной для него, и молча пошел

по проселочной дороге. Он не мог понять, как случилось, что дело, приведшее его сюда, вдруг приобрело совершенно иной, личный характер. Теперь оно больше не было осуществлением давно задуманной мести. Чем упорнее Арабелла сопротивлялась ему, тем сильнее ему хотелось покорить ее. Он смотрел на нее, идущую рядом с ним с озабоченным видом и время от времени бросающую палки собакам, несущимся по дороге впереди них. Раз, будто почувствовав его взгляд, она посмотрела на него, потом перевела глаза на дорогу перед собой.

Она пыталась убедить себя, что, если не будет думать об этом поцелуе, если больше не станет упоминать о нем, тогда, возможно, все станет прежним, будто никогда и не было ничего другого. Но к сожалению, ей не удавалось морочить себе голову.

Они приблизились к Лэйси-Корт, миновав рощицу у большой дороги. Арабелла остановилась, когда стал виден дом. Она вздохнула:

«О, этого-то я и ожидала».

К парадному входу подкатил экипаж, и женщина в негнущемся платье и преувеличенно большом кринолине вышла, опираясь на руку цветущего вида джентльмена в парике и бархатном сюртуке цвета бургундского вина.

– Позволю себе высказать догадку, что это прибыли с визитом леди Эслоп с супругом, – сказал Джек.

– Именно.

Арабелла свистнула собакам, и они побежали с ней рядом.

– Если мы останемся за деревьями, они уедут, – предположила она, полная надежды.

– А я-то полагал, что вы предвкушаете встречу с ними, – заметил он. – Вы ведь обещали, что мы оба позабудемся.

– То было вчера, – ответила Арабелла. – Теоретически это звучало забавно, но, боюсь, реальность не такова.

– Ну я-то жажду встречи со своим коллегой – мировым судьей и его супругой, – заявил Джек.

Он окинул ее быстрым взглядом и слегка покачал головой.

– Можете вы войти в дом незаметно?

– Да, – ответила Арабелла удивленно. – Но зачем?

– У вас, дорогая, в волосах застряла солома или сено, и соломинки прилипли к вашему платью на спине. А спереди на подоле собачья шерсть. Едва ли ваша обувь пригодна для того, чтобы принимать визитеров. И может быть, вы что-нибудь сделаете со своими волосами? – И он провел ладонью по ее голове, будто приглаживая волосы и подводя итог изъяснам в ее внешности.

Арабелла тотчас же вспомнила, что побывала на конюшне и возилась со щенками. Она отряхнула рыжую шерсть с юбки.

– Это меня щенки наградили.

– Да, верно, – согласился Джек. – Пока вы будете переодеваться, я встречу леди Эслоп и ее супруга.

Арабелла раздумывала.

– И как же вы им объясните ситуацию, Джек?

– Я не убежден, что обязан что-нибудь объяснять, – возразил он.

Ее глаза заблестели:

– Ну, если уж вы вознамерились уязвить Лавинию Эслоп, то я непременно должна присутствовать при этом.

На его губах появилась ленивая и медлительная улыбка.

– Вот это намного лучше.

Она осознала, что назвала его по имени, но отбросила этот удивительный факт, мысленно пожав плечами.

– Прошу вас не попадаться на глаза Лавинии, пока я не буду готова. И попросите Франклина подать напитки в гостиную. Пусть он им скажет, что мы скоро придем.

Он кивнул:

– Даю вам двадцать минут.

– Встретимся в библиотеке через пятнадцать.

И, не оглянувшись, она подобрала юбки и побежала между деревьями к заднему крыльцу.

Джек простоял достаточно долго; чтобы поправить шпагу, отряхнуть полы своего сюртука и расправить кружевной воротник и манжеты. Потом неспешно зашагал по подъездной дорожке к боковой двери с видом человека, владеющего всем, что оказалось в поле его зрения.

ГЛАВА 7

Джек вошел в дом через боковую дверь, и тотчас же появился Франклин. Вид у него был озабоченный.

– У вас гости, ваша светлость. Лорд и леди Эслоп. Я пытался объяснить, что вас нет дома, но ее милость... – Он широко развел руками.

– Да, от нее трудно отделаться, – закончил за него Джек. – Я слышал это от леди Арабеллы. – Он ободряюще улыбнулся дворецкому. – Леди Арабелла пошла наверх переодеваться. Когда она спустится вниз, мы встретим их вместе. А пока не будете ли так любезны подать им напитки и объяснить, что мы только что вернулись домой и присоединимся к ним через несколько минут?

– Конечно, ваша светлость.

Франклин вздохнул с облегчением и с уверенным видом отправился выполнять поручение.

Джек проследовал в библиотеку, где налил себе бокал мадеры из графина, стоявшего на низком буфете, и стал ждать Арабеллу. Верная своему слову, она проскользнула в комнату менее чем через двадцать минут.

Он оглядел ее с головы до ног. На ней было яблочно-зеленое шелковое утреннее платье, а волосы ее скрывал прелестный кружевной чепчик.

– Ну как, ваша светлость, я выгляжу опрятно, на ваш

взгляд? – спросила она с насмешливым видом, сделав реверанс.

– Сойдет, – отвечивал Джек. – Но я бы с радостью взял на себя заботу о ваших туалетах. В этом болоте вы попусту тратите время.

– Что вы хотите сказать? – Она не вполне понимала, подарил ли он ей замысловатый комплимент или оскорбил ее.

– Моя дорогая, будучи одетой и причесанной должным образом, вы бы вскружили немало голов. – Он поставил бокал. – Как ни странно, мне бы хотелось это увидеть. Пойдем бросим вызов этому дракону в юбке. – Он открыл дверь, предлагая ей выйти первой.

«Что бы это могло значить?» – гадала Арабелла, выходя в холл первой.

Франклин маячил возле гостиной и, завидев их, широко распахнул двустворчатые двери.

– Благодарю, Франклин, – улыбнулась Арабелла, входя в комнату, и тотчас же присела в реверансе. – Леди Эслоп, милорд, какой приятный сюрприз! Как мило, что вы навестили меня.

Леди Эслоп встала со стула, обитого штофом, прижимая руку к груди. Ее двойной подбородок сотрясался от негодования, и она слегка покачивалась на высоких каблуках. Нечто похожее на голубиное гнездо, сооруженное на ее голове из припудренных волос, подрагивало в такт ее движениям.

– Так это правда, – сказала она дрожащим голосом. – Я не могла этому поверить, леди Арабелла. Вы живете под одной крышей с мужчиной в отсутствие брата.

– Новости распространяются быстро, – сказала Арабелла, криво усмехнувшись. – Однако вам, должно быть, неизвестно, что мой брат... лорд Данстон... скончался.

Она знаком указала на Джека, стоявшего сзади.

– Разрешите представить вам его светлость герцога Сент-Джулза. Он наследник моего брата.

Если леди и услышала ее последние слова, то никак на них не отреагировала.

– Скончался! – воскликнула она. – Граф умер! Как это могло случиться? – Она повернулась к мужу: – Эслоп, как это могло произойти? И почему вы об этом не слышали?

За спиной Арабеллы Джек взял небольшую понюшку табаку, невозмутимо разглядывая гостей. Виконт мучительно пытался придумать, что ответить супруге на ее вопрос.

– Кто этот человек? – спросила Лавиния, махнув веером в сторону герцога. – Что он здесь делает, леди Арабелла?

– Прошу прощения, я думала, вы меня слышали, – сказала Арабелла бесцветным голосом. – Позвольте мне представить вам наследника моего брата и нового владельца Лэйси-Корт. – На мгновение глаза ее загорелись, когда она заметила смятение и любопытство в изумленном взгляде Лавинии. Арабелла повторила, тщательно подбирая слова:

– Его светлость герцога Сент-Джулза.

На мгновение воцарилось потрясенное молчание, и Джек, положив в карман табакерку, отвесил поклон.

– Ваша светлость, – пробормотала леди (до сих пор герцоги не забредали в ее владения), – герцог Сент-Джулз... – Она протянула помертвевшую от волнения руку и пригладила голубиное гнездо, водруженное на голову, чтобы убедиться, что оно на месте.

На ее губах затрепетала угодливая улыбка.

– Он самый, мэ, – ответил Джек, снова отвешивая поклон.

– Ну... мы, конечно... в восторге, ваша светлость. Это такая честь. Эслоп, поклонись его светлости.

Она присела в реверансе, махнув рукой несчастному мужу. Эслоп покорно согнулся в низком поклоне, прижимая шляпу к груди.

– Ваша светлость!

Джек ответил ему лишь легким кивком, а его серые глаза на бесстрастном лице оставались холодными. Веер затрепыхался в руках ее милости.

– Я не знала, что его светлость в родстве с графом Данстоном. Конечно, в подобных обстоятельствах для леди Арабеллы нет ничего непристойного в том, что она будет делить кров с родственником. Не так ли, Эслоп? – Она властно кивнула мужу.

– Да, да, в этой ситуации, – забубнил виконт и невпопад добавил: – Я и не знал, что между этими двумя семьями есть

родство.

Его супруга пронзила Арабеллу вопрошающим взглядом:

– Я так понимаю, что его светлость – ваш родственник, леди Арабелла?

– Ничуть не бывало, – спокойно возразил Джек.

Лавиния тотчас же обнаружила признаки возмущения такой безнравственностью:

– В таком случае... как... как вы можете быть его наследником?

– Разве вас это касается, мадам? – спросил Джек со слабостью, но, несомненно, ледяной улыбкой.

Леди Эслоп вспыхнула. Краска залила ее шею и сильно нарумяненное и напудренное лицо. Теперь ее негодование дошло до высшей точки.

– Разумеется, это мое дело, если репутация нашего маленького сообщества под угрозой, а одна из наших соседок обесчещена, опозорена и благоприятное мнение о ней безнадежно погублено. И не важно, герцог вы или нет.

– Боже милостивый, мэм, неужто столь сокрушительные последствия может повлечь за собой всего лишь двадцатичетырехчасовой визит? – спросил Джек с удивлением. – Леди Арабелла, неужели дело так скверно?

Губы Арабеллы дрожали, но она овладела собой, хотя далось ей это нелегко. Она заговорила примиряющим тоном:

– Леди Эслоп, мой брат назначил своим наследником герцога и, поступив так, отдал меня под его покровительство.

Его светлость Сент-Джулз заменяет мне брата.

– Не вижу разницы, – объявила леди. – Если, конечно, он не прячет где-нибудь в доме жену. Она здесь, сэр? – Леди Эслоп погрозила Джеку пальцем.

Арабелла испытала укол жалости к этой женщине. Она ведь понятия не имела, с кем связывается. Поэтому поспешила сказать:

– Мэм... леди Эслоп... Пожалуйста... в этом нет необходимости. Личные дела его светлости меня не касаются.

– Вы понятия не имеете, миледи, какой урон это нанесет вашей репутации, – провозгласила Лавиния, и голос ее стал визгливым. – Я не могу вам разрешить оставаться здесь. Эслоп, вели подать наш экипаж. Леди Арабелла поедет с нами.

Виконт посмотрел на Арабеллу, которая только покачала головой. Он поправил свой парик, кашлянул в кулак и попытался что-то произнести. Джек отвернулся, чтобы налить себе бокал мадеры из графина на пристенном подвесном столике. Он поднял графин, молчаливо предлагая выпить его милости, который, пробормотав что-то нечленораздельное, протянул свой бокал, чтобы его наполнили.

– Эслоп! – воскликнула его супруга. – Ты не можешь пить с этим человеком. Мне не важно, что он герцог. Теперь скажи леди Арабелле, чтобы она захватила свой плащ. Она поедет с нами.

Джек поднес бокал к губам. Виконт залепетал:

– Моя дорогая, я не могу этого сделать. Это нас не каса-

ется... Леди Арабелла нам не родственница. Право же, мы не можем...

– Ваш супруг совершенно прав, леди Эслоп, – заговорил Джек. – И, хотя я уверен, что вы беспокоитесь о репутации леди Арабеллы и ее нравственности, думаю, что она может сама позаботиться о себе. Уверяю вас, что ваше участие в таком деле, несомненно, нежелательно, ни в коей мере не оправданно и не умно.

Лавиния недоуменно заморгала. Она почувствовала опасность, исходившую от этого человека, устремившего на нее взгляд серых холодных глаз. Она была не первой, кто терял дар речи под этим взглядом. Лавиния метнулась к Арабелле. При этом ее кринолин задел изящную вазу на золоченой подставке, и та угрожающе закачалась. Лэди Эслоп пыталась найти подходящие слова.

– Вы об этом пожалеете, леди Арабелла. – Это было все, что ей удалось вымолвить. – Пойдем, Эслоп. Я приехала сюда с добрыми намерениями, а вовсе не для того, чтобы выслушивать оскорбления.

Ее юбки взметнулись, высокая пудренная прическа, увенчанная голубиным гнездом, яростно закачалась, и она направилась к двери, ведущей из гостиной. Ее муж бросил беспомощный взгляд на Арабеллу и герцога, потом осушил свой бокал и, пробормотав какие-то бессвязные слова прощания, затопал вслед за супругой.

Арабелла упала на диван, не в силах сдержать хохота:

– О, Мэг будет рвать и метать, оттого что пропустила такое представление!

Он только улыбнулся и продолжал цедить вино мелкими глотками:

– Вас не волнуют сплетни?

– О нет, – подтвердила она, вытирая выступившие на глазах слезы. – Я, конечно, пожалею об этом. Злоба Лавиния не имеет пределов. И ее угрозы не пустые, слова. Она растрезвонит по всему графству, что я погибшая женщина и живу во грехе с самим дьяволом. Смею предположить, что после этого я буду подвергнута остракизму.

– Баррет заступится за вас, – предположил он.

– Сомневаюсь, что даже вмешательство сэра Марка исправит дело, – ответила Арабелла. – Но мои друзья меня не оставят. А на остальных мне наплевать.

– Кто ваш и друзья? – спросил Джек, не сводя с нее внимательных глаз.

– Кроме Мэг и Барретов... еще Дэвид Кайл и его жена. Он викарий, младший сын графа Данливи. Он славный и не поверит ничему дурному, тем более тому, что я связалась с Люцифером. И Мэри тоже замечательная. Оба они очень добрые, – сказала она, сделав ударение на слове «добрые». – Но по большей части, общаясь с ними, я чувствую себя червяком.

Она встала, полагая, что следующим ее неожиданным гостем будет, вероятно, Дэвид. Лавиния не станет попусту те-

рять время и изольет свой яд в его священническое ухо.

– Пойду поработаю в оранжерее, – бросила она через плечо, направляясь к двери.

– Буду ждать вас в столовой в пять часов. Надеюсь, что об этом мы договорились.

– Как скажете. – Арабелла, закрыла за собой дверь.

Всю оставшуюся часть дня она трудилась в грязи и жаре. Как и всегда, уход за орхидеями принес ей ясность духа. В то время как ее руки пересаживали, подстригали, поглаживали растения, ум ее работал ясно и четко. В середине дня она вышла поухаживать за розами и выполоть траву в саду камней, и там, утопая в запахе свежей земли, опираясь о нее руками и коленями, с глиной под ногтями, она вдруг с полной ясностью представила то, что весь день маячило на периферии ее сознания. Будет ли брак с Джеком Фортестью хуже, чем все остальное?

Она и Мэг частенько обсуждали свои взгляды на брак как институт, предназначенный для порабощения женщин. Он всегда был таким, и едва ли оставалась надежда на перемены. По крайней мере пока право принимать законы оставалось прерогативой мужчин. Но некоторым женщинам удавалось устроить свою жизнь по-иному. Они заводили любовников, царили в литературных и политических салонах, покровительствовали искусствам и даже оказывали влияние на королей. Принц Уэльский был другом Джека. И разумеется, герцогиня, жена Джека, должна была бы встречаться с прин-

цем и принимать его в своем доме. Почему бы ему не стать и ее другом? И не прислушиваться к ее советам? Разумеется, высказанным деликатно и умно. Она была двадцативосьмилетней девственницей, положенной на полку доживать свой век. Сама по себе такая судьба была ужасной... но оставаться старой девой и при этом утратить независимость было просто невыносимо.

Арабелла присела, опираясь на ступни, совок выпал у нее из рук на колени, и она даже не заметила этого. Корнуолл, коттедж, огород, снисходительные родственники... Да о чем она думала? Она не могла спокойно отнестись к такому будущему. Разве в этом случае она обрела бы независимость? Она оставалась бы бедной родственницей, живущей из жалости как приживалка у людей, которых прежде никогда не видела. Не лучше ли принять судьбу и попытаться самой определять ее?

Джек Фортескью был чертовски прав: у нее нет выбора. Он раздражал ее, но не так, как незнание причины, по которой он так настаивал на браке. Он погубил Лэйси. Почему же хотел спасти ее? Она ни на минуту не поверила, что в его планы входило компенсировать ей потерю. У него были свои мотивы, и она понимала, что, пока не узнает их, будет в проигрыше.

Но ведь этот брак сулил ей и выгоды. Борис уткнулся носом в ее колени, и она нежно потрепала его за уши. Эта жизнь была ей по вкусу, всегда была... и ей не хотелось те-

рять ее. Ее собаки, сад, дом, скромный комфорт и все то, что ей принадлежало и о чем она никогда прежде не задумывалась. И вот появилась возможность расширить свои горизонты. Эта мысль приятно возбуждала ее. Брак с Джеком Фортескью был ценой этой новой жизни. И насколько большой окажется эта цена?

Она взяла совок и принялась с яростью выпалывать сорняки, до сих пор ухитрившиеся не попадаться ей на глаза. Она испытывала большее, чем обычно, удовлетворение, выдергивая с корнем лишние растения и бросая их в кучу за спиной.

Не было ли это похоже на символическое прощание с прошлым? Она его отбрасывала прочь. Арабелла покачала головой, нетерпеливо прогоняя эту фантазию. Нет, пока еще она не приняла решения. Арабелла подняла лицо к солнцу и ощутила тепло на веках, щеках и губах.

Страсть. Она подняла руки ладонями наружу и попыталась физически оттолкнуть эту мысль. Нет... не теперь... не сейчас. Но все же из головы у нее не выходили слова Мэг о скудости, серости жизни, которую она вела в своем целомудрии старой девы. Могли брак с Джеком Фортескью избавить ее от этого?

Ее прежде напряженные плечи расслабились и опустились. Она глубоко вздохнула. Собаки плюхнулись с ней рядом, тяжело дыша, и это было еще одним признаком безжалостного зноя в конце летнего дня. Фредерик проиграл Дже-

ку Фортескью жизнь, состояние и, возможно, душу. Почему? Похоже, Сент-Джулз не посягал на ее жизнь. Состояния же у нее не было. Но душа ее – это было из другой области.

Вскрикнув, она отдернула руку от куста чертополоха, который яростно атаковала. Было неразумно не обращать внимания на его шипы. Арабелла снова опустилась на корточки. Капелька крови выступила на пальце. Конечно, душа ее подвергалась некоторому риску. У нее возникло чувство, что, если она не проявит осторожности, Джек Фортескью проглотит ее целиком.

Она пососала палец и сунула совок в карман передника, выпрямляясь из согбенного над розовым кустом положения. Волосы ее липли ко лбу, и она убрала их. Она ведь попросила Бекки приготовить для нее ванну заранее, а теперь уже было около четырех. Обед был назначен на пять, и времени у нее оставалось в обрез.

Она щелкнула пальцами, подавая знак собакам, и направилась к дому.

Арабелла почувствовала себя немного лучше, потому что теперь по крайней мере решение вырисовывалось. И тут нахлынули воспоминания о ее единственном злополучном сезоне в Лондоне. Неужели она вообразила, что и вправду сможет принять этот жалкий, мелкий и ничтожный мир и стать его частью? Мир, в котором показывать себя и видеть других было единственно важным?

Но что могло быть хуже, чем жизнь до конца дней за счет

подавания ее корнуэльских родственников?

Во что ей обойдется ее решение? Она провела рукой по влажным прядям, и ей показалось, что сейчас ее голова лопнет.

Бекки ждала ее в спальне с дымящейся ванной, распространявшей аромат лаванды, и чашкой лимонного сока.

– Я подумала, может быть, вы наденете платье из розового штофа, миледи? – спросила она, показывая на свежестыглаженное платье на кровати. – Его светлость всегда такой нарядный.

– Да, это так, – согласилась Арабелла суховатым тоном, оглядывая свои взлохмаченные волосы в зеркале.

– Сегодня вечером надо надеть корсет, мэм. И может быть, кринолин? – предложила Бекки, и в голосе ее Арабелла расслышала надежду.

Корсет был необходим, чтобы платье сидело как следует. Но это была единственная уступка, на которую была согласна Арабелла. В кринолине нужды не было. Она вспомнила слова герцога о том, что он хотел бы сам выбирать для нее наряды, и решила, что это замечание задевает ее. Возможно, ее нынешний гардероб был немодным и выглядел деревенским, зато отлично подходил для загородной жизни. И почему же, черт возьми, он так странно выразился? В его замечании было нечто оскорбительное.

– Только корсет, – твердо сказала Арабелла.

У Бекки был разочарованный вид. Арабелла сделала по-

пытку примириться с ней:

– Право же, и для корсета слишком жарко, Бекки. Но я его надену, а ты причеши меня на свой вкус.

Глаза Бекки сверкнули.

– Попудрим волосы, миледи? Я сейчас принесу коробку с пудрой.

– Нет, – возразила Арабелла с большим чувством, чем намеревалась. – Нет, Бекки. Все, что угодно, но только не пудра. – Она передернула плечами, вспомнив чудовищное сооружение на голове Лавинии Эслоп. – Мы отлично обойдемся лимонным соком, а при твоей сноровке, уверена, ты добьешься блестящего результата.

Польщенная Бекки улыбнулась и принялась помогать Арабелле снимать грязную одежду.

– О да, миледи. У вас такие красивые волосы. Причесывать их одно удовольствие.

Арабелла ступила в медную ванну со вздохом наслаждения. Она скользнула в воду, подтянула колени к подбородку и откинула назад голову, в то время как Бекки принялась поливать ее волосы и массировать кожу головы, втирая в нее специальное мыло.

– Как бы тебе понравилось жить в Лондоне, Бекки?

Руки Бекки замерли.

– О Господи, миледи! Город... Я бы не смогла там жить.

– Если я уеду, ты отправилась бы со мной? – спросила Арабелла как можно непринужденнее.

Бекки было всего шестнадцать, и пока она не давала повода думать, что у нее появился ухажер.

– О, не знаю, миледи. – Бекки принялась полоскать мокрые локоны Арабеллы. – А вы уезжаете, леди Арабелла?

– Я подумываю об этом, – ответила Арабелла. – И если уеду, хотела бы взять тебя с собой. Если, конечно, здесь нет кого-то, кто тебя удерживает. Право, Бекки, не думаю, что смогу без тебя обойтись.

– О, миледи... здесь ведь моя мама, – сказала Бекки, поливая ее волосы лимонным соком.

– Мы бы стали приезжать сюда на Рождество и каждый год на лето, – успокоила ее Арабелла. – И в Лондоне у нас будут лакеи, грумы и еще тысяча возможностей... Не думаю, что миссис Фит захочет лишить тебя такой перспективы.

Арабелла подумала, что, прощупывая Бекки, в то же время убеждает самое себя.

– Ну, не знаю, миледи, – ответила Бекки, но в голосе ее уже исчезли нотки сомнения.

– Подумай об этом, Бекки. – Арабелла поднялась из воды, стряхнув с себя целый дождь капель, и потянулась за полотенцем. – Мы вернемся к нашему разговору через несколько дней.

Она уже была готова, когда часы пробили пять. Бекки убрала ее волосы в шиньон, теперь возвышавшийся на затылке, напوماдила локоны, свисавшие вдоль щек, специальным блестящим шоколадом и искусно перевила их лентами

темно-красного шелка. Корсет приподнял ее грудь над низким декольте, а розовое платье из штофа облегалo ее талию, подчеркивая пышность юбок.

– О, вы выглядите прелестно, леди Арабелла, – восхищенно сказала Бекки. – Вы наденете жемчуга?

Она подала шкатулку с драгоценностями.

Арабелла открыла ее и вынула единственную нитку безупречно подобранного жемчуга. Как бы она ни осуждала отца за пренебрежение к ней, но уж если он что-нибудь покупал для нее, то это было лучшего качества. Она приложила жемчуг к шее, и жемчужины приняли розовый оттенок в отблеске ее шелкового платья. Точно такие же блики заиграли и на коже ее лица. Она прибегла к стольким ухищрениям ради обычного обеда дома, размышляла Арабелла, застегивая жемчуг на шее. Стоило ли состязаться в элегантности со своим сотрапезником? Хотя если бы она пренебрегла этим, то скорее всего оказалась бы в проигрыше. Арабелла взяла расписной шелковый китайский веер из рук Бекки, заткнула кружевной носовой платок за кружевную же манжету, спускавшуюся с рукава от локтя к запястью, и, оглядев себя, мысленно одобрительно кивнула, после чего поплыла вниз по лестнице.

Джек, ожидавший ее у двери гостиной, услышал стук ее каблучков на лестнице и пересек холл, чтобы встретить ее у подножия. Он картинно раскланялся, лишь только она спустилась и оказалась рядом с ним. Серые глаза сверкнули, ко-

гда он оглядел ее. На мгновение его взгляд задержался на кремовом всхолмлении ее груди над декольте.

– Добрый вечер, мадам. Примите мои комплименты.

Арабелла посмотрела на него подозрительно, но в его учтивом приветствии не было и намека на насмешку. И она решила последовать его примеру.

– Добрый вечер, ваша светлость, – ответила она, присев в глубоком реверансе.

Он выглядел очень элегантно в хорошо скроенном шелковом сюртуке, где чередовались светло – и темно-зеленые полосы. Сюртук украшали крупные серебряные пуговицы и высокий воротник. Галстук его был сильно накрахмален. Волосы, как всегда, оставались ненапудренными и на затылке были собраны в конский хвост. Выпрямляясь после реверанса, она не могла не заметить, как простые темно-зеленые бриджи обтягивают его мощные бедра. Расстегнутый сюртук позволял их видеть. На этот раз при нем не было шпаги.

– Не пройти ли нам к столу? – спросил он, предлагая ей руку.

Франклин накрыл длинный стол с торжественностью, обычной, когда вся семья обедала вместе. С двух сторон сверкающего стола друг против друга стояло два стула, что затрудняло возможность видеть лица сидящих, потому что стол освещали массивные ветвистые серебряные канделябры и свет свечей, зажженных на их заостряющихся кверху концах, соперничал с лучами закатного солнца. Дворецкий

в своей лучшей ливрее стоял у одного конца стола, ожидая, когда будет можно отодвинуть стул для Арабеллы. Другой слуга с той же целью находился возле места герцога. Арабелла села и, пробормотав слова благодарности, развернула салфетку. Она посмотрела через длинный стол на своего со-трапезника, и глаза ее сверкнули лукавством. Она подумала, что его светлость не рассчитывал на такую торжественность, когда настаивал на том, чтобы они обедали *a deux*⁵. При таких церемониях это было все равно что обедать порознь. Он не садился на свое место, а стоял, держась одной рукой за спинку стула, не обращая внимания на выжидавшего слугу.

– Нет, – сказал он наконец, – так дело не пойдет.

Он обошел стол и сел рядом с Арабеллой.

– Поставьте мой прибор сюда, Франклин, – обратился он к дворецкому, садясь справа от нее. – Я не собираюсь кричать во всю глотку через этот стол.

Франклин выжидательно посмотрел на Арабеллу.

– Делай, как говорит его светлость, Франклин, – распорядилась она.

– Но, миледи, лорд Данстоп, ваш батюшка, всегда настаивал на том, чтобы...

– Едва ли это теперь имеет значение, Франклин, – напомнил ему Джек, что было вовсе не обязательно, решила Арабелла с мгновенно вспыхнувшим раздражением.

– В самом деле, ваша светлость, – смущенно сказал дво-

---

⁵ Вдвоем (фр.).

рецкий.

Он подал знак слуге переставить приборы.

– И можете оставить нас, – сказал Джек любезно. – Мы сами о себе позаботимся.

Теперь лицо Франклина стало еще более недоуменным, но он только поклонился и поставил на стол между ними серебряную супницу, снял с нее крышку, снова отвесил поклон и не спеша с важностью вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

– О Господи! – не удержалась Арабелла. – Бедный Франклин. У него так сильно развито чувство приличия. Мой отец всегда требовал, чтобы за обеденным столом соблюдались все формальности.

– А ваш брат? – спросил Джек, поднимая брови.

– Там было все совсем по-другому, – ответила она лаконично. – Франклин меряет все старыми мерками.

– Ну, они быстро привыкнут к новым порядкам, – беспечно заметил Джек. – Он взял разливательную ложку из супницы и наполнил тарелку Арабеллы. – Пахнет вкусно.

Арабелла не стала возражать, но в ней снова поднялась волна раздражения против него. Его замечание было полно холодного пренебрежения к мнению слуг. Она подозревала, что Франклин пытался своим неукоснительным соблюдением ритуалов убедить самого себя, что нет ничего дурного в том, что леди Арабелла обедает наедине с чужим мужчиной. Если бы ей удалось настоять на своем и она обедала бы од-

на в своих комнатах, слуги чувствовали бы себя спокойнее и увереннее, потому что считали бы, что соблюдены все приличия. После визита Лавинии нынче утром стало ясно, что сплетни поползут по всему графству.

Арабелла хмуро созерцала вино в своем бокале.

– С вашим вином что-то не так? – спросил Джек.

– Нет, – покачала она головой. – Все в порядке. – Она взяла ложку. – Теперь объясните мне, сэр, если на то будет ваша воля, в чем разница между вигами и тори и насколько она существенна.

Джек вынужден был из вежливости соглашаться, хотя для него существовало множество более интересных тем.

– По существу, тори – партия короля. Они поддерживают абсолютную власть монарха. Виги больше склоняются в пользу народной власти. – Он с хрустом разломил булочку, будто поставил точку.

Арабелла нахмурилась:

– Значит, виги сочувствуют Французской революции... революции, направленной против тирании монархии, клерикалов и дворян. Я, кажется, слышала, что вы причисляете себя к вигам. И что вы думаете о революции?

Она смотрела на него, и глаза ее блестели, а взгляд был полон интереса.

Джек выдержал долгую паузу. Вопрос был резонным и разумным. Она не могла знать, какие шрамы оставила на нем эта кровавая бойня, и все же ему потребовалось несколько

минут, чтобы привести своей смятенные чувства в порядок и усмирить воспоминания.

– Теперь осталось немного вигов, которые стали бы поддерживать законы, установленные кровожадной толпой, а революция принесла именно это. И никто не поддержал бы цареубийство.

Арабелла мрачно кивнула. Казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты предшествовала наступлению во Франции царства террора. Анархия совершала свое триумфальное шествие по всей стране, и на основании того, что Арабелла видела в нескольких газетах, дошедших до нее, можно было заключить, что французские эмигранты, нищенствующие беженцы, затопили улицы Лондона.

– Вы знали хоть кого-нибудь, кто был в Париже в то время, когда все это началось?

Это был вполне естественный вопрос. Ведь было столько смешанных браков французских и английских аристократов. Немногие члены аристократических английских семей не имели родственников и друзей по ту сторону Ла-Манша.

– Думаю, Фредерик был там несколько месяцев назад, – продолжила Арабелла задумчиво. – Когда я видела его в последний раз, он упомянул, что у него там какие-то дела. – Она покачала головой. – Не могу себе представить, какие еще дела могли быть у Фредерика, если не считать игры.

Если, конечно, это не было бегством от кредиторов. Джек поднес бокал к губам.

– Каким глупцом нужно быть, чтобы причалить сейчас к берегам Франции? – Он отпил вина. – Но ваш брат, моя дорогая, всегда был дураком.

В его голосе она различила жесткость, и на мгновение его серые глаза блеснули арктическим льдом. Он осушил свой бокал одним глотком и тотчас же снова наполнил его.

Несмотря на оранжевый шар заходящего солнца, видный в окно, в комнате стало ощутимо прохладно.

Что такого сделал Фредерик, чтобы вызвать незатухающий гнев Джека Фортескью? Арабелла приоткрыла было рот, чтобы спросить, но так и не осмелилась задать вопрос. Она не могла его сформулировать в столь угнетающе холодной атмосфере и безмолвно продолжала есть суп, стараясь делать вид, что не обращает внимания на молчание, будто оно было самым естественным и обычным. Покончив с ним, она позвонила в колокольчик у своего локтя.

Вернулся Франклин в сопровождении лакея, с трудом справлявшегося с подносом, нагруженным оленьим окороком, а также блюдом картофеля и карпом в соусе из петрушки, и пытавшегося скрыть свою неуклюжесть. Блюда были поставлены на стол. За ними внесены новые – бобы со сливочным маслом, артишоки и стеклянная миска с красносмолодинным желе.

– Миссис Эллиот надеется, что этого будет достаточно, леди Арабелла, – сказал Франклин. – Если его светлость пожелает птицы, то есть уже приготовленная с каперсами.

Джек поднял руку:

– Нет... нет, Франклин. Передайте благодарность миссис Эллиот, но больше ничего не нужно. Это настоящий пир.

Он сделал попытку благожелательно улыбнуться, но лицо дворецкого оставалось непроницаемым как камень.

– Вероятно, это не то, к чему вы привыкли в Лондоне, ваша светлость, – предположил Франклин, ставя со стуком супницу на поднос, который держал лакей. – Нарезать оленину, миледи?

– Да, пожалуйста. – Арабелла взяла бразды правления в свои руки. Возможно, герцог и предпочитал продолжать обед без дворецкого, но в комнате был кое-кто еще, способный попытаться заставить его говорить на нейтральные темы.

– Хотела бы я знать, произойдет ли перемена погоды, – принялась она беспечно болтать. – Обычно такая жара длится недолго. Как вы думаете, ваша светлость, ожидать ли нам ненастья?

Джек смотрел на нее поверх своего бокала. Из глаз его исчезло отсутствующее выражение, и уголки губ чуть приподнялись в подобии улыбки.

– Надеюсь, что нет, мадам, – сказал он. – Но возможно, вашему саду нужен дождь.

– Конечно, это не повредило бы, – сказала Арабелла, откидываясь на спинку стула, в то время как Франклин поставил на стол перед ней тарелку с жареной олениной. – Благо-

дарю, Франклин. Теперь мы справимся сами.

Дворецкий поклонился и вышел.

– Не желаете ли желе из красной смородины, ваша светлость? – спросила Арабелла и протянула руку к хрустальной вазочке с желе.

– Прекрасно, Арабелла, пора заключить перемирие, – сказал герцог, принимая от нее желе. – Как, я уверен, вы уже поняли, между вашим братом и мной не было любви.

– Он полил свою оленину желе. – Я не жалею дураков и не скрываю своих чувств к ним. – Он бросил на нее пронизательный взгляд. – Не думаю, что и вы стали бы расточать на это время, Арабелла.

– Не стала бы, – согласилась она.

– А между вами и вашим братом была любовь?

Тон его был ровным, но рука, державшая ложку, замерла неподвижно в ожидании ответа.

– Нет, – сказала она тихо.

– В таком случае, может, мы оставим эту тему?

Она сделала легкое движение головой, которое можно было бы принять за кивок, и он решил, что нынче вечером ничего большего от нее не добьется.

ГЛАВА 8

В дверь забарабанили, и в этом грохоте потонули последние слова Арабеллы. Били медным молотком с отчаянной силой, как бывает в случае несчастья. Арабелла искоса бросила взгляд на своего собеседника, спокойно заметившего:

– Странное время для гостей.

– Обычно гости не оповещают о своем прибытии с такой яростью, – ответила она, отодвигая стул и собираясь подняться.

– Нет, оставайтесь на месте, – сказал Джек, делая ей знак рукой. – Сегодня у нас уже был неожиданный визит бесцеремонной дамы. Поэтому предоставьте разбираться с гостями Франклину. Вам незачем появляться перед визитерами взволнованной и с виноватым видом.

Арабелла села на место и спокойно взяла вилку. В его словах был смысл. Какой бы необычной ни была ситуация, Арабелла решила встретить неприятности с открытым забралом. И все же она напрягала слух, отмечая про себя, как Франклин отодвигает тяжелый засов в холле.

– О, – сказала она, отчетливо расслышав голоса, доносившиеся из холла в столовую, – это Дэвид.

Дверь отворилась, и Франклин доложил:

– Викарий, миледи. Лорд Дэвид Кайл, – добавил он без всякой надобности, но с должным чувством, как если бы

прибытие нового гостя означало возвращение к нормальному образу жизни в отличие от теперешнего, напоминавшего о сумасшедшем доме.

Арабелла поднялась и повернулась к двери, как только он торопливо прошел мимо Франклина и появился в столовой.

– Арабелла, дорогая моя девочка, что происходит? Неужели Фредерик и вправду умер? – спросил Дэвид, не сводя глаз с герцога, тоже вставшего, чтобы приветствовать гостя.

– Да, это правда, – сказала Арабелла. – Это довольно запутанная история, Дэвид. Не пообедаешь ли с нами? Франклин, поставь прибор для викария.

– Но... нет, благодарю, Арабелла. Я пришел сюда не ради обеда, – сказал Дэвид, продолжая разглядывать герцога. – Эта сплетня, распространяемая болтушкой Лавинией Эслоп, теперь на устах у всех. Я только что провел крайне неприятные полчаса в обществе упомянутой дамы, и это лишило меня аппетита.

Он подошел поближе к столу:

– Не представишь ли меня?

В его голосе слышалась явственная и совершенно неуместная враждебность. Джек заговорил сам:

– Джек Фортескью, сэр. – Он поклонился, не сходя со своего места за столом.

– Сент-Джулз? – спросил Дэвид, отдавая поклон.

– Он самый. Кажется, наши отцы были знакомы.

Джек расслабился, успокоился, и по его лицу не было заметно, что он считает важным расположить к себе друзей Арабеллы, особенно Мэг Баррет и Дэвида Кайла. Он нуждался в поддержке этого человека.

– Сядь, Дэвид, и выпей хоть бокал вина, – принялась улещивать его Арабелла и сделала знак Франклину наполнить бокал для Дэвида. – Почему Мэри не приехала с тобой?

– Мы решили, что лучше мне поехать одному, – сказал викарий, все еще не смягчившись.

Лицо его было мрачным как ночь, а взгляд оставался враждебным.

– Как умер Фредерик?

– Не желаете, чтобы объяснил я? – спросил Джек Арабеллу.

– Нет, я сама, – ответила она. – Не поешь с нами, Дэвид? Ведь ты питаешь слабость к оленине.

Дэвид питал слабость не только к оленине, но ко многим поданным вкусным блюдам, о чем свидетельствовал его довольно объемистый животик, но в эту минуту предпочел остаться стоять, не спуская глаз с герцога, и повторил:

– Я не расположен к трапезе, Арабелла. Так что же все-таки происходит?

Вместо ответа Арабелла указала на стул, и он неохотно сел и взял бокал, поставленный Франклином возле его локтя. Джек и Арабелла сели на свои места.

Арабелла объяснила Дэвиду ситуацию в нескольких сло-

вах, надеясь втайне, что, если повезет, это будет в последний раз. Ведь все, кого она считала своими друзьями и кто был для нее важен, уже услышали эту историю из ее собственных уст.

Дэвид выслушал ее, не перебивая, и только переводил взгляд с Арабеллы на герцога и обратно. Когда она закончила, он сидел молча с минуту или две, отпивая вино мелкими глотками.

Наконец Дэвид заговорил:

– Я сожалею о смерти Фредерика.

Дэвид не питал иллюзий насчет характера графа Данстона и не раз журил его за недостойный образ жизни и поведение, а также за пренебрежение к арендаторам. Она знала, что его сожаления в такой же мере можно отнести к тому положению, в которое Фредерик вверг сестру, как и к факту его смерти.

Дэвид снова мрачно посмотрел на герцога, который в эту минуту накладывал себе соус с петрушкой в тарелку с карпом, будто эта беседа не имела к нему никакого отношения. Внезапно викарий оперся руками о стол и отодвинул свой стул:

– Белла, я хотел бы поговорить с тобой несколько минут наедине.

Арабелла тотчас же встала:

– Тогда пройдем в библиотеку. Извините нас, Джек.

– Охотно.

Он учтиво поднялся из-за стола и, пока они не вышли из комнаты, оставался стоять. Потом сел на свое место и ничем не показал, что это вторжение вовремя обеда вызвало у него хоть малейшее беспокойство. Ему не хотелось сделать Дэвида Кайла своим врагом.

Дэвид последовал за Арабеллой в библиотеку, закрыл дверь и тотчас же без преамбулы приступил к главному:

– Тебе известна его репутация?

– Думаю, он распутник и плут, – сказала она. – И разумеется, игрок. – Она опустилась в шезлонг, и ее юбка из розового штофа образовала вокруг нее красивое облако. – Мне нужен твой совет, Дэвид. Герцог попросил моей руки.

Дэвид с шумом выдохнул воздух.

– Я не думал, что ты знаешь его.

Она покачала головой:

– Я и не знала до вчерашнего дня.

– Тогда почему?.. – Он с изумлением воззрился на нее. – Почему он предложил это тебе?

– Не знаю, – сказала она просто. – Мэг считает, что это нечто вроде репарации. Возможно, он желает вести себя порядочно.

– Хотел бы в это поверить, – сказал викарий, но голос его звучал настороженно. – Но ты, разумеется, отказала ему?

Она вертела в руках веер, тщательно подбирая слова:

– Вначале да, но... – Она подняла руку, когда он попытался возразить. – Позволь мне закончить, Дэвид. Я провела

весь день, размышляя об этом. А также взвешивая другие возможности. И оказалось, что у меня нет выбора. Или есть?

– У тебя есть друзья, – сказал он. – Друзья, которые с радостью предоставят тебе кров и примут в свои семьи.

Ее ответная улыбка была печальной.

– Знаю, мой дорогой, но не могу и не хочу принимать благодеяния от друзей. Конечно, ты с радостью поделился бы со мной тем немногим, что у тебя есть, но я не смогла бы этого принять.

– Моя дорогая девочка, ты не можешь принести себя в жертву этому человеку! – воскликнул он, в волнении почесывая голову под париком.

– Но это вовсе не будет жертвоприношением, – заметила она непринужденно. – И особенно если подумать о другом возможном выходе. Единственное, что мне остается в противном случае, – это просить пристанища у родичей матери. Я не могу пойти на это, Дэвид. Лучше перерезать себе глотку... О Господи! – заметила она с сожалением, видя, какую реакцию вызвали у него ее слова. – Я вовсе не это имела в виду. Но я не могу жить, утратив независимость.

– И какую же самостоятельность ты обретешь, если выйдешь замуж за Сент-Джулза? – спросил он.

– Я смогу настаивать на известной степени независимости, – сказала она, медленно подбирая слова. – Брачный контракт даст мне такую возможность. Я знаю репутацию Джека, но не верю, что он воплощение дьявола, хотя порой он де-

дает все возможное, чтобы подтвердить такое мнение о себе.

Она устремила уверенный взгляд на Дэвида. С минуту он не говорил ничего. Молча стоял у окна, сложив руки за спиной поверх своей черной сутаны. Одна из сильных сторон характера Дэвида заключалась в умении и желании отказаться от своего мнения и пересмотреть его.

Дэвид, осознав, что его отчаянные манипуляции, когда он яростно скреб в затылке, привели к тому, что его завитой и напудренный парик съехал набок, осторожно водрузил его на место, потом заговорил:

– Можешь ли ты доверять человеку, которого не знаешь?

Она едва заметно пожала плечами:

– Дэвид, сколько женщин выходят замуж за незнакомцев только потому, что кто-то решил, что это завидная партия? Я по крайней мере сама принимаю решение и считаю, что для меня это подходящий вариант.

Дэвид Кайл, несмотря на свою принадлежность к церковному сословию, был светским человеком. Он знал, что она говорит правду и о том, что многие браки по сговору оказывались счастливыми. А Арабелла не была наивной простушкой.

– Возможно, это так, – согласился он.

– И я сохраню свой дом и орхидеи... и все остальное, Дэвид.

– Почему он хочет на тебе жениться? – упрямо гнул свою линию Дэвид. – Прости, что я задал такой вопрос. Я не со-

бирался обидеть тебя. Любой мужчина был бы счастлив жениться на тебе, но я не могу тебя представить в роли герцогини, Белла.

При этих его словах она рассмеялась, и напряжение, возникшее между ними, рассеялось.

– Знаю, но не думаю, что для Джека это имеет значение.

– Так чего же он хочет от тебя? – спросил Дэвид, все больше мрачняя. Он смотрел на нее в упор, ожидая ответа.

Арабелла глубоко вздохнула, прежде чем ответить:

– Его резоны очень просты, и он даже не сделал попытки скрыть их. У него есть любовница, но он хочет иметь жену безукоризненного происхождения, которая даст ему законных наследников. И я подхожу для его целей.

Дэвид повернулся к окну, чтобы посмотреть на сад, уже почти погрузившийся в тень.

– Не могу с этим не согласиться, – сказал он наконец. – Женщина должна иметь мужа и детей. Но я бы предпочел, чтобы ты нашла мужчину, который пришелся бы тебе по нраву, которого ты могла бы уважать, а со временем и полюбить.

– Я не могу сказать, что он мне неприятен, – ответила она.

– А как же насчет любовницы?

Арабелла пожала плечами:

– Едва ли это можно считать необычным делом, Дэвид. Такие связи в обществе не тайна.

– Возможно, – ответил он ворчливо. – Но что, если он сделает тебя несчастной?

– Не думаю, – возразила она, сама дивясь своей уверенности. – Но если так случится, я оставлю его.

– Это будет нелегко, – серьезно ответил он. – Замужняя женщина по закону принадлежит супругу. Он может сделать с ней все, что угодно, за исключением убийства.

Арабелла скорчила гримаску. Это было неприятной правдой и причиной, по которой она так долго противилась браку.

– Я намерена заключить брачный контракт, защищающий мои интересы, – повторила она. – Настолько, чтобы у меня оставались свои средства и была финансовая независимость.

– Почему ты думаешь, что он на это согласится? – спросил Дэвид. – Он ничего не выиграет от такой сделки.

– Кроме того, что по какой-то причине он очень настаивает на этом браке. И это позволяет мне ставить условия.

Она соскользнула с дивана и подошла к нему.

– Дэвид, милый Дэвид! Мне нужны твоя поддержка и благословение.

Он обнял ее и поцеловал в щеку.

– Я желаю тебе счастья, дорогая. Ты это знаешь, и я не смог бы вынести, если бы твой брак оказался несчастным.

– Мне двадцать восемь, – сказала Арабелла. – Я достаточно взрослая для того, чтобы совершать собственные ошибки и, уж вне всякого сомнения, самостоятельно принимать решения.

Он вздохнул.

– Очень хорошо. – Потом на лице его появилась печальная улыбка. – Мэри, конечно, сочтет это в высшей степени романтичным. Можешь не сомневаться, что она будет уверена, что на твоём жизненном пути тебя ждут одни розы.

– Я сделаю все возможное, чтобы избежать терниев, – сказала Арабелла, отвечая ему объятием. – Не будешь ли ты так любезен объяснить все вместо меня сэру Марку Баррету? Он не очень удивится, а мне понадобятся его помощь и совет для составления брачного контракта и всего прочего. И, – прибавила она тихо, – я рассчитываю, что он меня не выдаст.

– Я ухажу. Его поверенный Тревор – хороший человек. Он составит такой брачный контракт, что комар носа не подточит.

Дэвид посмотрел на нее, и в глазах его она прочла изумление и беспокойство.

– Хотел бы я радоваться этому, Арабелла, но мне кажется, что все происходит слишком поспешно. Ты уверена, что основательно обдумала свой выбор?

– Уверена, – ответила она. – Не сомневайся, я рассмотрела этот вопрос со всех точек зрения, как и все другие варианты. Это то, что я должна сделать.

Ее глаза были ясными, спокойными и полными решимости, и в конце концов он кивнул:

– Завтра утром я приеду с сэром Марком и Тревором. Скажи герцогу, чтобы ожидал нас.

Смысл его заявления был ясен. Арабеллу будут поддер-

живать ее друзья, и герцог не должен впасть в заблуждение и считать ее беззащитной и уязвимой.

На губах Арабеллы появилась едва заметная улыбка.

– Думаю, лучше сначала сообщить герцогу, что я решила принять его лестное предложение.

Дэвид воздел руки к небу:

– Так ты еще не сказала ему?

Она снова усмехнулась:

– Нет. Я сначала хотела проверить себя. Решила, если ты не сможешь меня переубедить и доказать, что я совершаю ошибку, значит, я рассудила правильно.

– Если бы я это знал, я бы постарался быть более убедительным, – сказал он, качая головой.

– Нет, ты, напротив, укрепил бы мою решимость.

Она поцеловала его в щеку.

– Позволь мне проводить тебя.

Его стреноженная лошадь стояла у крыльца, и Арабелла дождалась, пока он тяжело взгромоздится на нее, и помахала ему рукой в сгущающихся сумерках. Потом вернулась в столовую.

Когда она вошла, Джек чистил грушу.

– Наш славный викарий отбыл? – спросил он, поднимая брови и продолжая разрезать грушу на четвертушки.

– Да, – ответила она, садясь. – Хотя и не в самом лучшем настроении.

Арабелла оперлась локтем о стол и задумчиво смотрела

на него, придерживая подбородок ладонью.

– О? – Его рука замерла, а взгляд стал настороженным и пронзительным. – Я полагаю, обычное возмущение нашей безнравственностью?

– Не совсем так.

Она продолжала задумчиво созерцать его. Теперь, когда она приняла одно из самых трудных решений в жизни, Арабелла могла насладиться своим маленьким представлением. Она знала, что ему суждено быть недолгим.

Джек смотрел на нее прищуренными глазами:

– Могу я высказать догадку?

Арабелла решила, что игра не так уж забавна, и у нее пропало желание ее продолжать.

– Он не очень рад тому обстоятельству, что я приняла решение сделать вас счастливейшим человеком Англии, – сказала она, слегка дотронувшись до него.

Она хотела дать ему понять, что не единственная выигрывает от этого брака.

Джек ничего не ответил и удовольствовался тем, что положил на ее тарелку четвертушку груши. Глаза его были скрыты тяжелыми полуопущенными веками. Он не хотел, чтобы она прочла в его взгляде удовлетворение одержанной победой, радость триумфа. Теперь он мог сделать последний шаг в этой ткани мести.

Поднявшись из-за стола, он взял ее руку:

– Вы и правда сделали меня счастливейшим человеком, и

я высоко ценю оказанную мне честь.

Он поднес к губам ее пальцы. Теперь их взгляды встретились, и она прочла в его серых глазах вопрос. Он был уверен, что она что-то замыслила. За этой внезапной капитуляцией что-то крылось.

– Благодарю вас, сэра, – промолвила она медовым голосом.

Джек выпустил ее руку и сел.

– Не угодно ли вам назначить день свадьбы, дорогая?

– Нет, пока не будет подписан брачный контракт, – ответила она, слегка склоняя голову. – Завтра приедет Дэвид с сэром Марком и его поверенным Тревором, чтобы обсудить условия контракта и сделать необходимые распоряжения.

Джек взял графин, чтобы снова наполнить свой бокал.

– Контракт, – сказал он задумчиво.

– Я думаю, в этом нет ничего необычного, – проговорила Арабелла, откусывая от четвертушки груши, положенной на ее тарелку.

Он смотрел на нее поверх бокала.

– Эта тема меня интересует. Удовлетворите мое любопытство.

– Конечно, – согласилась она и взяла еще кусочек фрукта. – Думаю, что мне понадобится содержание порядка двенадцати тысяч фунтов в год. Это соответствует запросам леди, собирающейся занять место в светском обществе? – Она одарила его сладкой улыбкой.

– Более чем соответствует, – ответил он сухо, раздумывая

о том, что Арабелле Лэйси нет равных в отношении хладнокровия и присутствия духа. – Однако я полагал, что вы будете присылать свои счета прямо ко мне, и я сам стану их оплачивать.

Арабелла нахмурилась:

– Нет, это вообще лишило бы меня независимости и поэтому мне никак не подходит. Я не могу на это согласиться. В таком случае я предпочту уехать в Корнуолл, – твердо возразила она. – Эта сумма никоим образом не разорит вас, – продолжала Арабелла хладнокровно. – Она с лихвой будет покрываться доходами от Лэйси-Корт.

– Вот как? – Он смотрел на нее, как кролик, загипнотизированный удавом. – Прежде чем я дам согласие на что-нибудь, может, подведем баланс? Чего еще вы потребуете?

– Я хочу иметь собственный экипаж и лошадей. Думаю, ландо. Я читала в газетах, что это теперь самый модный тип экипажа. И разумеется, мне понадобится кучер. А также конюшня и грум для Ренегата. Мне хотелось бы забрать его с собой в Лондон.

Брови Джека поползли вверх.

– Ну, это целый список, моя дорогая. Но должен вам пояснить, что мои конюшни вполне в состоянии обеспечить вас грумами и местом для лошади. У меня уже есть и лошади, и экипаж. И сейчас они здесь. Они отвезут вас в Лондон и там останутся в вашем распоряжении.

– Не сомневаюсь, но хочу иметь собственный экипаж и

лошадей. Будет крайне неудобно, если то и другое окажется занятым, когда мне потребуется выехать. Вы несогласны?

Он поставил свой бокал.

– Еще один вопрос... Почему я должен соглашаться на все это?

– Потому что, как мне показалось, вам нужна подходящая жена и мать для ваших детей. И я обещаю наилучшим образом удовлетворить вас на этот счет, – Ответила она, решительно кивнув ему. – Но в обмен я намерена настаивать на своих условиях.

Он задумчиво провел рукой по белой пряди на виске.

– Вам не кажется, что достаточно того, что я даю вам свое имя? А также возможность постоянно пользоваться вашим домом?

– Нет. Нет, если при этом я лишусь своей независимости. А я настаиваю на том, чтобы сохранить хотя бы ее часть. Это моя цена, милорд герцог.

Голос ее был твердым. Она умела скрыть свою нервозность. Но в те несколько минут, что последовали за ее требованиями, она почувствовала себя как на горячих углях. Неужели она поставила на карту и проиграла?

Джек продолжал пить вино мелкими глотками и обдумывал, сколько потеряет, если согласится. В конечном счете не так уж и много. А получит то, к чему стремился.

– Значит, вы хотите занять надлежащее место в светском обществе? – спросил он с некоторым интересом.

– Ведь это предложение исходило от вас. Есть и еще кое-что. Как я припоминаю, вы ведь обещали, что я смогу иметь в Лондоне оранжерею. Я полагаю, что ваши владения в Лондоне достаточно обширны для этого. Значит, можно сделать пристройку, и хотя я думаю, что перевезти туда мои цветы будет нелегко, надеюсь, в этом нет ничего невозможного.

– Еще что-нибудь?

– Только одно.

Арабелла размышляла, не следует ли затронуть этот вопрос сразу после свадьбы, но ведь тогда это смахивало бы на обман, а она предпочитала, чтобы сделка была честной.

– Пожалуйста, скажите.

Он вертел в руках тонкую ножку бокала, держа его между указательным и большим пальцами и глядя, как огонь свечей высекает рубиновые искры из вина.

– У вас есть любовница, – заметила она.

Его пальцы сильнее сжали ножку бокала.

– Да, – согласился он, лицо его оставалось непроницаемым.

– И брак никак не повлияет на ваш образ жизни?

Она выбрала засахаренный миндальный орех из серебряной корзиночки и надкусила его. Сахарная глазурь громко хрустнула у нее на зубах.

Джек бесстрастно наблюдал за ней.

– Не повлияет, – согласился он. – У меня нет ни малейшего намерения покончить с этим.

Арабелла, занятая своим миндалем, не ответила, пока не прожевала и не проглотила лакомство. Потом сказала:

– Я так и предполагала.

– Не думаю, что это подходящая тема для дискуссии, – заметил Джек. – Вы узнаете, что в светском обществе любое напоминание о таком щекотливом деле будет сочтено по меньшей мере нелепым, а в худшем случае обречет вас на остракизм.

– О, я и не собираюсь вести публичную дискуссию на эту тему, – возразила она, протягивая руку к вазе и выбирая грецкий орех. – Конечно, я не стану вмешиваться в вашу личную жизнь. Право же, я уверена, что ваша любовница – очаровательная леди и мы с ней прекрасно поладим. Она ведь вхожа в светское общество. Да? – Арабелла встряхнула орех на ладони.

Джек взял его у нее. Он расколол орех и положил ядрышко на ее тарелку.

– Куда должна привести эта беседа, Арабелла?

– Я просто хочу знать, будем ли мы с вашей любовницей вращаться в одних кругах, – ответила она с невинным видом, надкусывая орех.

– Все зависит от того, в каком кругу вы предпочтете вращаться, – ответил он.

– В самом высшем, – незамедлительно последовал ответ. Она смотрела на него с наигранным удивлением.

– Конечно же, ваша любовница – не дама полусвета?

Тотчас же перед его мысленным взором возник образ Лили, графини Уорт. Женщины, столь уверенной в незыблемости собственного положения в обществе, убежденной в непогрешимости своего вкуса и мнения... И тотчас же он подумал об Арабелле с собачьей шерстью, прилипшей к подолу, с соломой, приставшей к юбке, с черной каймой под коротко подстриженными ногтями. Ему потребовалась минута, чтобы успокоиться при мысли о чудовищном контрасте между ними. И он предпочел не отвечать на вопрос, заданный Арабеллой из шалости, и смотрел на нее в ледяном молчании.

– Ах, – сказала она, – вижу, что вы не хотите об этом говорить.

– Я думал, что дал вам ясно понять, что не хочу. – В его серых глазах сверкнула сталь, и она усмотрела в этом угрозу.

– И все же нам придется продолжить, – сказала Арабелла, отпивая немного вина, полная решимости не дать себя запугать.

Джек терпеливо ожидал. Арабелла откинулась на резную спинку стула и повторила:

– Ясно, что я не должна ни в чем вам препятствовать...

– Премного благодарен, – ответил он, и голос его был похож на шелест сухих листьев.

– Но, – продолжала она, – думаю, вам должно быть понятно, что я хочу пользоваться такими же привилегиями. Я желаю получить ваше согласие на то, чтобы и вы не вмешива-

лись в мою личную жизнь.

Джек стремительно выпрямился:

– Что?

Арабелла смотрела на него прищурившись:

– Поправьте меня, если я заблуждаюсь, но я полагаю, что ваша любовница – замужняя дама. Я только хочу располагать такой же свободой, какой пользуется она... Какую присвоили себе и вы, сэр.

– Вы заходите слишком далеко, – возразил Джек.

Арабелла покачала головой:

– Не думаю. Если я соглашаюсь на эту сделку, то в ней должно быть равноправие для нас обоих. Как вы полагаете, почему я не замужем?

– Думаю, было бы неучтиво предположить, что не нашлось ни одного идиота, который попросил бы вашей руки, – заметил он.

– Верно, это было бы неучтиво. К тому же и неверно, – ответила Арабелла.

Он смотрел на нее некоторое время в напряженном и задумчивом молчании, потом вдруг откинул голову назад и расхохотался. Его кожа собралась мелкими морщинками вокруг глаз.

– О, Арабелла, во что я ввязываюсь?

Этот смех ее озадачил. Она заметила, что у него есть привычка внезапно впадать в веселое расположение духа, когда обстоятельства оказывались очень щекотливыми. Это сме-

шивало все карты, и она почувствовала, что сейчас возникла именно такая ситуация. Она смотрела на него настороженно.

– Но ведь это как раз то, к чему вы стремились, сэр.

– Да, это так. – Он вдруг отрезвел и подался к столу, сложив руки на груди. – Очень хорошо. Раз уж мы заговорили откровенно, позвольте и мне высказаться прямо. Вы поклянетесь всем, что вам дорого, придерживаться нерушимых правил света. И не будете вступать в любовные связи, пока не родите мне наследника.

– Я готова поклясться, – ответила она просто. – Поступить иначе – означало бы отказаться от нашей сделки. – Она поднялась из-за стола. – А теперь, когда мы все обсудили и договорились обо всем, я пойду в свою гостиную. Думаю, сэр Марк и все остальные придут сюда вскоре после завтрака. Встретимся в библиотеке.

Она направилась было к выходу, но Джек быстро поднялся с места и поднял свой бокал. Выразить их взаимное удовлетворение сделкой казалось ему некоторым преувеличением, и все же он решил произнести тост.

– Давайте выпьем за нашу договоренность, моя дорогая, – сказал он, обходя стол и приближаясь к ней. – Возьмите свой бокал.

Его взгляд был пристальным и настойчивым, губы крепко сжаты. Арабелла подчинилась. Да и нельзя было поступить иначе под этим пристальным и властным взглядом. Он едва заметно улыбнулся, взял ее под руку, и некоторое время

они стояли лицом друг к другу, почти соприкасаясь телами и держа в соединенных руках по бокалу с вином. Он поднес свой бокал к губам, и Арабелла волей-неволей последовала его примеру. Они выпили одновременно. Она ощущала силу, исходящую от его тела, властность и целенаправленность его воли и ума, когда он стоял так близко от нее. В вине чувствовался вкус черной смородины и солнца. Сильный запах его кожи окутывал ее – он напоминал аромат земли с легкой примесью свежести лимона. Перед ней возник образ ее сада. Она не могла отвести от него глаз, и когда он взял из ее руки бокал, чтобы поставить его рядом со своим, ее бесчувственные пальцы не оказали никакого сопротивления. Он приподнял ее лицо за подбородок, оно оказалось обращенным к нему, и она покорилась неизбежному, издав легкий вздох, который можно было истолковать и как изъявление удовольствия, и как знак ужаса. И по правде говоря, она и сама не знала, какое чувство испытывала.

Его губы были твердыми и упругими, а ее собственные раскрылись, чтобы принять его настойчивый язык, и она почувствовала вкус вина на его языке, как и он на ее. Вино было прохладным и контрастировало с теплом их слившихся в поцелуй губ. Он заключил ее лицо в ладони, и поцелуй его стал крепче и настойчивее – он исследовал каждый уголок ее рта. Не сознавая, что делает, она обвила его руками, и ее ладони легли на его крепкую спину, когда она прижалась к нему и почувствовала каждый изгиб его тела и отвердевший

орган, прижавшийся к ее бедрам. И где-то на краю ее сознания промелькнула мысль, что, может быть, все-таки... этот брак по расчету даст ей что-то еще.

Он оторвался от ее губ очень медленно и убрал руки от ее лица, а потом провел ладонями вдоль всего ее тела, по всем его выпуклостям и впадинам, по изгибу тонкой талии и широким бедрам. При этом его настойчивый взгляд не отрывался от ее лица.

– И все же убежденная старая дева двадцати восьми лет таит в себе страстность, – сказал он слегка охрипшим голосом, и губы его изогнулись в легкой улыбке.

– Почему вас это удивляет? – ухитрилась она спросить почти обычным голосом.

– О, не знаю, – ответил он. – Вероятно, виновата моя близорукость.

– Будем надеяться, что ваша недалёковидность ограничится только этим, – ответила Арабелла, ее руки оторвались от его тела, и она отступила на шаг. – А теперь извините меня, сэр. Желаю вам спокойной ночи.

– Доброй ночи, – ответил он тихо.

На следующее утро сэр Марк со своим поверенным и лорд Дэвид Кайл прибыли вскоре после восьми часов. Все трое были хмурыми. Дэвид казался еще мрачнее, чем накануне вечером, а у поверенного был смущенный и озадаченный вид. В руках он держал охапку документов.

Сэр Марк поцеловал Арабеллу в щеку, Когда она встре-

тила их у парадной двери.

– Доброе утро, дорогая.

Она присела в реверансе и предложила перейти подкрепиться в библиотеку, где их ожидал герцог. Джек поднялся с места, как только они вошли.

– Доброе утро, джентльмены.

Они обменялись поклонами, гостям был предложен эль, и наконец все уселись.

– Обсудим условия брачного контракта, – начал Джек, тотчас же приступая к делу. – Леди Арабелла разъяснила мне свои требования, и я без труда согласился их удовлетворить. Поэтому наши переговоры не займут много времени.

Сэр Марк осторожно кашлянул.

– Есть один аспект этого дела, который следовало бы узнать леди Арабелле. Я и сам об этом не подозревал, пока Тревор не ознакомился с фамильными бумагами Данстонов перед нашей встречей.

Арабелла подалась вперед. Что-то было не так. Баронет повернулся к стряпчему:

– Думаю, Тревор сможет все объяснить лучше меня, дорогая.

Она посмотрела на Джека, расположившегося в непристойной позе возле незажженного камина. Он был в костюме для верховой езды и сидел, закинув одну ногу в сапоге на колено другой. Рука его легко касалась эфеса шпаги. В лучах утреннего солнца, лившихся из сводчатого окна за его

спиной, сверкал камень в его безупречно белом крахмальном воротничке. Его глаза выражали спокойствие, но внезапно она заметила в их глубине острое и пристальное внимание, а в его позе – едва различимую настороженность.

Тревор откашлялся и принялся шуршать бумагами у себя на коленях.

– Ситуация такова, миледи. Первый граф Данстон составил распоряжение в 1479 году *sub jure*⁶ на случай своей внезапной смерти при отсутствии завещания и прямых наследников мужского пола.

Он снова кашлянул в ладонь.

– В подобном случае имения, деньги и титул должны были перейти через прямую наследницу женского пола к ее мужу. При таких условиях и графский титул сохранялся бы навсегда.

Он помолчал – в комнате царила полная тишина. Арабелла не шевелилась и не отрывала от него взгляда.

– Никогда прежде не было необходимости осуществлять это распоряжение, потому что всегда был прямой наследник мужского пола, к которому переходило все, – продолжал поверенный несколько покаянным, но по-прежнему сухим и официальным тоном. – Вплоть до несчастной кончины девятого графа. – Он вынул носовой платок и громко высморкался в нерушимой тишине. – А теперь, как я понимаю, девятый граф умер, но оставил завещание. Он завещал свое имение

---

⁶ В соответствии с законом (лат.).

и состояние герцогу Сент-Джулзу.

Стряпчий повернулся на стуле и с бесстрастным видом отвесил поклон герцогу. Джек и ухом не повел. Его взгляд из-под тяжелых век был устремлен на Арабеллу.

– Это мне понятно, – впервые заговорила Арабелла. – В конце концов для того мы здесь и собрались, чтобы все обсудить. – Она бросила взгляд на Джека, потом оглядела торжественные и угрюмые лица своих друзей. – Вы хотите мне сообщить, что женщины в соответствии с этим распоряжением *sub jure* не могут ничего наследовать сами, а только служат передаточным звеном, чтобы имущество перешло к их супругам?

– Именно так, миледи.

– Возмутительно! – пробормотала Арабелла едва слышно. – Ну, раз мой брат оставил в некотором роде завещание, то его состояние и земли никогда бы не перешли ко мне даже для передачи потомкам. Но как я понимаю, выходя замуж за герцога Сент-Джулза, я передаю ему право наследовать графский титул.

– Совершенно верно, миледи, – серьезно кивнул Тревор. – Наследование *sub jure* необычно, мадам, но нельзя сказать, что таких случаев не бывало.

Она слегка склонила голову, соглашаясь. Потом посмотрела на герцога, испытывая странное чувство, почти благоговение. Он был сам дьявол во плоти. Что же такое Фредерик сделал этому человеку? Ее единокровный брат отдал бы

все, кроме своего имени и титула. Это было полное, окончательное отречение, и Фредерик возопил бы из могилы. Но конечно, он подумал об этом, прежде чем пустить себе пулю в лоб. Она не могла отделаться от этих горьких размышлений, но потом решила, что, возможно, Фредерик не знал об этом распоряжении их предка, потому что прежде оно никогда не вступало в силу. И было не в характере Фредерика беспокоиться о всевозможных мелочах и тонкостях, коли он уже вступил во владение своим наследством.

Графский титул принадлежал семье Лэйси уже триста лет. Первый Лэйси был одним из нормандских рыцарей Вильгельма Завоевателя. Титул переходил из одного поколения в другое, становясь все значительнее. Сначала были просто рыцари, потом баронеты, виконты и, наконец, графы. Имя Лэйси было древним, как и титул. И тем, и другим Фредерик безмерно гордился. Как и их отец до него. И вот теперь графам Данстонам пришел конец. Никому из Лэйси больше не суждено было носить этот титул. Арабелла ничего об этом не знала и полагала, что титул перейдет к какому-нибудь дальнему родственнику. Конечно, без состояния, способного его подкрепить, он оставался бы пустым звуком, и все же это имя звучало бы.

– Вы поэтому решили на мне жениться? – отрывисто спросила Арабелла герцога.

Он поднял бровь и процедил сквозь зубы, растягивая слова:

– Моя дорогая, я уже обладаю герцогским титулом. К чему мне еще графский?

– Я как раз и спросила об этом, – ответила Арабелла. – Зачем он вам?

– Вовсе не нужен, – ответил он просто. – Но таков закон. Это было правдой. Он не столько хотел обрести графский титул, сколько жаждал, чтобы Фредерик Лэйси его потерял, и таким образом он завершил бы его уничтожение, несмотря на то что тот уже упокоился в могиле.

– Арабелла... если ты желаешь пересмотреть свои намерения... если это в какой-то степени для тебя важно... – начал лорд Баррет.

Она подняла руку, смягчив свой резкий жест иронической улыбкой.

– Нет, сэр Марк. Я не думаю, что это что-то меняет. За кого бы я ни вышла, мой муж унаследует титул. Мне кажется, что я спокойно могу последовать за состоянием Лэйси и предать себя в руки нового владельца.

– Арабелла, это недостойно тебя, – запротестовал Дэвид. Она повернулась к нему. Лицо ее оставалось сумрачным.

– Нет, Дэвид, я просто практична. Я заключаю брак по расчету. Впрочем, я никогда и не надеялась ни на что другое.

Она снова посмотрела на Джека, который, казалось, всего лишь наблюдает за всем происходящим, будто к нему это не имеет никакого отношения. Но она понимала его лучше. По неизвестной ей причине и несмотря на его слова именно это

крылось за его предложением брака. И снова она мысленно задала себе вопрос:

«Почему? Чем Фредерик заслужил столь сильную вражду?»

В конце концов она все узнает. Это решение вызвало у нее дрожь – ей стало не по себе, а потом она подумала, что, возможно, ей и не захочется ни о чем узнавать.

ГЛАВА 9

В пятницу внезапно погода изменилась. Небеса разверзлись. Черно-синее небо прочертили зигзаги молний, и в воздухе прозвучали раскаты грома. В маленькой церкви, построенной еще нормандцами, было темно и холодно, несмотря на алтарные свечи и светильники, зажженные под цветными витражами окон. Лилии в кувшинах и розы в широких мисках, сорванные Мэг в саду Арабеллы и расставленные по всему помещению церкви, наполнили ее ароматом, но и благоухание не могло заглушить духа затхлости и плесени, исходившего от древних камней. В теплый, солнечный день церковь была славным местом, залитым ярким светом, сочившимся сквозь цветные стекла витражей. В такие дни двери стояли открытыми и позволяли проникать внутрь свету и воздуху. Но в холодное и сырое утро конца августа здесь было уныло.

Арабелла стояла под сводом покойницкой, укрытая от дождя, и мрачно созерцала в открытую дверь лужи на дорожке, ведущей к церкви. На ней было легкое платье из муслина с узором из веточек, которое, по мнению Мэг, больше всего походило на подвенечное из всего гардероба Арабеллы, и атласные туфельки, никоим образом не годившиеся для такого дождливого дня.

Джек прошел в церковь раньше. Прихожан было немного:

только слуги, Питер Бэйли, Мэри Кайл и леди Баррет. Арабелла наотрез отказалась рассылать приглашения кому бы то ни было из местных дворян-соседей под предлогом того, что не хочет приглашать леди и лорда Эслопов.

Сэр Марк, Мэг и Арабелла сгрудились, спасаясь от дождя, под аркой ворот в надежде, что он ослабеет или кончится.

– Похоже, он не собирается прекращаться, – сказала наконец Арабелла. – Придется нам прорываться в церковь сквозь этот потоп.

– Но ты промокнешь, – сказала Мэг. – О, постой, вот герцог!

Из церкви вышел Джек с огромным зонтом. Он направился по дорожке к ним, высоко держа его над головой. Дождь его ничуть не смущал. Его куртка черного сукна, с богато вышитым шелком узором из цветов, была безупречна, как всегда. Черные башмаки с серебряными пряжками, казалось, не терпели никакого ущерба от соприкосновения с лужами.

– Сэр Марк, если вы будете держать над нами зонт, я отнесу в церковь Арабеллу и вернусь за Мэг, – сказал он непридуманно, передавая баронету зонт.

– Меня незачем нести, – запротестовала Арабелла. – Я прекрасно дойду сама, если вы будете держать зонт над моей головой.

– Ваши туфли промокнули, а подол вашего платья будет грязным. Я не собираюсь жениться на цыганке, – возразил он довольно резко и, не обращая внимания на ее протест,

легко поднял ее на руки.

Сэр Марк взял зонтик и поспешил рядом с ними по тропинке, стараясь поспеть за Джеком с его ношей. Он опустил ее на землю у дверей церкви и вместе с баронетом вернулся за Мэг.

Как только Мэг оказалась стоящей рядом с Арабеллой, Джек занял свое место у алтаря.

– Следует кое-что сказать в пользу мужчины с сильными руками, – заметила Мэг, приглаживая оборки на платье Арабеллы.

– Тьфу! – отозвалась Арабелла.

Мэг бросила на нее проницательный взгляд:

– Сожалеешь, Белла?

Арабелла покачала головой:

– Не думаю.

– Твой голос звучит не слишком уверенно, – заметила Мэг. – Еще не поздно все переиграть.

– Я не изменю своего решения, – твердо заявила Арабелла.

Мэг понимающе кивнула:

– Тогда пойдем и сделаем тебя герцогиней.

Арабелла вступила в темную церковь. Мэг последовала за ней, сэр Марк шел рядом, и все трое приблизились к алтарю, где их ждали Джек и Дэвид.

Все было кончено через несколько минут, или так показалось Арабелле. Такой решительный шаг, конечно же, требу-

ет больше времени, думала она, ставя свою подпись в книге регистрации браков и видя, как пламя высвечивает бледное золото обручального кольца на ее пальце.

Арабелла Фортескью, герцогиня Сент-Джулз.

По спине ее пробежали мурашки, когда она увидела, как ее муж ставит свою подпись рядом с ее. Что она натворила?!

Но так или иначе, а дело было сделано и обратного хода не было.

Джек аккуратно положил перо на подставку. Их имена смотрели с белой страницы регистрационной книги прямо на них. С этим было покончено. Он получил, что хотел. Все имущество Фредерика Лэйси, вплоть до его титула. Он покосился на сестру Лэйси, которая тоже теперь принадлежала ему душой и телом. В ее теле чувствовалось напряжение, и он размышлял, не жалеет ли она о том, что совершила эту сделку. Ведь в конце концов это было ей навязано. Но по крайней мере она была жива, и у нее было будущее в отличие от Шарлотты.

Он отвернулся от регистрационной книги и предложил Арабелле руку, чтобы повести ее по проходу к выходу из церкви. Как только ее пальцы легли на рукав его черного шерстяного сюртука, он почувствовал их дрожь, но она заставила себя прекратить ее и слегка улыбнулась ему бледной улыбкой.

К тому времени, когда они вышли из церкви, дождь перешел в мелкую морось. Джек приостановился у выхода и по-

смотрел на небо, все еще серое и затянутое тяжелыми тучами, чреватými новым потопом.

– Не слишком благоприятный день для свадьбы, – проворботала Арабелла, вздрогнув от промозглой сырости и холода.

Джек не ответил, и она подумала, что ему это тоже пришло в голову. Но ей было неизвестно, какие мысли тревожат его. Все, что она знала об этом мужчине, теперь ставшем ее мужем, было противоречиво.

Он прервал молчание:

– Идемте, вы не должны промочить ноги.

Он поднял ее на руки, и она не протестовала. В этом не было смысла, а она и в самом деле не хотела промокнуть.

Он прошел по дорожке к экипажу, ждавшему возле входа в покойницкую. Потом усадил ее и подвинулся, пропуская Мэг, подал ей руку и помог усесться.

– Я пройду пешком. Мы увидимся дома, госпожа супруга.

Он закрыл дверцу коляски и подал знак кучеру трогаться. В экипаже было место для него, но он вдруг почувствовал, что хочет немного побыть в одиночестве и собраться с мыслями. Наступило ли время радоваться полному осуществлению своих планов мести, которые он вынашивал так долго? Или следует подумать о предстоящих вечере и ночи?

– Почему он предпочел пройти пешком? – удивилась Мэг. – Он же промокнет.

Арабелла коротко и безрадостно рассмеялась:

– Джек Фортескью – сам себе закон. Кроме того, кажется, дождя нет. Разве ты не заметила?

Мэг не могла не согласиться:

– Верно. На его сюртуке ни капли воды, а кружевной воротник и манжеты выглядят такими же, как утром, когда он оделся. У всех остальных одежда влажная и мятая, но у герцога прическа волосок к волоску.

– Дьявол приглядывает за собой, – сказала Арабелла.

– Надеюсь, что это шутка, – проронила Мэг.

– Разумеется, – согласилась Арабелла с принужденным смехом.

С минуту Мэг не сводила с подруги испытующего взгляда. Она поддержала Арабеллу, когда та высказала намерение принять предложение герцога. Как и Арабелла, она сочла это наименьшим из зол, но, если бы заметила, что Джек активно неприятен Арабелле, она попыталась бы отговорить подругу. Она не приняла всерьез шутливое замечание Арабеллы по поводу ауры опасности и угрозы, окружавшей герцога... и попыталась отделаться от ощущения, что в нем есть что-то мрачное, потому что сама Арабелла, похоже, не говорила серьезно. Но было в герцоге нечто трудноопределимое, что порой смущало ее.

Однако Арабелла уже много лет была предоставлена сама себе и со всем справлялась, попыталась Мэг успокоить себя. Она знала, что делает. Она прекрасно понимала, что теряет,

как и то, что приобретает.

– Я буду по тебе скучать, когда ты уедешь в Лондон, – сказала она, крепко пожимая руку подруги.

Арабелла сжала ее руку в ответ, но несколько просветлела лицом, а в глазах ее заплясали смешинки.

– Может быть, этого и не случится, – ответила она с таинственным видом. – Я думала об этом.

Мэг заинтересовалась:

– О чем ты думала?

– Как только я устроюсь в Лондоне и почувствую себя полноправной герцогиней, почему бы тебе не приехать ко мне и не погостить подольше? Ты ведь сетовала на то, что в Кенте не найти хорошего мужа, так не попытаться ли счастья в Лондоне? Ведь твой отец ничего не будет иметь против того, чтобы ты пожила со мной?

– Нет, – задумчиво согласилась Мэг. – Уверена, что он не станет возражать. Но я не знаю, Белла. Лондонское общество – такая зацикленная на себе самой вселенная. Я не смогла к нему привыкнуть прежде и, думаю, не сумею вписаться в него теперь.

– Я и об этом подумала, – продолжала Арабелла.

Она отняла у Мэг руку и для убедительности постучала по ее ладони двумя пальцами.

– Я ведь тоже не вписалась в него в первый раз, но подумай, Мэг, мы были молоденькими девушками и не хотели подчиняться правилам, не соглашались быть как все. Но

герцогиня и ее лучшая подруга не будут обязаны следовать канонам и ходить строем. Мы расшевелим это болото.

– М-м... – Мэг медленно кивнула. – Расшевелим?

– Ну, я собираюсь оставить в нем след, – заявила Арабелла. – Я хочу создать политический салон и стать очень влиятельной личностью.

Мэг смотрела на нее с благоговением и страхом. Арабелла редко терпела поражение в деле, за которое бралась с азартом.

– Думаю, это будет значить, что ты извлечешь максимум пользы из невыгодной ситуации.

– Точно. Если уж я приношу жертву на матримониальный алтарь, то должна заставить эту ситуацию работать на себя.

Мэг подняла брови при этих ее словах, но не произнесла ни слова. Они уже подъехали к дому. Кучер опустил ступеньку и помог дамам выйти из экипажа. Арабелла оправила оборки на юбке, размышляя о том, что оставить след в обществе было только одной из ее задач, а задумала она извлечь из своего брака гораздо большую пользу. Джек Фортескью, герцог Сент-Джулз, выигрышем в карты сумел проложить себе путь к состоянию Данстонов. Может быть, сестра его жертвы сможет дать герцогу почувствовать, что он отхватил горький кусок. Как он отнесется к тому, что его жена проиграет его деньги, добытые столь сомнительным путем? Это вызовет у него истечение желчи: он не привык к такому повороту событий и слишком долго заставлял обстоятельства покорять-

ся ему.

Слуги поспешили из церкви домой, и теперь все собрались в холле, ожидая возможности поздравить невесту и жениха. Франклин не смог скрыть удивления, когда из экипажа вышли Мэг и Арабелла, а жениха не было видно, но, поскольку все в этом браке было за пределами его понимания, он только поздравил Арабеллу и проводил ее в дом.

– Его светлость идет пешком, – пояснила Арабелла.

– Совершенно верно, ваша светлость, – сказал Франклин, отвешивая низкий поклон, потому что это было вполне резонное объяснение.

Арабелла смотрела на него, изумленно моргая:

– Нет нужды называть меня так, Франклин. Леди Арабелла – такое обращение меня вполне устраивает теперь, как и всегда.

– Я подозреваю, что тебе потребуется время, чтобы привыкнуть к этому титулу, – пробормотала Мэг.

– Но ведь я осталась такой же, как была, – запротестовала Арабелла.

А потом спросила себя мысленно – так ли это?

У нее было ощущение, что в ней произошли глубокие изменения, с тех пор как Джек Фортескью вошел в ее жизнь. Возможно, она просто путала некоторые вещи: относила глобальные изменения в своем образе жизни к себе лично.

Ведь самого глубоко личного изменения еще не произошло, подумала она, видя, как в дом входят Джек и все осталь-

ные. Она все еще оставалась женой только номинально. Но знала, что ненадолго. Она взяла бокал шампанского, предложенный ей Франклином, и смотрела, как Джек пробирается сквозь толпу гостей к ней, по пути прихватив бокал для себя.

– Где собаки? – спросил он. – Я был уверен, что они последуют за вами в дом.

– Они бы так и поступили, если бы им позволили. Но нынче утром они вывалялись в навозе, и пахло от них – хоть святых выноси. Поэтому один из грумов устроил им хорошую ванну. И миссис Эллиот не пускала их в дом, пока они не высохнут.

«Продолжай разговаривать как ни в чем не бывало, и все будет прекрасно. Ты ничуть не волнуешься», – убеждала она себя.

Но у Джека было другое мнение. Он осторожно чокнулся с ней и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Как всегда, – ответила она. – А разве должно быть иначе?

– Возможно, еще нет, – ответил он, возвращая ее к прежним размышлениям.

Однако кожу ее покалывало будто иголками и кошки скребли на душе. К щекам ее прихлынула обжигающе горячая кровь, и она не могла отвести взгляда от цепких глаз Джека. Она увлажнила кончиком языка внезапно пересохшие губы. Он поднял бровь и, наклонившись, поцеловал ее

в уголок рта.

– Я всегда находил, что предвкушение обостряет наслаждение, – сказал он.

Потом оставил ее и пошел приветствовать гостей. Мэг, с любопытством наблюдавшая за этой сценой, подошла к Арабелле.

– Не знаю, помогает ли ему дьявол, но он чертовски красив, – заметила она, понизив голос. – Интересно, какой из него любовник?

– Вот это беспокоит меня меньше всего, – сказала Арабелла с отсутствующим видом, прикоснувшись к уголку рта, все еще хранившему вкус его поцелуя.

Она вспомнила тот момент в саду, когда осознала, что в Джеке Фортескью есть подлинная сила и магнетизм и все это могло поглотить ее целиком. И ее гораздо больше беспокоило состояние ее души, чем тела.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – спросила Мэг. – Не думаю, что в состоянии дать тебе практический совет, потому что одна-единственная ночь страсти с гондольером, не знающим английского языка, не сделала меня экспертом, но я могу выслушать тебя.

Глядя на Арабеллу поверх бокала с шампанским, она ободряюще улыбалась ей.

– О чем это вы шепчетесь? – спросил сэр Марк, приближаясь к ним.

Он пытался улыбнуться, но глаза его оставались серьез-

ными. Как и остальные друзья Арабеллы, он не делал тайны из своих сомнений насчет успеха ее затеи.

– Если бы ты только знал, – прошептала Мэг, и Арабелла почувствовала, как напряжение оставляет ее при мысли о том, что баронет мог бы поучаствовать в их беседе.

– Ты не должна монополизировать новобрачную, Мэг, – объявил ее отец, целуя Арабеллу в щеку. – Прими мои поздравления, дорогая. Ты просто сияешь.

Арабелла улыбкой выразила свою благодарность по поводу этого дежурного комплимента. Ведь невестам полагается сиять в день свадьбы, но она была уверена, что эта пошлость не имеет к ней никакого отношения. Уж во всяком случае, она не ликовала. Ее то и дело бросало в жар, и сердце предательски обрывалось. Она посмотрела через комнату на Джека, переходившего от одной небольшой группы гостей к другой. Он ведет себя так, будто всю жизнь был хозяином Лэйси-Корт, отметила она про себя с обычным приливом раздражения. Владельцем Лэйси-Корт и графом Данстоном. Но за раздражением последовала мысль о том, что отныне и навсегда она стала госпожой Лэйси-Корт и теперь никто не отнимет этого у нее.

Весь день продолжался свадебный пир. На столе появлялось одно блюдо за другим. Арабелла сказала Франклину и миссис Эллиот, что не следует прилагать столь отчаянных усилий, но у Франклина были свои взгляды на то, что правильно, а что нет и каким должно быть гостеприим-

ство в Лэйси-Корт, даже если сама свадьба была непристойно поспешной, потому что последовала сразу же после смерти члена семьи. Если уж не было официального траура по почившему графу, то свадьбу его сестры следовало отпраздновать в лучших традициях. И Франклин упрямо откупоривал бутылки с самым лучшим бургундским, принадлежавшим еще отцу леди Арабеллы. Старый граф настоял бы на этом, если бы знал, что его дочь стала герцогиней.

Когда день начал клониться к вечеру, леди Баррет встала и обошла вокруг стола. Она вяло улыбнулась, потом наклонилась к невесте и принялась шептать ей на ухо:

– Арабелла, дорогая, позволь мне заменить тебе мать. Ведь должен кто-нибудь подготовить тебя к твоей брачной ночи.

Ошарашенная Арабелла подняла глаза на склонившееся к ней доброе лицо:

– Мадам, вы очень любезны, но, право же, в этом нет необходимости. Я не дебютантка-инженю.

– Возможно, это так, дорогая, но твоя мать хотела бы, чтобы я взяла это на себя.

Арабелла отчаянно надеялась, что леди Баррет не станет вдаваться в тонкости механики брачного ложа. Она уже сейчас с трудом удерживала приступ истерического смеха и сказала только:

– Благодарю вас, мадам. Вы очень добры.

И посмотрела на Джека, сидевшего рядом с ней. Он делал

вид, что не слышал этого шепота, и выглядел весьма убедительно. Но он отлично знал, что происходит. Под столом он положил руку ей на колено. Она чуть не подскочила на месте от этого неожиданного прикосновения. Она чувствовала жар его руки сквозь тонкий муслин платья. Во все время торжества он не сказал и не сделал ничего такого, что свидетельствовало бы хоть о какой-нибудь интимности между ними, и она была благодарна ему за его такт. Гостей было слишком мало, чтобы любое проявление чувств прошло незамеченным, как бы непринужденно и буднично они ни держались, и то, что не смутило бы ее в присутствии чужих людей, было невыносимо среди близких друзей.

На один только миг давление на ее колено усилилось, потом он наклонился к ней и поцеловал в ухо. Мурашки мгновенно пробежали по ее спине.

– Я намекну джентльменам, чтобы они убрались пораньше. А уж они заберут с собой своих спутниц.

– Они настроены на то, чтобы выпить портвейна, – пробормотала Арабелла, и в голосе ее прозвучало сомнение.

Он покачал головой, сдержанно улыбнувшись:

– Не бойтесь, моя дорогая. Жених в брачную ночь не потерпит, чтобы его задерживали.

Арабелла почувствовала, как сердце ее вновь оборвалось, а кожу на голове начало покалывать сильнее. Его слова в такой же мере можно было принять за обещание, как и за угрозу.

– Джентльмены, прошу вас извинить нас, – обратилась леди Баррет к присутствующим.

– Разумеется, мадам. – Сэр Марк встал. – Арабелла, дорогая, я всегда считал тебя дочерью и знаю, что говорю от имени всех нас, желая тебе удачи и счастья.

Он поднял свой бокал, и они вместе с Дэвидом и Питером Бэйли стоя выпили за здоровье новобрачной. Джек тоже поднял бокал и тихо сказал:

– Я беру на себя ответственность за ее счастье, джентльмены.

Он почувствовал пристальный взгляд Дэвида Кайла, как если бы тот заглядывал ему прямо в душу, которая представлялась викарию черной как смола. На этот счет у Джека не было иллюзий. Он выдерживал его взгляд, пока тот не опустил глаз, потом опорожнил свой бокал. И тотчас же заметил, что через стол на него смотрит Мэг Баррет. В ее ярко-зеленых глазах он прочел предупреждение и вызов.

Очевидно, она готова сразиться с ним, если он принесет горе ее подруге. Он выдержал и ее взгляд, но в отличие от викария она не прослезилась, и в конце концов ему самому пришлось отвернуться и сесть на место.

Арабелла обменялась поцелуями с гостями и позволила леди Баррет сопровождать ее из столовой. Только когда ее милость машинально направилась в восточное крыло, она сообразила, что не давала никаких указаний приготовить общие комнаты для нее и Джека. У ее матери была спальня, со-

седствовавшая со спальней мужа. Сейчас герцог занимал покой графа, но соседняя с ними комната была закрыта после смерти ее матери. В ней все так и оставалось, как прежде. И леди Баррет, чье знакомство с расположением комнат в Лэйси-Корт восходило к тем дням, когда она и мать Арабеллы были близкими подругами, двинулась не в том направлении.

– Леди Баррет... мэм... Сегодня я буду ночевать в своей спальне, – сказала она.

Леди Баррет обернулась, и Арабелла увидела ее изумленные глаза.

– Моя дорогая, не глупите!

– У меня не было времени сделать необходимые приготовления, – выпалила Арабелла. – Но герцог поймет. Он знает, что я буду спать в своей комнате.

Она вовсе не была уверена в том, что он об этом знает. Они это не обсуждали, но он вправе считать, что она проинструктировала слуг на этот счет.

– Ваш муж не рассчитывает, что ему придется слоняться по коридорам в поисках жены, – заявила леди Баррет. – Спальня жены должна быть легкодоступна для мужа в любое время.

Арабелла попыталась умиротворить ее:

– Завтра я распоряджусь обо всем, мэм. Право же, пока на это не хватило времени.

Она повернула в сторону западного крыла.

Арабелла вошла в свою спальню и замерла на пороге, в

изумлении оглядываясь вокруг.

– Что случилось? Где все?

Платяной шкаф стоял раскрытым настежь и был пуст. Бельевой был в таком же состоянии. Ее щетки для волос и гребни исчезли с туалетного столика, и Бекки деловито хлопотала возле постели, снимая с нее простыни и убирая полог и занавески.

Бекки вздрогнула и виновато посмотрела на нее.

– Его светлость... сказал, что мы должны перенести все в спальню рядом с его комнатой, – выпалила она. – Он сказал нам это нынче утром, до того как вы отправились в церковь, миледи... ваша светлость. Его светлость велел сделать это мистеру Франклину, когда тот сообщил, что вы не давали ему никаких указаний.

Арабелла решила, что этот титул слишком для нее обременителен. Она хмуро оглядывала опустевшую комнату. Когда речь заходила об односторонних распоряжениях, оказывалось, что герцог очень серьезно относится к своему положению хозяина дома. Она была бы признательна, если бы кто-нибудь просветил ее на этот счет, до тех пор пока все ее имущество не будет перемещено. Почему Франклин ничего ей не сказал?

– Похоже, ваш муж обо всем подумал, дорогая, – сказала леди Баррет с одобрением. – Весьма необычно для мужчины вникать в такие мелочи ведения хозяйства.

– Герцог вникает во все, – сказала Арабелла с досадой.

– Думаю, ваша светлость, новая комната вам понравится, – произнесла Бекки робко. – Мы сменили все занавески, работали с Беном целый день, чтобы все устроить наилучшим образом. Все ваши вещи там. И непочатые, новые свечи, и огонь в камине, чтобы было уютно в такой злополучный день. И всего несколько минут назад я отнесла наверх горячую воду.

– Спасибо, Бекки, – поблагодарила ее Арабелла, стараясь скрыть от девушки свои истинные чувства. – Я уверена, что вы сумели сотворить чудо.

Она повернулась на каблуках. Ее спутницы следовали за ней по пятам.

Разумеется, ее новая спальня была уютной и теплой. Арабелла никак не могла понять, где до сих пор держали новые портьеры. Никогда прежде она их не видела. Кровать закрывал полог из плотной штофной ткани кремового цвета с вышивкой. На высоких окнах были такие же драпри. Они выглядели намного роскошнее, чем простые занавески из тафты в ее прежней комнате. В сиянии свеч великолепный ковер играл яркими красками. Эта комната гораздо больше соответствовала положению зрелой замужней женщины, чем прежняя. В ней не осталось ничего от детских безделушек, украшавших спальню, принадлежавшую ей с младенчества. И внезапно она почувствовала себя обездоленной.

– А теперь позволь мне подготовить тебя, – сказала леди Баррет. – Герцог скоро придет сюда, и он должен найти тебя

вполне готовой.

«Агнец, обреченный на заклание», – подумала Арабелла, но тотчас же налепила на лицо фальшивую улыбку.

Леди Баррет взяла шелковый пеньюар цвета слоновой кости, оставленный Бекки на кровати.

– Да, он вполне годится, – сказала она. – Очень красив. А теперь, я думаю, надо опрыскать подушку розовой водой...

Арабелла позволила раздеть себя и облачить в пеньюар. К счастью, старшая из дам не требовала от нее реакции на свои словоизвержения.

– Теперь, моя дорогая, ты должна ждать своего супруга в постели, – заключила леди Баррет, как только Арабелла оказалась достойно одетой.

Арабелла собиралась сказать, что хочет посидеть у камина, когда послышался скромный и почтительный стук в дверь и торжественный голос Франклина:

– Леди Баррет, ваш супруг ждет вас внизу.

Конечно, Джек постарался ускорить события, подумала Арабелла. Они были наверху не более получаса. Но теперь наступило время, когда их брак переходил в иную фазу, лишавшую ее права на отказ.

– Я вам благодарна за вашу доброту, леди Баррет, – сказала Арабелла, с нежной улыбкой целуя ее.

Леди Баррет ответила ей поцелуем и отвернула покрывало на кровати.

– Готово, дорогая.

Она разгладила складки на подушке. Покорность была наилучшим способом выдворить ее из комнаты, и Арабелла взобралась на незнакомую кровать.

Леди Баррет подоткнула одеяло и снова поцеловала Арабеллу.

– Ты живое воплощение своей матери, – сказала она, и глаза ее затуманились. – О Господи! Я так ясно помню свою брачную ночь. – Она поспешила к выходу. – Будь счастлива, дорогая!

Как только дверь за ней закрылась, Арабелла спрыгнула с кровати. У нее не было ни малейшего намерения лежать как козел отпущения в ожидании своей судьбы. Она оправила постель и села за туалетный столик. По обе стороны зеркала стояли две высокие свечи в серебряных подсвечниках. Их золотистое пламя отражалось в отполированном стекле. Мягкое освещение льстило ее внешности, хорошо причесанные волосы ниспадали густой блестящей массой на спину. Глаза казались больше, чем обычно, и в их глубине сверкали золотистые искры... Возможно, это было вызвано предвкушением. Или страхом? Господи! Она сама не знала, что чувствует.

Арабелла услышала шаги в соседней комнате, негромкое бормотание. Должно быть, это были Джек и его откровенно высокомерный лакей Луи. Конечно, он не останется в соседней комнате во все время этого ритуала? У нее возникла неуместная потребность захихикать при мысли о том, что ее

ожидает. По-видимому, это реакция нестабильной психики, подумала она безразлично. А возможно, она выпила слишком много.

Арабелла услышала, как открылась дверь в коридор из спальни Джека и звук шагов замер где-то далеко. Служба Луи на сегодня окончилась. Арабелла продолжала сидеть перед зеркалом, глядя на отражавшуюся в нем дверь, соединявшую ее спальню с комнатой Джека. Она увидела, как поворачивается ручка, и сердце ее подскочило и отчаянно заколотилось.

Вошел Джек. На нем был халат из богато вышитого шелка цвета полуночного темно-синего неба. В одной руке он держал графин, в другой – два бокала.

Он поставил все это на низкий столик возле камина и подошел к ней. Теперь он стоял за спиной Арабеллы, положив руки ей на плечи, и их глаза встретились в зеркале.

– Бойтесь? – спросил он.

– Не знаю, – ответила она откровенно. – Но возможно... чуточку любопытствую.

На его губах появилась неспешная улыбка, рука его проникла под каскад ниспадающих волос и дотронулась до ее шеи.

– Думаю, я в состоянии удовлетворить вашу пытливость, мадам.

– Не сомневаюсь, – сказала она и отметила, что голос ее прозвучал хрипло, в то время как его пальцы продолжали

изучать и ласкать ее шею.

Странное напряжение внизу живота становилось все сильнее. Джек приподнял всю массу ее волос и поцеловал ее в шею. По ее телу пробежала дрожь, и она испустила легкий вздох удовольствия. Он выпрямился, и его медлительная улыбка теперь затронула и глаза.

– Ах, вам это нравится, – сказал он. – Многообещающее начало. Есть нечто удивительное и волнующее в затылке женщины.

Он позволил ее волосам упасть на плечи и провел ладонями по ее рукам от плеч вниз. Она же продолжала сидеть перед туалетным столиком, держа руки на коленях и не сводя глаз с его лица в зеркале.

– Думаю, мы не станем спешить, – пробормотал он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в ухо. – Требуется время, чтобы изучить кого-то нового. Я хочу, чтобы вы пообещали мне сказать, если вам не понравится что-нибудь из того, что я делаю, а также что вам приятно.

– Я ведь тоже должна изучить вас, – ответила она.

– Это придет само собой, – пообещал он. – Но нынешний вечер для вас.

Его руки на ее плечах побудили ее встать, и она повернулась в его объятиях, когда он легким движением заставил ее это сделать. Он прижал ее к себе, провел руками по ее спине, ощутил тепло ее кожи, потрогал острые лопатки, провел пальцами по позвоночнику, проступавшему сквозь тонкий

шелк пеньюара. Потом его руки спустились к широким бедрам и на некоторое время замерли на ее ягодицах.

Арабелла стояла очень тихо, стараясь сосредоточиться только на ощущениях, которые приносила эта интимная ласка. Его кожа пахла лавандой, и ее собственная ожила под его руками, и, когда его губы прижались к ее губам, а руки на ее ягодицах прижали ее вплотную к себе, она с готовностью ответила на поцелуй, узнавая его губы. На этот раз ей незачем было сдерживать порыв желания, вызванный этим поцелуем. Она обвила руками его шею, и этот поцелуй все длился и наполнялся страстью. Теперь уже язык Арабеллы исследовал его рот. Он прижал ее к себе крепче. Дыхание его участилось. Она с силой прильнула к нему, ощутив его орган, все сильнее твердевший от ее поцелуев.

Он позволил своим рукам отпустить ее и поднял голову, прервав их поцелуй. Он смотрел ей прямо в глаза. Эти глаза похожи на озера из расплавленного золота, подумал он, проводя большим пальцем по ее губам.

– Может быть, нам не стоит слишком мешкать, – сказал он с легкой улыбкой.

В ответ Арабелла отступила и расстегнула пояс пеньюара. Он распахнулся, открыв его взгляду ее обнаженное тело. Она положила руку на его живот, не отпуская его взгляд и видя, как в его серых глазах вспыхнуло пламя. Она увлажнила губы языком, а потом провела рукой по его телу, охватила теплыми пальцами его орган и сжала его.

Он не отрывал взгляда от ее лица, даже когда его тело откликнулось на ее прикосновение. Между ее бровями образовалась тонкая морщинка, он счёл это волнующим и очаровательным. Она изучала новую территорию, и все ее внимание было отдано этому занятию.

– Если я не заблуждаюсь, мы доставим друг другу наслаждение, вы и я, – сказал он задумчиво.

Он задвигался слишком стремительно – она за ним не поспевала. Джек схватил и бросил ее плашмя на кровать. Он стоял над ней, держа руки на бедрах. Халат его был распахнут. Его глаза блуждали по ее телу. Арабелла не двигалась – она тихо лежала под его жарким взглядом. Сердце ее трепетало, кожа горела, в животе возникло мучительное ощущение ожидания, а между бедер выступила влага.

Он лег на кровать рядом с ней и разгладил шелк пеньюара у нее на груди так, что под тканью обрисовались ее груди. Ее соски выступили особенно отчетливо, и под тонким шелком стали видны темные ареолы. Он не спеша провел пальцем по ним, продолжая изучать ее лицо.

– Скажите мне, – обратился он к ней тихо. – Неужели это ваш первый опыт?

– Да.

– Я уже было подумал... – сказал он, расстегивая крошечные перламутровые пуговицы на ее пеньюаре, – что вы все-таки не новичок.

Ее возможный ответ был уже не важен, потому что она по-

чувствовала дуновение воздуха на своей обнаженной коже, когда он раздвинул полы ее пеньюара, обнажив тело. Он наклонился и поцеловал ее груди. Его язык защекотал ее соски, и она зашевелилась на кровати, издав нечленораздельное бормотание.

– Ваши груди еще восхитительнее, чем я предполагал, – сказал Джек, проводя языком по глубокой ложбинке между ними, а потом по ямке на шее, где бешено билась жилка.

Потом Джек принялся гладить все ее тело, на мгновение задержав руку на животе. Арабелла замерла. Ее бедра раздвинулись сами собой, будто приглашая его, и его рука скользнула между ними. Его пальцы проникли сквозь спутанные влажные темные завитки внизу ее живота и отыскали крошечный, но чувствительный островок плоти, теперь отвердевший и приподнявшийся.

Арабелла прикусила губу в пароксизме острого наслаждения, и бедра ее раздвинулись еще шире. Его пальцы, нежные и уверенные, скользнули внутрь ее тела, раскрывая его, и, когда он решил, что она готова, он задвигался над ней и его ладони оказались под ее спиной и ягодицами, и он приподнял ее, чтобы облегчить проникновение. На мгновение ей показалось, что ее разрывают на части, но когда он задвигался внутри ее, не сводя глаз с ее лица, наслаждение перебило все остальное.

Было что-то на периферии ее сознания, чего, как Арабелла чувствовала, она желала, к чему подсознательно стреми-

лась, но тут внезапно тело Джека словно свело судорогой. Он откинул назад голову с громким криком и достиг вершины наслаждения и излил свое семя в ее тело. Она сжала его ягодицы, и пальцы ее зарылись в твердую мускулистую плоть, и бедра ее поднялись. Его взгляд снова сосредоточился на ее лице, и он продолжал двигаться внутри ее с такой скоростью, какую ему диктовали ее движения, и это что-то обрушилось на Арабеллу со всей неожиданной щедростью метеоритного дождя.

Она упала на постель и лежала в полном забытьи под ним, непристойно раскинув ноги, в то время как его голова покоилась на ее груди и он пытался отдышаться. Наконец он отстранился от нее и вытянулся рядом с ней. Его влажная рука оставалась на ее животе, а голова все еще лежала у нее на груди. Почему-то Джек не рассчитывал испытать чувство полного удовлетворения. И тем не менее это произошло. И что это могло значить для его брака по расчету и мести?

Арабелла подняла глаза на полог над своей головой. Дыхание ее постепенно замедлялось и выравнивалось. Она ощутила тяжесть головы Джека на своей груди, и ее ослабевшая рука погладила его щеку. Это оказалось открытием, и она ощутила прилив ликования плоти. Нет, невозможно прожить всю жизнь целомудренной старой девой. Разумеется, корни этого брака были мрачными и темными, но плоды его оказались на удивление сладостными.

ГЛАВА 10

Герцог Сент-Джулз вошел в полдень в главный зал игорного дома клуба «Брукс». Было прохладное октябрьское утро. С минуту он постоял в двери незамеченным, втянул в нос понюшку табаку и оглядел помещение, в котором игроков было немного. Для серьезной игры было слишком рано.

– Джек! Боже милостивый! Где ты был все эти недели, малый? – окликнул его Джордж Кавена и бросил карты на стол. – Ну и манера у тебя обращаться с друзьями! – проворчал он, резво поднимаясь на ноги. – Исчез, не сказав ни слова.

– Я польщен, что ты скучал без меня, дорогой, – сказал Джек со своей ленивой улыбкой, пряча табакерку в карман и протягивая руку. – Не стоит из-за меня прерывать игру.

– О, это не имеет значения. Я все равно проигрываю.

Джордж с чувством пожал ему руку, потом обнял его за плечи и повлек к низкому буфету, на котором возвышались графины с напитками.

– Где же ты был? В городе о тебе ходят нескончаемые слухи. Я даже слышал, что ты обзавелся женой. Что это за чепуха такая?

Он наполнил два бокала шерри и один вручил герцогу.

– Вовсе не чепуха, – сказал Джек, поднимая бокал и собираясь произнести тост. – В этих слухах нет ничего, кроме

правды.

– Ты, конечно, шутишь!

Джордж уставился на друга, поднеся бокал к губам, но так и не отпив из него.

– Вовсе нет, – спокойно отозвался Джек. – Выпей, Джордж. Меня ведь, как водится, следует поздравить.

Джордж бездумно подчинился и выпил, но его изумленный взгляд все еще был прикован к лицу герцога.

– И на ком же ты женился? – спросил он наконец. – И главное – зачем?

Джек поставил свой бокал и снова вынул табакерку. Он щелкнул крышкой, открывая ее, и предложил угоститься Джорджу, прежде чем взять следующую понюшку.

– Я могу ответить на вопрос, на ком я женился, – сказал он. – Что же касается того, зачем я это сделал, – он пожал плечами, – брак нужен мужчине, когда он достигает определенного возраста. Ты не согласен?

– Да, но не тебе, – упрямо возразил Джордж. – А как же Лили?

– У Лили, мой друг, если ты помнишь, уже есть муж, – мягко напомнил ему Джек.

– Прекрати эти игры, Джек. Кто она?

– Сестра Данстона, – Джек снова взял бокал, – Арабелла Лэйси, а теперь моя герцогиня Арабелла Фортескью.

Джордж смотрел ему прямо в лицо в мрачном молчании.

– Не понимаю, – изрек он наконец. Джек рассмеялся:

– Да что тут понимать? Это достаточно просто. Мне была нужна жена, и я нашел ее. Леди Арабелла мне вполне подходит.

– Но ведь ты терпеть не мог Данстона.

– Но ведь я и не женился на Данстоне, Джордж.

Джордж снова молча воззрился на него. В глазах Джека он увидел предостережение и намек на угрозу. Это выражение знали даже ближайшие друзья Джека и остерегались его в такие моменты. И все же он не мог остановиться.

– Сестра Данстона... не может быть для тебя подходящей партией, Джек. Последние пять лет или больше она спокойно пролежала на полке. Она не выезжала из деревни. Зачем тебе такая жена?

– Неужто это тебя касается, друг мой? – спросил Джек тихо, снова поворачиваясь к буфету с графинами, чтобы наполнить свой бокал.

– Черт тебя возьми, Джек, ты не можешь обрывать меня так же, как других! – воскликнул уязвленный Джордж. – Ты забываешь, что я знаю тебя с тех самых пор, когда мы оба были сопливыми мальчишками-школьниками.

Наступило напряженное молчание. Потом Джек рассмеялся:

– Я этого не забыл, Джордж.

Он наполнил стакан друга. Теперь в его глазах появились смешинки. Он снова стал доброжелательным и забавлялся ситуацией. Потом сказал своим обычным непринужденным

ТОНОМ:

– Через несколько дней, когда ты познакомишься с моей женой, сможешь судить сам.

– Прошу меня простить, я вовсе не собирался возводить на леди напраслину, – сказал Джордж. – Это было крайне невежливо.

Джек чуть наклонил голову, соглашаясь принять извинение, потом спросил:

– Что тут случилось за время моего отсутствия?

Джордж был рад перемене темы.

– Очень немного. Ты же знаешь, каким бывает город в летнее время. Сейчас люди только начинают возвращаться в Лондон. И с каждым потоком эмигрантов вести из Франции все хуже и хуже.

Он заметил, как помрачнело лицо Джека, и понял причину. Всем было известно, что сестра Джека вышла замуж за французского аристократа. И он неуверенно и робко спросил:

– Есть новости о Шарлотте?

Джек никому не рассказывал о заключении в тюрьму Ла Форс и казни сестры. Навязчивое сострадание могло помешать задуманной им мести человеку, по вине которого она попала туда. Теперь его месть свершилась, и результат ее был более чем удовлетворительным. Теперь он стал носителем титула Лэйси и единственным владельцем его состояния, а в довершение всего, и это было увенчанием всех его усилий,

теперь он наслаждался обществом сестры Данстона, и на законном основании. Он не представлял, чем это может обернуться в конце концов, но пока что был вполне доволен и готов ждать результата. Однако вопрос Джорджа снова вызвал горечь, которая, как ему казалось, прошла, после того как свершилась его вендетта.

– Похоже, что она затерялась, – сказал он неопределенно, давая понять, что на этом следует покончить с расспросами. – А вот и Фокс. Прошу прощения, Джордж.

Он поклонился другу, показывая, что прощается с ним, и направился через комнату поздороваться с Чарлзом Джеймсом Фоксом, который как раз входил в зал боковой комнаты.

Джордж не сделал попытки последовать за ним. Его дружно избегал разговоров о сестре. Но если Шарлотта действительно затерялась в этой кровавой мясорубке, то никаких объяснений Джорджу не требовалось. Он знал, как близок был Джек с сестрой. К тому же его друг не любил излишних.

Фокс, выглядевший изможденным, проведя шестнадцать часов за игорным столом, неуверенно оглядывал комнату, расплывавшуюся перед его воспаленными глазами. Ярко-пурпурный парик не льстил его внешности. Его взгляд остановился на приближавшемся к нему человеке.

– Джек, дорогой! – Он приветственно помахал рукой. – Ты вернулся?

– Как видишь. – Джек преувеличенно радостно закивал. –

А у тебя вид просто больной, Чарлз. Сколько ты проиграл прошлой ночью?

– Больше десяти тысяч, – ответил тот, моргая воспаленными глазами. – Черт возьми! Уже день наступил.

Он поманил лакея и взял с подноса стакан вина.

– Да уж за полдень, – заметил Джек. – Где нынче принц? Меня не было так долго, что я потерял связь со всеми.

– Отправился в Брунsvик знакомиться с принцессой, – ответил Фокс, опорожняая бокал. – Похоже, грядет свадьба.

Внезапно его налитые кровью глаза приобрели необычайную остроту.

– А как насчет твоей свадьбы? Недавно слышал, как о ней болтали. Конечно, это чушь?

Джек выглядел уязвленным.

– Почему это все считают разговоры о моей свадьбе чушью? Неужели у меня репутация убежденного холостяка?

Фокс растерянно смотрел на него:

– Но ведь это неправда, Джек. Скажи, что это сплетни!

Джек слегка склонил голову.

– Это правда. Знаешь ли, однажды мужчина может пожелать оседлой жизни.

– Ты... оседлой жизни? – фыркнул Фокс. – Кто она? – Глаза Фокса недоверчиво прищурились. – Неужели сестра Данстона? Ну, желаю тебе счастья. Надо нанести визит ее светлости.

– Через недельку-другую, – ответил Джек. – Я хочу пред-

ставить мою жену своим друзьям в удобное для меня время.

Он снова слегка поклонился и зашагал прочь. Джек обходил зал, здороваясь со знакомыми, в то время как слухи о его браке распространялись по всему клубу, и он этому не препятствовал. К вечеру весь Лондон узнает о его женитьбе, и эта новость станет предметом сплетен за всеми обеденными столами на несколько следующих дней. И это будет продолжаться до тех пор, пока герцогиня Сент-Джулз не появится на сцене лично.

Через некоторое время, не всерьез поиграв в кости, Джек удалился из клуба и пошел по Пиккадилли, останавливаясь по пути то здесь, то там и направляясь к дому Фортескью на Кэвендиш-сквер. Он и Арабелла прибыли в Лондон накануне, но, поскольку Джек держал полный штат прислуги и требовал, чтобы в доме все было на мази независимо от его присутствия, внезапное прибытие герцога и герцогини не вызвало переполоха среди челяди.

– Ваша светлость...

Его дворецкий отдал поклон и принял от хозяина шляпу с высокой тульей и трость с серебряным набалдашником.

– Где герцогиня, Тидмаус?

– Ее светлость наблюдает за разгрузкой цветов, – сообщил ему дворецкий деревянным тоном, которым он все-таки сумел передать, насколько неподходящей для герцогини он считает такого рода занятие.

Что могло сойти в деревне, ни в коей мере не было умест-

но в городе.

– Она в новой оранжерее. Похоже, ее светлость находит, что она непригодна для ее цветов. Поэтому послали за Маршем.

– А, понимаю.

Джек стянул лайковые перчатки.

– Надеюсь, Марш смог успокоить герцогиню?

Тидмаус снова отвесил поклон, принимая перчатки герцога.

– Не знаю, ваша светлость. Пока еще ни ее светлость, ни Марш не выходили из оранжереи.

Джек кивнул и слегка сжал губы. Марш был архитектором и строительным подрядчиком, и ему было отдано распоряжение построить оранжерею с тыльной стороны дома для орхидей Арабеллы. Образцы цветов последовали за ними в Лондон, упакованные со всей тщательностью, с какой женщина могла бы заботиться о своих детях. Похоже, что проект не встретил одобрения Арабеллы.

Он зашагал к оранжерее и был встречен с восторгом Борисом и Оскаром, не терявшими времени даром и уже почувствовавшими себя здесь как дома. Они пританцовывали вокруг него, издавая восторженный лай. Он с отсутствующим видом потрепал их за уши, и от этой ласки они завилияли хвостами, поднялись на задние лапы и принялись теревить его изысканный серый сюртук.

– Место! – приказал он им повелительно. – К сожалению,

вы самая невоспитанная парочка в доме. Арабелла, я хотел бы, чтобы ты научила этих собак хорошим манерам.

Арабелла, с расстроенным видом склонившаяся над ящиком с рассадой, выпрямилась и ответила:

– Они просто возбуждены, потому что оказались в новом месте. Дома они ведут себя прекрасно.

– Ты забыла, что я их там видел, – кисло заметил он. – Как я понимаю, у тебя затруднения.

– Да, это все очень досадно, – сказала она, отряхивая пыль с юбок руками, испачканными землей. – Трельяжи, спроектированные Маршем, не будут освещаться ранним утренним солнцем. Орхидеи окажутся полностью на свету и не выживут. Им нужна тень. Я уверена, что объяснила это, когда ты посылали инструкции Маршу.

– Прошу прощения, ваша светлость, – ответил обеспокоенный архитектор.

На нем были негнувшийся черный сюртук и бриджи – костюм, обычный для делового человека. Он теребил и мял свою треугольную шляпу.

– Я не вполне ясно понял, что делать.

– *Mea culpa*⁷, Марш, – сказал Джек с непринужденной улыбкой. – Уверен, что положение можно поправить.

– О да, ваша светлость. И очень легко. Но ее светлость желает высадить свои цветы немедленно, а чтобы передвинуть трельяжи, потребуется несколько часов.

---

⁷ Моя вина (лат.).

– В таком случае они подождут несколько часов, – заявил Джек.

– Но, Джек... – вступила в разговор Арабелла.

Джек перебил ее. Когда дело касалось ее страсти к орхидеям, урезонить Арабеллу было невозможно.

– Моя дорогая мадам, мы не в силах творить невозможное. Если орхидеи должны оставаться чуть дольше упакованными, то так тому и быть. Я предлагаю оставить Марша и его людей заниматься их работой и не мешать им.

Арабелла нахмурилась. Она уже приняла решение пересадить самые драгоценные образцы на их постоянное место еще до ночи, и отсрочка не входила в ее планы. Она никак не могла с ней примириться.

– Если нет другого выхода, пусть будет так, – сказала она недовольно. – Но боюсь, что некоторые из них погибнут.

– Мы будем работать быстро, ваша светлость, – сказал Марш примиряющим тоном. – Мне помогают шесть человек, и, думаю, мы управимся к концу дня. И устроим ваши цветы наилучшим образом.

– Ну уж нет! – возмутилась Арабелла. – Вы этого не делаете. И это не цветы. Это орхидеи.

– Не цветы? – удивленно пробормотал Марш, оглядывая экзотические соцветия, окружавшие его со всех сторон.

– Ну, пожалуй, все-таки цветы, – смиловилась она. – Но они очень ценные, совершенно особенные, Марш, и требуют очень бережного обращения. Вы должны позаботиться

о том, чтобы никто до них не дотрагивался. Если вам понадобится передвинуть ящик, будьте любезны, обращайтесь с ним, как с драгоценной фарфоровой вазой. Любое сотрясение может их погубить.

– Да, мадам. – Марш смущенно и робко разглядывал цветы.

Он видел, что они отличаются от обычных хризантем или желтых нарциссов, но все же это были всего лишь цветы. А цветы никогда не погибали от сотрясения.

– Пойдем, Арабелла, у нас еще полно дел, – сказал Джек, уверенно и твердо беря ее за руку и увлекая за собой.

– Мне надо присматривать за работой здесь, – запротестовала она.

– Нет, не надо, – заявил он. – Ты будешь только мешать. Марш теперь понимает, что надо делать. Поэтому предоставим ему самому справляться со всем.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что у нас полно дел? – спросила Арабелла, позволяя увлечь себя вслед за собаками, опередившими их. – Что это за дела?

– Увидишь, – ответил Джек очень уж серьезно.

Арабелла тотчас же поняла, что внутренне он потешается.

– Я уже познакомилась со всеми слугами, – сказала она в раздумье. – Мы обсудили меню с Альфонсом и обязанности прислуги с Тидмаусом. Бекки и Луи умудрились поделить обязанности по распаковке вещей. При этом Бекки не понадобилось колотить его по голове совком для угля, правда,

должна добавить, благодаря моему вмешательству. Так что еще надо сделать?

– Ты, – сказал Джек, увлекая ее к широкой и пологой лестнице, – ты, моя дорогая жена, должна выполнять массу обязанностей... о! и позволь мне тебе напомнить, что в них не входит вмешательство в распри между слугами, как и обсуждение меню или управление делами в доме. Именно для этого я держу французского повара и образцового управляющего. Ты убедишься, что Тидмаус способен справиться со всем этим.

Арабелла остановилась на лестнице и попыталась вырвать свою руку. Она смотрела на него прищуренными золотистыми глазами.

– Не разрешите ли сообщить вам, сэръ, что я хозяйка этого дома и намерена держать в руках бразды правления. В нем будет все идти так, как я сочту нужным, и мне плевать на то, что полагается делать герцогине в соответствии с этикетом. Дело в том, что я не герцогиня «вообще». В последние десять лет я вела большой дом, управляла обширным имением и делала это довольно успешно. Если вашим слугам это не понравится, то приспособиться придется им ко мне, а не наоборот.

На этой решительной ноте она оборвала разговор и направилась вверх по лестнице. Собаки следовали за ней по пятам. Джек не спешил ее догонять. Он не мог опровергнуть того факта, что в хозяйственных вопросах она разбиралась от-

лично, но, похоже, Арабелла еще не понимала, что теперь у нее не останется времени на эти занятия. Она стала его герцогиней, и ей предстояло занять надлежащее место в его мире. Она не могла рассчитывать, что этот мир станет подлаживаться к ее вкусам и предпочтениям, даже если бы ее муж и стал это делать.

Гордость не позволяла ему допустить, чтобы его жена стала посмешищем. Если бы ему удалось придерживаться своего первоначального плана и заставить ее жить в четырех стенах деревенского дома с кучей детей, цепляющихся за ее юбки, тогда ее пристрастия и странности не имели бы значения. Но раз уж ей удалось обернуть ситуацию в свою пользу, то придется примириться и с последствиями этого. Теперь она стала Фортескью и должна была нести за это ответственность. Конечно, он хотел, чтобы она расшевелила светское общество, чтобы она ворвалась в этот мир моды, но таким образом, чтобы гордость семьи Фортескью не пострадала, а слава приумножилась. Он углядел в ней эти возможности почти сразу, как только ее увидел, и полагал получить массу удовольствия от ее превращения в светскую даму. Но между пленительной эксцентричной дамой и нелепой чудачкой грань была очень тонкой.

Впрочем, возможно, пока еще не настало время для того, чтобы бросить ей вызов. И потому, поразмыслив, он последовал за ней по лестнице.

Апартаменты Арабеллы в герцогском доме состояли из

ее спальни, гардеробной-уборной и будуара. Спальня была огромной и щедро меблированной стульями и диванами, чтобы принимать посетителей после пробуждения. Но у нее не было намерения следовать моде и позволять предполагаемым любовникам прохладиться здесь, пока она в нижнем белье и неглиже будет тщательно причесываться и выбирать туалет. От одной этой мысли уголки ее губ поползли кверху.

Она вошла в будуар и, изумленная, остановилась на пороге. Комната была полна людей и завалена коробками и картонками, перевязанными лентами, и горами тканей. Борис и Оскар заворчали.

– Что... ради всего святого! – воскликнула она и осеклась.

– Ваша светлость. Такая честь!

Худошавый человек в полосатом жилете, розовом шелковом костюме и пудренном парике выступил вперед и отвесил ей низкий поклон, не спуская настороженного взгляда с собак.

– Для меня такая честь быть приглашенным предложить вам свои услуги.

Арабелла бросила вопросительный взгляд через плечо, где теперь за ее спиной стоял Джек.

– Я все тебе объясню в спальне, – ответил он.

Он сделал знак двум полным рвения женщинам, находившимся в будуаре, и мягко повлек жену к двери, успев ее плотно затворить перед носом у собак.

– Что происходит, Джек? Кто все эти люди?

– Ну... – он начал загибать пальцы, перечисляя их, – здесь две модистки, одна белошвейка, зато самая лучшая в городе, и месье Кристоф, художник, с которым никто не сравнится, когда речь заходит о прическах.

Он наклонился и поцеловал ее в уголок рта, его ладонь легла на ее затылок и властно удерживала ее голову.

– Помнишь, как я однажды сказал, что хотел бы одеть тебя?

Его язык прогулялся по ее губам и стремительно скользнул в ушную раковину.

Она попыталась вывернуться и со смехом избежать влажного прикосновения – ласки, всегда вызывавшей отклик в нижней части ее тела.

– А я-то думала, что тебе доставляет удовольствие раздевать меня, – пробормотала она, вертя головой, чтобы избежать его поцелуев.

– И это тоже, – согласился он, перемещая руку и все не выпуская ее головы, чтобы иметь возможность совершить новую атаку на ее ухо.

– Может быть, ты попросишь их сегодня удалиться? – предложила она, капитулируя под его напором.

– Нет, я так не думаю. – Его рука снова завладела ее затылком и на некоторое время замерла там. – Как я уже говорил, предвкушение только обостряет наслаждение.

Он смерил ее взглядом и чуть раздраженно покачал головой. Ее бледно-голубое батистовое платье было запачкано

землей, шейная косынка сбилась, а шпильки выпали из волос.

– Это следует привести в порядок немедленно.

Он взял ее за руки и принялся разглядывать выпачканные в земле ладони и сломанные, и грязные ногти.

– Отныне, моя прелесть, будешь надевать перчатки, если вздумаешь работать в саду.

Арабелла грустно посмотрела на свои руки:

– Ненавижу перчатки. Если я стану работать в перчатках, растения не почувствуют моих рук.

– Ну, в таком случае будешь с ними разговаривать вместо этого, – посоветовал он, начиная расстегивать ее платье.

– Я и разговариваю с ними, – сообщила Арабелла. – Зачем ты расстегиваешь мое платье?

– Потому что иначе ты не сможешь примерить все, что необходимо, для того чтобы сделать твой гардероб полным, – терпеливо объяснил он. – Надо уточнить твои размеры и правильно подобрать цвета. На тебе должна оставаться только нижняя сорочка.

– Чтобы примерить шляпы, сорочки мне недостаточно, – ответила она, пожимая плечами, чтобы сбросить не застегнутое платье. – Ты сказал, что нанял лучшую портниху в городе.

– Это верно. Но шляпы подбирают в соответствии с шевелюрой, а то, что в этот момент надето на тебе, не так уж важно.

Он решил отместить ее придирку и принялся наливать воду в таз, стоявший на умывальнике.

– Вымой руки.

Арабелла подчинилась и принялась вычищать грязь из-под ногтей. Она была рада предоставить Джеку право заниматься столь специфическим делом. Она знала свои возможности, и ее представления о нынешней моде были весьма туманными, потому что ее это прежде не интересовало. Но если уж ей предстояло занять место в мире, где моде придавалось большое значение, она предпочитала, чтобы все это было сделано должным образом.

– Есть еще кое-что... – сказала Арабелла, облачаясь в пеньюар. – Я отказываюсь носить парик и пудрить волосы.

– И то, и другое было бы преступлением против естества, – ответил он. – Я бы и не допустил этого, если бы ты пожелала испортить свое естественное богатство.

Пальцы Арабеллы замерли на пуговицах ее negligé. Внезапно она почувствовала, что вовсе не так снисходительна к своему мужу.

– Я могу принять ваш совет, сэ, но не приказание.

– Не вижу особой разницы, – заявил он.

– В таком случае, сэ, вы слепец, – ответила Арабелла твердо.

Джек смотрел на нее очень внимательно, и она заметила, как в его серых глазах блеснули опасные искры, но отказалась капитулировать.

Джек знал, что может довести эту размолвку до скандала, стоит только попытаться настоять на своем, и ему хотелось это сделать. Ведь она была его женой. Она была его имуществом. Вот почему сейчас они оказались в спальне. И эта комната не была местом, где он мог сдать себя. Это не входило в его намерения. Он мог отослать ее обратно в Кент, и у Арабеллы Фортескью не осталось бы выбора, кроме как подчиниться приказу мужа. Она обеспечила себе некоторую степень финансовой независимости в соответствии с брачным контрактом, но не оговорила своего места в жизни мужа.

Но сейчас ему не захотелось прибегать к таким мерам. Или по крайней мере он был готов проявить снисходительность и не желал быть суровым.

– Давай не будем придирааться к словам. – сказал он, положил руку ей на плечо и повел ее в будуар.

Потом прижался губами к ее уху и прошептал:

– Не забывай, Арабелла, что ты моя жена.

От этого заявления у нее пробежали мурашки по спине. Плечи ее выпрямились и обрели жесткость, но она проглотила свой гневный ответ.

В своем будуаре Арабелла опустила в шезлонг и принялась слушать болтовню двух модисток, обсуждавших привычки и предпочтения герцогини. Они разложили шелка, штоф, тафту, муслин. Ткани были полосатыми, с узором из веточек и цветов, вышитыми и простыми.

– А это, ваша светлость, последняя мода. В таком платье

на прошлой неделе была ее светлость герцогиня Девонширская в Карлтон-Хаусе, – объявила мадам Элизабет с торжеством, раскладывая платье из золотистой ткани, которое следовало надевать поверх нижних юбок, расшитых серебряной нитью.

– Нет, – возразил Джек.

– Почему нет? – спросила Арабелла, которая сочла платье шикарным.

– Потому, – ответил Джек, – что у тебя фигура, предназначенная для нового стиля. С фижмами и кринолинами покончено. Ну, если не считать того, что их носят при дворе. И только.

Он стоял спиной к камину, в котором горел огонь, потому что за окном был октябрь с его промозглой сыростью.

– Но, ваша светлость, – запротестовала мадам Элизабет, – сама герцогиня Девонширская...

– Я предпочитаю видеть герцогиню Сент-Джулз одетой по моде Директории, – ответил Джек, беря понюшку табаку.

Наступила минута молчания, пока обе портнихи оглядывали свою заказчицу с головы до ног.

– Ваша светлость правы, – задумчиво изрекла мадам Селеста. – У нее такая восхитительная грудь... Пардон, мадам, если вашей светлости будет угодно подняться... Благодарю, мадам...

Она провела ладонями по груди Арабеллы так, что пеньюар обтянул ее.

– Что вы думаете, мадам Элизабет?

Этот заказ был слишком важен, чтобы соревноваться.

– И такая талия, – сказала мадам Элизабет, натягивая ткань пеньюара на талии Арабеллы. – Очень тонкая по сравнению...

– А бедра! – пробормотала ее коллега. – Совершенная гармония.

– Очень хорошо, – согласилась Арабелла, отступая и хлопая в ладоши в знак полной покорности. – Думаю, вы обе создадите отличный гардероб для меня. Кстати, что это за стиль Директории? – Она покосилась на мужа.

– Позволь мне показать тебе.

Он подошел к секретеру, взял гусяное перо, обмакнул его в чернила и провел несколько линий по веленовой бумаге.

– Смотри... теперь талию носят под грудью, а юбка ниспадает прямо от талии до щиколоток.

Арабелла смотрела через его плечо, удивляясь простоте фасона. Положительно это выглядело как революция в моде. При столь выдающемся декольте корсаж не превышал трех-четырёх дюймов. Грудь была столь хорошо обрисована, что это не оставляло простора для фантазии.

– И никакого корсета?

– Нет, естественность форм.

– А как насчет нижних юбок?

– Поверх сорочки надевают одну тонкую нижнюю юбку. И все. А иначе это повредило бы силуэту. – Он положил перо

на подставку.

– Но как же зимой? Я замерзну и простужусь насмерть, – запротестовала она, хотя ей уже начала нравиться идея столь простого туалета, не ограничивающего свободы движений.

– О, не беспокойтесь, ваша светлость, – тотчас же откликнулась мадам Селеста. – Этот фасон предполагает, что вы будете носить поверх платья шали и накидки, а для очень холодных дней мы можем изготовить для вас теплый плащ.

– Или тунику, – подхватила ее товарка. – Тунику-труакар или такой же плащ.

– И что, это совсем новый фасон? – задумчиво спросила Арабелла.

– О да, ваша светлость. Такие туалеты понемногу начинают носить повсюду на континенте, но в Лондоне это будет последний крик моды.

Она сложила свои пухлые ручки и потерла их друг о друга при мысли о том, что будет первой портнихой, которая введет этот новый фасон среди модных дам Лондона. Она продолжала изучать новую клиентку, делая мысленно замеры и примечая особенности ее фигуры, которые следовало бы подчеркнуть или, напротив, затушевать.

Арабелла смотрела на набросок и размышляла, откуда ее мужу столько известно о модах, только что воцарившихся по ту сторону Ла-Манша. Разумеется, он много знал о тенденциях моды вообще. Но, принимая во внимание то, как безукоризненно он был одет сам, едва ли можно было этому

удивляться.

– Очень хорошо, – сказала она наконец решительно. – Займитесь моим гардеробом. Вы можете работать вместе?

– О да, мадам, – с готовностью отозвалась Селеста, кивая своей товарке. – Мадам Элизабет и я часто работали вместе.

Мадам Элизабет улыбнулась и закивала с не меньшим энтузиазмом. Раз уж зашла речь о том, чтобы создать гардероб для герцогини Сент-Джулз, то тут было более чем достаточно работы для них обеих. Она извлекла сантиметр из кармана передника.

– А теперь не разрешит ли ее светлость нам?..

Арабелла любезно подчинилась измерениям и была вынуждена слушать комментарии обеих дам, по большей части из ряда вон выходящие по части интимности, что ее смущало.

– А теперь насчет тканей, – сказала Селеста, откладывая наконец сантиметр.

Она обратилась к образцам тканей, разложенных на спинках всех стульев.

– Самые простые, – вмешался Джек. – Муслины, шелка, органди, может быть, еще тафта. Но никакого штофа или бархата.

– Почему? – спросила Арабелла.

Ей нравились отвергнутые им ткани. В них было богатство фактуры, способное удовлетворить ее запросы и вкус.

– В твоём случае платье должно привлекать внимание к

тому, кто его носит, а не наоборот, – ответил он. – Уж поверь мне, дорогая.

– Но почему именно в моем случае? – Она начала находить эту беседу поучительной.

– Ну, мадам, его светлость имеет в виду, что ваши краски столь необычны, что ничто не должно с ними соперничать, – сказала мадам Элизабет, расправляя во всю длину отрез кремового муслина с узором из серебристых веточек. – Думаю, это подойдет, ваша светлость?

– Несомненно, – согласился Джек. – Цвета должны быть такими: кремовый, золотистый, слоновой кости, бежевый и, возможно, карамели...

– Но ее светлость будет прекрасно смотреться в темно-коричневом шелке богатого насыщенного цвета, – высказала свое мнение Селеста.

Джек размышлял, с критическим видом разглядывая жену.

– Да, – согласился он. – Но никаких других цветов.

– Случилось так, что я очень люблю зеленый цвет, – сказала Арабелла, решив, что обязана внести свою лепту.

Она уже начинала чувствовать себя тряпичной куклой, с которой играла и которую наряжала в детстве.

– Может быть, позже, – сказал Джек с отсутствующим видом. – Но для начала ты должна показываться одетой только в те цвета и ткани, которые я назвал.

– Ее светлость будет на авансцене, – сказала мадам Эли-

забет. – И я предвижу, что скоро все светские и модные леди Лондона будут носить те же цвета.

– В таком случае они дуры, – заявила Арабелла. – Эти цвета пойдут не к любому цвету лица.

– Моды и плодят дур, – сказал ей Джек с насмешливой улыбкой. – А теперь поговорим о твоих волосах. Кристоф...

Он поманил маленького аккуратного человечка в шелковом розовом костюме, молча стоявшего у окна во все время этой дискуссии с портнихами.

– Mais oui, ваша светлость, – отозвался тот и с живостью направился к ним. – Если только ее светлость сядет... – Он отвесил поклон Арабелле и подвинул стул без подлокотников к зеркалу. – При таких красивых волосах, как у мадам...

Как только она села, он приподнял тяжелую массу ее шоколадных локонов и, как ей показалось, почтительно попробовал их на вес.

– Никогда никакой пудры, – объявил он.

Арабелла раздумывала, был ли его сильный французский акцент подлинным или усвоен им для утверждения его репутации модного парикмахера и стилиста. Скорее всего он все-таки подлинный, решила она. В Лондоне сейчас было полно эмигрантов, пытавшихся хоть как-нибудь заработать на жизнь.

– Сначала я должен их чуть укоротить, – сказал Кристоф, щелкнув парой ножниц с длинными концами. – Для классического стиля они должны быть немного короче.

– Укоротите их, если уж это необходимо, – распорядился Джек, – но не слишком сильно.

– Я решительно возражаю против этого, – заявила Арабелла. – И Бекки вполне способна справиться с моей прической.

– В Кенте, возможно, – снизошел Джек. – Но не в Лондоне.

У Арабеллы округлились глаза. Кристоф же сказал с полной серьезностью:

– Может быть, научить горничную ее светлости убирать ее волосы в классическом стиле, если волосы слегка подрезать?

– Разумеется, она этому научится, – решила Арабелла. – У Бекки положительно талант по части того, как причесываться.

Она перестала протестовать и смотрела, как в зеркале отражается каждое движение француза: вот он поднял ножницы, щелкнул ими, и темные пряди дождем посыпались на пол вокруг ее стула. Ей показалось, что он срезал гораздо больше, чем чуть-чуть; но Джек, столь же внимательно наблюдавший за этой процедурой, не сделал попытки прекратить это жертвоприношение. И когда под деловитыми пальцами и быстрыми движениями ножниц парикмахера начала вырисовываться определенная форма прически, она уже наблюдала за ним без особой тревоги, а скорее, смотрела как зачарованная.

– Вот! – Кристоф отступил назад с видом триумфатора. –

Горничная вашей светлости сможет скопировать это.

У нее на лбу и на затылке локоны оставались очень густыми, остальная же часть волос была стянута в высокий шиньон, перевязанный лентой. Несомненно, это было изящно, и теперь ее голова выглядела очень маленькой и аккуратной.

– И при такой стрижке мы можем использовать еще несколько фасонов причесок, – сказал он. – Можно стянуть локоны вперед и расположить над ушами, так что...

– Да, думаю, моя горничная найдет множество способов уложить их, – поспешно сказала Арабелла, потому что ей показалось, что он собирается уничтожить только что сотворенное и начать все сначала. – Это замечательно, месье Кристоф, но на сегодня довольно.

Он отступил и поклонился, вид у него был разочарованный.

Мадам Селеста кашлянула и пробормотала:

– Еще кое-что, ваша светлость.

Похоже, она обращается к Джеку, размышляла Арабелла. Джек вроде был того же мнения. Он со вниманием обратился к модистке:

– Да?

– Платье, чтобы появиться при дворе, ваша светлость. Было бы очень большой честью... – Она умолкла и одарила его заискивающей улыбкой.

– Ах да, разумеется, платье для того, чтобы появиться при дворе. – Джек нахмурился. – Но думаю, мы займемся этим

позже. Пока заканчивайте, а мы обсудим остальное.

Обе женщины присели в реверансе и вышли, почти скрытые под грудями тканей.

– Платье для того, чтобы быть представленной ко двору? – спросила Арабелла. – А я думала, что тебя, как завязатого вига, туда не допускают.

– О, королева Шарлотта непременно пригласит тебя в свою гостиную, можешь не беспокоиться, – ответил Джек. – Она пожелает продемонстрировать свою доброжелательность и показать, что одобряет тебя... или наоборот, – добавил он, прежде чем повернуться к оставшейся в комнате леди, стоявшей в окружении шляпных картонок. – Шляпы! – распорядился он.

– Мне кажется пустым расточительством прятать столь элегантную прическу под шляпу, – заметила Арабелла, хлопывая по гнезду из локонов у себя на затылке с довольным видом.

– О, ваша светлость будет выглядеть великолепно, – заверила ее модистка, открывая первую картонку. – Это самое прекрасное творение.

Она смотрела умиленным взглядом на чудовищно отделанное колесо из шелка и кружев.

– Боже мой! – воскликнула Арабелла. – Да на ней целый фруктовый сад!

С брезгливой гримаской она потрогала восковые яблоки на шляпе.

– Мне не важно, что кто скажет и гвоздь ли это сезона или нет, но это уродство я ни за что не надену. Эта шляпа для Лавинии Эслоп.

Джек не мог удержаться от смеха. Смущенная модистка убрала шляпу в картонку.

– Может, ее светлость предпочтет вот эту?..

Она извлекла очень большую парадную шляпу с крашеными страусовыми перьями и цветами. Арабелла в ужасе воздела руки к потолку.

– Да, именно эту, – сказал Джек, не обращая внимания на этот жест Арабеллы. – Она не пойдет к твоей теперешней прическе, но, если будет свободно обрамлять твое лицо, ты станешь в ней еще очаровательнее.

– Не думаю, что мое присутствие здесь необходимо, – недовольно заметила Арабелла.

– Может быть, ваша светлость предпочитает шляпы с более высокой тульей? – поспешила высказать свое предположение модистка, испугавшись, что упустит выгодный заказ. – Вот это – самые новые и модные фасоны.

Он подняла высокую шелковую шляпу с загнутымиверху полями, украшенную всего одной лентой, обвивавшей тулью.

– А, вот эта получше, – одобрила Арабелла и посмотрела на Джека, который только кивнул. – В таком случае все решено.

Арабелла поднялась на ноги:

– Две шляпы более чем достаточно для одного человека.

Благодарю вас за то, что вы потратили на меня время.

Она вежливо улыбнулась модистке, давая ей понять, что их разговор окончен.

– Боюсь, двух шляп будет недостаточно, – сказал Джек, который одновременно забавлялся и сердился. – Надо еще какую-нибудь соломенную.

– Да, ваша светлость. И я так думаю.

Женщина с облегчением принялась открывать другие картонки и вынимать из них головные уборы из натуральной соломки, украшенные лентами, шляпки с плоской тульей всевозможных цветов, с широкими расписанными узорами полями.

Арабелла, отчаявшись, предоставила выбор мужу, который, как ей казалось, знал, что делает. Или по крайней мере был очень решителен. Она не могла себе представить, что возникнет необходимость надеть хотя бы половину из того, что он заказал. Но если он был прав, когда говорил, что вслед ей будут оборачиваться при ее появлении в мире моды, она могла предоставить это мастеру своего дела.

ГЛАВА 11

Прошло еще полчаса, после чего модистка последовала за Кристофом.

– Слава Богу, это кончилось, – сказала Арабелла.

Джек смотрел на нее и слегка хмурился:

– Тебя действительно все это так мало интересует, Арабелла?

Она пожала плечами:

– Да не особенно. А это имеет значение?

Он не ответил, только продолжал задумчиво созерцать ее, чуть постукивая по губам двумя пальцами. Потом тряхнул головой, будто стараясь отбросить какие-то мысли.

Она подошла к нему, обвила руками его шею.

– Может, мы теперь продолжим то, что начали раньше?

Она провела рукой по его седой пряди, мыском ниспадавшей на лоб. Эта прядь ее зачаровывала.

Он обнял ее за талию и поцеловал в губы, потом неохотно взял ее за руки, заставил их опустить так, что они оказались по обе стороны ее тела, и удержал в этом положении.

– Не сейчас, Арабелла, мне надо уйти.

Выражение его глаз изменилось. Они утратили теплоту и юмор. Теперь в их холодной серой глубине не было и признаков желания.

– Уйти? – В этом вопросе прозвучало удивление и недо-

вольство, и она тотчас же осознала свою ошибку. – Но ведь тебя не было все утро.

Его взгляд стал непроницаемым, он выпустил ее руки и отстранился от нее.

– Мне надо повидаться с друзьями, – сказал он спокойным невыразительным тоном. – Кроме того, у меня есть дела. Меня слишком долго не было в городе.

– Да, конечно, – согласилась она, и теперь ее голос звучал так же ровно и спокойно, как его: – Ты придешь к обеду?

– Едва ли, – ответил он, направляясь к двери, соединявшей их спальни. – Вероятно, я буду у «Брукса» и засижусь за игрой допоздна.

– Возможно, это к лучшему, потому что я собиралась провести вечер в оранжерее со своими орхидеями, – сказала Арабелла, прилагая усилия к тому, чтобы ее голос звучал бодро и спокойно.

– Если ты еще не будешь спать, я приду к тебе, когда вернусь домой. – У двери он обернулся, улыбнулся и пожелал ей приятно провести вечер. Арабелла осталась стоять посреди комнаты. Он собрался к своей любовнице. Она знала это так же верно, как если бы он сам рассказал ей об этом. И не было ничего, что она могла бы сделать. Она даже не имела права возражать, потому что согласилась, чтобы его связь продолжалась, и обещала не вмешиваться.

Но это произошло слишком скоро. В Лондоне они пробыли едва ли полные сутки. Теперь она осознала, что в глубине

души лелеяла надежду на то, что их взаимная страсть удовлетворит его.

Арабелла покачала головой. Ну и дура же она была! Наивная дура! Но больше эта глупость не повторится. И никогда впредь она ничем не покажет ему своей заинтересованности в его личных делах.

На углу Кэвендиш-сквер Джек окликнул наемный экипаж и, усевшись, приказал:

– На Маунт-стрит.

Он откинулся на спинку сиденья, теребя эфес своей рапиры. Лицо его было сумрачным. Было чертовски неприятно, что сегодня он должен был повидать Лили. Но простая учтивость, не говоря уже о его обязательствах, требовала, чтобы он не оставлял ее в тщетном ожидании. Он написал ей и сообщил о своем браке, но не счел нужным вдаваться в подробности. После его визита в клуб «Брукс» она не могла не узнать о том, что он вернулся в Лондон. Всем было об этом известно, и Лили, должно быть, ожидала его.

Экипаж остановился перед высоким домом с двумя подъездами. Черные железные перила ограждали с обеих сторон невысокое крыльцо с широкими ступенями, ведущими к входу. Джек расплатился с владельцем экипажа, и на мгновение его взгляд задержался на фасаде дома, потом он поднялся по ступенькам. Тяжелые занавеси на окнах гостиной слегка дрогнули, и в окне промелькнула неясная фигура. Лили была дома.

Он взял тяжелый медный дверной молоток. Лакей, открывший ему дверь, отдал поклон привычному гостю.

– Ее милость дома, ваша светлость.

Дворецкий приблизился приветствовать его, но Джек отмахнулся от него и прошел через холл к лестнице на второй этаж.

– Я сам о себе доложу.

Слуга отступил и стушевался. Его светлость Сент-Джулз был частым гостем в доме графа Уорта, что избавляло от формальностей.

Графиня Уорт сидела на диване, обитом парчой, когда визитер вошел в гостиную. Она была одета по-домашнему, как обычно, когда проводила вечер в неформальной обстановке, – в свободное шелковое negligé. На голове ее был крошечный кружевной чепчик, едва прикрывавший напудренные локоны. Она делала вид, что читает, но ни ее туалет, ни занятие не могли обмануть Джека. Лили проводила долгие часы за туалетом, чтобы обрести свой восхитительный облик.

Она подняла глаза от книги, закрыла ее, придерживая пальцем место, где прервала чтение, чтобы позже найти его, и улыбнулась Джеку:

– О, Джек, как мило! Это сюрприз.

– Чепуха, – ответил он с едва заметной улыбкой, приближаясь к ее дивану по турецкому ковру. – Ты знала, что я сегодня приеду.

Она протянула ему руку, он принял ее и чуть коснулся губами кончиков ее пальцев. Она сжала его руку и потянула его к себе. Он поцеловал ее в губы, но поцелуй был легким, скорее дружеским и вовсе не страстным, к которому она приглашала его всем своим видом и которого ожидала.

Он выпрямился, но продолжал держать ее за руку и, хотя улыбался, глаза его заволокло легкой тенью.

– Ты совершенна, как всегда, моя дорогая Лили. Новая прическа тебе к лицу.

– Но ведь ты пришел не для того, чтобы говорить мне комплименты, Джек, – сказала она, и ее тонкие выщипанные брови сошлись над переносицей.

– Невозможно не сказать тебе комплимента, Лили, – галантно заявил он, выпуская ее руку.

Он наклонился и разгладил указательным пальцем морщинки у нее на лбу, стирая мрачность.

– Не хмурься, моя дорогая. Ты ведь не хочешь, чтобы у тебя появились морщины. Они так старят.

Несмотря на свой испуг при виде его холодности, она слегка расслабилась и попыталась стереть со лба признаки беспокойства.

– Итак, ты теперь женатый мужчина, – сказала она, – делая усилие, чтобы голос ее звучал непринужденно. – Право же, я не ожидала, что ты падешь жертвой брачных уз, Джек, и, думаю, все в этом сомневались.

Он вынул из кармана табакерку, продолжая нежно смот-

реть на Лили.

– В конце концов, все мужчины женятся.

Он взял щепотку смеси свободной рукой, повернул ее руку запястьем к себе и высыпал табак на нежную кожу с проступавшими под ней голубыми жилками. Потом поднес ее запястье к носу и вдохнул ароматный порошок. Этот жест говорил об интимности любовников и успокоил Лили. Она испытывала слабое, едва осязаемое опасение, что он пришел сказать ей о том, что порывает их связь.

Она спросила, стараясь говорить непринужденно и буднично:

– Ты привез в Лондон жену?

– Да, она в доме на Кэвендиш-сквер.

Он подошел к камину и стоял теперь спиной к нему:

– Так как дела у тебя, Лили? Как Уорт?

– О, такой же нудный, как всегда, – ответила она со вздохом, бросая книгу на пол, будто отторгая злополучного графа. – С ним так трудно, когда речь заходит о моих долгах. Я недавно проиграла всего тысячу гиней в Девоншир-Хаусе, сущий пустяк, Джек, и можешь ли поверить, он отказался заплатить мой долг!

Она развернула веер и принялась томно обмахиваться им, пристально глядя на герцога поверх него.

– О, это легко поправить, – сказал Джек. – Я немедленно выпишу тебе чек.

Он подошел к наборному инкрустированному письменному-

му столу и принялся быстро писать, потом посыпал написанное песком, прежде чем сложить и вручить ей листок.

– Ты так добр ко мне, – сказала Лили нежно, протягивая руку к столику возле дивана, чтобы взять шкатулку с драгоценностями, с изящно расписанными вставками севрского фарфора на крышке.

Она положила чек в нее. Разумеется, она не хотела оставлять эту бумажку на глазах у мужа.

– Иди и сядь возле меня, Джек. – Она похлопала рукой по обивке дивана. – Я хочу все узнать о твоей жене. Сплетники утверждают, что она скучная личность, настоящая полевая мышь.

Джек не двинулся с места, не сделал ни шагу от камина, возле которого стоял. Он улыбнулся, но эта улыбка не вселила в Лили уверенности.

– Моя дорогая, я не стану обсуждать свою жену ни с тобой... и ни с кем другим.

– О, как ты щепетилен! – фыркнула она. – Ведь ты с удовольствием рассуждал о том, какая жена тебе подойдет.

– Верно. Но есть разница между абстрактными рассуждениями на эту тему и болтовней о самой леди. Я уверен, что ты поймешь меня.

Улыбка все еще не покидала его лица, но серые глаза стали непроницаемыми и смотрели на нее бесстрастно.

– Думаю, ты не будешь возражать против моего визита к ней? – спросила Лили с лукавой улыбкой. – Если, конечно,

но, не собираешься держать ее как узницу в доме на Кэвендиш-сквер. Она появится в обществе?

– Моя жена уже появлялась как дебютантка в обществе десять лет назад, – сказал Джек, беря с каминной полки нефритовую шкатулку для визитных карточек. – Не сомневаюсь, что она будет принимать визитеров, как только обживется здесь. Какая прелестная вещица! – Он поднес шкатулку к свету. – Я не видел ее прежде.

– Я ее приобрела по случаю. Она была выставлена в качестве выигрыша на пари, и я ее выиграла, – ответила Лили нетерпеливо. – А когда твоя жена...

– Мои поздравления, дорогая, – сказал Джек, ставя шкатулку на место. – Это ценная вещица.

Он сел, опираясь рукой о подлокотник стула и непринужденно скрестив ноги. Улыбка все еще не сходила с его уст.

Лили раздраженно думала, что эта встреча оборачивалась для нее вовсе не так, как она ожидала. Она надеялась на уютную беседу, рассчитывала посплетничать о его молодой жене в таком же духе, как они болтали раньше о его возможной женьтибе. Разумеется, несмотря на ее протест, Лили знала, что в конце концов Джек женится. Он нуждался в наследниках, а она не могла ему их дать.

– Не дуйся, Лили, тебе это не идет, – сказал герцог, и улыбка едва тронула его глаза. – В этом нет ни малейшей нужды. Я не стану обсуждать свою жену с тобой. И покончим с этой темой. Итак, расскажи мне, что новенького в городе.

– Насколько я знаю, только ты, – ответила графиня.

Она поднялась с дивана, окутанная прелестным облаком бледного шелка и кружев, и поплыла к нему, протягивая руки.

– Иди сюда, Джек, я не видела тебя несколько недель, а ты нелюбезен со мной.

Она опустила руку ему на колени с легкостью бабочки, положила руки ему на плечи и поцеловала его.

– Разве так не лучше?

Лили потерлась щекой о его щеку.

Джек вдыхал ее аромат. Он был вовсе не похож на легкий запах розовой воды и лаванды, исходивший от Арабеллы, обычно смешанный с изрядной дозой здорового духа свежей плодородной земли. Это сравнение его обескуражило. Нежное тело и соблазнительный аромат Лили прежде всегда возбуждали его.

Он поцеловал ее в шею, потом нежно, но твердо отстранил и сказал с улыбкой:

– Прости, любовь моя, у меня мало времени.

Она смотрела на него с изумлением и некоторым испугом.

– Но, Джек, время есть всегда, и нас никто не потревожит. Можешь не сомневаться, что лакей скажет Уорту, что у меня гость, если он вернется раньше времени, и ты же знаешь, они ни за что не войдет сюда.

Джек покачал головой и поднялся на ноги:

– Прошу прощения, моя дорогая, но я должен идти.

– Вероятно, тебя ждет твоя полевая мышь, – сказала Лили, на мгновение показав свои коготки.

Он ответил хмурым взглядом и с легким упреком покачал головой:

– Полегче, Лили.

Лили разгневалась. Ее синие глаза загорелись мрачным огнем, уголки красивого рта опустились, и гримаса эта была отнюдь не привлекательна. Но она была слишком умна, чтобы расстаться с ним на этой угрюмой ноте.

Она печально улыбнулась и сказала:

– О, прости меня, дорогой, пожалуйста, прости, Джек.

Ее изящная белая рука легла на его руку. Ногти были длинными и безупречной формы.

Джек положил свою руку поверх ее и тотчас же вспомнил неровные ногти своей жены с землей под ними.

– Мне нечего тебе прощать, Лили.

– О, я же вижу, что ты недоволен.

Она улыбнулась через силу трепетной неуверенной улыбкой.

– Я так ждала нашей встречи. Прошло столько недель и... ладно...

Она приподняла свои безупречно округлые плечи жестом, в котором сочетались смирение и чувственность, и при этом движении на мгновение в украшенном кружевами вырезе negligé показались ее груди.

И на миг Джек испытал искушение, но оно было мимо-

летным и тотчас же прошло – скорее это было краткое воспоминание о прошлом, и он понял, что не стоит продолжать это свидание. Он взял ее руки в свои и поцеловал их.

– Мы еще наговоримся, Лили.

Он сжал ее руки на прощание и вышел. Она слышала, как затихают его быстрые шаги, удаляясь от нее по коридору.

Лили скрестила руки на груди и стала рассеянно смотреть на огонь. Она никогда не верила, что брак по расчету может отнять у нее любовника. Когда они обсуждали такую возможность, всегда было ясно, что это ничего не изменит в их отношениях. Она должна была увидеть эту женщину собственными глазами. Насколько опасной соперницей она была? Эта полевая мышь.

Лили оглядела себя в зеркале в золоченой раме, висевшем над камином. Ее кожа была безупречна, губы красные, а глаза чистой небесной синевы. Нет, решила она. Она не потерпит соперницы. Нынче она совершила несколько промахов. С Джеком следовало вести себя осторожнее. Она всегда это знала. А сегодня она показала ему свою потребность в нем. И нужда в Джеке основывалась не только на удовольствии, которое он доставлял ей, но и на глубине его карманов и прищущей ему щедрости.

Джек остановился возле ее дома в сгущающихся сумерках раннего вечера, вдыхая свежий, чуть морозный воздух. Чувствовался едва заметный запах угля и конского навоза, когда лошади, запряженные в проезжавшие мимо экипажи, под-

нимали хвосты на узкой улице перед домом и оставляли на булыжной мостовой дымящиеся кучи. Крики уличных торговцев смешивались с громоханием колес и воплями мальчишек, слоняющихся по аллеям. Город был шумным и сочился испарениями, но не кровавыми. Его шум не был похож на крики парижской толпы, призывающей к мщению, на громкие возгласы торжества по поводу еще одной павшей на плахе головы аристократа. Ноздри его расширились при этих воспоминаниях, и он подумал, сможет ли когда-нибудь отделить в своей памяти Шарлотту от этих кровавых образов. Наступит ли день, когда он сможет думать об Арабелле, не связывая ее с тенью Фредерика Лэйси?

Он поднял глаза на фасад ухоженного дома Уорта. Оконные стекла сияли, краска была свежей. Почти такой же, как краска на щеках Лили.

Черт возьми! Ему казалось, что его сорвало с якоря. Лили околдовала его. Он всегда наслаждался ее обществом и считал цену за него, когда он оплачивал ее карточные долги, вполне оправданной, вплоть до каждого истраченного на нее пенни. Но не сегодня. Она, это хрупкое произведение искусства, столь украшавшее их связь, нынче потеряла для него всю свою привлекательность.

– Сент-Джулз, я слышал, что вы в городе.

Это веселое приветствие вывело его из задумчивости, и он с трудом выдавил из себя учтивую улыбку, одарив ею графа Уорта, как раз подходившего к дому с тыла, со стороны

конюшен.

– Ездил верхом в Ричмонд, – сообщил ему граф. – Прекрасный денек выдался для такой прогулки. Почувствовал себя рыцарем.

– Да, погода славная, – согласился Джек, отвечая графу поклоном на поклон. – Все хорошо, Уорт? Вы благополучны?

– О да, как огурчик, – ответил граф, взмахивая хлыстом для верховой езды. – Видели миледи?

Ничто в выражении его лица не обнаруживало, что он знает, что происходит под его кровом.

– Да, – просто ответил Джек. – Я нашел леди Уорт в добром здравии.

Тут он вспомнил о потомстве Уорта и спросил о его детях. Лили он не задал ни единого вопроса о молодом поколении. Материнские чувства Лили проявлялись от случая к случаю, если на нее находил такой стих.

Но граф был преданным родителем и никогда не скрывал своей любви к детям. Лицо Уорта просветлело.

– О, они в порядке, Фортескью. Розовые, как яблочки, и игривые, как щенята. Благодарю вас, что спросили. Юный Джорджи доводит свою гувернантку до отчаяния... Он полон задора. Такой забияка!..

– Рад это слышать, – сказал Джек.

Он поклонился, показывая, что собирается уйти, но граф не был к этому готов.

– Я слышал, вы приехали в Лондон с женой, – сказал граф, сияя улыбкой. – Примите мои поздравления. Кажется, она сестра Данстона?

– Да, леди Арабелла – его сестра, – ответил Джек.

В теплоте графа он не усмотрел ничего, кроме добродушного юмора. Граф не был и вполовину так умен, как его жена, но и он мог связать самоубийство Данстона и брак его сводной сестры с человеком, который довел несчастного до этого.

– Да, да, я забыл ее имя. Помню, встречал ее, когда она приезжала на один сезон в Лондон... Славная девушка. Конечно, вы правильно поступили, Фортескью.

И все еще сияя улыбкой, граф отвесил Джеку поклон и направился к двери дома.

Помахивая тростью, Джек двинулся дальше. Он подумал, что приветливость графа как-то связана с его мыслью о том, что любовник его жены теперь обзавелся собственной и, возможно, оставит в покое Лили. Эта мысль была здоровой и, пожалуй, для такого предположения были все основания.

К своему изумлению, он очутился возле своего дома на Кэвендиш-сквер. Джек так глубоко задумался, что не заметил, куда идет. Он полагал, что собирается провести вечер в клубе «Брукс», но, похоже, ошибся.

Покачав головой с озадаченным видом и насмешливой улыбкой, относящейся к себе самому, он поднялся по ступенькам к парадной двери, открывшейся ему навстречу.

– Ее светлость в оранжерее, Тидмаус? – спросил он, освободившись от трости, шляпы и перчаток.

– Нет, ваша светлость. Она провела там два часа со своими цветами, а потом повела собак на прогулку, – сообщил ему дворецкий, сумев выразить неодобрение, не меняя бесстрастного выражения лица.

Джек нахмурился:

– Куда она пошла?

– Ее светлость упомянула Гайд-парк.

Тидмаус почтительно положил перчатки герцога на серебряный поднос на пристенном столике.

– Кто ее сопровождает?

– Ее светлость пошла одна... если, конечно, не считать собак. – Нотка неодобрения в его голосе прозвучала более отчетливо.

– Понимаю. Дай мне перчатки и шляпу.

– Да, ваша светлость.

С полной серьезностью Тидмаус передал хозяину эти предметы туалета.

– Когда ушла герцогиня? – спросил Джек, натягивая перчатки.

– Около часа назад, ваша светлость.

Тидмаус направился к входной двери, открыл ее и с поклонами проводил герцога на улицу.

Джек обошел площадь, пытаясь угадать, по какой дороге отправилась в парк его жена. К этому времени уже стемнело,

и постовые с факелами начинали патрулировать улицы. Ночью парк был опасным местом, как, впрочем, и днем некоторые его затененные уголки, и Джек вовсе не был уверен, что Бориса и Оскара можно было считать надежными защитниками. Выглядели они довольно свирепыми и могли убедительно зарычать, но у него было подозрение, что внутри эти собаки были нежными, как масло.

Ведь ночью опасен не только парк, размышлял Джек со все возрастающим беспокойством. Для одинокой и по всем признакам богатой женщины рискованно было появляться и на вечерних улицах. О чем она думала, если в Лондоне вела себя, как в своей родной деревне? Невольно шаги его ускорились, а раздражение переросло в гнев, когда он свернул на Генриетта-плейс и там в полумраке заметил ее, а точнее сказать, собаки увидели его. Они побежали ему навстречу, возбужденно лая и виляя пушистыми хвостами.

– Место, – сурово приструнил он их, когда они попытались прыгнуть на него. – Арабелла, что ты делаешь и о чем думаешь?

Арабелла, поравнявшись с ним, остановилась, слегка запыхавшаяся, оттого что пыталась догнать возбужденных собак. Холодный воздух разругивал ее щеки, волосы разметал ветер. От творения месье Кристофа остались одни воспоминания.

– Я пошла прогуляться, – ответила она. – Собакам требуется разминаться дважды в день, а выпустить их одних

невозможно. Мы ходили в парк.

– Разве тебе неизвестно, что нельзя гулять без провожатого? – спросил он, и его гнев еще усугубился, несмотря на облегчение.

– При мне собаки, – сказала она, озадаченная его очевидным раздражением. – Они никому не позволят приблизиться ко мне.

– А тебе не приходило в голову, что человек с ножом может расправиться с ними без труда? – спросил он с нескрываемым сарказмом.

Арабелла нахмурилась:

– Я думала, ты проведешь весь вечер в клубе.

– Не пытайся сменить тему, – парировал он. – Не говоря об опасности, которую представляют такие прогулки в парке без провожатых, так поступать не принято. Женщины в твоём положении не бродят по улицам Лондона, как цыганки.

– О, Джек, даже если бы я согласилась с такой чепухой, меня бы никто не узнал. Ведь в Лондоне я ни с кем не знакома. – Она рассмеялась. – Будет тебе. Не стоит так уж строго придерживаться этикета. Ведь именно ты настаивал на том, чтобы мы делили кров, а я, если помнишь, была тогда беззащитной незамужней женщиной.

Теперь наступила очередь Джека хмуриться при этом неприятном для него напоминании. Ему вовсе не хотелось, чтобы весть об этом его поступке распространилась всюду, какими бы причинами это ни было вызвано. Теперь у него

были основания не желать относиться к своему прошлому легкомыслию с юмором, как теперь Арабелла. Она была права: вдруг он стал ревностным поборником правил хорошего тона.

– Но дело не только в этом, – сказал он, пытаясь удержать беседу в нужном для него русле, не отвлекаясь на другое. – Теперь все изменилось, и ты должна это понимать.

Арабелла взяла его под руку.

– Очень хорошо, – сказала она миролюбиво, побуждая его повернуть назад, к дому. – Обещаю, что, как только войду в этот мир высшего общества и моды со всеми своими туалетами в стиле Директории и прическами а-ля грек, я стану воплощением добропорядочности и хороших манер. Но пока я здесь инкогнито и буду гулять где захочу, ограничиваясь только обществом собак и своим собственным.

– После наступления темноты ты никуда не будешь выходить без провожатых, – заявил он. – Поймите это, мадам.

– Да, ваша светлость. Нет, ваша светлость, – поддразнила она со смехом.

Похоже было, что, несмотря на досаду, он становился самим собой. Глаза его потеплели и обрели прежнее выражение.

– Почему ты отказался от мысли проиграть нынче вечером свое состояние?

Джеке изумлением осознал, что проявил всю возможную покладистость, на какую был способен.

– Я передумал, – сказал он. – Решил пообедать со своей женой, которая, как я ожидал, возится с орхидеями, а не бродит ночью по улицам. Кстати, как они себя чувствуют? Выживут?

Внезапно Арабелла стала воплощением серьезности.

– Не могу быть уверена, – ответила она, и ее непокорные брови сошлись над переносицей. – В следующие два дня они могут погибнуть. Поэтому буду неусыпно наблюдать за ними.

– Разумеется, – согласился он с не меньшей серьезностью. – Будем надеяться на благополучный исход.

– Да и в самом деле будем, – ответила Арабелла в счастливом неведении того, что его внимание к ее любимым орхидеям не было вызвано искренним беспокойством о них. – Почему ты передумал? – спросила она, возвращаясь к затронутой теме.

Джек и сам не знал почему.

– Я вспомнил, что у нас осталось незаконченное дело, – ответил он небрежно.

– Да, так и есть, – согласилась Арабелла.

ГЛАВА 12

– Добрый вечер, ваша светлость, – сказал Тидмаус, придерживая створки открытой двери и кланяясь, пока Арабелла входила в холл.

Он выпрямился и обратился к герцогу:

– Ваша светлость, будете обедать дома?

– Да, благодарю вас, Тидмаус.

Джек бросил взгляд на Арабеллу, и в глазах его она заметила искорки веселья. Она в этот момент старательно изучала портрет давно почившего герцога Фортескью, кавалера шестнадцатого века, храня серьезную и торжественную мину.

– Думаю, мы пообедаем наверху, в будуаре ее светлости. Ее светлость немного утомлена после долгой прогулки.

Арабелла открыла было рот, чтобы опровергнуть эту клевету, но тотчас же заметила лукавый блеск в серых глазах Джека и только скромно улыбнулась.

– В самом деле, я немного устала. Вы так внимательны, сэръ. Если вы меня извините, я пойду в свою комнату и немного отдохну до обеда.

Ее улыбка была воплощением приторной слащавости и невинности, когда она поинтересовалась:

– Когда обед?

Джек отвесил ей поклон:

– Тебе решать, моя дорогая.

– Может быть, мы пообедаем через час, – предложила она с задумчивым видом. – Но конечно, если ваша светлость пожелает видеть меня раньше, я буду в полном вашем распоряжении.

Ее золотистые глаза излучали лукавство и чувственность, когда она бросила на него взгляд искоса.

– В таком случае, мадам, мы будем обедать через час.

Он сделал особый нажим на слове «обедать».

Она улыбнулась и скользнула к лестнице. Собаки сделали рывок за ней, но Джек проворно ухватил их за ошейники.

– Тидмаус, заберите собак на кухню и позаботьтесь об их обеде. Да, и держите их там весь вечер.

– Да, ваша светлость, – ответил дворецкий деревянным тоном.

Он поманил ливрейного лакея, маячившего в глубине холла.

– Гордон, отведите собак на кухню.

– Да, мистер Тидмаус, сэр. – Ухмыляясь, лакей взял собак за ошейники. – Пойдемте, мальчики, пообедаем.

Зачарованные этим волшебным словом, они рванули в глубь дома, таща за собой лакея.

– Пришлите в мою комнату Луи с графином шерри, – сказал Джек, направляясь к лестнице. – Ее светлость и я сами себя обслужим. Нам никого не надо.

Тидмаус только отвесил поклон. Если его господин желает

сам нарезать эйлсберийских уток и предпочитает самостоятельно разливать вино, то не дело дворецкого комментировать его действия, а тем более не годится искать в речи госпожи тайный смысл.

Напевая про себя какой-то мотивчик, Джек поднялся в свою обширную спальню, выходящую на улицу. Он пожатием плеч избавился от сюртука, небрежно бросил его на спинку стула, отстегнул рапиру и положил ее на подоконник.

Луи уже спешил с графином шерри и бокалом на серебряном подносе и поставил все это на туалетный столик.

– Мы обедаем дома, да, ваша светлость?

– Да, обедаем, – ответил Джек, наливая себе бокал шерри.

– Халат, ваша светлость, сэр? Или оденемся к обеду как обычно? – спросил Луи, открывая платяной шкаф.

– Мы думаем, что можно отложить халат до более позднего времени, – ответил Джек, допивая вино, прежде чем снять галстук и бросить его поверх сюртука. – Но право, Луи, разве необходимо это королевское «мы»?

– Нет, ваша светлость, я постараюсь это запомнить.

– Пожалуйста, постарайся.

Улыбка Джека была доброжелательной, но Луи было трудно обмануть. Не стоило раздражать его светлость Сент-Джулза.

Джек провел рукой по подбородку, потом, снимая жилет, решил:

– Думаю, тебе надо меня побрить, Луи.

– Разумеется, ваша светлость.

Луи взял уже наточенную бритву.

В своей комнате, соседствовавшей со спальней Джека, Арабелла в полудреме лежала в сидячей ванне перед камином. Волосы ее были высоко подобраны и заколоты на темени.

Бекки суежилась вокруг нее и сновала от платяного шкафа к постели.

– Веточку розмарина на подушку, миледи? – спросила она. – Он придает постельному белью прекрасный свежий аромат. Нынче днем я нашла куст розмарина в сквере на площади. Никак не ожидала найти его в городе... Вы наденете шелковое negligé? С атласными домашними туфельками и кружевным чепчиком?

– Никакого чепчика и домашних туфель, – лениво сказала Арабелла. – Ты можешь приготовить для меня халат, Бекки, а потом оставь меня.

– Очень хорошо, мадам.

Бекки улыбнулась с таким заговорщическим видом, что Арабелле потребовалось собрать все свои силы и достоинство, чтобы не заметить этого. Они с Бекки были слишком давно вместе, чтобы иметь секреты друг от друга, а горничная при всей своей юности и кажущейся невинности выросла в деревне и прекрасно знала, что происходит на супружеской постели.

Бекки в последний раз одернула покрывало на постели,

оправила кружево пеньюара, уже приготовленного ею и лежавшего там же, проверила, ярко ли горят свечи и достаточно ли дров в камине, сделала реверанс и вышла из комнаты.

Джек за дверью в соседнюю комнату услышал воцарившуюся тишину в спальне жены и понял; что она осталась одна. Луи закончил бритье и с почтительным видом разложил на постели бирюзового цвета шелковый халат и благоговейно расправил его отвороты, складки и бахрому на широком кушаке.

– С остальным я справлюсь сам, Луи, – сказал герцог, пытаясь скрыть нетерпение.

Камердинер поклонился и, пятясь, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь в коридор с особой осторожностью.

Джек в одних чулках подошел к двери в соседнюю комнату и открыл ее. Аромат лаванды и розмарина – первое, что он заметил, потом он увидел в ванне свою жену с кожей, порозовевшей от теплой воды, с влажными волосами, собранными в узел на макушке. Она не спеша повернула голову, которой опиралась о бортик ванны, и посмотрела на него. На нем были только бриджи и рубашка, небрежно расстегнутая у горла. Волосы его, как обычно, были стянуты назад и завязаны черной бархатной лентой, а кожа на шее была бронзовой от загара после пребывания в течение трех недель в деревне в разгар бабьего лета. Она заговорила медленно, тщательно подбирая слова:

– Желаю вам доброго вечера, ваша светлость.

Джек подошел к ванне и стоял, глядя на нее горячим взором.

– Восхитительное зрелище, – пробормотал он. – Вся покрытая росой, розовая и нежная, как бутон, готовящийся раскрыться... или быть раскрытым.

Ленивая улыбка зазмеилась в уголках его губ.

Он встал на колени возле ванны, закатав рукава рубашки до локтей. Каждое его движение, каждый жест были полны чувственности, томления и таили обещание, и от этого кровь ее заиграла и волна желания и предвкушения омыла бедра.

Томным движением он взял в руку веточку лаванды, положил ее на середину ее лба и провел воображаемую линию по ее носу, губам и ямочке на подбородке, потом по шее, чуть помедлив во впадинке, где с необычной скоростью билась жилка. Он продолжал неспешно чертить линии между ее грудями, выступавшими из воды, темные соски которых отвердели и приподнялись.

Внизу ее живота уже запорхали бабочки. Он провел веточкой лаванды по ее пупку, и это вызвало в ней восторг. Зажав ее сосок между большим и указательным пальцами, он принялся ласкать его, а свободной рукой приподнял ее лицо за подбородок и поцеловал. Его губы, поначалу твердые, постепенно обрели мягкость и нежность и теперь будто растаяли, соприкоснувшись с ее губами, а язык принялся заигрывать с ее языком, и эта сладостная игра становилась все мучительнее. Медленно он поднял голову, заглянул в ее

разгоряченное лицо и посмотрел на губы, заалевшие и припухшие от его поцелуя, и в глаза, теперь загоревшиеся золотистым огнем.

На мгновение перед его умственным взором предстал образ Лили: ее фарфоровая кожа, чуть окрашенная розовым, ее синие глаза, ярко-алые губы... Но ему было известно, что совершенство ее кожи и нежная алость губ были обязаны своими красками пудре и румянам. Ее брови были выщипаны, и им была придана форма совершенных дуг. Темные же брови Арабеллы были густыми, прямыми и четко очерченными. Он облизнул большой палец и разгладил ее брови осторожными и нежными прикосновениями, потом наклонился и поцеловал ее в кончик носа.

Эта смена его настроения, какой бы мимолетной она ни была, не ускользнула от Арабеллы. Внезапно она подумала, не пришел ли он к ней прямо из постели своей любовницы. Она выпрямилась в ванне, подтянув колени к подбородку, и вопрошающе посмотрела на него.

– В чем дело; любовь моя? – спросил он, улыбаясь, но несколько озадаченный.

– Мне вдруг показалось, что ты смотришь не на меня, а на кого-то еще, – ответила она уклончиво. – Это было странное чувство и... неприятное...

С минуту он молча смотрел на нее и увидел других, слишком часто являвшихся ему на ум, когда он был со своей женой. Это всегда бывала Шарлотта и часто Фредерик. Эти те-

ни, являясь ему, заслоняли от него Арабеллу.

Арабелла прикусила нижнюю губу, потом сказала:

– Я совсем не знаю тебя, Джек.

«Да, – подумал он. – Не знаешь. Совсем не знаешь».

Но она среди этих теней оставалась ни в чем не повинной.

Он должен был каким-то образом научиться отделять ее от этих теней и видеть одну.

У Арабеллы упало сердце, когда она заметила этот замкнутый взгляд, будто он удалился от нее в такое место, куда она не могла за ним последовать.

Но тотчас же это выражение исчезло из его глаз, и они снова потеплели, а красивый рот вновь обрел нежный и чувственный изгиб. Он оперся руками о бортики ванны, наклонился к ней и поцеловал ее в губы.

– Мне не хочется отвлекаться, моя прелесть, – пробормотал он, почти не отрываясь от ее губ, а язык его уже пытался проникнуть в ее рот.

Она позволила ему это, губы ее раскрылись, и она ответила на поцелуй. Он провел рукой по ее телу, заставляя ее опуститься в воду, колени ее выпрямились, и она скользнула в ванну и положила голову на ее край, ее волосы, собранные в узел на затылке, впитали в себя влагу.

Теперь все ее ощущения были сосредоточены там, куда обратилось его внимание. Его рука ловко и умело играла с сокровенными уголками ее тела, раздвигая набухшие половые губы и нежно потирая их, до тех пор пока она не смогла

больше скрывать бушевавший в ней пожар. Она услышала свой негромкий крик, и прошло много времени, прежде чем она полностью пришла в себя. Теплая вода омывала ее разгоряченную плоть, глаза оставались закрытыми, и она медленно и постепенно возвращалась к действительности, дыхание ее становилось все более спокойным и ровным.

– Очнись, спящая красавица, – пробормотал Джек и плеснул на нее водой.

Этот прохладный душ освежил ее разгоряченную кожу. Она медленно открыла глаза, и ее взгляд теперь неотступно следовал за ним, пока он поднимался на ноги, снимал рубашку, потом бриджи, наконец чулки. Теперь он стоял над ней, обнаженный и в полной боевой готовности.

– О, я не сплю, – прошептала Арабелла.

– В таком случае идем.

Он расправил для нее полотенце, оставленное Бекки возле ванны, потянулся к ней, подхватил ее под мышки и заставил подняться изводы.

– Мое неистощимое терпение подходит к концу.

Он обернул вокруг нее ткань, приподнял ее, прижал к себе и бросил на кровать, спеленатую и путающуюся в складках полотенца.

Потом принялся вытирать ее, и тер так усердно, что кожа ее запылала. Он вертел и крутил ее, поднимал ее ноги и вытирал влагу между пальцами и делал это нежно и тщательно. Ее ступням стало щекотно, и она сделала слабую попытку.

ку вернуться, пока его язык порхал по ее стопам, потом он стал забирать в рот каждый палец на ее ногах по очереди.

«Нынче вечером он решил сделать меня совсем беспомощной», – мельком подумала Арабелла.

В том, как он занимался с ней любовью, была какая-то необычная напряженность, его серые глаза сверкали почти свирепо, и он смотрел на нее так, будто собирался проглотить ее. Он изучал каждый дюйм ее тела, не оставляя неисследованным ничего. И этот накал его чувств воспринимался ею как обжигающий огонь.

Она осознала, что приподнимается ему навстречу, готова его принять. Ее тело стало как пружина. Она не могла им насытиться – его губами, языком, пальцами рук и ног. Арабелла так же пожирала его, как он ее. Она поднялась и нависла над ним, оседлав его бедра, и принялась ласкать и поглаживать его орган, исторгая у него стоны восторга. Потом он обхватил ее бедра, поднял ее и вошел в нее одним мощным движением, проникнув до самой сердцевины, и она откинула голову, издав громкий крик. Она не могла бы сосчитать, сколько раз достигала вершины наслаждения с того момента, как он вытащил ее из ванны, и каждый раз был восхитительнее предыдущего, но сейчас ей казалось, что тело ее распадается, разлетается на тысячи кусков, и куски эти подхватывают четыре ветра всех сторон света. Он яростно и крепко сжимал ее спину, изо всех сил привлекая ее к себе, и с каждой пульсацией, с каждой судорогой его семя напол-

няло ее.

Наконец она упала вперед и голова ее оказалась на его влажном и скользком от пота плече. Его сердце бешено билось, и она ребрами ощущала это биение, соразмерное ее собственному. Она медленно вытянула ноги так, что они оказались лежащими поверх его ног. Он был все еще в ней, и она сжала ногами его бедра, чтобы удержать его в себе еще хоть на минуту дольше. Его пальцы уже не сжимали ее с такой силой и яростью, но руки оставались на ее спине, и на несколько мгновений они оба погрузились в транс пресыщения, но не сна.

Джек пошевелился первым, нежно отстранился от нее и, перекатившись, лег с ней рядом. Он оперся на локоть, отвел влажные волосы с ее лба и улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. Покачал головой в безмолвном изумлении и провел ладонью по ее боку, задержавшись на изгибе талии.

Она слабо улыбнулась в ответ, но слов у нее не было. Он глубоко вдохнул воздух и с силой выдохнул.

– Не знаю, как ты, но мне нужно окунуться в ванну.

Он спрыгнул с кровати с энергией, непонятной Арабелле, шагнул в медную ванну и опустил глубоко в воду, согнув колени так, что ему удалось погрузиться полностью и окунуть даже голову.

Поднявшись из воды, он отряхнулся, как делают собаки, вылезая из реки, и схватил влажное полотенце. Арабелла с кровати наблюдала за ним плотоядным взглядом, насла-

ждаясь видом мускулов, рябью двигавшихся под кожей, пока он вытирался, любуясь жесткостью и поджаростью его тела, упругими ягодицами и плоским животом. Сейчас его мужской орган дремал, и она подумала, что он похож на сонную мышь в гнезде из темных курчавых волос. И теперь трудно было представить его в вертикальном положении, способном принести им обоим столько восторгов. Это сравнение вызвало у нее невольный смех, а Джек повернулся к кровати и посмотрел на нее подозрительно блестящими глазами.

– Чему ты смеешься?

– Да так, – ответила она с невинной улыбкой. – Ничему.

И все же она была не в силах отвести взгляда от предмета, вызвавшего у нее взрыв веселья.

Взгляд Джека переместился в нижнюю часть его тела.

– О, – сказал он с легкой усмешкой, обертывая бедра полотенцем, – это все холодная вода.

– И удовлетворение, – заметила Арабелла все с той же невинной улыбкой. – Но, ваша светлость, вам не требуется много времени, чтобы восстановить силы.

Она потянулась за пеньюаром, украшенным крошечными жемчужными пуговичками, в то время как Джек проследовал в свою спальню за халатом.

Они вместе вошли в теплый, освещенный свечами будуар, где перед камином уже был поставлен стол с откидной крышкой. На нем красовалось блюдо свежих, только что вскрытых устриц, супница оставалась теплой на подставке, уста-

новленной на угольях в камине. На низком буфете дымился жареный утенок, а рядом стояли миска с соусом из мадеры и блюдо с жареным картофелем и пастернаком.

Джек налил вина и подержал стул, помогая жене сесть перед блюдом с устрицами.

Она расправила одно из этих жемчужно-серых творений на опалесцирующей поверхности бугристой раковины. Джек тоже отправил в рот устрицу и проглотил ее. Арабелла хмыкнула и со вздохом удовлетворения вытянула к огню босые ноги, совершенно забыв о недавнем чувстве неловкости.

Неделей позже на Кэвендиш-сквер начали прибывать неиссякаемым потоком коробки и картонки. А вслед за ними и мадам Селеста и мадам Элизабет в сопровождении целой стайки портних с охапками муслина, крепа, тафты, органди, китайских и индийских шелков, расписанных вручную.

Арабелла принимала эту делегацию в своем будуаре и в изумлении рассматривала бесчисленные платья, пеньюары, халаты, разложенные перед ней. Похоже, здесь были туалеты для каждого часа дня.

– Если вашей светлости будет угодно накинуть это negligé... – предлагала мадам Селеста, складывая ручки на обширной груди. – Возможно, в этих туалетах понадобится кое-что исправить или подогнать по фигуре.

– Я должна примерить их все? – спросила Арабелла, испуганная такой перспективой.

Ей потребовался бы на это целый день.

– Ваша светлость, это необходимо, чтобы они идеально на вас сидели, – заявила мадам Элизабет с намеком на решимость. – К каждому платью полагается и нижнее белье. Поэтому во время примерки вам надо быть в одной сорочке.

Арабелла покорно воздела руки к небу и пошла к себе в спальню звать Бекки, взволнованную до крайности и готовую сопровождать свою полуодетую госпожу в будуар и присутствовать при примерке.

– О, прекрасно! Вы еще не приступали к примерке! – Герцог вошел в будуар, когда его жена снимала negligé, чтобы примерить первое платье.

– Ваша светлость, – мадам Селеста ухитрилась вложить в свое восклицание нотку недоверия, – мы ведь должны убедиться, что каждое платье сидит должным образом!

– Разумеется, – согласился он, усаживаясь и помещая одну изящно обутую ногу поверх другой и вытаскивая табакерку из обшитого золотым кружевом кармана сюртука. – Потому-то я и здесь. Умоляю вас, продолжайте.

Арабелла бросила на него взгляд, ожидая увидеть заговорщическое подмигивание, но потрясенно заметила, что ее муж совершенно серьезен. Она стояла в тонкой сорочке, столь открытой, что это одеяние оставляло мало возможностей для фантазии, пока модистки цокали языками, переговаривались и надевали на нее через голову одно платье за другим, давая указания нескольким швеям, что следует заколоть, а что подшить.

Первый комментарий герцога вызвало вечернее платье из органди цвета слоновой кости, надетое на нижнюю юбку золотистого шелка.

– Я предпочел бы декольте побольше, – сказал он. – Надо, чтобы вырез был на полдюйма ниже, а сзади следует заложить складку.

– Похоже, что ваша светлость – законченная модистка. Вашим талантам нет предела, – недовольно заметила Арабелла, в то время как мадам Селеста покорно закалывала и располагала ткань сзади так, чтобы получилась складка.

Джек ответил своей дремотной улыбкой:

– Доверься мне, дорогая.

– Ты уже говорил это раньше, – согласилась Арабелла. – Но сообщаю вам, сэр, что не собираюсь появляться в обществе, полная беспокойства о том, что мои груди выглядывают из декольте, похожие на хорошо подошедший пудинг с нутряным салом.

– Какая счастливая находка и что за удивительное выражение, – пробормотал герцог. – Но так уж случилось, что твои груди ничуть не похожи на пудинг с нутряным салом, даже хорошо подошедший.

Бекки проглотила готовое вырваться восклицание. Модистки, оцепенев от ужаса, уставились друг на друга, а стайка их помощниц замерла, не сделав очередного стежка. Арабелла только рассмеялась.

Примерка всех туалетов заняла около трех часов. Арабел-

ла устала и соскучилась, собаки скулили у двери, а ее орхидеи настоятельно требовали внимания. Ее муж, напротив, был совершенно поглощен этим процессом.

Он отпустил модисток и их помощниц, только когда все туалеты были подогнаны и развешаны в шкафу. Потом он обратился к горничной:

– Нынче вечером вы оденете вашу госпожу в платье слоновой кости с золотом, Бекки. Месье Кристоф причешет ее светлость, но вы должны за этим наблюдать и научиться, чтобы в будущем делать это самой.

– Да, ваша светлость. – Бекки сделала реверанс.

– А теперь можете идти, – сказал герцог мягко, и Бекки поспешно удалилась.

– Почему я должна одеться именно так? – спросила Арабелла небрежно, беря в руки пилку, чтобы заняться своими ногтями.

– Мы могли бы поехать в оперу, – ответил герцог. – Моя ложа давно пустует. Пора ею воспользоваться.

– Ах! – Арабелла отложила пилку для ногтей. – Значит, это будет мое первое появление в свете.

– Да, первое появление в качестве герцогини Сент-Джулз.

Она кивнула:

– А опера?

– Надеюсь, она тебе понравится... Моцарт, «Волшебная флейта». Очаровательное произведение, но, разумеется, никто не станет слушать его, – сказал он, презрительно пожи-

мая плечами. – Все будут заняты свежими сплетнями.

– А центром самых свежих буду я, – подытожила Арабелла.

Он кивнул и поднялся на ноги:

– Да, мэм. Верно. Кристоф придет к пяти, чтобы причесать тебя. Бекки к этому времени должна тебя одеть, а пообедаем мы в семь. Начало оперы в девять.

– Но начало, разумеется, полагается пропустить, – заметила Арабелла, презрительно кривя рот. – Ведь так немодно приезжать в оперу вовремя.

Он слегка наклонил голову и сказал:

– На этот раз я предпочту, чтобы ты вошла в театр сразу же после того, как наши приятели, любители оперы, займут свои места, но затем ты, моя любовь, можешь вести себя как угодно.

С легкой улыбкой и поклоном он удалился.

Арабелла осталась сидеть в мрачном молчании. Она была полна готовности следовать всем законам общества, но никак не ожидала, что герцог будет поощрять ее в этом. Теперь оказывалось, что она должна плясать под дудку Джека, не задумываясь о собственных желаниях.

Она повернула голову к двери на стук:

– Что там, Бекки?

– Письмо для вас, мадам. – Горничная протянула ей серебряный поднос с письмом.

Арабелла узнала решительный почерк Мэг. Она жадно

схватила письмо со словами благодарности к Бекки и жестом приказала ей удалиться. Девушка присела в реверансе и ушла, а Арабелла сломала восковую печать и вскрыла письмо. Она будто услышала голос подруги, как только начала его читать.

«Дражайшая Белла, я рву на себе волосы от тоски. Я и не предполагала, что можно так скучать по кому-нибудь, как я тоскую по тебе. Даже мама и папа мрачны, а все собаки без Бориса и Оскара выглядят затравленными. Когда бы мы ни появлялись в нашем скромном местном обществе, одна только Лавиния неизменно дает нам пищу для веселья, будучи всеобщим посмешищем. Она из кожи вон лезет в попытке опорочить законную и полноправную герцогиню, обвинив ее в безнравственности и одновременно стремясь доказать, что пользовалась полной доверительностью вышеупомянутой герцогини. А тем временем чучела убитых птиц на ее разнообразных шляпках переворачиваются вверх лапками, а цветы и фрукты просто вянут на ветках. Дэвид начал произносить проповеди на тему о зловредности сплетен и гордыни, коих смысла Лавиния, разумеется, не понимает. Как бы то ни было, моя дорогая Белла, если в ближайшем будущем я не получу облегчения, то, окончательно обезумев, удалюсь на чердак и стану там ткать одежду из паутины. Помнишь, как мы обсуждали возможность моего приезда в Лондон, чтобы погостить у тебя? Я не уверена, что в состоянии выдержать повторение моего злопо-

лучного первого лондонского сезона, но, рассуждая хладнокровно, понимаю, что смогу. Не говоря уже о том, что мне так недостает тебя, как если бы я лишилась руки или ноги. Мне необходима передышка от этой скучной, убогой жизни и такого же окружения. А также общество более интересных мужчин, чем те, что я встречаю среди наших живых изгородей. Разумеется, я никоим образом не собираюсь нарушать ваше счастье и вторгаться в семью, только начавшую вкушать радости супружества, но в браке по расчету, возможно, найдется место для общества близкой подруги. Ничто в твоих письмах не содержит и намек на то, что замужество для тебя стало чем-то иным. А я знаю, что ты бы мне все рассказала без утайки...

Скорее напиши мне, моя дорогая. Я хотела бы узнать новости о твоих орхидеях, о собаках и особенно о твоей новой жизни и дебюте в обществе в качестве герцогини. И запомни, я хочу знать все самые свежие подробности.

С любовью, как всегда. М.».

Арабелла читала письмо Мэг с улыбкой и будто слышала ее нарочито деловой и сухой тон. Она не могла себе представить ничего более приятного, чем общество Мэг. Джек был слишком властным, и часто она страдала от невозможности проявить собственную волю и инициативу. Арабелла привыкла сама распоряжаться своей жизнью и строить ее по собственному вкусу и выбору, а не подчиняться планам мужа. Она нуждалась в поддержке. А Мэг при всем своем острым

и язвительном уме обладала деликатностью, и это означало, что она никогда не станет вторгаться в их частную жизнь. Кроме того, подумала Арабелла, у Мэг есть собственные цели. Если она намерена искать мужа или хотя бы любовника, что было вполне реально для Мэг, как знала Арабелла, то она будет занята своими делами. Но разумеется, станет принимать во внимание помощь и мнение Арабеллы.

Она расплылась в довольной улыбке, когда складывала письмо Мэг и прятала его в ящик секретера. Они вдоволь позабавятся, начав поиски партнера для Мэг.

Арабелла спустилась вниз, в оранжерею, где ее ожидали вновь прибывшие орхидеи.

Дверь библиотеки была открыта настежь, и, проходя, она увидела Джека за письменным столом. Возле него стоял открытый сейф, в руке он держал перо, а перед ним лежал лист веленовой бумаги. Возможно, сейчас благоприятный момент для того, чтобы посеять новые семена, подумала Арабелла, тотчас же переключаясь с орхидей на свои планы.

– Джек! – позвала она, остановившись в двери. Он поднялся.

– Входи.

Она вошла в комнату, закрыла за собой дверь и приблизилась к письменному столу. Он продолжал стоять, внимательно и задумчиво глядя на нее.

Она присела на краешек письменного стола, и взгляд ее упал на открытый сейф. На мгновение из ее головы улету-

чилились все мысли, потому что она узнала почерк на конверте, лежавшем поверх всех бумаг сейфа. Это было ее письмо в Корнуолл. Она была более чем озадачена тем, что ее родственники не ответили ей, но теперь все стало ясно. Джек не посылал его им.

Это был такой ошеломляющий обман, что на мгновение она лишилась дара речи. Во внезапно наступившей тишине она услышала вопрос Джека:

– Ты хотела о чем-то поговорить?

– О да.

Она взяла в руки нож с ручкой из слоновой кости, которым он чинил перья, и теперь празднично вертела его в руках, изучая со всем мыслимым вниманием, которое могла на нем сосредоточить, как если бы это было пятнышко плесени на листке орхидеи.

– Не станешь ли ты возражать, если я приглашу Мэг нанести нам визит?

Джек слегка нахмурился:

– Сейчас?

– Ну, не именно сейчас, – ответила она, все еще не поднимая глаз от ножа. – Но достаточно скоро.

– Уже устала от моего общества? – спросил он с загадочной улыбкой.

– Нет, конечно, нет. – Она не хотела принимать его игривый тон. – Но я скучаю по Мэг. Прости, что я это говорю, но муж не может играть роль задушевной подруги.

– И я благодарен этому обстоятельству, – ответил он осторожно.

Он пока еще не знал, что думать о пребывании Мэг Баррет под его кровом.

– Я предпочел бы отложить это до весны... когда ты уже вполне освоишься с жизнью в Лондоне. Тогда ты сможешь быть более полезной для Мэг.

Он подался вперед и приподнял ладонью ее лицо за подбородок, стараясь заговорщической улыбкой смягчить свой полуотказ:

– Пока еще я не готов делить тебя ни с кем, моя прелесть.

Арабелла с трудом заставила себя улыбнуться в ответ; в крови ее бушевал гнев. Почему он не отослал ее письмо? Он лишил ее возможности сделать выбор в вопросе о браке. Почему?

– В таком случае я напишу Мэг и предложу ей приехать через пару месяцев, – сказала она, отворачиваясь.

Она соскользнула с края письменного стола.

– Я иду в оранжерею. Очень возбуждена прибытием новой партии орхидей. Это сорта «Сокровище» и «Королева ночи».

Однако она не могла не заметить, что в голосе ее не было ни малейшего признака возбуждения, и это было очевидно. Она поспешила к двери.

ГЛАВА 13

Когда месье Кристоф прибыл со свойственной ему пунктуальностью в четыре часа, Арабелла все еще не решила, как ей принять обман мужа.

– Если бы ваша светлость чуть наклонили голову, – бормотал парикмахер, завивая ее волосы горячими щипцами.

Арабелла, сидевшая в свободном пеньюаре, подчинилась, глядя в зеркало, как он манипулирует ее волосами, подстригает и выравнивает их, завивает локоны и помадит.

– Вы прибыли из Парижа, месье Кристоф? – спросила она.

– Ах, *mais oui*, миледи. Ах, *pauvre Paris*, – тяжело вздохнул он.

– В самом деле, – согласилась Арабелла с полным сочувствием. – В Лондоне, кажется, много эмигрантов.

– Да, нас немало, миледи, – согласился он с новым вздохом. – Мы пытаемся заработать на жизнь, помогаем друг другу, где и как только можем, но это не всегда легко. Мы вынуждены зависеть от щедрости ваших соотечественников и женщин, ваша светлость.

Арабелла серьезно созерцала его в зеркале:

– Если я могу что-нибудь сделать для вас, месье, вам надо только сказать. Я еще немногих здесь знаю, но, возможно, скоро смогу давать рекомендации. А пока что буду рада оказывать помощь вашим коллегам-художникам.

Парикмахер благодарно улыбнулся ей:

– Ваша светлость слишком добры. Но я буду иметь в виду ваше предложение.

За их спинами отворилась дверь, и появился герцог, одетый в вечернее платье, – в сюртуке сапфирового бархата и жилете, отделанном серебряными кружевами, в штанах до колен и с пеной кружев вокруг шеи и на запястьях. Его волосы были стянуты на затылке синей бархатной лентой. На пальцах блестели кольца с бриллиантами. Серебристое лезвие его рапиры было спрятано в ножны, и она красовалась на боку. В руках он держал шкатулку для драгоценностей.

Он был ослепителен. Лживый, авторитарный, коварный, страстный и все же великолепный. Арабелла смотрела на его отражение в зеркале, когда он приближался к ней сзади с этой улыбкой на полных чувственных губах. Белый локон спускался ему на лоб, что создавало удивительный контраст с его блестящими черными волосами и серыми глазами, оглядывающими и оценивающими ее. Сейчас у них был цвет олова, освещенного закатным солнцем.

– Добрый вечер, ваша светлость, – поспешил парикмахер приветствовать его и отвесил низкий поклон.

Джек кивнул ему и поставил шкатулку на пестро инкрустированный туалетный столик.

– Не будете ли так любезны увенчать этим прическу ее светлости?

Он открыл шкатулку и извлек из нее подковообразную

бриллиантовую тиару.

– О да, ваша светлость. Как красиво! – Кристоф почти-точно взял в руки драгоценность. – Волосы ее светлости просто вопиют о бриллиантах. Это будет прекрасное обрамление.

– Это бриллианты Сент-Джулзов, – сказал Джек Арабелле, вынимая из шкатулки кольцо.

Он подошел к ней сзади и застегнул его на ее шее. Колье состояло из изумительно подобранных камней. Оно было тяжелым, и камни охладили грудь.

– Я же еще не одета, – заметила она, не зная, как реагировать на эту роскошь.

– Я хотел посмотреть, пойдут ли они тебе, – ответил Джек. – И вижу, что они к лицу.

Он достал еще бриллиантовые сережки-капельки и вручил ей:

– Надень и их.

Она подчинилась. Капельки засверкали на фоне ее стройной шеи. Месье Кристоф еще несколько минут суетился возле нее, прилаживая тиару. Потом объявил:

– *C'est fini. Magnifique, n'est pas*⁸, милорд?

Джек кивнул.

– Да, – сказал он просто. – Даже лучше, чем я предполагал.

– О! Леди Арабелла, – зашептала Бекки, стоявшая безмолвной наблюдательницей этой процедуры. – Ооо! Ну раз-

---

⁸ Сделано. Великолепно, не правда ли (фр.).

ве они не прекрасны?

Арабелла смотрела на свое отражение. Даже в простом пеньюаре она благодаря этим драгоценностям выглядела преобразившейся.

– Я кажусь себе персонажем «Тысячи и одной ночи», – сказала она. – Но не думаю, Джек, что это мне подходит. Они слишком... О, слишком роскошны, не нахожу подходящего слова, а я приземленное существо, и мои вкусы чересчур просты для бриллиантов. Особенно для таких совершенных камней.

– Ты не права, моя дорогая, – вынес он свой приговор тоном, не подлежащим обсуждению. – Они очень тебе идут. А когда ты наденешь платье, сама увидишь, насколько я прав.

– Это так, ваша светлость, – согласился Кристоф, убирая свои инструменты. – Никогда я не видел, чтобы бриллианты так шли леди.

– Вы мне льстите, – сказала Арабелла печально, поднимаясь со стула.

Парикмахер отвесил поклон, выказывая несогласие всем своим видом. Она с улыбкой покачала головой:

– Благодарю вас за труды, месье. И не забывайте о других делах.

– Каких других делах? – спросил Джек.

– Это дела, касающиеся только леди и ее парикмахера, – объявила Арабелла. – Вы столько знаете о женщинах, сэр, и должны понимать, что могут возникнуть особые отношения

между дамой и ее куафером.

– Признаю, что проиграл. – Джек пожал плечами, показывая, что желает покончить с этой темой.

Он направился к ее спальне и придержал для нее дверь:

– Идите наденьте платье. Я полон нетерпения – хочу поскорее увидеть, как это выглядит.

Потом последовал за ней. Бекки не отставала ни на шаг. Он остановился у камина спиной к огню, взял из табакерки понюшку табаку и теперь с критическим видом смотрел, как Бекки с мучительными усилиями и невероятными предосторожностями надевает на его жену сначала нижнюю юбку, а потом и платье, стараясь не потревожить украшения на голове и шее Арабеллы и артистически уложенные в прическу волосы.

Декольте было явно не в меру смелым, а сверкание бриллиантов на ее груди усиливало это впечатление. Арабелла, полная сомнения, попыталась запихнуть груди под тонкий шелк и органди. Они оказались едва прикрытыми. Стоило ей пожать плечами, и соски оказались бы на виду.

– Ты привыкнешь, – сказал Джек, угадав ее мысли. – Я предсказываю вам, мадам, ошеломляющий успех.

Он предложил ей руку:

– А теперь пойдем обедать.

В «Ковент-Гарден» они прибыли незадолго до десяти. Ночь была холодная, и Арабелла дрожала. Невесомая накидка прикрывала ее плечи, но ничуть не защищала от ветра,

как и длинные белые шелковые перчатки и тонкие чулки, а также легкие атласные туфельки. Она с завистью оглядывала своего спутника, одетого в теплый бархат. Только его лицо подвергалось немилосердному воздействию стихий.

– Обещаю, что внутри тебе будет даже слишком жарко, – сказал он, держа ее под руку, пока они поднимались по ступенькам оперного театра.

Улицы, окружавшие площадь, были запружены народом и оглушали шумом – вокруг сновали шлюхи и уличные торговцы-разносчики, по обыкновению навязывавшие свой товар, толпы подгулявших молодых людей, пьяно шатаясь, переходили из таверны в таверну и из борделя в баню. Элегантно одетые любители оперы нигде заметны не были, если не считать одного или двух, входивших в театр, и Арабелла поняла, что Джек прекрасно рассчитал время их прибытия. Их появление должно было привлечь общее внимание. Она предчувствовала возбуждение публики. Это так резко отличалось от ее дебюта в высшем обществе!

Они миновали фойе, украшенное колоннами. Каблуки ее атласных туфелек простучали по мраморному полу, и лакей повел их по узкому коридору со множеством дверей. Он остановился перед одной из них и открыл ее, а сам посторонился. Арабелла ступила в ложу, щурясь от внезапно затопившего ее ослепительного света. Со сводчатого потолка свисали канделябры, ярко освещавшие сцену и публику. Из многих лож слышалось гудение голосов, как и из партера,

где зрители громко разговаривали, не обращая ни малейшего внимания на певцов на сцене и музыкантов в оркестровой яме.

Арабелла заняла место в переднем ряду ложи и не спеша раскрыла веер. Джек сел с ней рядом, опираясь локтями о бархатный бортик ложи, и оглядел зал. Несколько рук поднялось, приветствуя его, и он кивал в ответ, потом повернулся к сцене.

Арабелла заметила, что гул голосов усилился, по мере того как в руках у присутствующих оказывались бинокли, теперь направленные на ложу Сент-Джулза. Она изо всех сил старалась смотреть только на сцену, неторопливо обмахиваясь веером и пытаясь скрыть большую часть лица от любопытных взглядов, беззастенчиво направленных на нее. До сих пор она не представляла себе, что можно получать удовольствие, став объектом всеобщего внимания и любопытства.

Джек время от времени бросал будто бы случайный взгляд в зрительный зал. К своему удовлетворению, он заметил, что, похоже, все влиятельные люди были здесь. Принц Уэльский, вернувшийся из своего набега на Брунвик, сидел в королевской ложе с братом герцогом Йоркским, и оба они громко болтали и смеялись в обществе нескольких приятелей. Они весело помахали ему. Граф и графиня Уорт также были в своей ложе. Чарлз Фокс и Джордж Кавена находились в партере с группой своих единомышленников – вигов,

и Джек подумал, долго ли Фокс сможет удержаться вдали от игорных столов.

Герцогиня Девонширская в сногшибательной шляпе, украшенной пятью прекрасными страусовыми перьями, была окружена подругами в таких же потрясающих воображение головных уборах. Ее мужа не было видно, но это Джека не удивило. Герцог редко появлялся на публике вместе с женой, ставшей центром кружка девонширского дома, и там она царила и распоряжалась по своему вкусу. В этом кругу был даже свой особенный язык, абсурдность которого Джек находил смешной, но был вынужден признать, что сама Джорджиана, несмотря на глупую аффектацию, была в своем роде замечательной и умной женщиной, обожаемой Фоксом и остальными членами партии вигов. Разумеется, она была неисправимым игроком, что циники могли бы объяснить в большей или меньшей степени глубокой и нерушимой дружбой с Фоксом.

Прозвучал финальный аккорд, означавший антракт, и занавес опустили. Канделябры в зале уже горели ярче некуда, и мужчины в зрительном зале то и дело поднимались с мест, чтобы нанести визит дамам в ложах.

Джек посмотрел на Арабеллу. Она казалась совершенно спокойной и чувствовала себя непринужденно, легко обмахивалась веером и оглядывала публику с интересом, но без восторга. Дверь ложи отворилась, и вошли первые визитеры. Георг, принц Уэльский, и Фредерик, герцог Йоркский,

оказались в тесном пространстве их ложи. Джек тотчас же вскочил на ноги и отвесил поклон. Арабелла тоже поднялась, узнав своего августейшего гостя, и присела в глубочайшем реверансе, что в тесной ложе оказалось достаточно головоломно, но ее выручила простота ее туалета.

– Джек, добро пожаловать в Лондон. Без тебя он был таким скучным, – заявил Георг, направляя лорнет на Арабеллу и бесцеремонно разглядывая ее, к этому моменту уже медленно выпрямлявшуюся и принимавшую вертикальное положение и встретившую улыбкой этот почти дерзкий взгляд. – Я так понимаю, что это твоя молодая жена, – заметил принц.

– Да, сэръ. Позвольте мне представить вам ее светлость герцогиню Сент-Джулз, – сказал Джек, беря Арабеллу за руку и выталкивая ее на передний план.

– Я в восторге, мадам.

Оба принца отдали ей поклоны, взглядами пожирая жену своего друга и стараясь рассмотреть ее во всех подробностях. Между братьями был всего год разницы, и они неправдоподобно походили друг на друга: оба румяные и цветущие, с сильно напудренными кудрями в беспорядке и оба склонные к полноте.

– Примите мои комплименты, мадам, – сказал Фредерик. – А ты, Джек, мои поздравления, счастливая ты скотина.

– Благодарю вас, сэръ, – ответил Джек, снова отвесив поклон.

Глаза его блеснули.

– Этот новый стиль идет вам, мадам, – возгласил Георг, наконец опустив лорнет.

Его бледно-голубые глаза были слегка налиты кровью.

– Черт меня возьми, если я видел леди, которой новый стиль был бы так к лицу.

– Вы слишком добры, сэр, – пробормотала Арабелла, складывая веер.

– Нет, нет, у моего брата есть все основания так говорить, и он прав, – вмешался Фредерик. – Прежде, мадам, я вас не видел в Лондоне.

В этом утверждении слышался замаскированный вопрос.

«В самом деле не видели, – подумала Арабелла, внутренне забавляясь. – Но Арабелла Лэйси десять лет назад не привлекла бы вашего внимания».

– Где вы скрывались? – спросил Георг. – Где ты ее отыскал, Джек?

Арабелла нашла манеры царственных братьев отвратительными. Они показались ей неотесанными мужланами. Но она ответила им невыразительной улыбкой, не раскрывая рта.

Джек знал, что обоих принцев в последние две недели в Лондоне не было, поэтому они, вероятно, не слышали сплетен о жене Джека Фортескью.

– Моя жена —сводная сестра Фредерика Лэйси, – пояснил он. – Мы были с ней некоторое время знакомы.

Это была искусная ложь, опровергнуть которую было невозможно.

– Сестра Данстона? – спросил Георг, вооружаясь лорнетом, будто эта новая информация могла что-то изменить. – Черт меня возьми!

Оба принца вновь воззрились на нее. В ночь самоубийства Данстона в клубе «Брукс» их не было, но, как и весь свет, они знали эту историю.

Арабелла стоически выдержала пристальные взгляды двух пар бледно-голубых глаз, глядя на них поверх веера и все с той же едва заметной улыбкой в уголках плотно сжатых губ.

– Так, так, – изрек наконец принц Уэльский. – Вы станете самым лучшим камнем в короне общества, мэм. Я это заявляю.

«Ну, это, пожалуй, лучше» – подумала Арабелла, отвечая новым реверансом на комплимент и бормоча слова благодарности.

Они распрощались и ушли, обещая навестить новоиспеченную герцогиню. После этого Арабелла потеряла счет представляемым ей людям, конца которым не было, и перестала различать раскрасневшиеся от жары лица, соответствовавшие этим именам в переполненной ложе под ярким светом канделябров. Но она умудрилась запомнить ближайших друзей Джека, выделив их среди пудренных волос и париков, и особо отметила Джорджа Кавена и Чарлза Фокса. Она

сочла Джорджа разумным малым, а что касалось Фокса, то ей было известно, что, несмотря на некоторую эксцентричность, это один из самых светлых умов Англии. Наконец оркестр заиграл начальные аккорды второго акта, и люди стали медленно возвращаться на свои места, но это не избавило Арабеллу от пристальных взглядов. Бинокли по-прежнему были нацелены на их ложу, головы склонялись друг к другу, когда мужчины заговаривали со своими дамами и обменивались с ними впечатлениями о новоиспеченной герцогине.

Арабелла чувствовала себя призовой телкой на ярмарке, выставленной на всеобщее обозрение. И попыталась переключить внимание на сцену.

Джек рядом с ней тоже вооружился биноклем и поднес его к глазам. Граф Уорт был одним из посетивших их гостей и теперь вернулся к жене и сидел рядом с ней. Лили склонилась к нему и внимательно слушала. Тонкая морщинка прорезала ее безупречный фарфоровый лоб. Раз она бросила взгляд на ложу Фортескью, потом отвернулась, а Джек продолжал смотреть на нее в бинокль.

Внезапно Арабелла повернулась к нему и, понизив голос, спросила:

– Значит, и твоя любовница сегодня здесь, Джек?

Этот вполне уместный вопрос почему-то настолько удивил его, что он чуть не уронил бинокль.

– Что ты сказала?

В темно-янтарных глазах он прочел вызов, который над-

лежало принять.

– Ну же, Джек, – наседала она. – Скажи мне, которая из них твоя любовница. Ты по крайней мере мог бы быть честен со мной... ну хотя бы в этом, – добавила она, снова вспомнив о неотправленном письме в Корнуолл.

Джек нахмурился, размышляя, что она имела в виду, и ответил кратко:

– Ты можешь видеть графиню в четвертой ложе второго яруса справа.

Арабелла взяла бинокль из его руки и направила его на ложи, обводя глазами ярус за ярусом и всего лишь на мгновение задержав взгляд на той, что упомянул Джек. Но этого было достаточно, чтобы увидеть, что леди Уорт так же хороша собой, как эlegantна. Арабелла решила, что графиня старше ее, но ненамного.

– Она красива, – сказала Арабелла, возвращая мужу бинокль, и вспомнила, что ее познакомили с графом Уортом, потому что он оказался среди любопытствующих визитеров, посетивших их ложу. – Мне показалось, что ее муж довольно приятный человек.

– Так и есть.

Она подняла бровь:

– И как я понимаю, покладист, что удобно.

Джек ничего не ответил, но мускул на его щеке предательски задергался.

Арабелла слегка пожала плечами и вновь обратила вни-

мание на сцену. Но время от времени она поглядывала на ложу Уортов и прекрасную женщину, сидевшую в ней. Чего она ожидала? Увидеть пугало? Разумеется, любовница Джека должна была быть совершенством, по крайней мере внешне. Как и он сам.

Больше она не произнесла ни слова в течение всего второго акта, который показался ей нескончаемо долгим, несмотря на очарование изящной и легкой музыки и усилия певцов удержать внимание публики. Когда наконец занавес упал, она с живостью поднялась с места.

Джек оправил накидку на ее плечах. По тому, как он это делал, Арабелла поняла, что он раздосадован. Это было видно и по выражению его лица, по тому, как были сжаты его губы и как в глазах время от времени сверкали молнии.

– Я провожу тебя до коляски, – сказал он, открывая дверь ложи. – Сам я отправляюсь в клуб «Брукс», потому что обещал там быть.

Она ничего не ответила, но позволила ему взять себя под руку почтительным жестом, долженствующим свидетельствовать о внимании, и они вышли из ложи, присоединившись к потоку публики, направлявшейся в фойе. Но тут неожиданно возникло препятствие.

– Джек, я настаиваю на том, чтобы ты представил меня своей жене. – Леди средних лет в огромной расписанной шляпе, украшенной страусовыми перьями, замаячила у них на пути.

Она разглядывала Арабеллу с не лишенным дружелюбия любопытством.

Джек склонил голову, прежде чем ответить:

– Ее светлость герцогиня Девонширская, моя дорогая. Моя жена, леди Арабелла, мэм.

Женщины обменялись короткими поклонами, приличествующими дамам одного круга и ранга, потом герцогиня Девонширская улыбнулась и сказала с приветственным жестом:

– Новое лицо всегда желанно в нашем небольшом сообществе, моя дорогая. В следующий раз я пришлю вам приглашение на карточную игру.

Теперь нужно охотно и незамедлительно принять приглашение, лихорадочно соображала Арабелла. Карточные вечера герцогини были известны своими высокими ставками и бешеным риском. Было бы в высшей степени необычно, если бы новичок не проигрался за ее карточными столами в пух и прах.

– Джек, прошу вас представить меня вашей жене.

Джек повернулся к Лили, которая приблизилась к ним, опираясь на руку мужа. Она улыбалась, но достаточно прохладно.

– Моя дорогая леди Уорт.

Он склонился и коснулся губами ее руки.

– Ах, как формально, Джек, – сказала Лили, игриво похлопывая его веером по руке. – Теперь немедленно пред-

ставьте меня вашей жене.

Арабелла заметила, что гул голосов вокруг них смолк. Она подумала, что они подают прекрасный повод для сплетен. Первая встреча любовницы с молодой женой. Она приветствовала леди Уорт ослепительной улыбкой и протянула ей руку:

– Нет никакого смысла представлять нас друг другу, леди Уорт. Я с нетерпением ждала случая познакомиться с вами.

Улыбка не исчезла с лица Лили, когда она приняла протянутую руку Арабеллы в свою вялую и безвольную.

– Ваша светлость, – обратилась она к ней с самым формальным приветствием, тотчас выпустив ее руку, – как это очаровательно.

– Надеюсь увидеть вас на Кэвендиш-сквер, – продолжала Арабелла с той же радушной улыбкой.

Она едва слышно рассмеялась:

– Уверена, что между нами окажется много общего.

– Буду ждать вашего приглашения, – ухитрилась пробормотать Лили.

Она поспешила сделать реверанс и удалилась со своим мужем.

– Ты это слышал? – пробормотал Джордж Кавена на ухо Чарлзу Фоксу, стоявшему рядом и слегка похлопывавшему по своему розовому парикю, на котором красовалась миниатюрная треуголка.

– Слышал, мой дорогой, слышал. Никогда не думал, что

сестра Данстона может быть такой стильной дамой, – отвечал его друг, похожий на макаронину в своем узком костюме.

– Она только наполовину ему сестра, – поправил Джордж. – Я очень опасаюсь, друг мой, что у Джека теперь хлопот полон рот.

– Ему это не повредит, – возразил Фокс. – Но прежде всего мне хотелось бы знать, почему он на ней женился.

– Я и сам недоумевал, но теперь, когда я ее увидел... – Джордж не закончил фразы.

– Да, согласен она весьма необычна. Но ведь это Лэйси. Фортескью и Лэйси всегда были как масло и вода.

– Но нет таких скрижалей, на которых было бы написано, что такое невозможно, – заметил Джордж. – И мне бы хотелось продолжить знакомство с этой леди.

– Интересно, как она играет в карты, – задумчиво сказал Фокс, мысленно возвращаясь к своему наваждению.

– Думаю, как Лэйси, – предположил Джордж, широким жестом снимая шляпу и отвешивая Арабелле, проходившей мимо и опиравшейся на руку мужа, изысканнейший поклон.

Она ответила ему дружеской улыбкой, в которой не было ни тени искусственности. По правде говоря, было трудно предположить, что эта спокойная и безмятежная женщина окажется способной полностью пресечь сплетни. Она ясно дала понять, что ей известно все, что следовало знать о любовнице мужа, но что она мало интересуется его романом, если не равнодушна к нему вообще.

Джек молча проводил жену до экипажа. Форейтор, завидев их, вскочил с места, чтобы открыть для нее дверцу.

– Добрый вечер, ваши светлости... Он спустил для Арабеллы подножку.

Прежде чем сесть в экипаж, она потихоньку спросила Джека:

– Ты уверен, что не хочешь вернуться домой и поскандальить со мной как следует? Для тебя вредно кипеть. Не лучше ли выпустить пар?

– Будьте любезны сесть в экипаж, мэм, – обратился он к ней с преувеличенной учтивостью. – Дует холодный ветер.

Арабелла села, поблагодарив ожидавшего кучера, и была только наполовину удивлена, когда муж последовал за ней и сел напротив.

Он откинулся на спинку сиденья, сложив на груди руки, и с минуту в молчании созерцал ее, прежде чем заговорить. Тон его был обманчиво любезным, и в нем едва слышалось умеренное любопытство.

– Похоже, ты решила провоцировать меня, Арабелла?

Она с безмятежным видом смотрела на него через разделявшее их узкое пространство экипажа.

– Ты сам нарушил правила, Джек. Мы договорились, что наш брак по расчету будет абсолютно прозрачным. Я не стала бы соваться в твои дела, если бы ты не вмешивался в мои. А теперь оказалось, что ты вдруг ожидаешь, что я поведу себя, как какая-нибудь жеманная мисс, чьи нежные уши не

могут выдержать разговоров о женщине, которая была твоей любовницей... Как долго, Джек, леди Уорт твоя любовница?

На мгновение Джек прикрыл глаза. Потом открыл их и ответил:

– Три года.

– У вас есть общие дети?

Казалось, любопытство ее было вполне естественным, и в ее тоне он не заметил и намека на ревность. Но разумеется, он и не хотел бы, чтобы она ревновала.

– Насколько мне известно, нет, – ответил он.

Она кивнула, потом сказала самым будничным тоном:

– Это все, что я хотела знать.

– Я в восторге слышать это, – откликнулся он с иронической улыбкой. – Можем мы договориться больше никогда не возвращаться к этой теме?

– О, не думаю, что могу это пообещать, – ответила она, задумчиво хмурясь. – Кто знает, что может случиться.

Она подалась вперед и положила свою руку в перчатке поверх его руки.

– Но обещаю, Джек, что я всегда буду сама любезность и дружелюбие по отношению к леди Уорт.

– Это как раз то, чего я опасался, – заметил он и посмотрел на нее, прищурившись. – Позвольте мне сказать вам, мадам жена, что вы полны сюрпризов, как змеиное гнездо, и эта ваша невинная улыбка и ваши обещания ни на минуту не ввели меня в заблуждение.

– У меня нет намерения заставить вас обманываться на мой счет, – запротестовала она. – Я просто хочу расставить точки над *i* и дать вам понять, что правила не изменились. Вы обещали мне, что Лондон станет моим пристанищем, и я собираюсь его сделать таковым.

Она принялась загибать пальцы один за другим.

– Кстати, ваши друзья мне нравятся. Оба они, мистер Фокс и лорд Кавена, обещали завтра же навестить меня. Принцы не произвели на меня ни малейшего впечатления, но терпеть их можно.

– Должно, – заметил он с суховатой улыбкой, теперь глядя на нее в каком-то гипнотическом оцепенении.

– Думаю, герцогине Девонширской следовало бы быть чуть цивилизованнее.

При этих словах он рассмеялся:

– Моя дорогая, герцогиня Девонширская, вне всякого сомнения, самая влиятельная и достойная особа в Лондоне. И если будет на то ее воля, может приобщить тебя к цивилизации, но, поверь мне, не стоит заблуждаться на ее счет.

– В самом деле? – спросила Арабелла со слабой улыбкой.

Потом вдруг атаковала его:

– Тебе не кажется странным, что родные моей матери из Корнуолла так и не ответили на мое письмо? Я писала им в августе, а нынче январь. – Она пожала плечами. – Конечно, теперь мне их ответ не важен. По правде говоря, я чуть не забыла, что написала им, но вдруг подумала, живы ли они.

Как ты считаешь, уж не стерла ли их с лица земли какая-нибудь эпидемия?

– Понятия не имею, – ответил Джек.

Он протянул руку себе за спину и постучал в перегородку, отделявшую их от кучера. Экипаж остановился.

– Здесь я должен тебя покинуть. От Пиккадилли до клуба «Брукс» дойду пешком.

Он склонился к ней, запечатлел на ее лбу подчеркнуто холодный поцелуй и открыл дверцу коляски.

Арабелла откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Она чувствовала себя вконец измотанной. Когда она их снова открыла, экипаж остановился возле дома. Она вышла на улицу и поднялась по ступенькам к парадной двери. Холодный воздух вернул ее к жизни. У дверей ее ожидал ночной швейцар.

– Вам что-нибудь еще понадобится сегодня вечером, ваша светлость? – спросил он, закрывая за ней парадную дверь и запирая ее на засов.

– Нет, благодарю вас, Сайлас. Мне ничего не нужно. Не знаю, когда вернется его светлость.

– Едва ли до рассвета, мадам, – ответил лакей с многозначительным кивком.

Конечно, ему это известно, размышляла Арабелла. Он уже много лет в услужении у герцога и прекрасно знаком с его привычками. Она с улыбкой пожелала ему доброй ночи и направилась вверх по лестнице в библиотеку. Две свечи

горели в настенных подсвечниках по обе стороны камина и неярко освещали эту часть комнаты, но стены, обшитые темными панелями, с рядами книг, утопали в тени. Она закрыла за собой дверь и с минуту постояла, прислонясь к ней, взвешивая последствия того, что собиралась сделать.

Кражей это не могло быть, потому что она собиралась забрать то, что принадлежало ей. Конечно, Джек будет возмущен тем, что она открыла его сейф и рылась в его личных бумагах. Но если она не будет ничего смотреть, а только возьмет свое письмо и снова запрет сейф, это будет значить, что она не хотела копаться в его секретах. Конечно, может случиться, что он ничего и не заметит. Возможно, он даже не помнит, что у него хранится ее письмо. Если он не собирался его отправлять, то ему было незачем держать его при себе.

Арабелла подошла к письменному столу, едва слышно ступая, будто крадучись, хотя была в комнате одна, и единственным, кто бодрствовал, был ночной привратник, а он не мог оставить свой пост. Она присела к письменному столу и открыла ящик, где, как однажды видела, Джек держал ключ от сейфа. Она не сразу его нашла и принялась перебирать бумаги, пока ее пальцы не нащупали маленького выступа в дальнем конце ящика. Арабелла нажала на этот выступ, внутренняя пружина отделения подалась, и оно открылось. Ключ был в нем.

Она склонилась над столом, пытаясь открыть нижний ящик, где Джек держал сейф, вытащила маленький окован-

ный железом сундучок и осторожно поставила его на стол. Ключ подошел и мягко повернулся в замке. Она подняла крышку и заглянула внутрь – там лежала пачка бумаг. Днем ее письмо лежало наверху, но сейчас его там не было, и ее пальцы неуверенно перебирали содержимое сейфа. Она не хотела трогать ничего, что не принадлежало ей.

Потом начала решительно вынимать бумаги одну за другой, раскладывая их точно в таком же порядке, как прежде, и тщательно стараясь не смотреть, что на них написано.

В середине ящика она обнаружила свое письмо. Со вздохом облегчения она вынула его и педантично сложила все остальные документы. Когда она закрывала крышку сейфа, на первый взгляд там было все как раньше. Арабелла заперла ящик и вернула сейф и ключ на прежние места.

Захватив письмо, она вышла из библиотеки и направилась в свою спальню, где Бекки дремала у камина в ожидании господи.

Перед рассветом Джек покинул игорное заведение. Он в первый раз после возвращения в Лондон с Арабеллой провел за игрой целую ночь. Он и не собирался проводить всю ночь за игрой в фараон. В предрассветных сумерках он окликнул наемный экипаж.

Почему это ни с того ни с сего Арабелла заговорила о своих корнуэльских родственниках? Он, собственно говоря, давно забыл об этом неотправленном письме.

Джек хмурился в темноте экипажа, в то время как тот нес-

ся по улицам в предрассветной тишине.

Он сожжет его нынче утром, а вместе с ним исчезнут угрызения совести.

Двадцатью минутами позже он сидел за своим письменным столом, снова и снова перебирая бумаги в яшике-сейфе. Потом откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Нет, он не пропустил письмо, когда перебирал бумаги в первый раз, – его там не было. Так куда же оно подевалось?

Он стремительно выпрямился на стуле. По-видимому, оно у Арабеллы, но как она, черт возьми, его обнаружила? И что теперь ему делать? Он отставил сейф, поднялся на ноги и тихо вышел из библиотеки. Мальчик-поваренок с совком, полным угля, вжался в стену, чтобы пропустить его, когда герцог появился в холле. Джек едва заметил его и не обратил внимания на взошедшее солнце. Парадная дверь была открыта, и горничная, стоя на коленях, скребла ступеньки крыльца, щедро расплескивая воду из ведра. В дом проникали звуки пробуждающегося города.

Джек на мгновение задержался на нижней ступеньке широкой подковообразной лестницы. Арабелла поставила его перед невысказанным выбором. Если он уличит ее в том, что она проникла в его сейф, он будет вынужден признаться в своем обмане. Но не скажи он ничего, то угодит в приготовленную для него ловушку.

А он отлично знал, что представители семейства Лэйси были мастерами ставить капкан.

Он неторопливо поднимался в свою спальню. Почва, на которой зиждился его брак, оказалась предательской. Это не был простой и прагматичный брак по расчету. Его жена ему не доверяла, а теперь и он не знал, сможет ли доверять ей. Внезапно они оказались в разных и враждебных друг другу лагерях. И как, черт возьми, такое случилось?

ГЛАВА 14

– Похоже, ты ошибся, Джордж, – сказал Чарлз Фокс, подходя к Джорджу Кавене, стоявшему, прислонившись к стене, и наблюдавшему за игрой за круглым столом в центре зала.

– Насчет чего? – спросил Джордж, не спуская глаз с игроков.

– Насчет леди Арабеллы... Она вовсе не играет так, как играл Лэйси. Мне кажется, она даже не считает выбывшие карты, – неодобрительно заметил Фокс. – Данстон по крайней мере понимал, что делает, не знал только, когда и где остановиться.

– Это замечательное суждение, особенно потому, что исходит от тебя, – хмыкнул Джордж, на мгновение отводя глаза от игорного стола, чтобы подать знак лакею, пронесившему мимо поднос с шампанским.

Фокс пожал плечами, принимая замечание друга как должное.

– И все же мне неприятно за ней наблюдать, – сказал он.

– М-м-м...

Джордж хмуро оглядывал стол, за которым сидела Арабелла, а возле нее стоял всего один столбик монет.

– Не понимаю, почему она не пытается предугадать дальнейший ход игры. Она играет как совершенный новичок, но сейчас уже можно предположить, что кое-что она усвоила и

у нее есть надежда отыгаться.

– Может быть, она не умеет считать? – предположил Фокс, глядя с дрожью, как Арабелла ставит на уже открытую карту.

– Чепуха. Миледи Арабелла цепкая, как клещ, – возразил Джордж. – Кстати, понять не могу, почему Джек не преподал ей основных правил игры.

Фокс обмахнулся веером в тщетной и ленивой попытке разогнать спертый перегревшийся воздух в ярко освещенном зале.

– Что ты думаешь о его браке, Джордж?

Он посмотрел на друга, но в ясных и умных глазах не прочел ни малейшей склонности к дешевому фанфаронству.

– Хотел бы это знать. Для меня это тайна. Не уверен даже, что они нравятся друг другу. Могу лишь сказать, Фокс, что мне эта леди по душе.

Чарлз кивнул:

– Она ничуть не похожа на брата. В ней есть уравновешенность, и, разумеется, она не дура. И знаешь, иногда я ловлю взгляд Джека, устремленный на нее, – заметил он, хмурясь. – Не могу точно определить выражение его лица... но... – Фокс сжал губы. – Он, пожалуй, выглядит ошарашенным. Ошеломленным.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. И это совсем нехарактерно для Джека. Никогда в жизни не видел его сбитым с толку.

– Ну, буду с любопытством наблюдать, друг мой. О! По-

стой-ка! Что это она делает?

Фокс в ужасе шагнул к столу, в то время как Арабелла, проигравшая все свои деньги, расстегивала и снимала с запястья браслете изумрудами.

Джордж предостерегающе положил руку на его рукав:

– Нет, Чарлз, остановить ее – дело Джека. А ты вызовешь треп языками по всему городу.

Он указал взмахом руки на соседнюю комнату, где, как он знал, Джек играет с азартом и риском.

Джек поднял глаза от костей, когда Джордж тронул его за плечо.

– Играешь, Джордж?

– Сейчас не играю. На одно слово, Джек.

Джек положил кости на стол, извинился перед остальными игроками и легко поднялся с места, поправляя пену кружев на запястьях.

– Рад прервать игру... У меня в горле как в пустыне... – сказал он беспечно, хотя отлично понимал, что у Джорджа на уме что-то серьезное. Он подошел к низкому буфету и налил себе бокал рейнского из графина, потом спросил таким же беззаботным тоном:

– Так в чем дело, Джордж?

Вид у Джорджа был смущенный.

– Я не из тех, кто болтает попусту, – начал он.

Взгляд Джека стал острым, и все веселье его испарилось.

– Что делает моя жена?

– Она ставит на кон свои драгоценности. – Джордж пытался скрыть замешательство под небрежностью тона. – Тебе бы следовало получше за ней приглядывать, Джек. Ведь у многих язык без костей.

Джек улыбнулся одними губами:

– Похоже, что нынче вечером моя жена захватила недостаточно наличных. Понятная забывчивость. Благодарю, что обратил на это мое внимание, Джордж.

Все еще с бокалом в руке Джек направился в соседнюю комнату, ловко лавируя между игроками, всем своим видом стараясь показать, что не торопится, огибая карточные столы и болтающих зевак.

Он приблизился к Арабелле сзади и мягко положил свободную руку на ее гладкое белое плечо, открытое для обозрения низким декольте ее платья из шелка цвета слоновой кости.

– Получаешь удовольствие от игры, дорогая?

Она бросила на него беглый взгляд из-за края веера, стараясь не обращать внимания на то, как закололо ее кожу, будто иголками, от его прикосновения.

– В самом деле, сэр, и очень большое.

Она снова обратила взгляд к картам.

Он перегнулся через ее плечо и положил перед ней пять столбиков монет, потом протянул руку, чтобы взять изумрудный браслет от банкмета, заменив его двумя столбиками монет.

– Прошу прощения, что прервал игру, моя дорогая, – про-
бормотал он, ставя на стол свой бокал.

Все с той же небрежной улыбкой он застегнул браслет на
ее запястье.

– Эти камни так идут к твоим глазам.

Арабелла знала, что все это верно, как и то, что настоя-
чивость, которую Джек проявил при выборе мягких цветов
для ее туалетов, ограничившись нежными оттенками кремо-
вого и бежевого, была оправдана, потому что они как нель-
зя лучше подходили к богатым природным и ярким цветам
изумрудов, сапфиров, рубинов или топазов, которые он лич-
но подбирал для каждого ее вечернего туалета. Ему было бы
жалко потерять этот браслет, хотя жертвы были неизбежны,
если бы она продолжала играть с беспечностью, уже бывшей
на слуху.

Теперь она, не оборачиваясь, обратилась к нему:

– Скажите мне, сэр, какую карту мне сейчас выбрать. Ду-
маю, что та, на которую я собралась поставить, проиграет. –
Ее рука нерешительно замерла над горкой монет. – Возмож-
но, смена тактики повернет удачу в мою сторону.

– Вне всякого сомнения, – согласился он. – Если бы игрок
не верил в свое везение, он никогда бы не выиграл.

– В таком случае, сэр, сделайте выбор за меня и поверните
фортуны лицом ко мне, – сказала она, весело рассмеявшись.

Джек посмотрел в это смеющееся лицо и мысленно поже-
лал увидеть снова открытую и безыскусную душу женщины,

на которой женился. Лондон, его Лондон, губил, уничтожал ее. И подумать только, что было время, когда он желал, чтобы она сверкала, как эти чертовы камни у нее на шее. Шее, которая все еще вызывала в нем дрожь страстного желания, едва его губы касались ее, и он вдыхал свойственный ей нежный аромат, а завитки ее волос щекотали его ноздри.

– Я не следил за игрой, – сказал он. – Рискните сами, мадам, а я постою здесь и, возможно, принесу вам удачу.

Его рука снова опустилась на ее плечо, и он поднес к губам бокал свободной рукой.

Арабелла подумала, что, вероятно, стоит попытаться выиграть. Конечно, она не считала вышедшие карты, потому что не стремилась выиграть, но проигрывать намеренно, когда Джек стоял у нее за спиной, было не так-то легко. Она хмурилась, пытаясь вспомнить, вышла ли уже королева червей, и, подумав, поставила столбик монет на нее.

На этот раз она не ошиблась. Первая же вышедшая карта оказалась червонной дамой. Арабелла собрала выигранные деньги. Теперь у нее было достаточно наличных, чтобы не подвергать себя опасности поставить на кон браслет с изумрудами, но инстинкт подсказал ей, что пора заканчивать игру.

– Если вы меня извините, леди и джентльмены, я прекращаю игру, – сказала она, улыбаясь и стараясь не замечать неодобрительного шушуканья.

Джек отодвинул ее стул, она поднялась и приняла его ру-

ку.

– Вина? – спросил он. – Или хочешь домой?

Он провел ладонью по ее обнаженной руке. И тут ему захотелось предъявить права на свою Арабеллу.

Он склонился и зашептал, касаясь губами ее уха. Как он и рассчитывал, она мгновенно оцепенела, шаг ее стал неровным, и она ответила, пожимая плечами с беспечным видом:

– Во что бы то ни стало немедленно домой, сэр, если это не противоречит вашим желаниям.

– Я пошлю за экипажем.

Среди жаркого метания по скомканным простыням этой ночью Арабелла все-таки не могла не подумать о том, как случилось, что напряжение, возникшее между ними после вечера в опере, никоим образом не повлияло на их взаимное желание и его удовлетворение. Он был также нежен, как обычно, так же требователен, как всегда, а она отвечала ему или проявляла инициативу, как прежде. И в то же время вне спальни они напоминали изысканно одетые и подтянутые фигурки севрского фарфора или танцоров из музыкальной шкатулки. Они двигались так, будто опасались, что на них кто-нибудь выпрыгнет неизвестно откуда.

Джек не сказал ни слова о пропаже письма из его сейфа, а Арабелла не упрекнула его в том, что он не отправил его. Но между ними иногда возникало неловкое молчание, бывали минуты напряжения, и она догадывалась, что он знает о

том, что она взяла письмо. Если бы он просто забыл его отправить, а иногда ей почти удавалось себя убедить, что такое возможно, то почему не вернул его ей? С извинениями. Она бы поступила именно так, они бы посмеялись и послали корнуэльских родичей ко всем чертям. Но он не принес ей письма, и она чувствовала, что он внимательно наблюдает за ней, так же как она за ним.

Что, по его мнению, она собиралась сделать? Она и сама не знала. Она хотела бы узнать правду, но понятия не имела, как ее добиться.

Ее рука спустилась через край кровати, и в пальцы тотчас же уткнулся холодный нос. И это ее успокоило. Собаки ни-почем не соглашались покинуть ее спальню, но Джек научил их спать на полу. Как почти все, кто его знал, они беспрекословно подчинились ему.

Но жена его была из другого теста.

Она спиной ощущала тепло его тела. Дыхание его было ровным и глубоким, и в конце концов она сама уплыла в сны.

Принц Уэльский поместил свое увесистое тело на хрупкий золоченый стул, который, казалось, вот-вот треснет под его тяжестью, и с довольным видом созерцал хозяйку.

– Вчера было впечатляющее суаре, мадам. Вы должны велеть вашему повару послать в Карлтон-Хаус рецепт этих птичек. – Он с удовлетворенным видом погладил свое брюшко. – Мне непременно должны приготовить их на ужин.

– Месье Альфонс – гений кухонных дел, сэр, – сказала Арабелла.

Из груди принца вырвался низкий рокочущий смех:

– Мне ли не знать, миледи? В последние три года, если не больше, я пытаюсь переманить его.

– А я готов биться об заклад, сэр, что вам это не удастся, – весело объявил Фокс, не отходя от буфета, где наливал себе мадеру.

На этот раз его костюм был менее эксцентричным, чем обычно, хотя полосатый желто-зеленый жилет выглядел несколько кричаще.

– Отчего же? – спросил его королевское высочество, осушая свой бокал.

Подошел Фокс с графином в руках:

– Джек совсем недавно пожаловался, что его дом стал центром по укрытию беженцев. – Он улыбнулся Арабелле, махнувшей рукой с насмешливым и протестующим видом.

Фокс продолжал усмехаться, наполняя бокал принца.

– Знаете ли, сэр, миледи Арабелла собирается призреть художников и ремесленников из эмигрантов, всех, кто собрался в Лондоне. Среди них есть повара, модистки и белошвейки, парикмахеры, и все они у нее в долгу. Бедный Джек сказал, что подозревает, что под его кровом собрались чуть ли не все родственники Альфонса.

– Он не жалуется, – возразила Арабелла. На мгновение она утратила свой легкий светский тон. – Право же, сэр, их

положение ужасно и достойно сожаления. Многие из них прибывают сюда буквально босыми.

Принц Уэльский в ответ на это издал какое-то нечленораздельное хрюканье. Он сам постоянно был в долгах, и ему было ненавистно, что приходится стоять в конце длинной очереди в надежде раздобыть деньги.

Арабелле это было отлично известно, и она собиралась сменить тему, когда Тидмаус объявил:

– Леди Джерси, ваша светлость, и мистер Кавена.

– О, потрясающе! – воскликнул принц, тяжело поднимаясь на ноги. – Моя дорогая милая леди Джерси.

Он приветствовал даму многословными комплиментами и перецеловал ее пальцы с видом, который Арабелла сочла крайне неуместным. Всем было известно, что леди Джерси – любовница принца, но они вели себя прилюдно столь вопиюще, что это вызывало в обществе неблагоприятную реакцию.

Принц был последним в целом ряду ее трофеев, кто пал жертвой ее обольстительности и красоты, которых не могла отрицать даже самая ревнивая из жен. Арабелла в начале знакомства с этой дамой решила, что могла бы получать удовольствие от ее общества, остроумия и язвительного языка, если бы Фрэнсис Вильерс с наслаждением не унижала публично жен тех мужчин, которых уложила в свою постель.

– Леди Арабелла! – Леди Джерси обняла и расцеловала ее, как закадычного друга.

Крашенные страусовые перья на ее шляпе вздымались, как распущенный павлиний хвост, а большие глаза были полны недоброго лукавства.

– Надеюсь, у вас все благополучно, моя дорогая. Мне показалось, что недавно в Девоншир-Хаусе вы выглядели несколько утомленной.

– Благодарю вас, я чувствую себя прекрасно, – ответила Арабелла.

Она повернулась поздороваться с Джорджем Кавеной, подносящим ее руку к губам с галантным поклоном.

– Вы выглядите прелестно, как всегда, леди Арабелла, – сказал он, бросив выразительный взгляд на Фрэнсис.

– Вы очень любезны, сэр, – сказала Арабелла, присев в реверансе.

Она повернулась к графине, являя собой образ приветливой и радушной хозяйки:

– Могу я предложить вам бокал шерри, мадам?

– О нет... нет, разве что слабого чаю. – Графиня проплыла к стулу и села возле принца, взметнув облако юбок из тафты. – Боюсь испортить цвет лица. – Она похлопала по щекам пальцами в перчатках. – Я нахожу, что от вина выгляжу слишком красной.

Арабелла не ответила, только позвонила в колокольчик, призывая лакея. Принц поднял лорнет и принялся в шутку разглядывать сквозь него кожу своей возлюбленной, она же делала вид, что сопротивляется и протестует против столь

лестного внимания.

– Джордж, налейте себе выпить, – предложила Арабелла, жестом указывая на буфет.

Снова открылась дверь.

– Лорд Морпет, ваша светлость, – объявил Тидмаус, подавая визитную карточку на серебряном подносе.

– Право же, мадам, вы нарасхват, – обратился к ней принц. – Человек не может и минуты поговорить с вами тет-а-тет.

– Я всегда к вашим услугам, сэр, – возразила Арабелла.

Принц весело рассмеялся:

– Это вы просто так говорите, моя дорогая мадам. Но когда бы я ни приехал к вам, вы окружены визитерами. – Он открыл изящную табакерку севрского фарфора и предложил угоститься Фоксу, прежде чем взять из нее понюшку.

– Впустите его, Тидмаус.

Вошел лорд Морпет, и поскольку в комнате собралась целая компания завятых вигов, разговор переключился на политику. Арабелла с удовлетворением оглядывала своих гостей. Она еще была далека от того, чтобы стать хозяйкой политического салона и соперничать с герцогиней Девонширской. И все же дом на Кэвендиш-сквер становился почти так же популярен, как Девоншир-Хаус.

– Джека нет дома, леди Арабелла? – спросил Джордж Кавена, протягивая лакею, проходившему мимо с подносом, уставленным графинами, свой бокал. – Я надеялся переки-

нуться с ним парой слов.

– О, не более получаса назад я видел его на Маунт-стрит, – сообщил лорд Морфет. – Он выходил из дома Уорта.

Леди Джерси издала нежное чириканье.

– О, милая леди Уорт – сказала она. – Просто удивительно, как она хорошеет день ото дня. Не выглядит ни на минуту старше, сколько бы ни прошло времени. Потому-то мужчины и толпятся вокруг нее.

Она отпила крошечный глоточек чаю и улыбнулась Арабелле.

Улыбка гиены, подумала Арабелла свирепо, скоро появится падаль. Было достаточно омерзительно, когда эта женщина впивалась когтями в плоть жен своих любовников, но еще хуже то, что она попыталась уязвить женщину, с мужем которой ее ничто не связывало. Хотя, возможно, когда-то Джек тоже был близок с Фрэнсис Вильерс.

После замечания леди Джерси наступило настороженное молчание. Оглушительная тишина. Фокс попытался повернуть беседу в другое русло, заговорив о недавней смерти Джеймса Босуэлла. Арабелла тотчас же откликнулась и выразила свое мнение по поводу работы автора хроники, ни словом, ни взглядом не давая понять, что слышала реплики лорда Морпета и леди Джерси, и когда Джек вошел в салон получасом позже, она вежливо улыбнулась ему.

Он поклонился принцу, приветствовал всех остальных, легонько коснулся поцелуем руки жены, прежде чем взять

бокал вина у лакея, приблизившегося с подносом, и сел напротив нее.

– Убирайтесь, невоспитанные псы, – обратился он к собакам, отталкивая их, пытавшихся лизать его длинные белые руки.

Они продолжали отчаянно вилять хвостами, не принимая всерьез критику.

– Красивые собаки, – заметил принц, завладевший рукой леди Джерси.

– Совсем невоспитанные, – отозвался Джек сварливо. – Ложитесь, или я вас выставлю.

– Борис... Оскар, идите сюда, – окликнула их Арабелла.

Она все еще не могла понять, что такое есть в Джеке, что превращает даже самых свирепых собак в обожающих его рабов. Они подошли к ней и тяжело опустили у ее ног, испуская вздохи раскаяния.

Получасом позже ушел последний из гостей, и Джек, проводив их, вернулся в салон.

– Должен поздравить тебя, дорогая, – сказал он, опираясь плечами о каминную полку и внимательно глядя на нее. – Тебе удалось завоевать положение в обществе даже раньше, чем я ожидал. Принц обивает твой порог чуть ли не каждый день, да и Йорк был здесь не далее как вчера.

– Они не настолько неприятные и раздражающие, как мне показалось сначала, – сказала она. – По крайней мере герцог. – Чуть скривив рот, она продолжала: – По-своему и

принц ничего, но как только появляется леди Джерси, он глушеет, просто теряет лицо.

Джек поднял брови, удивленный столь суровой критикой, причина которой была ему непонятна.

– Может, брак его изменит? – предположил он.

– С чего бы это? – спросила Арабелла. – Обычно брак не влияет на холостяцкие привычки мужчины.

Уже произнеся эту фразу, Арабелла почувствовала, что готова откусить себе язык. С того вечера в опере ни один из них не упоминал о леди Уорт. И та тоже не появлялась в доме на Кэвендиш-сквер, хотя на светских раутах и обедах они несколько раз встречались и были всегда подчеркнута и даже чрезмерно учтивы друг с другом.

Лицо Джека осталось непроницаемым.

– Думаю, мне стоит уехать недельки на две в Лэйси-Корт, – сказала Арабелла. – Я могла бы захватить сюда Мэг.

– Что за срочность? – спросил Джек.

Он достал понюшку табаку и теперь смотрел на жену прищурившись. Она медленно пила мелкими глотками шерри.

– Арендаторы привыкли к тому, что Лэйси-Корт обитаем. Мой отец часто жил там, и хотя Фредерик редко его навещал, зато я...

Он перебил ее, и в глазах его снова сверкнул опасный, будто лезвие, огонек.

– Вы забываете, мадам жена, что Лэйси больше не суще-

ствует. Единственное имя, которое теперь идет в счет, – это Фортескью, и вы носите его.

Она поставила свой пустой бокал.

– Я не нуждаюсь в напоминании об этом, – ответила Арабелла, отворачиваясь.

Джек подошел к ней и положил руки ей на плечи, потом наклонился и поцеловал ее сзади в шею, отведя искусно уложенные волосы. Он почувствовал, как она затрепетала от его прикосновения, и руки его скользнули и охватили ее груди и ощутили их теплоту под тонким батистом ее утреннего платья.

– Это на всякий случай, как напоминание, что значит носить мое имя, – прошептал он, целуя ее в ухо, проводя языком по изогнутой раковине так, что она поежилась и поневоле рассмеялась.

– Черт тебя возьми, Джек Фортескью! – воскликнула она, пытаясь увернуться от него. – Что, если кто-нибудь войдет?

– Я верю, что мои слуги не так уж плохо воспитаны, чтобы входить без стука, – сказал он, и дыхание его прошелестело, касаясь ее уха.

Она вывернулась из его объятий и оглядела себя в зеркале над камином. Щеки ее пылали, глаза светились. Он умел сотворить с ней это, даже если она была полна решимости противостоять.

– Нет, – сказала она, когда он снова подошел к ней сзади. – У меня договоренность с леди Пивенси. Мы хотим побывать

в Ботаническом саду, и я должна переодеться.

– Ты всегда можешь послать записку и извиниться, – предложил он, наблюдая в зеркале за ее лицом.

– Было бы невежливо, если бы я предупредила ее только сейчас, – ответила Арабелла. – Кроме того, меня очень интересует сад. А там есть сорт орхидей, которые я видела лишь на картинке.

На мгновение в его ясных серых глазах обозначилось разочарование, но они тут же приняли свойственное им выражение сдержанности и бесстрастия.

– Разумеется, мне не стоит и пытаться соревноваться с орхидеями, моя дорогая.

Он отвернулся и бросил через плечо:

– Кстати, я уезжаю из города на несколько дней.

– О! – Как Арабелла ни пыталась не проявлять любопытства, все-таки не смогла совладать с собой: – Куда?

– У меня есть имение в Херефордшире. Там возникли сложности с одним из арендаторов. Надо кое-что обсудить с управляющим.

– Понятно. И когда же ты уезжаешь?

– Сегодня днем.

– В таком случае увидимся, когда ты вернешься.

Она улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и вышла из комнаты.

Джек смотрел на закрывшуюся за ней дверь, сознавая свое полное бессилие и поражение. Он собирался пригласить ее

поехать с ним, но не желал унизиться до просьб.

Арабелла испытала гораздо меньшее удовольствие от посещения Ботанического сада, чем ожидала. У нее слегка разболелась голова, а Хелен Пивенси, общество которой она обычно находила приятным, нынче показалась ей довольно нудной. Успеет ли она домой до отъезда Джека? Он не пригласил ее сопровождать ее, но она бы могла намекнуть, что не прочь к нему присоединиться. Глоток свежего деревенского воздуха был бы ей полезен.

– Простите меня, Хелен. У меня разболелась голова, – сказала Арабелла, отворачиваясь от впечатляющего зрелища, которое представляли собой растения, процветающие на камнях и скалах. – Вы не станете возражать, если мы вернемся домой?

– Нет, ни в коей мере. – Ее спутница с беспокойством смотрела на нее. – Вы выглядите несколько утомленной, Арабелла. И признаюсь, я увидела даже слишком много цветов для одного дня.

Арабелла оставила леди Пивенси у дверей ее дома, экипаж покатило дальше. Она поспешила вверх по ступенькам и спросила Тидмауса, как только тот открыл ей дверь:

– Его светлость еще дома?

– Нет, ваша светлость, он отбыл час назад.

Ее разочарование было столь сильным, что она с трудом удержалась от слез. И это было нелепо. Она не могла вспомнить, когда плакала в последний раз.

– Благодарю вас, – сказала она и направилась к лестнице.

– Вам понадобится экипаж нынче вечером, ваша светлость?

Все, чего она сейчас хотела, – это свернуться клубочком перед камином с книгой в руках, но это было бы поражением.

– Да, графиня Дерби дает сегодня вечер. Мне потребуется экипаж в девять часов. Обедать я буду в своем будуаре.

Теперь она уже привыкла одеваться, не прибегая к советам своего мужа, как и выезжать вечером без его сопровождения. В этом искусственном мире мужа и жены почти никогда не бывали вместе на публике и, насколько она могла судить, очень мало времени проводили в частной жизни. Для этого у них почти не оставалось возможностей.

На вечере графини Дерби она, как всегда, заняла место за игорным столом, чтобы проиграть солидный куш из того, что, как она полагала, Джек отхватил из денег ее брата. Но по неизвестной причине сердце у нее было не на месте. В середине вечера место банкмета за столом, где она играла в фараон, занял лорд Уорт. Арабелла не знала, как относиться к тому, чтобы обогащать дом Уортов за счет дома Сент-Джулзов.

– Сегодня здесь нет леди Уорт? – спросила одна из дам из-за своего веера. – Я хотела с ней поговорить, но не нашла ее.

– Нет, она уехала на несколько дней за город, – ответил граф, сдавая карты. – Кажется, в ее внимании нуждается

больная тетка.

Арабелла уткнулась в карты, ставя на пикового туза. Больная тетка или нетерпеливый любовник? Значки на картах плясали у нее перед глазами, но усилием воли она заставила себя усидеть за столом, до тех пор пока не проиграла все. Только тогда она поднялась из-за стола с непринужденным видом, со смехом признала свое поражение и не спеша пошла попрощаться с хозяйкой.

ГЛАВА 15

Джек вернулся в Лондон через неделю. К его изумлению и досаде, он с трудом выдержал эту поездку. Никогда ему не приходило в голову, что он будет тосковать по ней, но через два дня мысли о язвительной, вечно его провоцирующей жене уже не покидали его. Он пытался сосредоточить свое внимание на делах, приведших его в Херефордшир, но мысли его блуждали далеко. Ему недоставало ее смеха, ее улыбки, даже того удовольствия, которое она испытывала, копаясь в земле. Ему отчаянно хотелось видеть, как она держит голову, как воспринимает окружающее. Он мучительно вспоминал даже ее привычку делать вид, что она не слушает, ее походку, манеру носить драгоценности, которыми он с восторгом осыпал ее.

И потому он вернулся раньше, чем ожидал. Когда он прибыл поздним утром, Арабеллы не было дома.

– Ее светлость уехала с одним из своих французов, – сообщил ему Тидмаус неодобрительно. – Довольно неотесанный, грубый джентльмен, если мне будет позволено так выразиться, ваша светлость. Кажется, там речь идет о больном ребенке. – Он презрительно фыркнул, отряхивая пыль с тупой бобровой шапки Джека. – Остается надеяться, что это не тиф. Или оспа.

У Джека были свои основания опасаться рейдов Арабел-

лы на самое дно лондонского общества, но он предпочел не вступать в дискуссию с Тидмаусом по этому поводу. Тем не менее часом позже он оставил дом, как всегда, безупречно облаченный в бархат голубинового цвета, но не в лучшем на-строении.

Он отправился в «Уайтс», где, как полагал, найдет в полдень среды большую часть своих друзей, улаживающих во-прос с карточными долгами, сделанными на прошлой неделе за непомерными порциями кларета. Его появление в салоне было встречено приветственным хором, пока он вручал ла-кею шляпу и перчатки.

– Слава Богу, Джек, ты вернулся. Я нуждаюсь в ссуде, до-рогой друг! – воскликнул Фокс.

– И сколько тебе надо? – спросил Джек, с видом самоот-речения подходя к группе мужчин за столом у окна, выхо-дившего на Сент-Джеймский дворец.

Он привык выкупать его долги, впрочем, как и все друзья Фокса.

– Да сущий пустяк. Всего шесть тысяч гиней, но, что бы ты ни предложил, дорогой друг, будет принято с благодар-ностью.

Джордж Кавена наблюдал, качая головой, как Джек выпи-сывал чек на тысячу гиней. Ему никогда не будет суждено получить их назад, но частенько такова была цена дружбы.

Фокс принял чеке изъявлениями безмерной благодарно-сти и спокойно передал его маркизу Херндону, которому

задолжал именно такую сумму. Джек только улыбнулся и направился к Джорджу, поманившему его из дальнего угла комнаты.

– Я бы на твоём месте не стал так разбрасываться деньгами, Джек, потому что они понадобятся тебе самому, – мрачно заявил Джордж.

Джек шумно выдохнул воздух через рот:

– Моя жена?!

– Джек, мне претит это говорить, но ты должен что-то предпринять. Похоже, она задалась целью разорить тебя.

Вид у Джорджа был потрясенный.

– И сколько алмазов Сент-Джулзов она заложила ради этого? – спросил Джек с видом отрешенной покорности.

– Да нет, не алмазов, а пару серег с сапфирами и подвеску с жемчугом. Я... гм... сам их выкупил. Ты ведь не хотел бы их потерять?

Его рука скользнула в карман жилета, и он извлек небольшой пакетик, который и передал Джеку. Джек спрятал его во внутренний карман.

– Прими мою искреннюю благодарность, Джордж. Сколько я тебе должен?

Джордж подергал себя за подбородок:

– Пять тысяч... Но прости меня, Джек, мне просто больно видеть, когда проигрывают так, как она. Ясно, что Арабелла – неопытный игрок, но выглядит это так, будто она проигрывает намеренно.

– Да. И боюсь, что ты прав. – На губах Джека появилась вымученная улыбка.

Он похлопал себя по карману, прежде чем выписать второй чек и передать другу. Потом, снова поблагодарив его, отправился в соседнюю комнату попытать счастья в игре в кости.

Было еще далеко до конца дня, когда он вернулся и ему сообщили, что ее светлость уже дома и находится в своем будуаре. Он поднялся наверх и тихо отворил дверь. В комнате не было признаков присутствия собак, и он догадался, что они на кухне улещивают повара, чтобы он поделился с ними несколькими лакомыми кусочками. Альфонс был очарован ими и, готовя еду для хозяина, не забывал оставить для них кости и цыплячьи скелеты с кусочками мяса.

Послеполуденное солнце освещало шезлонг, в котором дремала Арабелла, укрывшись шерстяным пледом. Она лежала на боку, подложив ладонь под щеку, а он долго стоял, глядя на темные полукружия ее ресниц, выделявшиеся на кремовой коже, но от него не укрылось, что под ее глазами залегли голубоватые тени. Похоже было, что она неважно спала это время. Должно быть, слишком много колесила по улицам Лондона в своих благотворительных целях.

А может, уж очень слишком усердно старалась растратить его состояние за игорными столами.

Внезапно она открыла глаза, будто его молчаливое разглядывание разбудило ее, и на мгновение, он был готов в этом

поклоняться, искра радости блеснула в золотистой глубине. Она порывисто села, отбросив плед.

– Так вы вернулись, сэр. Я думала, что вы приедете только через несколько дней.

Голос Арабеллы звучал так равнодушно, будто его возвращение не имело для нее особого значения, хотя сердце ее забилось быстрее, а по коже забегали мурашки, как бывало всякий раз, когда он оказывался поблизости, и ей потребовалось усилие, чтобы не броситься ему на шею и не осыпать его отчаянными поцелуями.

– Да, мэм, я вернулся. – Джек пододвинул к себе стул и уселся на него верхом, как в седло, положив руки на его спинку и глядя на нее. – И если верить слухам, меня, кажется, не было чересчур долго.

Он запустил руку во внутренний карман, вытащил пакет, переданный ему Джорджем, и бросил его на шезлонг рядом с ней. Она взяла его и тотчас же поняла, что это.

– Думаю, мне следует быть благодарным, что это не алмазы Сент-Джулзов, – заметил Джек.

Арабелла смотрела на него с нескрываемым смущением и замешательством:

– Я никогда бы этого не сделала. Я рискую только тем, что принадлежит мне.

– Моя дорогая, если уж вам так необходимо рисковать своими драгоценностями, то это означает, что ваши долги намного превосходят оговоренное нами содержание, кото-

рое я считаю более чем щедрым. Но должно быть, я ошибаюсь, – добавил он холодно.

– Все играют, – ответила Арабелла.

– Да, но не все так плохо, как вы, – заметил Джек. – Вы играете намеренно плохо, насколько я мог заключить, наблюдая за вами. Если кто-то столь невежествен и не знает даже основ игры, как вы, все-таки иногда и ему улыбается счастье, и он выигрывает.

Она почувствовала, как под его взглядом ее щеки загораются румянцем.

– Я была свидетельницей того, как герцогиня Девонширская за одну ночь проиграла десять тысяч гиней.

– Герцогиня – и я готов повторить это снова – едва ли подходящий образец для подражания, – заявил Джек. – Она помешана на игре и в конце концов разорится. Но видишь ли, моя дорогая, мне не верится, что ты так уж любишь игру.

Прищурился глаза, он вглядывался в ее лицо и заметил быструю смену чувств в ее взгляде.

– Я проигрываю только то, что вы выиграли у моего брата, – сказала она, без всякой надобности разглаживая складки своего шелкового negligé цвета слоновой кости.

– М-м... Это как раз то, что я подозревал, – сказал он задумчиво. – Но должен тебе сообщить, дорогая, что это бессмысленно. Я не намерен сидеть и ждать, пока ты меня разоришь, Арабелла.

Она помрачнела, и в ее карих глазах засверкали золоти-

стые искры.

– И как ты собираешься остановить меня?

Казалось, мысли его витают где-то далеко. Потом он задумчиво ответил:

– Мне кажется, у меня есть только два способа.

– И каковы же они, милорд герцог? Она с интересом наблюдала за ним. Джек сложил пальцы щепотью.

– Разумеется, я мог бы увеличить свои выигрыши, чтобы покрыть твои проигрыши, но для этого придется приложить некоторые усилия, большие, чем мне хотелось бы... Или...

Он помолчал с минуту, прежде чем продолжить:

– Или я мог бы научить тебя выигрывать.

Он поднял руку, упреждая ее протест, уже готовый вырваться из ее уст.

– Предлагаю сейчас же пройти в библиотеку, где я попытаюсь научить тебя играть в фараон.

Она не сразу встала с шезлонга.

– Как твое путешествие? – спросила она с улыбкой, едва тронувшей губы. – Оно было удачным? Тебе удалось справиться с возникшими трудностями?

Она не могла заставить себя отказаться от иронии, и это прозвучало в ее голосе. Образ Лили Уорт с безупречной фарфоровой кожей и небесно-синими глазами преследовал ее во все время отсутствия Джека. Она презирала себя за это, но ничего не могла поделать.

– Да, – ответил он, несколько озадаченный ее язвитель-

ным тоном. – Но мне было бы гораздо приятнее, если бы ты поехала со мной.

Каким же искусным лжецом был этот человек!

– Значит, твоя компания была не настолько приятной?

– Моей компаний был только мой управляющий, а он довольно суровый и мрачный человек.

Джек рывком поднялся со стула и протянул ей руку:

– Пойдем, Арабелла, начнем наш урок игры в карты.

В тот же вечер Арабелла применила этот урок на практике за карточным столом на вечере у маркизы Бюот. Джордж Кавена сидел рядом с ней и с удивлением наблюдал за игрой.

– Мэм, – заметил он, когда она выиграла, выложив вовремя десятку пик, – похоже, счастье теперь на вашей стороне.

Она рассмеялась:

– Муж учил меня играть весь день. И вероятно, этот урок пошел мне на пользу.

Она собрала монеты, лежавшие у локтя, и на мгновение бросила взгляд через стол, пытаясь найти нужные слова. До сих пор ей не представилось случая спросить о том, что ей было необходимо знать. Она чувствовала, что есть нечто недостойное в обсуждении мужа с его лучшим другом. Но Джордж был теперь и ее другом, а не только Джека.

С решительным видом она повернулась к нему и заговорила спокойно и тихо:

– Джордж, вы ведь присутствовали при последней карточной игре Джека с моим братом?

Лицо Джорджа помрачнело, и он едва слышно ответил ей:

– Да, присутствовал. Почему вы спрашиваете?

– Потому что хотела бы знать, что именно произошло, – ответила она просто. – Вы лучший друг Джека, и, думаю, никто лучше вас не мог бы мне всего объяснить.

Он прокашлялся:

– Моя дорогая мадам, Джек, конечно...

Она покачала головой:

– Джек ничего мне не скажет. Я даже не знаю, почему...

Джордж поднял руку, перебивая ее, и предложил:

– Пойдемте куда-нибудь, где сможем поговорить спокойно.

Она живо поднялась с места. Джордж повел ее к глубокой оконной нише в дальнем конце салона.

– Здесь мы будем чувствовать себя в большем уединении, – сказал он.

Она кивнула. Лицо ее было очень бледным, под глазами залегли тени.

– Я должна знать, почему Джек уничтожил Фредерика. А вам это известно?

– Моя дорогая, едва ли это было сделано намеренно. Ваш брат рисковал и проиграл.

– Вы знаете, что это еще не все, Джордж. Джек довел Фредерика до самоубийства. Зачем ему это понадобилось? Почему нормальный человек мог пойти на это?

Джордж покачал головой, но все-таки снизошел до ответа:

– Они всегда враждовали.

– Почему? – Она положила руку на его рукав. – Вы должны помочь мне понять, Джордж. Я не могу продолжать жить в уверенности, что мой муж такой холодный и расчетливый человек, что намеренно обрек другого на смерть без всякой причины.

Джордж беспомощно смотрел на нее:

– Джек не холодный и не расчетливый, Арабелла. Вы должны это знать.

– Я в этом не уверена, – ответила она твердо. – О, я знаю, что он может быть и другим. Но какой Джек настоящий? Скажите же мне.

Джордж вздохнул. Ему нравилась эта женщина, которую Джек неизвестно почему выбрал в жены... Она была очень ему приятна. И его привязанность к другу была глубокой. Что-то не ладилось между Арабеллой и Джеком, и, возможно, ему следовало помочь им.

Он начал неторопливо:

– Не знаю, имею ли я право говорить об этом, но много лет назад Джек и ваш брат повздорили... из-за женщины. – Он выглядел неуверенным, но Арабелла не отрывала глаз от его лица. – Думаю, Фредерик поступил с ней более чем бесчестно, – продолжил он смущенно. – Все подробности были известны только им двоим. Джек вызвал Лэйси на дуэль и чуть не убил его. Лэйси не простил его, а Джек после этого обращался с ним не иначе как с презрением.

– О, понимаю.

Арабелла хмурилась, силясь решить, действительно ли уяснила себе это. Она не знала Фредерика в его юности. Возможно, ее считали слишком маленькой, чтобы посвящать во все детали происшедшего. Как бы то ни было, но отец не считал возможным рассказывать ей об этом событии, что было неудивительно. Она не могла припомнить, как Фредерик оправлялся от этой чуть не ставшей роковой дуэли. Он редко наезжал в Лэйси-Корт, поэтому, возможно, залечивал рану в Лондоне. И возможно, все ее воспоминания о юных годах Фредерика были позже стерты из ее памяти более впечатляющим и свежим представлением о взрослом беспутном и развращенном мужчине с жесткой складкой у губ и маленькими, глубоко посаженными глазами, всегда красными от излишеств. Иногда она размышляла, можно ли было отучить Фредерика от его беспутной жизни и сделать приличным человеком. Если история, рассказанная Джорджем, и была правдой, то, разумеется, не в ней было дело. Даже старая ссора, пусть и очень бурная, одна не могла стать причиной того, что Джек разорил и уничтожил ее брата много лет спустя.

Она оглядела переполненный, ярко освещенный зал и увидела мужа в дальнем его конце. Он смотрел прямо на них и, казалось, читал их слова по губам. Она почувствовала, как кожа на ее затылке похолодела. Его лицо было сумрачным, глаза казались непроницаемыми.

– Почему он иногда выглядит вот так? Таким угрюмым, – пробормотала она почти про себя.

– Не уверен, что понял вас, мадам.

– Поняли, – упрямо возразила она. – Вы знаете его лучше, чем кто бы то ни было, и прекрасно улавливаете, что я имею в виду. Иногда мрачное настроение находит на него, и тогда лицо его принимает такое выражение, будто он где-то далеко, в неизвестном мне месте.

– Возможно, это имеет отношение к его сестре, – осторожно высказал предположение Джордж.

Она с изумлением взглянула на него:

– У него есть сестра? Он никогда ничего не говорил о ней. Как и о каком-нибудь другом члене своей семьи. Я думала, что у него никого нет.

– У него была сестра Шарлотта, – пояснил Джордж. – Она живет... жила во Франции, несколько лет назад вышла замуж за виконта де Вильфранша. Они были из королевского окружения в Версале. – Он покачал головой. – Не думаю, что она и ее муж пережили Террор. Джек поехал искать ее... Это было в прошлом году. Но вернулся он один.

Он задумчиво провел рукой по губам, прежде чем возобновить рассказ.

– Он говорил мне, что считает ее погибшей, но больше не добавил ничего. – Джордж вздохнул. – В его голосе было нечто такое, что пресекало дальнейшие расспросы. И знаете, Арабелла, я бы не стал поднимать эту тему, пока Джек сам

не заговорит об этом.

– Разумеется, – ответила она.

Между ее густыми темными бровями пролегла морщинка.

– Благодарю вас, Джордж. Мне жаль, если мои вопросы смутили вас.

– Все в порядке... все хорошо, дорогая леди. Забудьте об этом, – сказал он, и в голосе его прозвучало облегчение, потому что допрос был окончен. – Я готов сделать все, чтобы вам помочь... всегда к вашим услугам. – Он отвесил ей галантный поклон.

Она наградила его улыбкой, оставила в амбразуре окна и направилась к мужу через весь зал. Джек холодно улыбнулся ей:

– Кажется, у вас с Джорджем был увлекательный интимный разговор.

– Едва ли, – фыркнула она. – В салоне не меньше сотни людей.

– Ну, может быть, напряженный, – согласился Джек, продолжая смотреть на нее подозрительно. – Могу ли я узнать, о чем вы говорили?

– О бесстыдном поведении леди Джерси, – с готовностью ответила она. – Принц еще не привез в Англию свою невесту, а эта женщина уже назначила себя фрейлиной принцессы Каролины. Ты слышал об этом?

– Слышал, – ответил он, ничуть не убежденный в том, что увлеченная беседа его жены и друга была посвящена именно

этому.

Арабелле было нетрудно выразить вполне искреннее возмущение по этому поводу. По причинам, которые она предпочла бы не обсуждать в подробностях, бесстыдное бахвальство и болтовня леди Джерси о своем любовнике приводили ее в ярость. Это вызывало негодование большинства замужних женщин их круга, и, возможно, подоплека была та же.

– Она собирается превратить в ад жизнь бедной девушки, – продолжала Арабелла с презрением. – Ты же знаешь, как она обожает изводить жен своих любовников.

– Конечно, знаю, но ты то тут при чем? – спросил Джек с изумлением.

Леди Джерси в течение многих лет косила направо и налево мужскую часть общества, но Арабелле, жившей в деревне, не могло быть это известно.

Ее глаза сузились.

– У меня есть уши, и я способна слышать, – ответила она с некоторым лукавством, напомнившим ему прежнюю Арабеллу.

– Да черт с ними всеми. Поедем домой, – предложил он, положив руку на ее затылок. – Ты сегодня достаточно выиграла?

– Только шестьсот гиней, – ответила Арабелла со смехом, отстраняясь от его теплой руки.

– Этого вполне достаточно, – ответил он тихо. – После недели отсутствия я очень нуждаюсь в обществе своей жены.

«А я отчаянно нуждаюсь в компании мужа», – подумала Арабелла, испытав прилив энергии от его прикосновения.

Как только они оказались в экипаже, Джек потянулся к ней. Он привлек ее к себе на колени и принялся гладить ее обтянутую шелком ногу. Его ладонь, постепенно поднимаясь по ней выше и выше, оказалась под тонкой шелковой юбкой, скользнула под подвязку, которая обвивала ее бедра. Его пальцы добрались до теплого влажного углубления в ее теле, и она зашевелилась у него на коленях, дыхание ее стало прерывистым и шумным, а голова опустилась на его плечо, в то время как ноги невольно раздвинулись, как бы приглашая его. Он играл с ней с безошибочным пониманием того, что делает, доводя ее до пика наслаждения, и когда она перешагнула черту, то уселась верхом на его колени и принялась с лихорадочной скоростью расстегивать его бриджи, и тотчас же его горячий пульсирующий посох оказался у нее в руке, как только она выпустила его на волю. Она гладила его по всей длине. Ее пальцы, легкие, как крылья бабочки, постепенно сжимали его все крепче, и этот нажим усиливался до тех пор, пока она не услышала его стон.

Она слегка приподнялась и опустилась на него. Коляска тряслась и раскачивалась на булыжной мостовой, иногда попадая в выбоины, а Арабелла прикусывала нижнюю губу, в то время как ее плоть сжимала его орган, а она поднималась и опускалась в такт движению коляски.

Он обеими руками обхватил ее за талию, стараясь удерж-

жать равновесие, не спуская с нее глаз. Она провела языком по губам, потом склонилась к нему и поцеловала его в губы, и ее язык проник в его рот, а сама она сильнее прижалась к нему, вбирая его глубоко внутрь своего тела, так что он оказался в самой его сердцевине. Она оставалась совершенно неподвижной, чувствуя, что и он достиг предела, и поцеловала его еще более страстно. Прошло несколько секунд, прежде чем она поспела за ним, и наконец эти сплетенные тела расслабились. Она бессознательно прикусила его нижнюю губу, пытаясь удержаться от крика, когда экипаж накренился и резко остановился. Потеряв равновесие, она откинулась на сиденье в путанице юбок, рук и ног, с бедрами, влажными от соков любви.

– Господи! – пробормотал Джек, ощутив вкус крови на губах. – Ты, моя радость, прямо мегера, когда возбуждена.

Он помог ей приподняться и сесть, пытаясь привести в порядок ее юбки. Она беспомощно рассмеялась, когда фрейтор открыл дверцу экипажа и заглянул внутрь.

– Кэвендиш-сквер, – доложил он, стараясь скрыть изумление при виде этой странной сцены.

– Благодарю тебя, Фрэнк.

Джек высвободился из складок ее юбки и выпрыгнул на улицу. Он протянул руку Арабелле и чуть не выволок ее из коляски.

Она ступила на тротуар и осознала, что корсаж ее съехал набок, юбки влажны, на них весьма сомнительные пятна, и

они безнадежно измяты. Собрав все свое достоинство, насколько это было возможно, она раскрыла веер и поднялась по ступенькам крыльца, придерживая юбки рукой в перчатке. Она проплыла мимо Тидмауса, несколько высокомерно пожелав ему спокойной ночи, и проследовала через холл к лестнице. Джек шествовал за ней.

Собаки бросились приветствовать их, как только они вошли в будуар Арабеллы. Она, смеясь, опустилась в кресло и принялась их успокаивать.

– Что, ради всего святого, подумал Фрэнк? – спросила она, переводя дух. – Ты только посмотри на меня. Я вся всклокоченная, похожа на живую изгородь.

И в самом деле, шпильки высыпались из ее волос.

– А вы, сэр, не сочли нужным застегнуть штаны.

Джек в ужасе опустил глаза на свои бриджи, в то время как она согнулась пополам от смеха. Джек принялся, смеясь, торопливо приводить себя в порядок.

– К счастью, мне все равно, что думает обо мне прислуга.

Он подошел к двери спальни и открыл ее.

– Бекки, вы можете идти спать. Ее светлость ляжет сегодня без вашей помощи.

Сонная горничная вскочила со стула перед камином и присела в реверансе.

– Да, ваша светлость, если ее светлость уверена в этом.

– Ее светлость совершенно уверена, – сказал он твердо. –

А теперь ступайте.

Девушка снова сделала книксен и поспешила из комнаты. Джек вернулся в будуар.

– Идемте, мадам жена. Наша поездка только подстегнула мой аппетит.

– Вы собираетесь снова злоупотребить вашей властью надо мной, сэр? – спросила она, широко раскрывая глаза и прижимая руку к сердцу.

– Ну, если вам угодно это называть так, – согласился он покладисто. – А теперь идемте. Давайте-ка займемся этим вашим злополучным платьем, с которым мы так немилосердно обошлись.

Он повлек ее в спальню и плотно закрыл дверь перед скулящими собаками.

Много позже Арабелла пошевелилась на ковре перед камином, почувствовав, что его ворс раздражает кожу ее спины. В разгар страсти она этого не заметила.

Джек навис над ней, опираясь на локти. Он отвел прядь волос с ее лба.

– А теперь расскажи мне, моя сладостная жена, о чем это вы так увлеченно беседовали с Джорджем в оконной нише.

– Я же говорила тебе.

Она смотрела на него с сомнением.

Их тела все еще были переплетены, и она ощущала его в себе, удовлетворенного и умиротворенного, и его глаза, мерцающие мягким светом, все еще хранили отблеск вожделевения и страсти, но под этим крылось и нечто другое, какая-то

цель.

– Нет, ты не сказала мне правды, – возразил он. – Ответь же теперь.

Он смягчил это требование поцелуем в уголок ее рта.

Арабелла размышляла. В мягком приглушенном свете спальни с бликами, играющими на их сплетенных телах, с сиянием удовлетворенной любви, которое, как ей было известно, отражалось и в ее глазах, она решила, что это самый подходящий момент для того, чтобы узнать что-то из его тайн.

– Он сообщил мне кое-что из того, что вызвало вражду между тобой и Фредериком. О дуэли из-за женщины, происшедшей давным-давно.

Джек рывком приподнялся, отделившись от нее. Зачем ей понадобилось приплетать в их отношения Фредерика? И именно теперь? Он почувствовал, как к горлу его поднимается кислота. Его ненависть к Лэйси разгорелась с новой силой. Внутри у него будто начался пожар, который он пытался заглушить. Ей не должно быть дела до того, что произошло между ним и Фредериком Лэйси. Она стала инструментом мести Джека Фредерику, хотя и была не повинна ни в чем. Но какого черта ей понадобилось копаться в прошлом, ворошить его?

Теперь он лежал на спине рядом с ней, глядя в изящно расписанный потолок.

– Зачем тебе разузнавать о моем прошлом? Шпионить за мной?

Голос его был ледяным.

Она чуть не задохнулась от этого явного оскорбления.

– Я не шпионила, – ответила она с яростью. – Я часто спрашивала тебя открыто, почему ты уничтожил Фредерика, и ты всегда отказывался отвечать. Неужели ты не считаешь естественным, что я хотела узнать правду?

Некоторое время он молчал, уставившись в потолок, и Арабелла уже начала жалеть о том, что затронула тему, говорить на которую он отказывался и которая вызывала его гнев. Она сделала попытку встать, но он положил руку на ее бедро.

Она ждала, наблюдая за выражением его лица. Оно стало похожим на маску. Глаза будто заволокло пеленой, и она ничего не могла прочесть в них.

Наконец он заговорил медленно и неохотно:

– Это старая история, Арабелла. Подробности ее были известны только мне, твоему брату и той женщине. А теперь только мне.

– Что с ней случилось? – спросила Арабелла, испытав недоброе предчувствие.

– Она умерла, – ответил он безжизненным голосом.

– Но ведь не Фредерик же...

Она так и не смогла высказать вопрос.

– Не совсем так. Но ее семья в порыве справедливого негодования изгнала ее, отправила к каким-то дальним родственникам на один из Гебридских островов, где она подхва-

тила тиф и умерла через несколько месяцев.

Его голос все еще был ровным, а тон обычным, неэмоциональным, но одурачить Арабеллу было не так-то просто. Эта история слишком болезненно затронула его. Она лежала рядом с ним, положив ладонь на его живот.

– Ты все мне расскажешь, Джек?

– Мне не так-то легко обсуждать свои личные дела, – ответил он.

– Будто я этого не знаю!

Она села и теперь смотрела на него сверху вниз – глаза ее выражали бессилие и разочарование.

– Если ты не хочешь рассказать мне того, что так близко касается меня, вправе ли ты осуждать меня за попытку разузнать правду от других? Ты не можешь сидеть сразу на двух стульях, Джек.

С минуту он молчал, потом сдался:

– Ладно, должен признать, что ты права.

Он снова привлек ее к себе, пристроив ее голову на своем плече.

– Хорошо. Я расскажу тебе все. Это случилось двадцать лет назад. Я только начал входить в возраст.

– Фредерику было тридцать, – сказала она, быстро произведя подсчеты в уме.

– Да, и он уже развратничал всюю, – ответил Джек холодно. – Если рассказывать эту историю быстро, то она очень проста. Я был влюблен в очень молодую леди шестнадцати

лет. Твой брат решил, что тоже увлечен ею. Думаю, ей повезло, что он влюбился в нее, такая мысль недостойна меня.

Сарказм струился с его языка, как укус.

– Но случилось так, что она ответила на мои, а не на его чувства, и твой брат похитил ее. Он решил жениться на ней так или иначе. Я нагнал их на второй день бегства. Фредерик был тяжело ранен на дуэли, которую я ему навязал, но репутация девушки была загублена.

– В таком случае почему ты на ней не женился? Это спасло бы ее.

Она приподняла голову с его плеча, чтобы видеть его лицо.

– Ее семья не сочла меня достойным женихом, – ответил он сухо, возвращая ее голову в прежнее положение на свое плечо. – Боюсь, они предпочли пожертвовать дочерью из моральных соображений. В те времена я отличался сомнительным поведением, методично проигрывая свое состояние. Теперь, постфактум, я понимаю, что едва ли стоит их осуждать.

– Ты потерял все свое состояние? – спросила Арабелла, снова поднимая голову, заинтригованная, но в большей степени шокированная.

– Да, а потом нажил новое, – ответил он.

– Игрой.

– Да, моя дорогая, за игорными столами.

– Ты, должно быть, очень способный, – сказала Арабелла, и в голосе ее прозвучало восхищение. – Ведь в игре столь

многое зависит от везения.

– Верно, но не все, как я попытался показать тебе сегодня. Некоторые глупые молодые люди в Брюгге проигрывали мне за неделю целые состояния.

– А потом ты проделал это с моим братом.

Теперь она лежала на боку, опираясь на локоть, и, запус- тив палец в кудрявые черные волосы у него на груди, без- думно наматывала их на палец, надеясь на то, что ей удастся повернуть разговор в нужное ей русло и заставить его вер- нуться к той ночи, когда он разорил и довел до самоубийства Фредерика.

– Пожалуй, это можно было бы назвать привычкой, – ска- зал он с беззаботным и насмешливым видом.

– Неудивительно, что тебя называют воплощением дьяво- ла, – заключила она.

Джек негромко рассмеялся и поймал ее руку.

– Теперь и я хочу получить ответ на свой вопрос. Где пись- мо, которое ты вытащила у меня из сейфа?

– Ах! В секретере, – медленно проговорила она.

– Почему ты ни словом не упомянула об этом?

Он сел, выпрямился и наклонился, чтобы подбросить бревно в камин.

Арабелла тотчас же отвлеклась, созерцая изгиб его спины, успев мгновенно разглядеть его мужские органы и кудрявые волосы на поджарых мускулистых бедрах. Но это отвлекло ее только на миг, будучи просто неким условным рефлексом.

Страсть прошла. Она скрестила руки на груди, вдруг осознав свою наготу.

– Почему ты его не отправил?

Он провел рукой по затылку, отворачиваясь от камина.

– В то время мне не хотелось дать тебе возможность выбора, я не желал, чтобы ты отвергла мое предложение. Мне было нужно время убедить тебя. А потом, если помнишь, ты довольно быстро приняла мою точку зрения, и я не видел смысла посылать это письмо. Впоследствии, если уж быть честным, я просто забыл о нем.

– Это непорядочно.

Он не спеша кивнул:

– Возможно.

Она прикусила нижнюю губу, хмуро глядя на него.

– Почему брак со мной был настолько важен для тебя, что ты решился прибегнуть к обману?

Джек потянулся за халатом, прежде чем ответить ей.

– Обычно я добиваюсь, чего хочу, – сказал он наконец. – Я хотел тебя, и чем больше ты упорствовала, тем сильнее было желание.

Этот прямой ответ показался ей отчасти правдоподобным. Она встала и продела руки в рукава пеньюара, приготовленного Бекки и лежавшего на кровати.

– И совесть тебя ничуть не мучила?

– Ну, разве что чуть-чуть, – признался он.

– Но почему ты хотел получить меня?

Он повернулся к графину на туалетном столике и налил коньяку в два бокала, потом продолжал говорить, все еще стоя спиной к ней:

– Возможно, в то время я считал это благородным поступком. Мне казалось всего лишь справедливым как-то компенсировать тебе потерю семейной поддержки, которой я лишил тебя. А мне была нужна жена. И ты подходила на эту роль. – Он пожал плечами. – Это же очевидно.

Только тут он повернулся лицом к ней и протянул ей бокал.

Арабелла приняла его, глядя на него в мрачном молчании. Все в его устах звучало так просто и так соответствовало репутации Джека – плута, развратника и игрока. Он выходил на охоту и добивался своего любой ценой. Но она знала, что это лишь одна из его сторон. Она понимала, что он рассказал ей только часть истории. Но для одной ночи этого было достаточно.

Он поднял бокал.

– Конечно, моя радость, чем лучше я тебя узнаю, тем сильнее убеждаюсь, что наш союз оказался чем-то гораздо большим, чем просто брак по расчету. – Она склонила голову, молчаливо признавая его правоту, в то время как он потянулся к ней, чтобы чокнуться. – Давай выпьем за будущее.

Много позже, лежа в объятиях мужа и прислушиваясь к его сонному дыханию, глядя на блики от огня на расписанном и украшенном лепниной потолке, Арабелла не могла

уснуть. Сон бежал от нее.

Что за женщина была его сестра? Почему, ради всего святого, Джек никогда ни словом не обмолвился о ней, ничего не сказал о своей утрате? Террор унес столько жизней, и это была самая обычная история.

Но если он ей не доверится, то придется все разузнать самой. Может быть, кто-нибудь из эмигрантов, с которыми она подружилась, сообщит ей что-нибудь.

Она нуждалась в Мэг больше обычного. Письма не могли заменить живую Мэг с ее острым, пронизательным умом. Почта шла целую вечность. Когда прибывали ответы Мэг на излияния Арабеллы, это уже почти не имело значения. И все же сэр Марк не одобрял длительного визита Мэг в Лондон. Может быть, Джек мог бы помочь сдвинуть дело с мертвой точки, думала Арабелла в полусне, но с некоторым раздражением. В конце концов, это был дом Джека. Или по крайней мере сэр Марк так это представлял. Радужное приглашение от хозяина дома могло бы сотворить чудо.

Арабелла была очень привязана к сэру Марку, но она слишком хорошо знала, как он дорожил приличиями. Арабеллу он все еще считал почти дочерью, и ее высокое положение в лондонском светском обществе ничего в этом отношении не изменило. Нет, Джек должен был отправить убедительное и настойчивое приглашение.

ГЛАВА 16

Арабелла яростно обмахивалась веером, ожидая в толпе придворных в приемной, когда ее вызовут в большую гостиную Сент-Джеймского дворца, чтобы быть представленной невесте принца Уэльского принцессе Каролине Брансуикской по всем правилам этикета. Несмотря на свежесть апрельского дня, в комнате, где в огромном камине горел огонь, а пламя многочисленных свечей в золоченых канделябрах, свисавших с расписных потолков, колебалось и подрагивало, было жарко. Воздух был тяжелым от аромата духов и пудры, смешанного с запахом пота. Шум стоял оглушительный; толпа галдела, как стая грачей.

Ей казалось, что в жестком старомодном придворном платье с кринолином, предназначенном для посещения большой гостиной дважды в неделю, она увядает. Нелепые страусовые перья в волосах поникли, а знаменитые бриллианты Сент-Джулзов, казалось, весят целую тонну, впиваются в кожу головы, сжимают уши и вызывают боль в шее. В своем неповоротливом платье из белого крепа с кринолином она ухитрилась обогнуть изящный золоченый столик, украшенный очаровательными табакерками, и вовремя вспомнила, что следует приподнять трехфутовый шлейф, пока он не обвился вокруг тонкой ножки стола и не опрокинул бесценное произведение искусства на не покрытый ковром пол.

Наконец она настигла свою добычу:

– Как долго это обычно продолжается, Джордж?

Джордж Кавена безрадостно рассмеялся:

– Столько, сколько пожелает ее величество. Иногда она держит нас здесь дотемна. Это ее способ наказывать оппозицию. Когда она вынуждена приглашать вигов в большую гостиную, то хочет быть уверена, что они от этого страдают.

– Как очаровательно, – пробормотала Арабелла, с особой силой складывая веер. – А как она обращается с леди Джерси?

Губы ее собеседника скривила гримаса.

– Разумеется, с безукоризненной учтивостью. Ведь ее милость – фрейлина принцессы и свой человек при дворе. А ее близкое знакомство с постелью принца в таком случае не помеха.

– Но думаю, едва ли это нравится принцессе. – Арабелла оглядела приемную. – Кажется, мы чуть-чуть продвинулись.

Наметилось некоторое колыхание толпы в сторону массивных дверей, ведущих в большую гостиную, и она, и Джордж, влекомые этим прибоем, оказались в нескольких футах от входа. Внутри толпа вытянулась во всю длину огромной комнаты, в дальнем конце которой восседали на тронах королева со старшим сыном и его женой. Их окружали члены королевской семьи пониже рангом.

– Мы здесь пробудем до темноты, – сказал Джордж.

В его голосе звучали покорность судьбе и самоотречение.

– А я умираю от голода. Как вы думаете, нам дадут подкрепиться? Кстати, где Джек?

– Он как раз отправился на поиски съестного, – ответила Арабелла. – И не в самом лучшем настроении, должна вас предупредить.

– Мы все в таком же, – ответил Джордж. – Не исключая принца. Он черен, как грозовая туча, и смотрит с яростью на несчастную девушку, на которой женился.

– На которой его заставили жениться, – поправила она. – Он говорил мне, что парламент и его отец грозилась урезать его содержание и отказаться оплачивать его долги, если он не женится на Каролине. – Она пожала обнаженными плечами. – Я назвала бы это прагматичным решением.

Конечно, такие решения иногда возникают неожиданно, подумала она. Она невольно бросила взгляд через плечо и заметила Джека, упорно пробивавшегося к ним в обществе лакея с подносом. Он двигался в толпе легко, там бросая слово, здесь похлопывая кого-нибудь по плечу, и Красное море расступалось перед ним.

Арабелла видела, как на его пути возникла графиня Уорт. Спазм сдавил ее горло. Она хотела отвести взгляд и бросить своему собеседнику что-нибудь легкое и остроумное, какое-нибудь беспечное замечание, но глаза отказывались ей повиноваться. Она видела, как Лили положила руку на плечо Джека, и он остановился, с улыбкой глядя на нее. Они были чересчур далеко, а в зале болтали слишком громко, чтобы

Арабелла могла расслышать, о чем они говорят, но заметила, что лицо ее мужа посерьезнело и он кивнул. Лили улыбнулась, снова дотронулась до его руки жестом, выдававшим близость, и сделала шаг назад.

Джордж Кавена вдруг спросил, без всякой надобности повысив голос:

– Есть ли вести из Кента от вашей подруги? Скоро ли она придет?

– Надеюсь, – сказала Арабелла, прекрасно понимая, что Джордж видел то же, что и она. – Сэр Марк Баррет никак не хочет дать разрешение на ее поездку, но я рассчитываю убедить его в ближайшем будущем. Я знаю Мэг с детства и, признаюсь, буду рада побыть в женском обществе.

– Ах, мэм, вы сразили меня насмерть, – галантно запротестовал Джордж. – Значит, общества поклонников вам недостаточно?

– Не говорите вздора, Джордж. – Она ударила его по руке, делая вид, что сердита. – Вы же знаете, что поклоннику я рассмеялась бы в лицо.

– Услышав, как ты выражаешься, он, пожалуй, лишился бы чувств, – раздался голос Джека где-то возле ее локтя. – Ты, дорогая, на приеме у королевы. Постарайся помнить об этом.

– Забыть об этом невозможно, – ответила она.

По ее тону и манерам он догадался, что от нее не ускользнула сцена между ним и леди Уорт. И разумеется, он не дол-

жен был знать, что ее это обеспокоило. Она приняла из рук лакея бокал вина и нечто похожее на тощую и зачерствевшую тарталетку с сыром.

– Ты творишь чудеса, Джек, – сказал Джордж, протягивая руку за закуской.

– О, и собираюсь сотворить еще одно чудо, мой дорогой Джордж, – сказал Джек непринужденно. – Или это сделает Арабелла.

Он вытащил портмоне для визиток и выбрал карточку.

– Мадам жена, мне хотелось бы, чтобы вы расписались на ней.

– Чем...

Тут она заметила на подносе лакея чернильницу и перо.

– Наш друг подержит поднос, чтобы он не шатался, – предложил Джек.

Глаза его светились насмешкой и удальством. Она уже научилась любить это его выражение. И все же не могла не обернуться, чтобы взглянуть в ту сторону, где стояла Лили Уорт. Они ведь заключили сделку, напомнила себе Арабелла. Она не имела права роптать. И все же ей хотелось выцарапать глаза этой женщине. О чем Лили спрашивала Джека?

Граф Уорт подошел к жене, а Арабелла взяла в руки перо.

– Что я должна написать, сэр?

Джек принялся диктовать с глубокомысленным видом, и только блеск его глаз опровергал серьезность его намерений:

– Дорогой сэр, я в полуобморочном состоянии. Прошу вас

пригласить герцогиню и ее супруга пред лицо вашей жены, пока несчастье не произошло.

– А как же насчет меня? – спросил Джордж, пока Арабелла, теперь уже смеясь, послушно писала под его диктовку на обороте карточки.

– А также нашего дорогого друга Дж. К., уже готового потерять сознание, – добавила она в порыве эпистолярного вдохновения.

– Клевета, – возразил Джордж. – Но все же хоть какая-то надежда на спасение.

Джек взял карточку, помахал ею, чтобы высохли чернила, и со своим обычным апломбом двинулся к двустворчатым дверям, где стоял на страже мажордом. Они наблюдали, как Джек разговаривает с этим величественным персонажем в золототканой ливрее.

– Он это сделал, – сказал Джордж голосом, исполненным почтения. – Как ему это удалось? Но ведь даже герцога не допустят в зал, если этого не захочет королева Шарлотта.

Джек остался стоять у дверей, в то время как мажордом торжественным шагом направился к их величествам, восседающим на тронах, где сделал ловкий пируэт, оказался за спиной принца и, ухитрившись поклониться, передал ему карточку с помощью какого-то замысловатого маневра.

Принц прочел послание, и его надутое лицо изменилось. Он рассмеялся и заткнул карточку за обшлаг своего алого сюртука, отороченного золотыми кружевами. Он бросил ма-

жордому несколько слов через плечо, тот тотчас же отдал поклон и проделал путь обратно через гостиную. Потом принц обратился к матери, не отягощая себя учтивостью и не обращая внимания на молодую жену, потому что, говоря с королевой, он перегнулся через свою измученную супругу. Королева Шарлотта помрачнела, лицо ее выразило несомненное недовольство, но в конце концов она чопорно и неохотно кивнула. В этом особом случае следовало принимать во внимание желания старшего сына и идти им навстречу.

Мажордом поговорил с лакеем, и тот направился туда, где стояли Сент-Джулзы и Джордж.

– Ее величество сейчас примет вас, ваши светлости, и мистера Кавену.

Арабелла усмехнулась.

– Право же, ты воплощенный дьявол, – пробормотала она. – Бедный принц окажется после этого в сложном положении – ему достанется от матери.

– О, поверь мне, моя любовь, он наслаждается каждой минутой этого представления, – тихо ответил Джек. – Его и так достаточно уязвил этот навязанный ему брак, и небольшой мятеж он воспримет лишь как компенсацию.

Лицо Арабеллы просветлело. Она знала по опыту прошлых лет, что голову следует держать высоко, осанка должна быть безукоризненной, а кринолин – оставаться в безупречном состоянии. Пробираться сквозь толпу людей, ожидаю-

щих своей очереди прикоснуться к «святому Граалю»⁹, мужчин, отягченных шпагами, и дам с прическами, с которых свисали поникшие перья, мимо шуршащих и колеблющихся юбок было непростым делом.

Арабелла шла впереди мужа и Джорджа. Она медленно приблизилась к королеве и присела в глубоком реверансе, склонив голову до самых колен.

Однажды она уже проделывала это, но на сей раз ей не пришлось ждать, пока королева поцелует ее в лоб. Она больше не была дебютанткой, всего лишь дочерью пэра. Она теперь жена герцога. Арабелла медленно поднялась и сделала реверанс перед принцем Уэльским, лукаво подмигнувшим ей. Когда ее представляли Каролине, глаза новоиспеченной принцессы Уэльской и Арабеллы встретились. Молодая женщина улыбнулась ей, как показалось Арабелле, с надеждой. И Арабелла ответила ей доброжелательной улыбкой. Ритуал реверансов закончился тем, что она присела по очереди перед менее значительными членами королевского дома, сделав глубокой реверанс только перед королевой, прежде чем удалиться. Все это время она смотрела на Каролину.

Насколько легче мужчинам, думала она, достигнув тихой гавани – приемной. Отдать поклон, даже и низкий, намного легче, чем приседать, хотя наличие шпаги несколько осложняет дело и требует определенной ловкости, но пятиться назад значительно проще в бриджах до колен, чем в юбке на

---

⁹ Святой Грааль – легендарная чаша, из которой Иисус пил на Тайной вечере.

обручах со шлейфом в три фута длиной. Не говоря уже о поникших страусовых перьях. Однако ей удалось с этим справиться, и в тот момент, когда ее глаза встретились с глазами принцессы Каролины, Арабелла тотчас же ощутила их взаимную мгновенно возникшую симпатию. Эта женщина выглядела печальной и решительной. У нее не было иллюзий относительно того, какое место она занимает в сердце мужа... и тем не менее она была готова занять подобающее ей положение как будущая королева Англии.

– Давайте выбираться отсюда, – сказал Джек, когда они с Джорджем поравнялись с ней. – Думаю, поужинаем на площади.

Джек взял ее за локоть:

– Хорошо сработано, Арабелла. Даже мне было бы трудно догадаться, как ты ненавидишь подобного рода представления.

– Но ты, разумеется, привык к обществу женщин, которым нет нужды притворяться в подобных ситуациях, – сказала Арабелла и тотчас же пожалела о своих словах; граф и графиня Уорт продвигались вперед и как раз поравнялись с встречным потоком публики и с ними.

– Как вам это удалось, Фортескью? – спросил граф. – Похоже, мы здесь застряли до заката, а миледи грозит обморок.

– Если вы упадете в обморок, мадам, вас извинят, – сказала Арабелла Лили. – Я видела, как с несколькими дамами это случилось. Здесь невыносимо жарко.

Синие, как китайский фарфор, глаза Лили стали колючими, и Арабелле стало ясно, что любовница Джека не склонна принимать советы от его жены. И она не могла не испытать удовлетворения при виде раздражения этой женщины.

Джордж Кавена усугубил положение, сказав:

– Мадам, едва ли леди Арабелла права. Если вы потеряете сознание, мы вынесем вас отсюда, и тогда даже королева будет оскорблена.

Лили принялась обмахиваться веером и повернулась к мужу:

– Думаю, милорд, что мне бы хотелось быть представленной принцессе Уэльской. Здесь вовсе не так уж жарко.

– Конечно, моя дорогая. – Он взял ее за руку. – Едва ли это продлится больше часа или двух.

Арабелла кивнула им и сделала не очень убедительный реверанс, а ее муж и Джордж раскланялись. Она оперлась о руку Джека и, высоко подняв голову, выплыла из приемной.

– Это письмо от мисс Баррет? – спросил Джек, входя вечером в спальню Арабеллы.

Одной рукой он расстегивал рубашку, в другой держал бокал портвейна.

– Да, я его перечитывала. Сэр Марк поднял несусветную суету по поводу ее поездки к нам, – сказала Арабелла рассеянно.

Она уже была в постели и полулежала, опираясь на подушки.

– Похоже, у него сомнения насчет того, стоит ли принимать наше гостеприимство.

Джек присел на край кровати.

– Потому что считает, что это равноценно благотворительности?

Она вздохнула:

– Не исключено. У нас так много всего, а он может уделить Мэг ничтожно мало.

Она подняла глаза на мужа:

– Он очень гордый, Джек.

– И я уважаю его за это, – ответил Джек равнодушно. – И все же, если он хочет найти для дочери мужа, ему придется проглотить свою гордость.

Арабелла откинулась на подушки.

– А ты согласен оплатить второй сезон Мэг?

Тон ее показался ему загадочным. Он покачал головой:

– Я уже думал, что, возможно, ты могла бы, моя прелесть. Раз уж теперь ты такая искусная картежница, ты, вероятно, могла бы обеспечить пребывание своей подруги здесь, не отягощая нас.

Она выпрыгнула из постели так стремительно, что тело ее показалось ему окутанным вихрем из постельного белья, покрывала и подушек. Ее ноги оказались столь быстрыми, что одна подсекла его под колени и он опрокинулся спиной на кровать, и струя рубиново-красного портвейна оросила покрывало.

– Никакой карточной игры, – объявила она, падая на него, смеясь и тотчас же обретая серьезность. – Если Мэг приедет в этот дом, то на правах моей сестры.

– Неужели стоило пожертвовать бокалом отличного портвейна, чтобы сделать это заявление? – спросил Джек. – Сегодня будем спать в моей постели.

– И это не в первый раз.

Она растянулась поверх него, ее бедра касались его бедер, и выпуклость ее живота пришлась как раз на впадину его. Она слизнула портвейн с его губ.

– Мне надо, чтобы ты написал сэру Марку, Джек. Мое приглашение он не примет.

– А тебе и в самом деле так необходима твоя подруга? – сказал он полувопросительно.

– Да, – ответила Арабелла решительно. – Здесь нет никого, кто мог бы занять ее место.

Он провел ладонью по ее спине, пока рука не оказалась под тонкой сорочкой на ее ягодицах:

– Никого?

– Ты занимаешь свое собственное место, – ответила она. – А у Мэг будет свое.

«К тому же, – добавила она про себя, – у тебя есть Лили. Поэтому мне нужна Мэг».

– Завтра же напишу, – пообещал Джек, сражаясь со складками ее ночной рубашки.

Неделей позже в один непогожий день, сыпавший мелко

морозящим дождем, Джек вошел в дом, стряхивая дождевые капли со своей бобровой шляпы с высокой тульей. Он остановился в холле, хмуро прислушиваясь к гулу возбужденных голосов в гостиной. Судя по тому, что ему удалось услышать сквозь распахнутую дверь, Арабелла, по-видимому, принимала кого-то из опекаемых ею французских эмигрантов. Она недолго колебалась, прежде чем нашла сферу применения своим силам и влиянию, размышлял Джек, все больше мрачнел. Ее гостиная и столовая всегда были к услугам элиты из числа вигов, что было неудивительно, принимая во внимание тот факт, что ее муж был ведущим членом этой партии, но ее гостеприимство по отношению к эмигрантам не имело отношения к Джеку.

И это его тревожило. Она собирала деньги, упрасивала и умасливала всех в Лондоне, кто мог предоставить жилье, работу, медицинскую помощь, и у него не было ни малейшего сомнения в том, что она щедро помогает им, черпая из собственных средств. Похоже было, что эта все растущая армия бедных беженцев теперь заняла место сельского люда, забота о котором была ее главным занятием. Его беспокоило то, что она так рьяно вмешивалась в их жизнь, но он мог понять ее потребность в этом. А вот чего он понять не мог, так это то, что она с таким же рвением принялась опекать беженцев из числа аристократов.

Эти люди наводняли его салон, ворчали и сетовали по поводу своей судьбы, поносили тех, кто создал невыносимые

условия в их отечестве, и жаловались на негостеприимство англичан, которые, как они полагали, должны были взять на себя заботу о них. Все это наполняло его сердце горечью и отвращением. Они избежали казни, сохранили жизнь, в то время как бесчисленные тысячи их соотечественников, равных им по положению, отправились на гильотину. Они потеряли свои привилегии, но все же жили и дышали в свободной стране. И тем не менее единственное, что они делали, — это жаловались.

Он помнил кровавую резню на подворье Ля Форс, телеги, нагруженные трупами, окровавленный нож гильотины и не мог забыть этого, а их беспокоило только то, что их прелестные особняки оказались в руках черни, а элегантные парижские отели — в руинах. Они оплакивали утрату своих богатств, земель, драгоценностей, привилегий и очень редко вспоминали о тех, кого оставили истекать кровью.

По чести говоря, ему было известно, что не все они такие. Многие эмигранты неустанно трудились, чтобы помочь соотечественникам, и тем не менее он был полон горечи, оттого что они живы, а Шарлотты уже не было.

Он с трудом выносил их общество. Ему было неприятно находиться в одной комнате с ними. И он уже двинулся к лестнице, ступая как можно тише, в надежде избежать встречи. Но как только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, собаки выбежали из гостиной и принялись возбужденно лаять и бросаться на него, хватая его за полы сюртука.

– На место, черт вас возьми! – бросил он, отстраняя их. – Не могу понять, почему вы воображаете, что я так же рад видеть вас, как вы меня? Вы мне глубоко противны.

Они продолжали, умильно глядя на него, махать пушистыми хвостами, а глаза их сияли и были полны обожания.

– Я так и думала, что это ты, – сказала Арабелла, появляясь в дверях. – Они никого так не встречают.

– Они пребывают в заблуждении, что я их люблю, – сказал Джек, отряхивая сюртук.

Она загадочно улыбнулась ему, слегка склонив голову к плечу;

– Тебе не удастся их обмануть. Не зайдешь ли поздороваться с нашими гостями? Маркиз Фронтенак спрашивал о тебе.

Он не мог отказаться поздороваться с гостями в собственном доме.

– Я думал, что надо переодеться, – ответил он, меняя на ходу маршрут. – Но вероятно, и так сойдет. – И последовал в салон за ней.

Арабелла наливала чай нескольким дамам в углу салона, напрягая слух, чтобы различить, о чем ее муж говорит с Фронтенаком. Присутствие Джека сделало для нее невозможным продолжать тайное расследование судьбы графа и графини де Вильфранш. Пока что ей удалось выяснить только, что графа отправили на гильотину два года назад, а его жена, сестра Джека, исчезла несколько позже. Похоже, никто

не знал, появилось ли ее имя в ежедневно обновлявшемся списке казненных, публиковавшемся революционным трибуналом, хотя в этом не было ничего удивительного в смертоносном хаосе большого города. Она могла умереть в тюрьме или на гильотине – это было в равной степени вероятно.

Но Арабелла была убеждена, что кто-нибудь еще, кроме Джека, мог знать правду об участии его сестры, правду, которая могла дать ей ключ к тайнам мужа.

Шум в холле тотчас же вызвал тишину в переполненном людьми салоне. В дверях появился Тидмаус.

– Их высочества принц и принцесса Уэльские, – доложил он, кланяясь чуть ли не до колен.

Все поднялись с мест, дамы присели в реверансе, мужчины изогнулись в поклоне, когда танцующей неспешной походкой вошел принц, неся впереди свой животик. Его молодая жена, на которую он не обращал ни малейшего внимания, следовала по пятам. Принцесса Каролина держала голову высоко, но два алых пятна горели на ее щеках, и Арабеллу охватил гнев. Георг, принц Уэльский, был хамом, как она и предположила при их первой встрече. О, он мог быть остроумным и даже умным, но при этом оставался упрямым и надменным и ни в малейшей степени не обладал способностью к самокритике. Он не имел права обращаться с женой так неуважительно.

Она выступила вперед:

– Добро пожаловать, сэръ. Добро пожаловать, мадам. – И

улыбнулась принцессе: – Не угодно ли чаю?

– Черт возьми! Нет, мадам, – объявил принц. – Кларета, Джек, мой дорогой друг, бутылку вашего лучшего кларета.

– Разумеется, сэръ, – ответил Джек безупречно поставленным голосом. – Тидмаус, кларета 83-го года.

Арабелла с улыбкой снова предложила принцессе:

– Не угодно ли чаю, мадам?

– Благодарю вас, леди Арабелла, – отвечала Каролина, стараясь сделать так, чтобы ее улыбка выглядела одновременно и царственной, и благодарной.

Она села и приняла небольшую чашку из рук хозяйки. Ее английский язык лился свободно, но по-французски она говорила значительно медленнее. И все же между дамами завязалась беседа определенного рода. Они заговорили о последних модах, опере и рождении сына у короля Пруссии.

Арабелла заставила себя сесть и слушать скучный для нее разговор. Она наливала чай, иногда вставляла слово-другое, но главным образом делала все возможное, чтобы принцесса чувствовала себя непринужденно.

Взгляд Каролины то и дело обращался к мужу, стоявшему рядом с герцогом Сент-Джудом в кругу вежливо внимавших им французов. Они смеялись и пили вино.

– Леди Джерси, ваша светлость, – объявил Тидмаус, и Арабелла с трудом набрала воздуха в грудь. Принцесса слегка побледнела, как только в дверях появилась любовница ее мужа. Принц же, сияя улыбкой, бросился навстречу новой

гостье.

– Моя дорогая леди Джерси, – говорил он, приближаясь к ней и протягивая руки. – Что за восхитительное совпадение!

Он взял ее за руки, помог ей подняться после глубокого реверанса и звучно расцеловал в обе щеки.

– Едва ли это совпадение, сэр, – ответила она, хихикая и хлопая ресницами. – Я знала, что нынче пополудни вы навещаете герцога.

– Кокетка, – возгласил он, игриво похлопывая ее по щеке. – Входите, входите. Выпейте бокал превосходного кларета Джека.

Он повлек ее туда, где кружком стояли мужчины. Арабелла тотчас же поднялась с места и присоединилась к этой группе.

– Добрый день, леди Джерси. Не хотите ли посидеть с нами у камина?

Она знаком указала на группу дам.

Джек с упавшим сердцем заметил, что в глубине карих глаз его жены засверкали золотые искры, а это всегда предвещало неприятности.

Леди Джерси подняла бокал и с вопросительным видом обратила взгляд к группе женщин. Она сказала:

– Не думаю, что хочу этого, леди Арабелла. Здешняя компания мне больше по душе.

– Ах вот как! – ответила Арабелла с ледяной улыбкой. – Мой муж как раз собирался предложить его высочеству по-

играть в пикет. Может быть, вам будет интересно понаблюдать за игрой. – С понимающей улыбкой она обратилась к принцу: – Я уверена, что леди Джерси принесет вам удачу.

Она знала, что такое предположение будет принято им в штыки. Принц тотчас же надулся. Мысль, что в игре в пикет ему понадобится удача, уязвила его особенно потому, что его соперником должен был стать герцог, чье мастерство не знало равных. Как ни приятно ему было общество любовницы (разумеется, не у карточного стола), он предпочел бы, чтобы она не наблюдала за игрой. Как и предполагала Арабелла, ему и в голову не приходило отказаться от столь редкой возможности поиграть с Сент-Джулзом.

– Удачу, мадам? Нет, игра в пикет требует сноровки. Удача мне не нужна.

Он разразился громоподобным смехом и подхватил Джека под руку.

– Пошли, герцог, я принимаю вызов.

Он отвесил любовнице прощальный поклон:

– Простите, дорогая мадам, карты призывают.

Леди Джерси смотрела, как он выносит из салона свое бочкообразное туловище. Глаза ее были холодными и жесткими, на губах застыла змеиная улыбка. Она оказалась в самой неудобной ситуации, единственная женщина среди толпы изумленных французов. Она повернулась к Арабелле, стоявшей в группе у камина, собравшейся вокруг принцессы. Каролина пила мелкими глотками чай, болтала и смея-

лась, наконец-то почувствовав себя как дома.

Однако лицо ее потускнело, как только приблизилась леди Джерси. Но на этот раз жертвой леди Джерси должна была стать не она.

Она одарила Арабеллу улыбкой, полной неприкрытой злобы, и сказала:

– Я вас покидаю, мадам. Мне надо побывать за карточным столом леди Уорт. – Она со щелчком раскрыла веер. – Надо надеяться, что нынче вечером она проиграет не очень много. Конечно, понятно, что она рассчитывает на своих... – тонко подрисованные брови вопросительно и насмешливо поднялись, – друзей, друзей особого сорта, помогающих ей в затруднительных ситуациях. Думаю, Уорт не так покладист, как... – Она слабо взмахнула веером, направляясь к двери. – Возможно, у него для этого меньше оснований. Всего хорошего, ваше высочество.

Она присела в реверансе перед принцессой, небрежно кивнула остальным и выплыла из комнаты.

Арабелла не показала своей досады. Она подлила принцессе чаю и спросила, не хочет ли та посмотреть на ее орхидеи.

С необычайной ловкостью Джек проиграл этот роббер в пикет принцу Уэльскому, в то время как его противник больше налегал на постоянно подливаемый в его бокал кларет. Он бросил карты на стол, выплатил проигранные деньги и пожелал принцу с самым гостеприимным видом доброго ве-

чера. Потом поднялся наверх к жене.

Арабелла одевалась к вечеру. Бекки укладывала ей волосы и в качестве последнего штриха окутала их сеткой с жемчугами, в то время как Джек терпеливо ждал конца этой операции. Наконец он спросил:

– Кого ты собираешься ослепить нынче вечером, моя дорогая?

Арабелла была на взводе. Инсинуации леди Джерси сыг-
рали свою роль, и слова ее снова и снова звучали у нее в мозгу. Трудно было примириться с тем, что у Джека есть любовница, и спокойно слушать, как об этом говорит королева всех любовниц в столь оскорбительном тоне.

– Я думала, мы пообедаем дома, а потом будет театр, – сказала она резко. – Конечно, если у тебя на уме что-нибудь лучшее, я уверена, что Джордж и Фокс составят мне компанию.

– Уверен, что они не откажутся, – благодушно ответил он, прислонясь к двери и опираясь о косяк сложенными на груди руками. – А что за пьеса?

– «Школа злословия».¹⁰

Она повернулась на пуфе, не обращая внимания на слабый протест Бекки. Локон, который та завивала, выпрямился и вырвался из папильотки.

– Я так понимаю, что это сатира на Девонширский дом. Герцогиня Девонширская, должно быть, – прототип леди

---

¹⁰ Пьеса английского драматурга XVIII века Ричарда Бринсли Шеридана.

Тизл. В свой первый сезон в Лондоне я не видела спектакля. – Она снова повернулась к зеркалу и добавила жестко: – Сомневаюсь, что в то время я была достаточно искушенной и подготовленной к нему.

– Возможно, что теперь эта сатира утратила свою остроту, – заметил Джек, наблюдая за ней прищуренными глазами. – Ведь пьесе двадцать лет.

– Иное время, – сказала Арабелла, наклоняясь к зеркалу, чтобы получше себя рассмотреть. – Как ты думаешь, нужны мне румяна?

Тотчас же она представила искусно накрашенное лицо леди Уорт.

– Нет, если мнение твоего мужа значится в твоей системе ценностей, – ответил Джек.

– М-м-м... – Арабелла размышляла над его высказыванием. – Но по-моему, я слишком бледна. Я замечала, как светится кожа у других женщин, когда они чуть тронут ее румянами. Например, леди Джерси. Сегодня она просто излучала сияние... Достаточно, Бекки. Благодарю тебя. Иди ужинать. Сегодня можешь не ждать моего возвращения.

Бекки, хранившая молчание, пока продолжалась эта пикировка, положила щипцы для завивки и щетки для волос, присела в реверансе и вышла из спальни.

Джек нахмурился:

– Что тебя рассердило?

– Почему ты так решил? – Она коснулась щек пушистой

заячьей лапкой.

– По блеску в твоих глазах. – Он приподнял крышку шка-
тулки с драгоценностями и погрузил в них пальцы.

Арабелла знала, что этот блеск был сродни непролитым
слезам. Она попыталась изобразить беспечность, рассмея-
лась и снова коснулась лица заячьей лапкой, как пуховкой.

– О, это из-за того, что сказала леди Джерси.

– И что же это? – Он выбрал подвеску с жемчужиной и
держал ее так, чтобы на нее падал свет.

– О, просто женская болтовня, – ответила Арабелла, воз-
вращая на место своевольный локон.

Он протянул руку и надел подвеску ей на шею. Рука его
коснулась ее груди:

– Не стоит огорчаться из-за этого, Арабелла. У нее ядо-
витый язык.

– Знаю, – коротко ответила Арабелла, наклоня голову,
чтобы он мог застегнуть золотую цепочку. – Спустимся к
обеду?

ГЛАВА 17

Джек вошел в небольшой павильончик на Рэйнли-гарденз и тотчас же окинул острым взглядом толпу, собравшуюся во-круг карточных столов. Была теплая весенняя ночь, и легкий ветерок доносил из концертного павильона звуки струнного квартета. Люди прогуливались по дорожкам парка, залитого светом факелов, укрепленных в каменных держателях подсвечников. Иногда слышался пронзительный смех из густого кустарника, высаженного в стратегических целях. Эти сады были известным местом нескромных забав.

Джек увидел свою добычу за игорным столом в дальнем конце павильона и направился к ней, не обнаруживая очевидной цели. Леди Уорт подняла голову от карт и ослепительно улыбнулась ему:

– Джек, я пыталась угадать, будешь ли ты сегодня здесь.

– Больше тебе гадать не придется, моя дорогая, – ответил он беспечно, со щелчком открывая табакерку. – Я получил твою записку и поспешил на зов.

На его губах трепетала улыбка, но она не коснулась сосредоточенного и будто отсутствующего взгляда. Он взял из табакерки щепотку табаку.

– А твоей очаровательной жены сегодня здесь нет? – спросила Лили, кладя карту с выражением ужаса, потому что было очевидно, что на этот раз она проиграла.

– Думаю, что нет, – ответил он. – У нее своя компания. Лили все еще улыбалась.

– Герцогиня взяла Лондон штурмом в этом сезоне. Нет такого случая, чтобы она не оказала чести собранию своим присутствием.

Лили бросила карты и поднялась из-за стола, взяв его под руку.

– Пройдемся немного, Джек.

Он не стал возражать, и они вышли в парк. Лили не спеша обмахивалась веером, пока они шли к концертному павильону. Джек молчал. В свое время Лили сама заговорит о том, что ее волнует. И в самом деле, прошло всего несколько минут, как она приступила к делу.

– Ты больше не навещаешь меня, Джек.

– Моя дорогая, я нанес тебе визит всего лишь позавчера.

– Да, но ты ведь понимаешь, о чем я, – ответила она с печальной улыбкой. – Мне вовсе не хочется тебя видеть в обществе. Почему все теперь не так, как прежде?

– Моя дорогая, я объяснил тебе положение дел, – сказал он.

Голос его был тихим, а тон мягким.

– У меня самые лучшие воспоминания о том, что нас связывало. Ты можешь всегда рассчитывать на мою дружбу и помощь, но мы не можем впредь оставаться любовниками.

Даже говоря это, он не переставал обводить глазами публику в поисках Арабеллы.

– К чему такая деликатность? – спросила она, и смех ее звучал сердито. – Брак превратил тебя в примерного мужа, слишком привязанного к жене. Это совсем немодно, должна тебе сказать.

Она задержалась на тропинке, вынудив и его остановиться. Потом повернула на боковую аллею. Ее голова едва доставала до его плеча. Поэтому ей приходилось поднимать на него взгляд, и ее прекрасные глаза отражали свет звезд.

Он пожал плечами:

– Может быть, и так, но меня никогда не заботили капризы моды, как тебе должно быть известно, Лили. – Он снова двинулся по дорожке. – Давай не будем ссориться. Сколько тебе нужно сегодня?

– О, ты становишься невыносимым, – ответила она. – Послушать тебя, так я ищу твоего общества, только когда мне нужно заплатить долги.

Он посмотрел на нее, продолжая идти. Взгляд его был непроницаем.

Она решила не продолжать эту тему. Ей нынче и в самом деле были нужны деньги, а ссорой ничего нельзя было добиться.

– Интересно, чем занята твоя жена? – задумчиво сказала Лили.

Насколько Джек знал Арабеллу, она должна была или тонко язвить Фрэнсис Вильерс, леди Джерси, или оказывать помощь и проявлять сочувствие к какому-нибудь Французско-

му беженцу из аристократов, с досадой размышлял он. Но сказал только:

– Понятия не имею.

Лили снова подняла на него глаза, ставшие вдруг пронзительными.

– И тебе неинтересно знать, Джек?

Внезапно лицо его стало похожим на маску, глаза утратили всякое выражение.

– Не желаете ли послушать концерт, мадам?

– О, Джек, не притворяйся, что не понял меня, – неразумно упрекнула его Лили. – Ты ведь отлично знаешь, что твоя жена поддерживает принцессу, а ее постоянные нападки на Фрэнсис не приведут ни к чему хорошему. Леди Джерси кое-что нашепчет на ушко принцу, и он никогда больше не появится на Кэвендиш-сквер. Ты потеряешь всякую надежду на царственное покровительство... В руках Фрэнсис сосредоточены все милости принца, все блага, и держит она их крепко, а твоя милая женушка никак не выдержит соперничества с этим голиафом.

Джек остановился под ярко пылающим факелом и сказал с обманчивой любезностью:

– Моя дорогая Лили, я полагаю, что говорил тебе раньше, что не стану обсуждать свою жену... ни с тобой и ни с кем другим.

Лили дотронулась веером до его руки, обтянутой шелком сюртука.

– Не глупи, Джек. Твоя жена и то, что она оказывает поддержку принцессе, – притча во языцех во всех домах Лондона.

– Не в моем присутствии, – возразил он самым дружеским тоном. – Прости меня, Лили, если я скажу, что не имею ни малейшего желания продолжать этот разговор. Давай перейдем к делу. Сколько тебе надо?

Лили боролась с раздражением. Ей редко приходилось страдать от язвительности Джека, и быть ее мишенью оказалось очень неприятно. Но в конце концов ей ничего не оставалось, кроме как проглотить свою досаду. Она со вздохом положила руку в перчатке на его рукав.

– Так неприятно, Джек. Мне пришлось заложить тиару Уортов. У меня, правда, есть копия, но Уорт хочет отдать ее почистить и, конечно...

– Конечно, – согласился он. – Зачем тебе понадобилось делать такую глупость, Лили?

Она вспыхнула:

– У меня не было выбора. Ты отсутствовал в Лондоне два месяца.

Он покачал головой:

– Разумеется, это так. Я выкуплю тиару, если ты дашь мне квитанцию.

Она принялась копаться в крошечной шелковой сумочке, висевшей на запястье, и вытащила наконец скомканную бумажку.

– Вот.

Опустив глаза, она протянула ее ему. Он заметил цифру, брови его поднялись, потом опустил бумажку во внутренний карман сюртука.

– Ах, милорд герцог, я и не подозревала, что нынче вечером вы посетите Рэйнли, – зазвенел голос Арабеллы, показавшейся на перекрестке двух дорожек под руку с лордом Морпетом. – Вам следовало бы сказать мне. Мы могли оказаться в одной компании.

Спутница ее мужа попала в поле ее зрения.

– Леди Уорт... Какой приятный вечер!

– В самом деле, леди Арабелла, – ответила на приветствие графиня и присела перед спутником Арабеллы: – Лорд Морпет!

– Добрый вечер, миледи Уорт, добрый вечер, Фортескью. – Он поклонился.

Джек ответил на приветствие и предложил свою табакерку. Глаза его задержались на кремовой коже жены. Ее карие глаза в ярком свете факела казались совсем золотыми.

– Надеюсь, ты развлекаешься, любовь моя.

– Конечно, сэр, и вы, как я вижу, тоже. – Она одарила белозубой улыбкой леди Уорт.

– Не видела тут леди Джерси, – сказала Лили.

Она негромко рассмеялась.

– Возможно, она знала, мэм, что вы будете здесь нынче вечером.

– Сомневаюсь, что это могло отразиться на планах графини, – холодно возразила Арабелла. – Его высочество предпочел сегодня не оказывать чести Рэйнли. Осмелюсь предположить, что именно в этом причина отсутствия ее милости.

Лорд Морпет бросил участливый взгляд на герцога Сент-Джулза, хотя тот выглядел невозмутимым.

Леди Уорт подвинулась к герцогине и сказала с заговорщическим видом:

– Моя дорогая леди Арабелла, ваш муж и я как раз говорили о том, что вам следует вести себя поосторожнее и не раздражать Фрэнсис Вильерс. Она имеет слишком большое влияние на принца. Одно ее слово, и вы оба окажетесь вне его круга. Подумайте если не о своих интересах, то хотя бы о положении Джека. Они с принцем друзья много лет. Мы говорили, что было бы так досадно, если бы вдруг возникшая вендетта свела бы эти отношения на нет, и это случилось по вине того, кто не сознает полностью всей сложности взаимоотношений в обществе.

На мгновение Арабелла лишилась дара речи. Эта женщина и Джек обсуждали ее поведение, будто она была наивной простушкой, неспособной отличить собственный локоть от щиколотки. Изумление ее было так велико, что она заморгала, потом сказала холодно:

– Я тронута вашей заботой, мэм.

Она повернулась к своему спутнику:

– Мы ведь собираемся смотреть фейерверк, лорд Морпет?

Да?

– Именно так, мадам.

Его лордство выглядел смущенным. Что же до герцога Сент-Джулза, то он и ухом не повел. Лицо его оставалось спокойным и приветливым, но только глупец мог бы принять видимость за суть – это спокойствие было лишь на поверхности.

Герцог отвесил поклон жене, уходившей под руку с лордом Морпетом.

Лили подняла на него наивные глаза, стараясь замаскировать свое лукавство.

– О Господи! У меня и в мыслях не было расстраивать твою жену, – сказала она, снова кладя руку на его рукав. – Поверь, у меня не было такого намерения, Джек. Но право же, тебе следует проявлять большую осторожность. Фрэнсис полностью контролирует принца. Он у нее в кармане.

Джек мягко отстранился и снял ее руку со своего рукава.

– Меня огорчает, Лили, что ты так плохо меня знаешь, полагая, будто это хоть чуть меня встревожит.

– Неужели тебе безразлично, что твоя жена может тебя погубить?

Он улыбнулся и в кои-то веки решил отступить от своих правил:

– Моей жене, моя дорогая, также как и мне, нет дела до мнения общества. Она всегда будет следовать зову своей совести, какие бы последствия это ни повлекло. И меня восхи-

щает это ее качество.

Он снова предложил ей руку.

– Позволь мне проводить тебя к твоим друзьям.

Глазами Арабелла следила за фейерверком, но его великолепие ее почти не трогало. На мгновение она даже не осознала, кто направлявшиеся к ней мужчина и женщина. Мужчина во второй раз сказал:

– Ваша светлость, позвольте мне представить вам виконтессу Дю Лак.

Только теперь Арабелла очнулась от своих гневных размышлений и повернулась к ним с механической улыбкой:

– О, простите меня, месье де Безанваль. Я была поглощена фейерверком. – Она протянула руку сопровождавшей его даме. – Я в восторге, госпожа виконтесса.

Дама приняла протянутую руку и сделала реверанс. Она заговорила, и акцент ее Арабелла нашла прелестным.

– Я счастлива познакомиться с вами, ваша светлость.

– Виконтесса только что прибыла в Лондон, – пояснил де Безанваль. Она была хорошо знакома с графиней де Вильфранш.

Сердце Арабеллы бешено забилося.

– Это сестра моего мужа, – сказала она и взяла даму за руку. – Пройдемтесь немножко. Шум фейерверка оглушает.

– Конечно, ваша светлость.

Арабелла чуть толкнула лорда Морпета, столь увлеченного чудесами пиротехники, что он даже не заметил, что его

спутница отвлеклась.

– Сэр, я собираюсь поболтать с виконтессой. Подождете меня здесь?

– Конечно, любезная леди, и можете не спешить, – ответил он с обычной учтивостью, не отрывая взора от пленившего его зрелища.

Арабелла рука об руку с француженкой направила свои стопы к небольшому павильончику, в этот час пустовавшему.

– Думаю, здесь мы сможем расслышать друг друга, – сказала она, усаживаясь на каменную скамью и жестом приглашая свою спутницу занять место рядом.

Виконтесса села, оправляя объемистые юбки. В это мгновение Арабелла позавидовала ей: ярды шелкового штофа и бархата лучше защищали от холода каменной скамьи, чем ее собственное тонкое платье. Не теряя времени, она спросила:

– Вам что-нибудь известно о графине, мадам?

Женщина вздохнула:

– Наверное, знаю только то, что она была арестована и препровождена в тюрьму Ля Форс. Она пробыла там в течение... – Виконтесса содрогнулась, стараясь подобрать слова. – Пробыла там в ту ужасную ночь... ночь резни. Стража перебила всех заключенных.

– Всех? Никто не спасся?

Женщина покачала головой:

– Насколько мне известно, мадам, никто. Двумя ночами

позже мне удалось бежать в Австрию. В Вене мы оставались до недавнего времени, а потом отправились в Англию.

– Вы знакомы с моим мужем? – Арабелла поймала себя на том, что оглядывается через плечо.

Не было ничего дурного в том, что она разговаривала с подругой сестры Джека, и все же она не могла отделаться от мысли, что было бы лучше, если бы Джек этого не видел и не слышал.

– Нет, к сожалению, не имела удовольствия, – сказала виконтесса. Мой муж предпочитал сельское уединение жизни при дворе, мы редко бывали в Версале и так ни разу и не встретились с герцогом, но мне известно, что он неустанно старался помочь нашим друзьям уцелеть во время Террора. – Она промокнула глаза кружевным платочком. – Какая трагедия, что он, сумевший помочь столь многим, не смог спасти сестру.

– Да, – пробормотала Арабелла скорее себе самой, чем собеседнице.

Могло ли это быть причиной его внезапных приступов мрачности? Тяжкое сознание, что ему не удалось спасти сестру?

Месье де Безанваль, скромно ожидавший у входа в павильон, кашлянул, стараясь привлечь их внимание.

– Прошу простить мое вмешательство, ваша светлость, но госпожу виконтессу ждут к ужину в концертном павильоне в компании графа Водрей.

Арабелла с живостью поднялась с холодного камня.

– Да, конечно, не задерживайтесь из-за меня. Искренне благодарю вас, мадам, за то, что поговорили со мной. Надеюсь, я могу нанести вам визит. Вы остановились у Водреев?

– Да, они очень добры, – ответила виконтесса, принимая протянутую руку Арабеллы. – Пожалуйста. Я буду рада побеседовать с вами снова.

– Позвольте, ваша светлость, проводить вас к вашему спутнику, – предложил меье, беря под руки обеих дам.

Арабелла не стала возражать, через несколько минут снова оказалась возле лорда Морпета. Фейерверк окончательно утратил для нее всякое очарование. В этот вечер случилось слишком многое. Ей хотелось побыть одной, чтобы переварить впечатления этого дня. Она дотронулась до руки Морпета.

– У меня разболелась голова, сэра. Вы проводите меня до моей лодки?

– Конечно, мэма, если желаете, – ответил ее спутник. – Но разве вы не предпочтете, чтобы я отвел вас к Джеку? Недавно я видел его в ложе леди Бельмонт.

– Нет, благодарю вас, – возразила она твердо. – Я ни за что на свете не рискнула бы лишать его удовольствия. Если вы ничего не имеете против...

Его лордству оставалось только выразить свою готовность исполнить ее желание.

– Позвольте мне сопровождать вас на Кэвендиш-сквер,

МЭМ.

– Право же, не стоит, – сказала Арабелла с такой энергией, что это могло вызвать недоверие к ее недомоганию. – Меня доставит лодочник Джон, а на северном берегу будет ожидать коляска. Я попаду в надежные руки.

В течение всего пути до берега реки Морпет молчал, а потом неохотно передал непреклонную герцогиню лодочнику Джону.

– Я сообщу Джеку о вашем нездоровье, мэм, – пообещал он.

– Нет, пожалуйста, не делайте этого, – отозвалась она, усаживаясь на скамью с бархатными подушками и принимая от лодочника плед, чтобы укрыть колени. – Я не хочу, чтобы он из-за меня лишился удовольствия и вернулся раньше, чем был намерен.

Она улыбнулась и подняла руку прощальным жестом, как только гребец направил лодку на середину реки, где течение было быстрым и мощным.

Джек поднял глаза от карт, когда в павильон вошел лорд Морпет. Поймав взгляд герцога, его лордство прошел через комнату, направляясь к его столу.

– Каковы ставки, Джек?

– Двадцать гиней, – ответил Джек, сбрасывая карту.

– Для меня слишком высоки, – решил Морпет, но все-таки сел рядом с Джеком и попросил банкмета сдать ему карты.

– Где ты оставил мою жену? – небрежно спросил Джек, забирая выигрыш.

Лорд Морпет решил, что, раз ему задали прямой вопрос, он волен пренебречь запретом герцогини.

– Она отправилась домой, – ответил он и поморщился при взгляде на свои карты, – сказала, что у нее болит голова... Я проводил ее до лодки. Она не позволила мне отвезти ее на Кэвендиш-сквер, – добавил он поспешно. – Пытался настаивать, но она наотрез отказалась.

– Переубедить мою жену нелегко, – заметил Джек тем же небрежным тоном.

Насколько ему было известно, Арабелла никогда не страдала от головной боли. Он перетерпел две сдачи, потом поднялся из-за стола и отрицательно покачал головой, услышав ропот противников, желавших отыграться.

– Простите меня, джентльмены, но я бы застрял здесь на всю ночь, – смеясь, сказал он протестующим.

Джек не спеша направился к берегу реки, окликнул свободного лодочника, ожидавшего пассажиров на берегу, потом нанял портшез, чтобы добраться до Кэвендиш-сквер, где ночной привратник сообщил ему, что ее светлость вернулась часом ранее.

Джек поднялся в свою спальню и мягко отворил дверь в соседнюю, принадлежавшую Арабелле. Она была пуста. Лампа горела, но фитиль был прикручен, и пламя едва теплилось. Под дверью будуара он заметил полоску света. Хму-

рять, Джек так же бесшумно закрыл дверь.

– Надеюсь, вы приятно провели вечер, ваша светлость? – спросил Луи, помогая хозяину снять вечернее платье.

– Вполне, – ответил Джек с отсутствующим видом. – Подай мне халат, а потом можешь идти спать.

После того как камердинер удалился, Джек постоял, постукивая себя кончиками пальцев по губам и глядя на закрытую дверь спальни Арабеллы. Было почти два часа ночи, а она вернулась домой всего час назад все еще не легла спать. Он прошел через ее спальню и открыл дверь в будуар. Арабелла сидела у камина с книгой на коленях. У ее ног лежали собаки. Она была слишком возбуждена, чтобы заснуть, когда Бекки оставила ее, и за это время ее волнение переросло в гнев. Гнев этот был сумбурным, но вызван он был двумя причинами. Джек ничего не сказал ей о том, чем занимался во Франции, ни слова не промолвил о своей сестре, а вместо этого старался убедить ее, что не питает ни малейшего сочувствия к бежавшим от террора, хотя рисковал жизнью, спасая их. Почему он не доверил ей этого? Неужели считал ее недостойной своей откровенности? Однако с Лили Уорт он был способен обсуждать поведение своей жены. Почему бы ему не говорить с ней и о сестре, и о неудачной попытке спасти ее? Лили была не только его любовницей, но, вероятно, и поверенной его тайн. И даже чем-то большим. Джек дал ей негласное разрешение поучать и отчитывать свою жену. Иначе разве она взяла бы смелость при Джеке давать Ара-

белле советы насчет того, как ей следует себя вести с Фрэнсис Вильерс?

Когда Джек вошел в будуар Арабеллы, голова у нее и в самом деле разболелась не на шутку. Она уже готовилась к битве, но не знала, какую тактику избрать.

– Морпет говорил, у тебя приступ головной боли, – сказал Джек, делая попытку улыбнуться. – Я думал найти тебя в постели.

– Мою головную боль не может излечить пребывание в постели, – заявила она, вскакивая на ноги.

Тактику ведения боя ей подсказали обстоятельства.

– Как ты посмел, Джек? – В ее взгляде клокотала лава.

– Как я посмел что?..

Он прислонился плечом к каминной полке и спокойно смотрел на жену.

– Ты отлично знаешь, что я имею в виду, – огрызнулась она. – Как ты посмел обсуждать мое поведение с кем бы то ни было, не говоря уже о леди Уорт? Как ты мог просто стоять и слушать, когда она взялась критиковать меня?

Арабелла сделала круг по комнате. Собаки с изумлением и беспокойством следили за ней. Она обошла вокруг Джека. При этом полы ее пеньюара цвета слоновой кости вихрем взвились вокруг обнаженных ног.

– Джек, я так зла, что могла бы тебя ударить!

– Не советую этого делать, – предупредил он голосом, мягким, как весенний дождик.

– Я ведь сказала, что могла бы, но не говорила, что сделаю это! – возразила она с яростью. – Я не дура!

Джек шагнул к ней. Его бровь была изумленно приподнята.

– Послушай... – пробормотал он миролюбиво.

Собаки заворчали на него, шерсть на их загривках поднялась дыбом, они попятились и прижались к ногам Арабеллы.

– О, – заметила она саркастически, – хоть вы двое наконец-то проявили верность мне.

– Успокой их, или я их вышвырну отсюда, – потребовал раздраженный Джек.

– Они отхватят тебе руку, – сказала Арабелла не особенно уверенно. – Потише, – обратилась она к ним. – Лежать!

Они неохотно подчинились, но не сводили глаз с хозяина дома, который, не обращая на них внимания, приблизился к жене. Он положил руки ей на плечи.

– Послушай, Арабелла, я не обсуждал тебя с леди Уорт. У меня нет привычки делать это с кем бы то ни было. Тебе ясно?

– Графиня сказала, что нынче вечером вы говорили обо мне, – ответила она, высвобождая плечи из-под его рук и пытаясь стряхнуть его ладони.

Он опустил руки.

– И ты ей поверила?

Она отошла к окну и повернулась к нему спиной.

– Если ты скажешь, что она это придумала, я буду вынуж-

дена принять твоё объяснение.

– Ты должна, – произнес он с нажимом. – Не будешь ли так любезна повернуться ко мне лицом? Мне не нравится разговаривать с твоей спиной.

Она медленно повернулась. Глаза её все ещё метали молнии, лицо было очень бледным.

– Не понимаю, почему ты поставил меня в ложное положение. Я не сделала ничего дурного и не стояла бы как пень, если бы тебя при мне оскорбляли.

– Но тебя не оскорбляли, – возразил он. – Леди Уорт просто высказала своё мнение. И такого мнения придерживаются многие.

Она притихла.

– И ты тоже?

Он пожал плечами:

– Я не считаю разумным настраивать против себя принца. Он вправе говорить и делать, что пожелает.

– Разумеется, он вправе демонстративно превозносить любовницу в присутствии принцессы и публично оскорблять жену при каждом удобном случае. А уж что он себе позволяет, когда они остаются наедине, только Господу Богу известно. Конечно, он вправе побуждать любовницу оскорблять и унижать жену.

Она издала короткий гневный смешок и повернулась к двери в спальню.

– О, я прекрасно понимаю, сэръ, почему вы разделяете его

точку зрения.

– И что вы хотите этим сказать?

Голос его был тихим и ровным, но в глазах появился опасный блеск.

Арабелла открыла дверь в спальню, и собаки ворвались туда, чуть не сбив ее с ног в своем стремлении поскорее избавиться от тягостной атмосферы, возникшей в будуаре. Она дала себе клятву никогда не обвинять его прямо в связи с любовницей и никогда не показывать, что это ее уязвляет, и вот теперь нарушила свою клятву.

– Мужчины! – сказала она. – Все вы одинаковые. Вы поддерживаете друг друга. Я имела в виду только это.

Она бросилась в свою спальню, и он услышал, как ключ повернулся в двери комнаты, соединявшей их спальни. Теперь он рассердился по-настоящему. Однако, когда заговорил, голос его был ровным и спокойным:

– Открой дверь, Арабелла. Сейчас же.

Арабелла не ответила. Она сорвала с себя пеньюар, бросилась на постель и уставилась на вышитый балдахин над головой.

Джек заговорил снова тем же тихим, ровным и спокойным голосом:

– Арабелла, если ты не откроешь, я вызову ночного прихватника, и он снимет оба замка, снимет совсем, и их больше там не будет.

Она порывисто села на постели. Джек никогда и ничего не

говорил попусту, а столь унижительной сцены она не смогла бы вынести.

– Черт бы тебя побрал, Джек Фортескью, – проговорила она, отбрасывая одеяло.

Она подошла к двери и повернула ключ, потом проделала то же самое с другой дверью. После этого вернулась в постель и подождала.

Но Джек не стал открывать дверь. Он только сказал:

– Благодарю тебя.

И это были последние слова, которые она услышала от него в ту ночь.

Арабелла не слышала, как отворилась дверь ее спальни, но это почувствовали Борис и Оскар. Они лежали, развалившись у нее в ногах, чего не позволяли себе с тех пор, как Арабелла стала делить постель с Джеком. Присутствие собак действовало на нее успокаивающе в часы тревожного сна, и она застонала, только когда они приподнялись с возбужденным тьявканьем, спрыгнули с постели и, громко клацая когтями по полированному полу, побежали к двери.

– Ах ты, лежебока! – послышался знакомый голос. – Прокрутила всю ночь, а, Белла?

– Мэг!

Арабелла, протирая глаза и моргая, приходила в себя. Она пыталась приподняться и сесть, опираясь о подушки.

– Мэг! – воскликнула она восторженно. – Что ты здесь делаешь? Как сюда попала? И ради всего святого, который

теперь час? – Арабелла посмотрела на каминную полку, пытаясь разглядеть крошечные стрелки на украшенных драгоценными камнями часах.

– Больше десяти, – ответила Мэг, развязывая ленты на шляпке.

Она стояла и улыбалась, глядя на подругу.

– Какая неприлично огромная кровать... И почему, спрашиваю я себя, ты спишь на ней с двумя рыжими сеттерами? – Она бросила шляпку и наклонилась поцеловать Арабеллу. – Я так по тебе истосковалась.

Арабелла, теперь уже вполне проснувшаяся, ответила поцелуем.

– Как же я по тебе соскучилась, Мэг!

Сидя на кровати, она протянула руку к маленькому колокольчику на ночном столике и принялась изо всей силы звонить в него.

– Сначала шоколад... Как ты сюда попала? Я не ждала тебя в ближайшие недели. Джек обещал написать твоему отцу, но я думала, это продлится целую вечность.

Она повернула голову на звук отворяющейся двери и улыбкой приветствовала горничную:

– О, Бекки, посмотри, кто здесь. Приехала погостить мисс Баррет.

Сияющая Бекки закивала головой:

– Да, мэм, я знаю. И все слуги знают, все до одного. Добро пожаловать, мисс Мэг.

Она несколько раз присела в реверансе, выражая свой восторг, ловко балансируя при этом подносом с дымящимся серебряным сосудом с горячим шоколадом, блюдом с хлебом с маслом и двумя изящными чашечками.

– Это все равно как дома, миледи.

Она поставила поднос на ночной столик:

– Разлить шоколад, ваша светлость?

– Нет, я сама это сделаю, Бекки, – ответила Мэг, освобождаясь от плаща. – Леди Арабелла позвонит вам, когда будет готова одеваться.

– Да, Бекки, – согласилась Арабелла с улыбкой.

Для Мэг было обычным делом ворваться в дом и принять на себя все обязанности. В настоящих обстоятельствах Мэг, свежая и сияющая, порозовевшая от холодного воздуха на улице, была в гораздо большей степени способна распорядиться, чем Арабелла, все еще отуманенная сном. И конечно, Мэг обладала преимуществом знания того, как и почему явилась так быстро и неожиданно. Арабелла же на этот счет оставалась в полном неведении.

– Не будете ли так любезны вывести отсюда собак, Бекки? – спросила Мэг бодро, отталкивая от своих колен две рыжие морды, взиравшие на нее с обожанием, пока она усаживалась на кровать. – Не так уж они и страдают, как я погляжу, – сказала Мэг, притворно вздыхая, потому что Борис и Оскар метнулись к двери, как только Бекки окликнула их. – Бессовестные создания!

Арабелла рассмеялась и отбросила одеяло:

– Пройдем-ка в будуар. Не хочу предаваться неге, лежа в постели с чашкой шоколада, когда ты излучаешь энергию и свежесть.

– Я захвачу поднос.

Мэг отнесла поднос в будуар, а Арабелла последовала за ней, на ходу накидывая пеньюар. Арабелла налила шоколад в чашки и одну протянула Мэг, потом взяла свою одновременно с куском хлеба, намазанным маслом, и села в шезлонг.

– Итак, Мэг, объясни мне все.

Мэг, казалось, просто распирала энергия. С чашкой в руке она обошла элегантно обставленную комнату. От ее взгляда ничто не ускользнуло. Потом она остановилась у окна, выходящего на улицу.

– Господи, я не ожидала увидеть Лондон таким впечатляющим.

– Но он именно такой, – сказала Арабелла, отпивая крошечный глоточек шоколада.

Она знала, что в свое время Мэг все ей расскажет.

– Меня это тоже вначале удивило.

Мэг бросила на нее пытливый взгляд:

– Может, имеет значение то, что тебя окружает.

– Вероятно.

Глаза Мэг подозрительно сощурились.

– У элегантного герцога изысканный дом, – сказала она. –

А неглиже, Белла, – просто последний крик моды.

– Подожди делать выводы, пока не увидишь все мои наряды, – ответила Арабелла, внимательно оглядывая подругу. – Если ты останешься надолго, Мэг, то, думаю, надо будет выбрать время и обновить твой гардероб. Прости мою грубость, но этот дорожный костюм старомоден.

На мгновение Мэг оцепенела, потом разразилась смехом:

– И это говоришь ты! Никак не ожидала услышать это слово из твоих уст, Белла! Старомоден!

– Да, ты ведь не провела столько времени с моим мужем, как я, – сказала Арабелла обиженно.

Она взяла с подноса кусок хлеба с маслом.

– Мэг, пожалуйста...

Мэг улыбнулась и устроилась на подоконнике.

– К вопросу о твоём муже... Он прислал портшез с форейторами и эскортом и очень милое письмо моему отцу, в котором просил отпустить меня в Лондон, потому что его жена сохнет от отсутствия своей подруги, и сообщил отцу, что тот окажет ему огромную услугу, если уступит вам свою дочь на несколько месяцев...

– Джек все это сделал? – Арабелла уперлась взглядом в свою чашку. – Но он ничего мне не сказал!

Конечно, ее муж был мастер хранить секреты. А этот был прелестным. Предназначенным для того, чтобы доставить ей удовольствие. Она улыбнулась.

– Он не говорил тебе? – Мэг нахмурилась. – Ты не просила его посылать за мной?

– Я хотела, чтобы он написал сэру Марку, но мне и в голову не приходило, что он сделает гораздо больше, – призналась Арабелла.

Она поставила чашку и поправила прядь волос, спустившуюся ей на лоб. Вчерашняя ссора утратила остроту, но не смысл.

Сильный стук в дверь прервал их беседу.

– Да? – откликнулась она.

В голосе ее прозвучало нетерпение.

– Могу я войти? – Джек, напротив, был само спокойствие, как обычно.

– Да, разумеется, – отозвалась его жена.

У Джека не было привычки спрашивать разрешения, хотя он всегда стучал в дверь, перед тем как войти. Джек вошел в будуар. Он был одет для верховой прогулки – в камзол и бриджи и блестящие сапоги и выглядел, как всегда, безупречно. Ни один волосок не выбивался из его прически, а лицо сияло здоровьем и румянцем от упражнений на свежем воздухе. Глаза его, ясные и пронизательные, охватили всю комнату, включая Мэг, сидящую на подоконнике, и жену в шезлонге.

Он отвесил поклон им обеим:

– Доброе утро, жена моя. Добро пожаловать, мисс Баррет. Арабелла вскочила с шезлонга:

– Джек, почему ты мне ничего не сказал?

Он принял протянутые к нему руки, привлек ее к себе и легко коснулся губами уголка ее рта.

– Я хотел сделать тебе сюрприз... и доставить удовольствие.

Она подняла на него глаза и ответила вполне искренне:

– Тебе это удалось. Благодарю.

Он поднес к губам ее руки, потом выпустил их и повернулся к Мэг, тоже вставшей с подоконника.

– Спасибо, что вы предприняли это путешествие, мисс Баррет. Надеюсь, оно было не слишком тяжелым?

В зеленых глазах Мэг засверкали смешинки:

– Благодарю вас, сэр, что вы мне облегчили его. Этот портсез был также удобен, как пуховая перина.

– Едва ли, – пробормотал он, целуя ее руку. – Но вы очень добры, что говорите это.

Арабелла наслаждалась этим обменом любезностями, похожим на игру. Когда доходило до забав, ее муж и подруга оказывались равными партнерами.

– Сюрпризы прекрасны, Джек, – сказала она с улыбкой. – Но мне бы хотелось, чтобы я знала о прибытии Мэг раньше и могла приготовить для нее гостевую комнату.

– Это уже сделано. Тидмаус позаботился обо всем. Я подумал, что мисс Баррет будет удобнее всего в китайских апартаментах, – сказал он, напоминая ей, какие усилия были им предприняты для их брачной ночи.

– Да я и сама бы выбрала их, – согласилась Арабелла.

Это была анфилада роскошных комнат в противоположном крыле.

– Тогда я скажу Бекки, чтобы она показала мисс Баррет ее апартаменты и познакомила ее с Мартой, которая будет прислуживать ей, пока она у нас.

Все это было сказано так любезно, так учтиво, так очаровательно, что Мэг сама не заметила, как ее будто вынесло из комнаты, и Арабелла осталась наедине с мужем.

Джек улыбнулся ей:

– Довольна?

– Конечно.

Она ответила несколько неуверенной улыбкой.

– Давай забудем вчерашний вечер?

Она, хмурясь, смотрела на свои босые ноги.

– Я привыкла к уединению... к независимой личной жизни.

– Я готов считаться с этим.

– Я должна иметь право запираť свою дверь.

– Но только не во гневе.

Арабелла раздумывала, но не нашла причин возражать.

– Очень хорошо, – сказала она. – Не во гневе.

Джек глубоко вздохнул.

– Значит, мы забудем вчерашнюю ночь? – спросил он снова.

Она кивнула и вошла в кольцо его рук. Эта ссора не заслуживала внимания и была недостойна вызвавших ее причин. Но их она забыть не могла.

ГЛАВА 18

– Не понимаю, почему я не беременею. – Арабелла осторожно поливала орхидею «Джуэл», когда они обе трудились в оранжерее. – Мы женаты с августа прошлого года, а теперь уже май.

– Не думаю, что у вас не было удобного случая заняться продолжением рода, – с улыбкой ответила Мэг, внимательно разглядывая виноградную лозу, щедро отягченную плодами.

Арабелла рассмеялась:

– О, в этом недостатка не было.

Она подумала о том, как легко им с Мэг было восстановить доверительные отношения. Это было как в прежние времена в оранжерее Лэйси-Корт, когда они поверяли друг другу свои самые интимные тайны.

– Несмотря на то, что ты спишь с собаками, – заметила Мэг, и в ее зеленых глазах заплясали огоньки.

– Джек рано отправился на верховую прогулку, – сказала Арабелла, выпрямляясь и делая небрежный жест рукой, ничуть не обманувший ее подругу. – Может, следует проконсультироваться с врачом... Как бишь его... О, с Джеймсом Грэмом? – продолжала Арабелла, стараясь увести Мэг в сторону от темы.

– С этим шарлатаном! – фыркнула Мэг. – Как он назвал это место, этот центр плодovitости, который создал? А, Хра-

мом здоровья и Гименя? Кажется, так?

Арабелла хмыкнула в ответ и принялась утрамбовывать кусочки коры вокруг корней только что пересаженного цветка.

– Да, конечно, это абсурд. Не заставляет ли он людей заниматься любовью на электромагнитных кроватях? Уверена, что слышала об этом.

– И не следует забывать о молочных ваннах.

– Ну, он обанкротился много лет назад, так что у него нет выбора, – сказала Арабелла, стряхивая с листа крошечную пылинку. – Но есть доктор Уоррен, специализирующийся на бесплодии, правда, он не прибегает к таким экстремальным мерам. Может быть, стоит проконсультироваться с ним?

– Неужели это действительно так тебя беспокоит? – Мэг бросила тайный, но весьма пристальный взгляд на обращенную к ней спину подруги.

Арабелла, выпрямляясь из согбенного положения, продолжала предаваться размышлениям.

– По правде говоря, нет, – ответила она. – Во всяком случае, пока. У меня масса других причин для беспокойства.

– И что это за причины?

Мэг выбрала отягченную плодами лозу и срезала кисть винограда крошечными серебряными ножничками.

– Ну, прежде всего это дело сестры Джека. И даже не знаю, как к нему приступить, Мэг.

Она покачала головой, признавая полное фиаско, с кото-

рым никак не желала примириться, и поставила сосуд, из которого опрыскивала цветы.

– Я хочу спросить его напрямую, что с ней случилось.

– Так почему ты этого не сделаешь? Ты никогда не испытывала сомнений, если надо было предпринять какие-то действия.

Мэг сознавала, что в этом случае играет роль подстрекательницы, некоего адвоката дьявола, но эту роль они не раз играли по отношению друг к другу.

– Честно? – Арабелла снова покачала головой и сложила руки на груди. – Если говорить начистоту, Мэг, то я боюсь. Не знаю, как он это примет. Он может снова погрузиться в угрюмое молчание, уйти от меня во мрак, я не смогу последовать туда за ним и тогда утрачу всякую надежду проникнуть в его тайны.

– А ты не можешь обойтись без его тайн?

Это был риторический вопрос. Мэг смотрела на подругу, слегка хмурясь.

– Когда ты дала согласие на брак с ним, на брак по расчету, похоже было, что тебе совершенно наплевать на личную жизнь и характер твоего мужа. Когда все изменилось?

Арабелла пожала плечами:

– Не знаю. Просто это произошло.

– Ты влюбилась в него?

На кремовых щеках Арабеллы появились два розовых пятна.

– Возможно, – призналась она.

Мэг покачала головой:

– А я-то думала, что из нас двоих именно я способна потерять голову.

– Не шути, Мэг, – запротестовала Арабелла. – Это мне не поможет.

– Прошу прощения.

Мэг смотрела на подругу серьезно, и все веселье утекло с ее лица.

– Значит, твой единственный выход – докопаться до истины. Я только надеюсь, – поколебавшись, добавила она с решительным видом, – что ты не набредешь на такое открытие, без которого лучше было бы обойтись. Ну вот, я сказала, что хотела, а ты можешь осадить меня и попросить не вмешиваться в твои дела.

Арабелла тяжело вздохнула, ее энергия иссякла.

– Я уже сама думала об этом, Мэг, и все-таки не могу ни на что решиться.

Мэг кивнула:

– В таком случае вопрос исчерпан. Значит, причины номер один для волнения больше не существует. Какова забота номер два?

– Эта отвратительная леди Уорт! – Арабелла принялась возбужденно расхаживать по проходу между стеллажами. – От одной только мысли об этой женщине у меня начинаются судороги. Она внешне само совершенство и говорит самые

гнусные вещи сладким голоском. Не могу понять, что находит в ней Джек. Она такая... ломака.

Мэг нахмурилась:

– А они на самом деле любовники? Арабелла издала короткий гневный смешок:

– О да. Не далее как вчера вечером она принялась читать мне нотации в присутствии Джека. Она даже сказала, что они с Джеком обсуждали мое поведение. Он это отрицает, но...
—

Она пожала плечами, и шаги ее стали более энергичными.

– Но ты ему не поверила?

– Не знаю, поверила или нет. Все так запуталось.

– Ах, – Мэг взяла в рот виноградину, – это объясняет присутствие собак в твоей постели.

Арабелла остановилась.

– Да, – согласилась она. – Именно так. Мы поссорились, и я готова лезть на стену, оттого что почувствовала себя преданной.

– Вы поссорились из-за его любовницы? – спросила Мэг, глядя на подругу сощуренными глазами.

– Якобы из-за леди Джерси, но на самом деле из-за его любовницы.

Арабелла снова вздохнула и провела рукой по глазам.

– Фрэнсис Вильерс приводит меня в ярость, так же как Лили Уорт. Обе они злые, и им доставляет наслаждение язвить и дразнить женщин, которым они наставили рога.

– А я-то думала, что рога наставляют мужчинам.

Арабелла не обратила внимания на эту реплику.

– Это все равно, – ответила она презрительно.

– Думаю, ты права, – согласилась Мэг, предлагая подруге гроздь винограда. – Значит, ты выместила свою ярость против любовницы Джека на любовнице принца Уэльского? Это так?

– Почти так. – Арабелла выбрала виноградину. – И все же у меня есть единомышленники, когда речь заходит о презрении к леди Джерси. Она на удивление непопулярна, но все перед ней трепещут, оттого что она имеет власть над принцем. Никто не смеет и рта раскрыть.

– М-м... – кивнула Мэг. – Ну, предположим, ты оставишь леди Джерси в покое и сосредоточишь всю свою энергию на том, чтобы отлучить мужа от графини Уорт.

На лице Арабеллы отобразилось отвращение:

– Да я готова свернуть ей шею.

Она бросила взгляд на серебряные часики, приколотые к кушаку на талии.

– Господи! Который час? Месье Кристоф будет здесь с минуты на минуту, чтобы заняться твоими волосами. Пойдем в мой будуар.

– Я настаиваю, чтобы ты разрешила мне заплатить за работу, – сказала Мэг, выходя вслед за подругой из оранжереи.

– О, доставь мне удовольствие проявить щедрость, – попросила Арабелла, беря Мэг под руку. – Мне никогда не при-

ходилось делать это прежде. К тому же, – добавила она с серьезным видом, – если понадобится, я всегда смогу использовать уроки мужа и выиграть необходимую сумму в фараон.

– О, в таком случае, – сдалась Мэг, – как я могу отказаться?

Парикмахер уже разложил инструменты, когда дамы вошли в комнату. Он искренне обрадовался Арабелле. Месье Кристоф был первым из многочисленных протеже герцогини. К тому же она сумела значительно расширить его клиентуру. Новая манера причесываться тотчас же привлекла лестное внимание, и целый рой желающих последовать ее примеру ринулся к месье Кристофу.

Он подверг Мэг внимательнейшему осмотру, потом провел пальцами по ее своевольным рыжим кудрям.

– Думаю, если мадам позволит, ее следует подстричь еще короче, чем вашу светлость, и это лучше подойдет к волосам мадам. Их следует, как вы имеете обыкновение выражаться, приручить.

– Мудрое замечание, – согласилась Мэг. – Приступайте, месье Кристоф, и делайте, что сочтете нужным, даже самое худшее.

– Да нет же, мадам, я постараюсь сделать как можно лучше, – сказал куафёр, несколько уязвленный.

Он принялся стричь волосы Мэг, а Арабелла внимательно наблюдала за его действиями. Через минуту он сказал:

– О, ваша светлость, я должен передать вам искреннюю

благодарность мадам Соррей за то, что вы сделали для ее дочери. Мадемуазель Элиз очень счастлива в семье миледи Бонд.

– Я рада, – ответила Арабелла.

Кристоф осторожно состриг локон над ухом Мэг.

– Должен вам сообщить, ваша светлость, что из Гавра прибыла новая партия беженцев. Я спрошу, не слышал ли кто-нибудь из них о графине де Вильфранш.

– Благодарю вас, – откликнулась Арабелла, продолжавшая свое расследование и расспрашивавшая всех, от ремесленников и простолюдинов до аристократов, хотя надежды узнать что-либо о судьбе графини от людей, принадлежавших к кругу месье Кристофа, было мало.

Они вращались в столь разных слоях общества, хотя, напомнила она себе, в тюрьме проявляют мало почтения к представителям высших классов.

Парикмахер шелкнул ножницами с довольным видом, показывая, что процедура окончена.

– О, Мэг, на это стоит посмотреть! – воскликнула Арабелла. – Ты выглядишь совсем иначе.

Мэг созерцала свое преображение с таким же изумлением, как и Арабелла. Теперь ее подстриженные локоны подчеркивали угловатость щек, и от этого выигрывала красота ее живых зеленых глаз. Оглядев себя со всех возможных точек, Мэг сказала:

– О, мне это нравится, но у моей бедной мамы случится

припадок. Она лишится чувств.

– Это другое поколение, мадам... Им трудно поспевать за прогрессом, – сказал парикмахер, укладывая ножницы в кожаную сумку. – Вам, ваша светлость, надо будет укоротить волосы через неделю, – обратился он к Арабелле, выходя из ее будуара.

– А теперь, – сказала Арабелла, потирая руки от предвкушения удовольствия, – нам надо выбрать тебе платье к обе-
ду. Сегодня вечером бал в Гордон-Хаусе, и твое появление должно быть замечено.

Она повернулась и направилась в свою спальню.

Мэг последовала за ней, все еще ощупывая свою незнако-
мую и непривычную шевелюру.

– Разве я могу появиться без приглашения?

– О да. Ты гостя герцогини Сент-Джулз, дорогая, – со-
общила Арабелла непринужденно и тотчас же широко рас-
пахнула дверцы своего платяного шкафа. – Где-то там есть
бальное платье из зеленого шифона. Я настояла, чтобы Се-
леста сшила его для меня, но Джек всегда смотрит на меня
с таким неодобрением, когда я его надеваю, думаю, потому,
что не он его выбрал. А! Вот оно! – Она протянула руку в
темноту шкафа, вытащила платье и подала его Мэг: – Держи!
Это твой цвет! – Она скорчила гримаску. – Мне неприятно
это признавать, но Джек прав. На тебе оно будет выглядеть
гораздо лучше.

Мэг оглядывала себя в большом зеркале:

– Оно мне велико. Природа далеко не так щедро одарила меня, как тебя, Белла.

– О, Бекки мгновенно поправит корсаж, чтобы платье сидело на тебе как влитое, – сказала Арабелла, дергая шнурок звонка. – Подберет немного здесь, ушьет чуть-чуть там, укоротит, если надо... Она очень ловко владеет иглой, а Марта может ей помочь. У них уйдет на это времени всего ничего.

Джек уже был в гостинной, когда дамы спустились к обеду. Часы как раз начали бить – было ровно восемь. Он поклонился, и фалды его сюртука из золототканой парчи разлетелись в стороны, а украшенный камнями эфес шпаги отразил блеск свечей.

– Платье вам к лицу, мисс Баррет, – сказал он с одобрительным кивком. – Оно идет вам гораздо больше, чем Арабелле.

Арабелла сверкнула на него глазами. Он поманил ее к себе и, приподняв ее лицо за подбородок, внимательно оглядел его:

– Сегодня ты слишком бледна, моя дорогая. Я бы на твоём месте не надевал этого платья цвета слоновой кости. Нынче тебе больше подойдет туалет из шелка цвета шоколада поверх кремовой сорочки.

– Ну уж я не стану сейчас переодеваться, – сердито возразила Арабелла. – Может, немного нарумяниться?

Джек выпустил ее подбородок.

– Нет, – возразил он решительно. – Лучше постарайся ло-

житься спать пораньше.

– Не стоило ходить вокруг да около, говорил бы прямо, – ответила Арабелла с недовольной гримаской.

– Разумеется, не стоит, если речь идет о тебе, – согласился он дружелюбно, поворачиваясь к низкому буфету. – Могу я предложить вам шерри, мисс Баррет, или вы предпочитаете мадеру?

Вид у Мэг был удивленный и насмешливый: она размышляла, не пытается ли герцог своими замечаниями об облике жены утвердить свои позиции в отношении Арабеллы в глазах ее ближайшей подруги.

– Пожалуйста, шерри, сэр. Должна вас поздравить, герцог. Обычно Белла не принимает критику, обращенную к ней, с такой терпимостью.

– Мужья в таких вопросах более способны наверстать упущенное, чем другие люди, – ответил Джек бойко, передавая Мэг бокал с шерри, прежде чем налить мадеры жене.

Арабелла выразительно кашлянула:

– Вы говорите обо мне так, будто я стала невидимкой.

Джек сам не мог понять, какой бес в него вселился. Уже с минуту назад у него внезапно возникло чувство, будто ему приходится соревноваться с подругой Арабеллы. Это было абсурдом, и он ощутил некоторое замешательство, удивившее его почти столь же сильно, как и собственное нелепое поведение минуту назад.

Он стоял спиной к дамам, пока занимался напитками,

и это помогло ему восстановить душевное равновесие. Он с обычной улыбкой повернулся и подал жене ее бокал, но успел заметить, как женщины обменялись заговорщическим взглядом.

– Благодарю вас, сэр, – промолвила Арабелла.

Джек искал нейтральную тему, которая могла бы восстановить его пошатнувшееся чувство собственного достоинства.

– Вы любите ездить верхом, мисс Баррет?

– О да, сэр. – Мэг одарила его любезной улыбкой.

– Уверен, что у нас в конюшне найдется подходящая для вас лошадь, – сказал он. – Что ты об этом думаешь, Арабелла? Может быть, пегая кобыла?

– Конечно, – согласилась Арабелла.

Она едва сдерживала смех. Никогда прежде не видела она своего учтивого, обходительного мужа столь неуклюжим. Несмотря на то, что это ее несколько позабавило, все же ей было неприятно. Она поставила свой бокал:

– Не пора ли нам обедать?

Арабелла поднималась по широкой лестнице особняка Гордонов, опираясь на руку мужа. Мэг шла рядом с ней. Герцогиня Гордон принимала гостей на верхней площадке лестницы, и из бального зала за ее спиной доносились звуки оркестра.

Герцогиня любезно приветствовала Мэг, похлопала ресницами при виде герцога и внимательно оглядела Арабеллу

в надежде увидеть какие-нибудь новшества в ее туалете, которыми герцогиня Сент-Джулз могла бы вызвать фурор.

Джек сначала потанцевал с гостьей, потом с женой. Исполнив свой долг, он направился в зал для карточных игр.

В половине двенадцатого на парадной лестнице появилась леди Джерси в алмазном гарнитуре, подаренном ей принцем, и, разумеется, он оказался не хуже того, что был на принцессе Каролине, танцевавшей кадрили с герцогом Devonshire-ским.

– Вот горгона, – прошептала Арабелла на ухо Мэг.

– Она сногшибательна, – сказала Мэг, оглядывая вошедшую даму из-за края веера.

– Я и не утверждала обратного, да, она красива, как и леди Уорт, – мрачно согласилась Арабелла.

– Сегодня ее нет здесь?

– Пока нет... Пстой-ка. – Арабелла дотронулась до руки подруги. – Что происходит?

Обе дамы с недоумением наблюдали за происходящим. Леди Джерси, презрительно склонив голову к плечу, двинулась по залу, обходя его по кругу. Каждая группа людей, к которой она направлялась, рассеивалась при ее приближении. В зале послышалось шушуканье любопытствующих, а оркестр зазвучал жалобно и пронзительно.

– Похоже, – сказала Арабелла, – терпению общества пришел конец. Эта леди зашла слишком далеко. Вероятно, все дело в том, что она публично похваляется тем, что убеждает

принца официально развестись с Каролиной. Если бы гордыня всегда получала достойное наказание!

Она отступила в нишу, увлекая за собой Мэг.

– Как ни приятно наблюдать эту сцену, но я не хочу принимать в ней участие.

– Почему?

– Предпочитаю сохранить нравственное превосходство, – ответила Арабелла с печальной улыбкой. – По крайней мере в присутствии мужа. Однажды я уже ступила на эту зыбкую почву, но теперь, когда общественное мнение не в пользу этой дамы, я могу себе позволить остаться в стороне.

Мэг проследила направление ее взгляда и заметила герцога Сент-Джулза у боковой двери с рукой на эфесе шпаги. Другая его рука покоилась на бедре. Лицо его было непроницаемым, глаза оставались холодными, казалось, происходящее не вызвало у него никаких эмоций.

Леди Джерси с выражением разочарования и унижения выплыла из бального зала.

Джек покинул свой пост у боковой двери и прошел через зал, в котором гул голосов усилился до лихорадочного состояния, а оркестр, чтобы заглушить его, заиграл какой-то деревенский танец. Джек заметил Мэг и Арабеллу, уже вышедших из укрытия и вернувшихся в бальный зал.

– Если вы готовы отбыть, моя дорогая, я с радостью провожу вас, – сказал он, вынимая из глубокого кармана своего сюртука изящную табакерку.

– О!.. – нахмурилась Арабелла.

Она догадалась, что игра за столами Гордона показалась ее мужу слишком пресной.

– Я думала, мы останемся подольше. Но мы можем добраться домой и без тебя, Джек. Внизу ожидает лакей, и он вызовет коляску, когда понадобится.

Джек взял понюшку табаку из своей коробочки и спрятал табакерку в карман сюртука.

– Признаюсь, что в другом месте игра может быть гораздо более увлекательной, чем здесь, у Гордонов.

– В таком случае иди, – сказала Арабелла.

Он отвесил поклон и поднес ее руку к губам:

– Увидимся позже, мэм.

К Мэг он проявил такую же учтивость и вышел из зала.

– Прекрасно, – сказала Арабелла. – И что ты на это скажешь?

– Я нахожу странным, что он ни словом не обмолвился о происшедшем, – отвечала Мэг.

Арабелла задумчиво кивнула:

– Этот чертов человек непредсказуем.

Чарлз Фокс, одетый с удивительной для него скромностью в серый сюртук, облежавший его так, что талия казалась осиной, подошел к ним. За ним по пятам следовал Джордж Кавена.

– Это позор, что ваш супруг вас покинул, леди Арабелла, – заявил Фокс, расшаркавшись и отвесив низкий поклон

Арабелле. – А это ваша очаровательная гостья?

Его взгляд излишне внимательно и даже плотоядно пробежал по легкой фигурке Мэг.

– Могу ли я осмелиться попросить вас оказать мне честь потанцевать со мной, мисс Баррет?

– Должна вас честно предупредить, что я не сильна в котильоне, – жизнерадостно сообщила ему Мэг. – Но если желаете рискнуть своими ногами, которые я могу отдавить, буду счастлива принять ваше приглашение.

Фокс несколько смутился и замешкался, но тут же пришел в себя и снова со смехом поклонился:

– Вы так прелестно откровенны, мэм. Но я не верю ни единому слову. Вы не можете раздавить и муравья.

Они вышли на середину зала, а Джордж предложил руку Арабелле.

– Интересный вечер, – заметил он, увлекая ее в танце.

– Весьма, – согласилась она, стараясь все свое внимание сосредоточить на па.

Было уже около двух часов ночи, когда дамы вернулись на Кэвендиш-сквер. Демарш леди Джерси был главной темой разговоров, и стало ясно, что этот бал в доме герцогини Гордон войдет в анналы истории.

В доме стояла тишина. Ночной привратник сообщил, что его светлость вернулся несколькими минутами раньше и спрашивал, приехала ли ее светлость.

Мэг зевнула.

– Пойду спать, – сказала она. – Я поднялась нынче ни свет ни заря, чтобы прибыть, когда ты еще будешь в постели, и выпить с тобой утреннего шоколада.

Арабелла со смехом обняла ее:

– Твоя жертва не осталась незамеченной, Мэг. Не могу себе представить более приятного зрелища при пробуждении.

Они расстались на лестничной площадке, и Арабелла направилась в будуар, где, как оказалось, горела неяркая лампа, а в камине осталась только зола. Собак там тоже не было. Она удивилась. Обычно Бекки старалась, чтобы в комнате было тепло и приятно на случай, если бы ее госпоже вздумалось посидеть перед сном у камина.

Арабелла прошла в спальню. Там свет был ярче, а в камине потрескивали дрова. Но и здесь не было ни Бекки, ни собак. Вместо них она увидела Джека в одной рубашке и бриджах, полулежавшего на постели и опиравшегося спиной о подушки, с руками, сцепленными под головой. Он являл собой картину беспечности и беззаботности.

– Добрый вечер, моя дорогая, – сказал он. – Ты позднеенько задержалась на балу. Неужели сплетни оказались столь соблазнительными?

Арабелла поняла, что ей вовсе не хочется обсуждать с Джеком события вечера. Она только слегка пожала плечами:

– Не более чем можно было ожидать.

Арабелла повернулась спиной к кровати и села за туалетный столик, чтобы снять драгоценности. В зеркале ей была

видна постель, и она смотрела на нее, расстегивая и снимая с волос ленту, усыпанную жемчужинами.

– Я полагаю, ты получила от них удовольствие.

– Меня никогда не привлекали сплетни.

Внезапно он сел, и сердце ее подскочило, когда он выпрямился и спрыгнул с кровати. Ей тотчас же припомнилось, как когда-то она мысленно сравнивала его с ягуаром.

– Моя дорогая, ты ведь не делаешь тайны из своего мнения о Фрэнсис Вильерс, – сказал он, пересекая комнату упругими и легкими шагами.

– Мое мнение не имеет отношения к событиям сегодняшнего вечера, – ответила она, пытаясь расстегнуть и снять с шеи жемчужное кольцо.

Джек отвел ее руки и сам расстегнул ожерелье. Мерцающий ручеек заструился по его пальцам. Стоя у нее за спиной, он возвышался, нависал над ней, и их глаза встретились в зеркале.

– Я подумал, нет ли у тебя личной причины для столь явной неприязни к леди Джерси, – медленно произнес он.

– Не знаю, что ты имеешь в виду. – Ее голос был ровным и невыразительным.

Он позволил жемчужному ручейку пролиться в шкатулку для драгоценностей.

– Это не так просто... Леди Уорт...

Арабелла повернулась на низком пуфе. Было непереносимо, что он бросил это оскорбление прямо ей в лицо.

– Вы в самом деле думаете, что я могу вас ревновать к вашей любовнице?

Ее смех был коротким и презрительным.

– Поверьте, милорд герцог, что то, чем вы занимаетесь с графиней Уорт, для меня в высшей степени безразлично.

Он поднял руку:

– Пожалуйста, Арабелла... выслушай меня...

– Выслушать?

Она вскочила. Ее развевающиеся темные волосы нимбом окружили лицо. Глаза полыхали яростью.

– Да, – повторил он, – выслушай меня. – Он схватил ее за запястья и завел ее руки за спину так, что ее тело невольно оказалось плотно прижатым к нему, – Пожалуйста!

Он попытался погасить ее ярость своим спокойствием, утихомирить ее неистовый взгляд своим мирным и почувствовал, что ее напряжение медленно спадает.

– Что ты хочешь сказать?

Он выпустил ее запястья, но одна его рука все еще удерживала ее за талию. Свободной рукой он провел по ее спутанным кудрям, отводя их от лица.

– Я ни разу не был в постели с Лили с тех пор, как встретил тебя.

У Арабеллы перехватило дыхание, и она судорожно втянула воздух.

– По виду этого не скажешь. Ты постоянно бываешь у нее... Вы уединяетесь на балах, и все считают ее твоей лю-

бовницей.

– Иногда все ошибаются.

Теперь ее взгляд стал спокойным и твердым.

– Почему ты не сказал мне раньше? Джек вздохнул:

– Конечно, мне следовало это сделать. Но прости меня,

Арабелла, я был обязан соблюдать некоторую лояльность по отношению к Лили. Я не мог... не должен был унижать ее, отвергнув у всех на глазах, не мог сделать ее предметом сплетен в светских салонах на много месяцев.

Арабелла рассмеялась бы, если бы усмотрела что-нибудь смешное в этой банальной ситуации и простом объяснении. Но забавным ей это не показалось. Джеку было неприятно видеть попрание достоинства леди Джерси, потому что он усмотрел в нем намек на возможное унижение Лили. Ему претила мысль о том, что Арабелла получает удовольствие, видя нелепое положение растоптанной женщины.

– Есть еще кое-что, – сказал Джек, не обращая внимания на ее молчание. – Ты и это должна знать. Лили зависит от моего кошелька, и я не могу лишиться ее денежной поддержки.

О, как просто это, оказывается, было. Деньги? В мире Джека это не значило ничего. Он потерял одно состояние и нажил два других взамен. Если речь шла о деньгах, чувствам там места не было.

– Разумеется, не можешь, – согласилась она. – Я ничего другого и не ожидала.

С минуту поколебавшись, Арабелла добавила:

– Но Лили все еще воображает себя твоей любовницей.

– Она хочет, чтобы в обществе ее считали таковой, – поправил он.

– Да. Но не можешь ли ты как можно скорее убедить ее в обратном и так, чтобы она не потеряла лица?

Он наклонился и поцеловал ее в веки.

– Ты благородная женщина, жена моя.

– Даже одна из семьи Лэйси может быть благородной, – сказала Арабелла.

– Ты не Лэйси.

Она дотронулась до его рта, пытаясь разгладить жесткую складку. Сейчас еще было не время говорить об этом.

– Нет, я Фортескью. И мне бы хотелось, чтобы ты напоминал мне об этом.

Его глаза обрели мягкость, и складка у рта исчезла. Он заключил ее лицо в ладони и поцеловал в губы.

– С радостью, мадам жена.

ГЛАВА 19

Арабелла проснулась под звуки предрассветного птичьего хора от ощущения щекотки в затылке. Она глубже зарылась в подушки. Джек оказывал внимание одному из своих излюбленных мест. Его губы ласкали ее затылок под линией волос, язык легко прошелся по ямке на шее. Она лежала на животе, глубоко погрузившись в пуховую перину и держа руки над головой.

Он провел ладонью по всей ее спине. Его пальцы проиграли какую-то мелодию на ее позвоночнике. Его рука прошлась по ее ягодицам, лаская шелковистые изгибы, прежде чем скользнула вниз по бедрам. Она еще была сонной и все же затаила дыхание в ожидании неги. Он продолжал гладить ее ноги, пальцы его совершили ритуальный танец в ямках под ее коленями, потом его рука скользнула между ее бедрами и поползла вверх. Арабелла вздохнула, уткнувшись лицом в подушку, чуть подняла бедра, чтобы облегчить его продвижение, и позволила себе оставаться томной и пассивной и отдаться омывшей ее волне наслаждения, когда он качнулся над ней и руки его скользнули под ее тело. Он теперь удерживал ее на ладонях и так вошел в нее, и она почувствовала его глубоко внутри.

Его движения были неторопливыми и сладостными, и он все еще держал ее на весу, а его рот прильнул долгим поце-

луем к ее шее. Это было похоже на бесконечное и медленное падение в облако, окутавшее ее своей томной негой. Глаза Арабеллы снова закрылись, и она едва ощутила момент, когда их тела разъединились. Она только почувствовала нежное прикосновение его руки к своей спине и услышала легкий смех, когда он оставил ее постель. Проснувшись в следующий раз, Арабелла заметила, как Бекки раздвигает занавески, а Борис и Оскар тычутся в нее влажными носами. Она застонала и села на постели.

– Прекрасный день, леди Арабелла, – весело сказала Бекки. – Вы долго спали, но мисс Баррет велела мне вас разбудить, потому что утром у вас важное дело.

– О! Разве?

Арабелла хмурилась, принимая от Бекки чашку горячего шоколада.

– О да, припоминаю.

У Гордонов она пообещала обеспечить орхидеями бал у Бьючемпов, и в полдень ее должна была посетить леди Бьючемп, чтобы выбрать цветы. Как хорошо, что Мэг присутствовала, когда они договаривались, и все запомнила. Арабелла посмотрела на часы и убедилась, что было уже почти девять. Когда же Джек разбудил ее? Ее тело помнило, что этим утром он воспользовался своим супружеским правом, – там и тут у нее побаливало, но после такой ночи и такого пробуждения это было неудивительно. Она улыбнулась про себя.

– Думаю, нынче утром, Бекки, мне следует принять ванну.

Часом позже она вошла в комнату, где они обычно завтракали.

– Ты выглядишь очень самодовольной, – заметила Мэг, поднимая глаза от «Газетт». – Ну прямо вылитая кошка, только что поймавшая золотую рыбку. Я, право, исхожу от зависти в своей безупречно белой девственной постели. Хотя она и удобна, но кое-чего в ней не хватает...

Выразительным жестом она подняла руки с раскрытыми ладонями:

– Конечно, *je ne sais quoi*¹¹, но, думаю, об этом можно догадаться.

– Уверена, что, если ты пораскинешь умом, легко найдешь способ выправить ситуацию, – сказала Арабелла с усмешкой.

Она взяла порцию яиц из блюда, стоявшего на низком буфете, и села напротив подруги.

– Есть что-нибудь в газете?

– О бале у Гордонов ничего, но вчера у них не было времени подготовить материал для утреннего выпуска. Вероятно, об этом будет завтра.

Она бросила понимающий взгляд на Арабеллу через стол и спросила:

– Твой муж наконец сказал что-нибудь об этом?

Арабелла намазала маслом кусочек тоста и откусила от него, пока Мэг смотрела на нее с возрастающим любопыт-

---

¹¹ Не знаю, чего (фр.)

СТВОМ.

– Да, – ответила она наконец, – сказал.

– И... – В голосе Мэг уже слышалось нетерпение.

Арабелла улыбнулась:

– Похоже, отпала одна из причин моего беспокойства.

Она изложила Мэг вкратце суть разговора с Джеком.

– Невозможно не восхищаться мужчиной, столь лояльным к бывшей любовнице, – заметила Мэг. – Но какой сложный человек достался тебе в мужья, Белла!

Арабелла уже собиралась ответить, когда в комнату вошла горничная с кувшином горячего молока и, сделав реверанс, водрузила его на стол.

– Мистер Тидмаус просил сказать вам, ваша светлость, что здесь месье Кристоф. Он хочет вас видеть. Его отвели в бу-дуар.

Арабелла нахмурилась:

– У меня с ним не назначена встреча.

– С ним какой-то джентльмен, мэм. Еще один из этих иностранцев.

– Благодарю вас, Милли. Скажи Тидмаусу, что я присоединюсь к месье Кристофу через несколько минут.

Арабелла подождала, пока дверь закроется за горничной, потом сказала:

– Интересно, есть ли у него какие-нибудь новости из Франции? Он обещал поговорить кое с кем из вновь прибывших. – Она забарабанила пальцами по столу. – И захочу ли

я это услышать?

– Ну, ты уже зашла достаточно далеко, и тебе остается только сделать последний шаг, – заметила Мэг. – Если, конечно, раскрытие этой тайны так важно для тебя, как ты говоришь. – Она вопросительно посмотрела на подругу.

Арабелла медленно кивнула.

– Это так, – сказала она решительно.

Ей нужен был ключ к секретам Джека. Он бы изо всех сил воспротивился ее негласному расследованию, и, по-видимому, у него были основания скрывать от нее историю своей сестры, но тут уж ничего нельзя было поделаться. Он был самым таинственным человеком, какого ей довелось встретить в жизни, а ей было необходимо узнать почему, как бы она ни боялась последствий своего открытия.

Она рассеянно провела рукой по волосам, нарушив идеальную прическу, сооруженную Бекки с таким трудом.

– Иду, – сказала Арабелла и порывисто поднялась на ноги. – Может быть, это так... еще один из друзей Кристофа, нуждающийся в покровительстве.

Но, выходя из-за стола, она знала, что ее ожидало что-то важное. Она чувствовала это каждой клеточкой тела.

Двое мужчин стояли в неловком молчании, когда она вошла в комнату. Они оба поклонились ей, и Кристоф сказал:

– Ваша светлость, могу я представить месье Клода Фламана?

Второй мужчина снова поклонился. Арабелла улыбнулась

ему:

– Добро пожаловать, месье. Вы только что из Франции?

– Oui, madame.

Он выглядел больным, как если бы много месяцев не питался нормально, кожа его была серой, а лицо осунувшимся, одежда выношена до основания. Как только он заговорил, его начал душить спазматический кашель. Арабелла сразу распознала, что это – пресловутая чахотка.

Кристоф взял его за плечи и принялся растирать ему спину с беспомощным видом. Арабелла позвонила и попросила Милли принести бренди и горячей воды.

Наконец приступ кашля прошел, и Клод опустился на стул. Голова его свесилась на грудь. Он взял стакан бренди с горячей водой, который друг поднес к его губам, и через несколько минут лицо его слегка порозовело, и он почувствовал себя лучше.

– Простите меня, мадам.

Он изъяснялся на родном языке. Голос его был чуть громче шепота.

– Не говорите, если вам трудно, – ответила Арабелла по-французски и села на соседний стул.

Он махнул рукой Кристофу, который пояснил по-английски:

– Клод владеет только французским, мадам, хотя немного и понимает английский. Он содержался в тюрьме Ле Шатле, ваша светлость. Милостью Божьей его выпустили несколько

дней назад, а друзья помогли ему устроиться на корабль, отплывавший из Гавра.

– Только благодаря помощи моих добрых друзей, Бог едва ли имеет к этому отношение, mon ami. – В голосе его слышалась горечь. – Бог отвернулся от нашей страны.

Казалось, это усилие истощило его. Глаза его закрылись. Арабелла размышляла, как повернуть разговор в нужное ей русло, но тут Кристоф пришел на помощь:

– В Ле Шатле мой друг познакомился с женщиной... с леди. Возможно, она как раз та, которой вы интересуетесь, ваша светлость.

Арабелла подалась вперед, не сводя глаз с Клода:

– Графиня де Вильфранш?

Он слабо кивнул:

– Думаю, да, мадам. Конечно, в тюрьме нет имен, только номера. Но однажды...

Он снова жестом обратился к Кристофу.

– Клоду тяжело говорить, ваша светлость. Я перескажу вам то, что он сообщил мне. – Арабелла кивнула, и он продолжал: – Эта леди была в Ле Шатле много месяцев. Ее очень полюбили узники. Она умеет выхаживать больных. Поэтому тюремщики оставили ее в покое и даже иногда позволяли ей заботиться о заключенных мужчинах. Однажды она пришла помочь одному узнику, и Клод узнал ее. Его семья принадлежала к крестьянам графов де Вильфранш в их загородном имении, а Клод работал подмастерьем серебряных дел ма-

стера.

Графиня была очень добра к нему. Она давала ему много работы.

Он указал жестом на Клода, который с усилием попытался продолжить рассказ:

– Я бы не узнал госпожу, так она изменилась... – Он умолк и покашлял в платок. – Но у нее есть примета. Белая прядь волос.

Арабелла прерывисто вздохнула. Это была примета Фортескью.

– Вы это видели?

Он кивнул:

– Ее волосы теперь не такие красивые, как были прежде. Они поседели, но серебряная прядь все еще заметна. Я узнал бы ее где угодно.

Казалось, этот разговор отнял у него последние силы. Кристоф сказал:

– Похоже, что миледи, если это действительно графиня, долго пробыла в тюрьме. – Внезапно его ноздри раздулись. – Должно быть, это ирония, что мы разрушили Бастилию и выпустили ее узников, а потом создали дюжину бастилий вместо одной, где человек может исчезнуть без следа... до тех пор, пока смерть не освободит его.

– Как она выжила? – спросила Арабелла скорее себя, чем своих собеседников.

Оба мужчины пожали плечами очень галльским жестом.

– Некоторым художникам удалось избежать гильотины, – сказал Кристоф. – А после того как казнили Робеспьера, многие граждане стали питать отвращение к кровопролитию. Возможно, графиня оказалась в тюрьме уже к концу Террора и, забытая, так и осталась там.

– Там много таких, как она, – снова подал голос Клод. – Семьи и друзья считают их погибшими, и нет возможности передать им весточку из тюрьмы. Меня разыскал друг.

– Как вам удалось бежать? – спросила Арабелла.

Она все еще сидела, подавшись вперед, не отрывая взгляда от его лица.

Он снова пожал плечами:

– Деньги, мадам. Народная полиция берет деньги, если их достаточно. Нет настоящего начальства, которое ведало бы заключенными. Большею частью их имена забыты, потеряны для мира. А взятка нужному человеку дает им возможность выйти на волю.

Арабелла погрузилась в молчание. Джек говорил Джорджу, что его сестра мертва. Он считал, что не смог спасти ее, в то время как помог столь многим. Но не ошибся ли он? В таком бедламе могло произойти что угодно. Она знала случаи, когда одних людей принимали за других, и те шли на гильотину вместо своих друзей. Когда резня идет беспорядочно, то можно проскользнуть в щель. И люди слишком напуганы, чтобы заявить о своем существовании. Они считают, что для них будет лучше, если их сочтут мертвыми.

– Я не знаю, как вас отблагодарить за ваши новости, – сказала она наконец.

Мысль о сестре Джека, да и вообще о ком бы то ни было, томящемся в аду темницы, не будучи в состоянии дать о себе знать семье, понимая, что близкие считают тебя мертвым, наполняла ее ужасом.

– А теперь скажите, как я могу помочь вам, месье Фламан. Она посмотрела на Кристофа.

– Деньгами, убежищем, медициной?.. Ваш друг нуждается во враче. Позвольте мне помочь ему.

– Клод остановится у меня, – сказал Кристоф. – Я располагаю достаточными средствами, чтобы содержать его, но благодарю вас за ваше предложение, ваша светлость.

– Но доктор... лекарства... – повторила она. – Пожалуйста, разрешите мне прислать доктора, чтобы он его обследовал.

– У нас есть свои доктора, мадам. Мы присматриваем друг за другом.

Он поднялся со стула и помог встать месье Фламану.

– Вы уже и так были очень добры. Когда Клод сможет работать, тогда, возможно, вы поспособствуете, чтобы найти для него покровителя. Он весьма искусный серебряных дел мастер.

– Да, конечно, – ответила Арабелла, зная, что этот день никогда не наступит.

Клоду уже не суждено снова приняться за работу.

– Но если вы будете в чем-нибудь нуждаться, пожалуйста, обращайтесь ко мне.

– Merci, madame.

Он поклонился и повел своего друга из комнаты.

Арабелла осталась стоять посреди будуара, обняв себя за локти, пытаясь решить, что делать дальше. Джек должен немедленно отправиться в Париж. Нужно узнать, действительно ли эта женщина была его сестрой. И если это так, необходимо заплатить за ее свободу. Любым способом он должен помочь ей выбраться из этой адской дыры. Но Господи, если это действительно Шарлотта, то как он примет известие о том, что она томится во французской тюрьме, а он даже не знает об этом? Она страдала, а он ничего не предпринимал, чтобы ей помочь.

Он сочтет это непереносимым. А сказать об этом ему может только она.

– В чем дело? – тихо спросила Мэг, остановившаяся в двери.

Ее лицо и голос были полны беспокойства.

– У тебя ужасный вид, Белла. Что случилось?

Арабелла рассказала ей все. Окончив свое повествование, она почувствовала прилив сил. Ее окрылила надежда. Если в судьбе Шарлотты виновно его незнание, то, возможно, после первого потрясения новость придаст ему сил. Он спасет ее, привезет домой, в лоно семьи, и долгий кошмар окончится.

– Мне надо немедленно разыскать Джека. – Она шагнула

к двери. – Пошли кого-нибудь к леди Бьючепп, чтобы сообщить ей, что сегодня я не смогу ее принять. И не можешь ли ты распорядиться, чтобы Луи уложил вещи герцога? Его не будет по крайней мере с неделю.

– А как насчет тебя? – спросила Мэг, следуя за Арабеллой в холл. – Не сказать ли Бекки, чтобы она упаковала и твои вещи?

– Не знаю, – ответила Арабелла. – Все зависит от того, как Джек примет это известие. – Она скривила рот в невеселой усмешке. – Возможно, он пожелает расстрелять гонца.

Она поспешила в холл и подошла к дворецкому:

– Тидмаус, где его светлость?

– У мэтра Альбера, ваша светлость, – сообщил ей дворецкий.

– Кто он и где его найти? – спросила она нетерпеливо.

– Он преподаватель фехтования, мадам, – сказал Тидмаус. – Его можно найти на Элбермарл-стрит в доме семь. Так мне кажется.

– Благодарю вас. Пошлите кого-нибудь в конюшню за моей лошадью и за лошадью герцога тоже. Я хочу, чтобы их привели через пять минут.

Она сбегала вниз по ступенькам, оставив дворецкого в недоумении, вызванном этими стремительными распоряжениями. Обычно госпожа была деликатной в разговорах с ним и старалась не ранить его гордости.

Арабелла позвонила, вызывая Бекки, потом принялась

освободиться от своего утреннего платья, грубо дергая за-
стежки. Она как раз вытаскивала из шкафа амазонку, когда
поспешно вошла ее горничная.

– Помоги мне с этим, Бекки. – Она втиснула руки в рукава
амазонки. – Поскорее!

Бекки не стала задавать вопросов, но помогла своей гос-
поже надеть юбку, жилет и жакет. Арабелла присела, чтобы
натянуть сапоги. Сердце ее бешено стучало, и она чувствовала,
как под ее внешним спокойствием плещется паника. Она
водрузила высокую бобровую шапку поверх своей постра-
давшей прически, схватила перчатки и понеслась вниз по
лестнице. Мэг ждала ее в холле.

– Там грум с лошадьми.

– Благодарю тебя.

– Я прогуляюсь в парке с собаками, – сказала Мэг. – Ко-
гда мы вернемся, заберу их с собой наверх. Если буду тебе
нужна, ты знаешь, где меня найти.

Арабелла быстро клюнула ее в щеку:

– Прошу прощения... Похоже, это испортит твой визит.

– О, ради всего святого, Белла. Иди.

Мэг легонько подтолкнула ее, и лакей, широко раскрыв
любопытные глаза, вскочил, чтобы открыть для нее дверь.

Арабелла сбежала по ступенькам крыльца. Грум помог ей
сесть на Ренегата. Потом она приказала привести лошадь
Джека. Он взобрался на невысокую коренастую лошадку и
взял в руки поводья гнедого коня Джека.

– Элбермарл-стрит, – сказала Арабелла. – И поскорее.

Ливрейный грум приподнял шляпу и поехал резвой рысью. Арабелла с трудом удерживалась, чтобы не пустить Ренегата в галоп. В это майское утро улицы были слишком многолюдными, и им приходилось лавировать между груженными ломовыми телегами, влекомыми мощными битюгами, между мальчишками, волочившими тачки, и уличными торговцами, не говоря уж о пешеходах, то и дело останавливавшихся возле уличных витрин.

Они повернули на тихую Элбермарл-стрит примерно через четверть часа и разыскали дом номер семь. Высокое здание с черными перилами крыльца было таким же, как и остальные жилые дома на этой улице, если бы не скромная дощечка, сообщавшая просто: «Мэтр Альбер». Арабелла спешила и подошла к двери. Она подняла руку к дверному молотку и тут увидела, что дверь открыта настежь.

Она прошла по узкому коридору, потом поднялась по крутым ступенькам на целый пролет лестницы в задней части дома. Сверху доносились звуки мягких шагов и звон стали, но голосов не было слышно. Арабелла поспешила вверх по лестнице и остановилась у двустворчатых дверей. Она робко подняла защелку и толкнула дверь, мягко открывшуюся внутрь.

Перед ней оказалась длинная комната, похожая на галерею. У стен стояли мужчины с рапирами в руках, острия которых упирались в пол, наблюдая за парой фехтовальщиков

в центре комнаты. Джек и второй мужчина, коротышка, но гибкий и ловкий, как обезьяна, приплясывали на носках. Ноги их были не обуты, только в чулках. Джек двигался стремительно, как и сверкающее лезвие в его руке, делая выпады и отражая их. У обоих фехтовальщиков лица были бесстрастными, и все их внимание было сосредоточено на игре их шпаг. Арабелла, несмотря на паническое состояние, неотложность своего дела, стеснение в груди, не обращая внимания на то, что ее окутывало облако страха, как зачарованная наблюдала за ними. Казалось невероятным, что каждый из противников может уйти от удара другого, настолько быстрыми и уверенными были их движения.

Джек танцующей походкой отступил назад, уклоняясь от нападения, повернулся на каблуках, чтобы снова начать наступление, и тут увидел Арабеллу в дверях. Одним стремительным движением он отразил удар противника, потом подошел к ней, все еще тяжело дыша, но шаги его были бесшумными.

– В чем дело? Что случилось? – спросил он.

– Мне надо поговорить с тобой, – сказала она. – Куда бы нам пойти?

Он жестом указал на дверь в боковой стене, потом обратился к учителю фехтования:

– Альбер, я должен извиниться перед вами. Прошу прощения. Конец совсем не такой, каким должен быть.

Его противник отсалютовал своей шпагой. Джек сделал то

же самое, будто такая форма учтивости была обязательным условием этого вида упражнений, которому следовало подчиняться даже в самых крайних случаях. Потом, положив руку на талию жены, он направил ее к двери.

Они оказались в маленькой комнате. Одна ее стена была сплошь зеркальной. У другой стояло несколько шпаг на подставке, на полу лежал мат. Высокое окно выходило на улицу. Джек примостился на длинном столе под стойкой для шпаг и посмотрел на жену. Он все еще держал в руке шпагу. Ее острие упиралось в пол между его ногами в чулках. Он был обеспокоен, но тревога скрывалась в глубине его глаз, и заметить ее было нелегко.

– Итак? – спросил он спокойно.

Она глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки и умерить лихорадочный бег крови в сосудах. Ее руки дрожали, и она крепко сжимала их, пряча в складках юбки.

– Твоя сестра, – начала она.

Джек замер. Глаза его стали непроницаемыми.

– Шарлотта... графиня де Вильфранш... Возможно, что она в тюрьме Ле Шатле.

Оказалось, что выпалить все эти важные вещи сразу много легче.

Он не двинулся с места, не сказал ни слова, просто смотрел на нее, не отводя глаз, пока она не сочла необходимым нарушить это напряженное молчание.

– Друг месье Кристофа... только что бежал из Франции.

Он считает, что, возможно, встречал твою сестру в тюрьме.

Наконец Джек заговорил, голос его был ровным и безжизненным:

– Моя сестра умерла.

Она протянула к нему руку, но что-то не позволило ей дотронуться до него.

– Вовсе не обязательно, Джек. Возможно, она жива.

Он почти раздраженно покачал головой, не соглашаясь:

– Почему этот человек явился к тебе с такой историей?

Теперь он пристально смотрел на нее, и во взгляде его, как ей показалось, блеснула искра жизни, возможно, даже надежды. Эти чувства промелькнули из-под маски непонимания и недоверия.

– Потому что я попросила Кристофа выяснить, не знают ли что-нибудь в одной из французских общин о графине, – сказала она. – И до появления месье Фламана никакой информации не было. Но сегодня утром он пришел ко мне, и я тотчас же отправилась разыскивать тебя. Ты должен...

– Не указывай мне, что я должен, – перебил он столь тихим голосом, что она едва его расслышала, и все же каждое слово было произнесено так, что ей показалось, будто он его выкрикнул. – Моя сестра умерла.

Она покачала головой, упрямо повторяя:

– Может, не умерла, Джек. Есть вероятность, что она жива.

Он ничего не ответил, только смотрел в пространство

невидящим взглядом, но она торопливо продолжала:

– Твоя лошадь внизу. Луи уложил твои вещи.

Он повернулся и вышел из комнаты, какое-то мгновение она помедлила и последовала за ним. Невозможно было понять такое отсутствие эмоций и реакции. Через минуту она вышла в длинную галерею. Джек уже в сапогах и со шпагой в ножнах направлялся к двустворчатым дверям. Она побежала за ним. Он не обратил на нее внимания и поспешил вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, вышел на улицу, вскочил на лошадь и пустил ее быстрой рысью.

Арабелла с помощью грума взобралась на лошадь и поспешила за Джеком. Она не знала, что делать, но была уверена, что не может позволить ему не обращать на нее внимания. Если она недостойна его откровенности, то их брак – мишура, фальшь, подделка. Он так же пуст, как корона Ричарда Второго.

Она приехала домой через несколько минут после Джека. Его лошадь была привязана к коновязи у парадной двери, все еще открытой. Арабелла соскользнула с седла и быстро поднялась по ступенькам крыльца, придерживая пышные юбки, чтобы не запутаться в них. Тидмаус как раз собирался закрыть дверь, когда она промчалась мимо него и взбежала вверх по лестнице. Она вошла в свой будуар и остановилась, прилагая отчаянные усилия, чтобы успокоиться. Поймав свое отражение в зеркале, заметила, что на лбу у нее выступили капельки пота, волосы под шляпой были пыльными

и спутанными, а шейный платок съехал набок.

Она бросила шляпу и хлыст на стул, прошла через спальню и открыла дверь в комнату Джека.

Джек переодевался – надевал бриджи для верховой езды, в то время как Луи расправлял складки его рубашки, уложенной в саквояж, стоявший открытым на кровати.

– Можешь уделить мне пять минут? – спросила Арабелла, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно и бесстрастно. – Луи, оставьте нас, пожалуйста.

Камердинер посмотрел на своего господина, и в глазах его было негодование: он не принимал приказаний от герцогини. Но Джек коротко кивнул ему, и Луи, возмущенно фыркнув, вышел.

– В чем дело? – спросил Джек, повязывая галстук.

– Почему ты не сказал мне, что у тебя есть сестра? – спросила она, становясь возле кровати и держась одной рукой за ее столбик: его гладкость и прохлада действовали на нее успокаивающе.

– Этот вопрос все еще остается не твоим делом, – заявил он.

– Я твоя жена, Джек. Как это может быть не моим делом? – спросила она тихо, не сводя с него глаз, стараясь вынудить его этим взглядом ответить ей.

– Неужели ты и впрямь думаешь, что, копаясь в моих делах за моей спиной, можешь заставить меня доверять тебе? – спросил он с сомнением в голосе. – Поверьте, мадам, я ни

на йоту вам не верю. Не знаю, как вам удалось проникнуть в эту часть моей жизни, которую я предпочел держать в тайне от вас, но заявляю, что пользы вам это не принесло.

Он снова повернулся к зеркалу, сделав в ее сторону брезгливый жест.

Арабелла заговорила, и в голосе ее прозвучала боль:

– Пожалуйста, Джек. Я не стремилась шпионить за тобой, не пыталась ни во что проникнуть обманом. Джордж сказал мне, что у тебя была сестра, которую ты считаешь погибшей во время Террора. Что вы с ней были очень близки...

– Я ему признателен, – ответил Джек. – Напомни мне, чтобы я выразил ему свою благодарность достойным образом.

– В этом нет вины Джорджа, во всем виноват ты сам, – парировала она.

Теперь гнев сменил парализовавшее ее чувство вины.

– Если бы ты не был таким замкнутым и скрытным насчет себя и своей семьи и не таил ото всех, кто хотел с тобой сблизиться... все... мне не пришлось бы расспрашивать людей о тебе и твоей жизни и о том, что для тебя важно.

Он повернулся лицом к ней, уже вполне овладевший собой и спокойный.

– И что же еще рассказал тебе Джордж, моя прелестная лживая женушка?

– Я не лживая, – обиделась она. – Это ты обманщик, если уж на то пошло. Почему ты столько замалчиваешь о себе? Какие у тебя от меня секреты, Джек? – Она наступала на

него: – Я требую, чтобы ты сказал мне.

В ее позе, в том, как сверкали ее золотистые глаза, как она вскинула подбородок, был вызов.

Он отвернулся от нее, но она схватила его за руку, потянула, стараясь повернуть снова лицом к себе. Он стряхнул ее руку, словно несносного слепня, и заговорил устало:

– Оставь меня в покое, Арабелла.

– Нет.

Она снова поймала его руку:

– Почему ты женился на мне, если презираешь меня? А ведь ты меня ни в грош не ставишь, не так ли?

Она рванулась и оказалась стоящей так, чтобы видеть его лицо, и все еще продолжая висеть на его руке и вынуждая его посмотреть на нее.

– Ты меня презираешь?

Наступило молчание, которое, как ей показалось, длилось целую вечность, потом он сказал:

– Нет... нет... я не презираю тебя.

Она смотрела на него, не отводя глаз, и во взгляде ее наконец забрезжило понимание:

– Что тебе сделал мой брат, Джек?

Джек смотрел слепым пристальным взглядом куда-то мимо ее головы и видел кровавую бойню и груды тел во дворе тюрьмы Ля Форс в ту сентябрьскую ночь.

– Он выдал мою сестру.

Внезапно у Арабеллы начался озноб. По спине ее пробе-

жали мурашки, кожу головы закололо. Она выпустила его руку, и ее рука упала вдоль тела.

– Не понимаю.

– Тогда позволь мне объяснить тебе, любовь моя, теми словами, которые будут тебе понятны. – Каждое его слово было проникнуто горькой иронией. – Чтобы спасти свою драгоценную шею, твой братец выдал мою сестру народной полиции. Она погибла во время кровопролитной бойни в Ля Форс.

Голос его внезапно будто отдалился, зазвучал откуда-то издалека, глаза стали пустыми, лишенными выражения, словно он заглянул в черную бездну.

– Все, кто там был, погибли... в этом дворе. Тела плавали в крови, рядом валялись отрубленные конечности, и моя сестра оказалась одной из первых, кого поволокли на эту бойню. Я говорил с женщиной, грязной старой каргой... с «вязальщицей», которая видела, как ее пронзили штыком и она упала на колени. Она не могла выжить в этой бойне.

Теперь Арабелла слышала в его голосе страдание, как если бы он в первый раз обдумал возможность, которую считал невероятной, будто представил, что заблуждался... что мог бы избежать месяцев и месяцев мучений. Он провел руками по лицу, будто пытался что-то стереть с него.

Она отступила назад и опустилась на постель. Фредерик всегда был трусом. Он бы продал душу дьяволу, если бы ему предложили подобную сделку. И похоже, что так и случи-

лось.

– И поэтому ты довел его до самоубийства. – Она едва заметно пожала плечами. – Кое-кто сказал бы, что это справедливая месть. Но при чем тут я, Джек? Почему ты женился на мне? Я тоже была частью плана мести?

Само его молчание уже было ответом.

Она крепко обхватила себя руками за плечи, скрестив их на груди, и уставилась в пустоту. Она навсегда останется запятнанной грязью Фредерика и никогда не сможет прямо смотреть в глаза Джеку..

– Я еду с тобой, – заявила она, чувствуя, что решение, принятое ею, обретает форму, как оно твердеет и становится подобным жесткому холодному столбу.

Этот столб будто образовался в ее спине и стал ее позвоночником.

– Ты не поедешь, – запротестовал Джек, и глаза его были при этом холодными, как льды Арктики. – Думаешь, я хочу, чтобы кто-нибудь из Лэйси оказался рядом с моей сестрой?

Нет, никогда ей не удастся смыть этот позор. Но Арабелла решила не спорить с ним. Это был не тот Джек, которого знала она и его друзья. Это не был подлинный Джек. Сейчас он оказался во власти силы, столь же разрушительной, как та, что заставила Фредерика совершить то, что он сделал. Она поднялась с постели и оставила его. Только у двери в свою спальню обернулась и сказала:

– Желаю тебе удачи, Джек.

ГЛАВА 20

Арабелла тотчас же направилась в комнаты Мэг и в нескольких словах пересказала ей все. Мэг выслушала ее молча.

– Я полагаю, он сядет на паром, курсирующий между Дувром и Кале. Это скорейший путь от Лондона до Парижа, – заключила свой рассказ Арабелла. – Я же могу проехать от Дувра в почтовой карете, а потом на том же пароме до Кале и присоединиться к нему там, где сочту удобным.

Мэг нахмурилась:

– Белла, не хочу окатить тебя ушатом холодной воды, но в самом ли деле ты знаешь этого человека?

Арабелла некоторое время раздумывала.

– Не похоже, что знаю, да? – сказала она печально. – Но собираюсь попытаться узнать.

Она сжала руку подруги:

– Ты меня понимаешь?

– О да, – ответила Мэг.

С минуту Арабелла молчала, потом встала, полная решимости.

– Мне надо нанять почтовую карету, – сказала она, потом задумалась. – А как это делается?

Мэг, стоявшая теперь у окна, посоветовала:

– Спроси Тидмауса. Джек уже уезжает и ничего не узнает

об этом.

Арабелла подошла к ней и встала рядом. Она смотрела из окна, как Джек садится на лошадь. Его саквояж был приторочен сзади.

– Вероятно, у него будет преимущество в скорости. Я не смогу передвигаться так быстро в почтовой карете, – проворчала она.

– Он не сможет проехать семьдесят миль без остановки или смены лошадей, – сказала Мэг. – На ночь ему придется где-то остановиться.

– Но ведь почтовая карета, пусть и с остановками, все же может ехать и ночью, – заметила Арабелла. – Почему бы тебе не пойти и не попросить Тидмауса нанять почтовую карету? Он, вероятно, подумает, что это для тебя, и не станет задавать неудобных вопросов.

– Уверена, что не станет, – со смехом согласилась Мэг. – Он будет счастлив увидеть мою спину. Это самый надутый тип, какого только мне доводилось видеть.

– Знаю, и не подлежит исцелению от снобизма, – согласилась Арабелла. – Но душой и телом предан Джеку. Скажи, что карета тебе понадобится ровно через час. Я как раз успею кое-что уложить.

– Шарлотта... сестра Джека, – сказала Мэг нерешительно.

– Я уже подумала об этом. Возьму одежду, белье, лекарства, которые успею достать... просто на всякий случай, – добавила она, инстинктивно держа пальцы скрещенными.

Больше всего на свете она хотела, чтобы незнакомка оказалась Шарлоттой.

Арабелла остановилась в двери:

– Я даже не знаю, подойдут ли ей мои вещи, Мэг. Похожа ли она на Джека? Если не считать этой серебряной пряди волос. И есть ли между ними внутреннее сходство?

Она подумала о Клоде Фламане, о том, что у него чахотка, что месяцами он и другие узники страдали от недоедания и плохого обращения, и ее охватило отчаяние. Как могла женщина выжить в таких условиях? Особенно та, которая никогда не испытывала тягот жизни? Что ей сделать, чтобы искупить вину Фредерика за страдания Шарлотты? На минуту ощущение тщетности всех усилий затуманило ее сознание. Мэг заметила это и тотчас же спросила:

– Поехать мне с тобой, Белла?

Арабелла покачала головой. Предложение подруги вдохнуло в нее новые силы.

– Нет, Мэг, благодарю, но я должна справиться с этим одна. Кроме того, тебе надо оставаться здесь, чтобы отвечать на вопросы. Если и Джек, и я исчезнем из города без объяснений, пойдут слухи. А так как ты останешься здесь, все будет выглядеть вполне естественно. Мы просто уехали на несколько дней. Потребовалось навестить какого-нибудь родственника, а ты ждешь нашего возвращения.

Мэг кивнула:

– Понимаю. Не беспокойся.

Часом позже Тидмаус, к своему замешательству, увидел, как герцогиня со своей горничной садятся в наемный экипаж и отбывают, а мисс Баррет остается с двумя безутешными рыжими сеттерами.

Присутствие Бекки было необходимо Арабелле, чтобы придать ее отъезду правдоподобие и респектабельность, но та понятия не имела, куда и зачем отправляется ее госпожа. Она покорно выполнила целый ряд распоряжений, отданных необычно резким и отрывистым тоном, и теперь сидела в углу наемной кареты, держа на коленях небольшой ридикюль и не сводя глаз с герцогини, погруженной в раздумье и не пожелавшей ее просветить.

В конце концов Арабелла заметила испуг и подавленное молчание Бекки и сказала с улыбкой, которая, как она надеялась, окажет умиротворяющее действие:

– Когда мы доберемся до Дувра, Бекки, ты отправишься в почтовой карете обратно в Лондон.

– Да, леди Арабелла, – ответила отнюдь не успокоенная Бекки. – Но как насчет вас, мэм?

– Я уезжаю во Францию, но герцог и я очень скоро вернемся.

– Во Францию, миледи? – Бекки уставилась на герцогиню. – Но ведь там беспокойно. Она полна иностранцев, убивающих друг друга. Даже мистер Тидмаус говорил об этом, и этот мистер Альфонс на кухне. О, мэм, там все продолжается, и конца этому не видно.

– Ну, сейчас это не так опасно, как было, – попыталась ее успокоить Арабелла, раздумывая, так ли это на самом деле.

В действительности Париж все еще раздирали на части хлебные бунты. Как свидетельствовали очевидцы, по улицам слонялись банды, не признававшие закона, но гильотина на площадях подчас оставалась без работы.

Бекки смотрела на хозяйку с сомнением. Но герцогиня говорила убежденно, и, уж конечно, она знала лучше, что происходит, чем ее горничная. Поэтому Бекки устроилась поудобнее в своем углу, чтобы наслаждаться необычностью путешествия. Правда, прелесть новизны несколько потускнела, когда оказалось, что они не остановятся на ночлег, а только сменят лошадей в четвертый раз и карета продолжит путь, несмотря на недовольство и ворчанье кучера. Обещание хороших чаевых, однако, привело к тому, что ворчал он тихонько, себе под нос.

В первой же гостинице, где меняли лошадей, Арабелла навела справки и несколько успокоилась, когда ей сообщили, что всадник из Лондона останавливался здесь всего несколько часов назад, чтобы поест и сменить лошадь. Его гнедому требовалось передохнуть, а потом не спеша вернуться в Лондон с наемным грумом. По крайней мере ее догадка о том, что Джек проследует в Дувр, а оттуда переправится в Кале, была правильной. Она гналась за ним по пятам и почти не отставала. По здравом размышлении Арабелла решила, что едва ли он проведет больше двух часов за отдыхом, но

если так, то ненамного опередит ее. Когда ее карета въехала во двор таверны «Ласточка» в Дувре на рассвете следующего дня, она вышла из экипажа, чувствуя, что ноги ее затекли от долгого сидения, а спина онемела, и небрежно осведомилась у одного из конюхов, были ли приезжие в столь ранний час.

Конюх сдвинул на затылок свою шапчонку и поскреб в голове.

– Забавно, что вы спросили об этом, мэ. Сюда прискакал джентльмен два часа назад, еще затемно.

Бедняга, должно быть, совсем не спал, потому что едва держался на ногах. Его просто качало.

– Если человек скачет всю ночь, должно быть, у него очень спешное дело, – заметила Арабелла беззаботно, будто эта тема ее вовсе не интересовала.

Она вошла в гостиницу и заказала для себя комнату, завтрак и спальню с раскладной кроватью для горничной. Бекки в отличие от Арабеллы спала в почтовой карете и была в отличном настроении. Конечно, при ее юности и гибкости это неудивительно, печально размышляла Арабелла, у которой разболелась спина.

– Уверен, что это подойдет вашей милости, – сказал хозяин, открывая дверь в уютную гостиную, расположенную в некотором отдалении от коридора. – Я тотчас же пришлю для вас хороший завтрак...

– Благодарю. – Она удержала его, когда он уже собрался уходить. – Не знаете ли вы, уходит сегодня паром в Кале?

– О да, – бодро откликнулся тот. – Недавно прибыл джентльмен. Обычно люди не приезжают так рано. Он поднял меня с постели и спрашивал о том же. Я сказал ему, что «Морская лошадь» Тома Перри снимается с якоря сегодня с дневным отливом. Вчера поздно вечером карета доставила на пристань почту. Том должен захватить ее и переправить через Ла-Манш.

– Благодарю вас. – Арабелла с улыбкой отпустила его, потом повернулась к Бекки: – Бекки, милая, отправляйся в док и купи мне билет на «Морскую лошадь», – распорядилась она, вручая ей пачку денег. – Я хочу отдельную каюту, но ты должна удостовериться, что этот корабль отплывает именно в Кале, не в Гавр или Булонь, а непременно в Кале.

Она заставила Бекки сжать ладонь вместе с деньгами, надавив на ее пальцы. Бекки кивнула, но лицо ее оставалось сосредоточенным и задумчивым.

– Да, миледи, в Кале. Каюты. А где я найду корабль?

– В гавани, где море и корабли, – пояснила Арабелла, стараясь проявить терпение и не выйти из себя. – Спроси капитана Перри, Тома Перри.

– Море, – сказала Бекки с недоумением. – Я никогда не видела моря, миледи.

– Ну вот теперь тебе предоставилась такая возможность, – сказала Арабелла. – А когда придешь в гостиницу, уже подадут завтрак. Подкрепившись, с почтовой каретой отправишься обратно в Лондон.

– Я бы лучше вернулась в Кент, миледи.

– Если ты в самом деле этого хочешь, то поедешь туда, когда возвратишься, – пообещала Арабелла. – Но это ты должна для меня сделать, Бекки.

Бекки несколько приободрилась:

– Если вы вернетесь, миледи, я буду рада остаться с вами.

– Конечно, вернусь, – ответила Арабелла с уверенностью, которой вовсе не чувствовала.

Разумеется, она возвратится в Англию, но в качестве ли жены герцога Сент-Джулза, в этом она уверена не была.

Бекки удалилась, и в комнату вошел слуга накрыть на стол к завтраку. Арабелла наблюдала за его действиями без всякого энтузиазма. Она не спала всю ночь, как и предыдущую, а та, как ей казалось, была в иной вселенной и она стала другим человеком. Она чувствовала себя усталой до мозга костей, но ее перевозбужденный мозг отказывался успокоиться и отдохнуть. Она с благодарностью выпила кофе и принялась ждать Бекки.

– Я получила билет, миледи. – Сияющая и гордая своим триумфом Бекки вбежала в комнату, размахивая бумажкой. – И я видела море... Оно такое большое, доходит до самого неба. – Она в изумлении покачала головой.

Арабелла улыбнулась с отсутствующим видом и взяла билет.

– Садись, Бекки, и позавтракай.

Девушка села за стол и энергично принялась за говяжью

вырезку.

– Моряк сказал, что каюта с иллюминатором. Он говорит, добраться до Кале можно за двенадцать часов при благоприятном ветре и течении. Они отплывают в четыре часа.

– Прекрасно, – сказала благодарная Арабелла. – Не знаю, что бы я делала без тебя, Бекки. Я сняла спальню наверху. Можешь спать, сколько захочешь, а завтрашняя почтовая карета отвезет тебя в Лондон. И можешь заказывать в гостинице все, что пожелаешь.

– Все, что угодно? – спросила Бекки, и глаза ее стали круглыми.

Арабелла улыбнулась:

– Все – еду, напитки, потребовать, чтобы горничная погладила для тебя одежду... Все, что угодно. А теперь я хочу поспать пару часов, прежде чем отправлюсь в порт.

– Мне проводить вас на корабль, миледи?

– Нет, – решительно возразила Арабелла. – Я поеду туда одна.

В два часа пополудни Арабелла явилась в доки со своим клочком бумаги, то есть билетом. Малый из гостиницы нес ее небольшой саквояж, в который она упаковала все, что, как предполагала, могло понадобиться Шарлотте. Для себя она захватила очень немного – пару белья, два простых батистовых платья, туалетные принадлежности.

Она рассудила, что Джек сядет на паром в самую последнюю минуту перед отплытием, потому что он не склонен тер-

петь неудобства на борту больше, чем требуют обстоятельства. Когда он прибудет на паром, она уже надежно укроется за дверью своей каюты.

Моряк осмотрел ее билет, поднял небольшой кожаный саквояж на плечо и проводил ее в крошечную каюту над ватерлинией, большую часть которой занимали узкая скамья, прибитая к перегородке, и стул, болтами прикрепленный к полу. Над головой жужжала муха. Постельное белье выглядело не слишком свежим. Ночной горшок, хоть по виду и чистый, несомненно, уже использовался. Но зато в каюте был крошечный иллюминатор, хотя и наглухо задраенный.

– Сколько пассажиров вы берете на борт на этот рейс? – спросила Арабелла, когда моряк поставил на пол ее саквояж.

Маленькие кораблики, курсировавшие взад и вперед по Ла-Маншу как паромы и перевозившие почту, обычно располагали местом всего для нескольких пассажиров.

– На этот, кроме вас только одного, мэм. Джентльмена, – ответил он.

– Не могли бы вы открыть иллюминатор?

– Да, мэм, но, как только мы выйдем в море, вы сами захотите его закрыть.

Он распахнул крошечное оконце, стекло которого было зеленого цвета.

– Тогда и закрою, – сказала Арабелла, вручая ему монету.

Он дотронулся до хохолка на лбу, она одарила его прощальной улыбкой и, как только дверь за ним закрылась, упав-

ла на скамью, служившую постелью. В гостинице она только подремала, с завистью прислушиваясь к глубокому и ровному дыханию Бекки, но теперь, когда больше ей было нечем заняться и не было смысла волноваться из-за будущего, она погрузилась в глубокий сон, похожий на кому.

Проснувшись, Арабелла услышала, как потрескивают доски и бревна и скрежещет якорная цепь. На мгновение ее охватила паника: вдруг Джек опоздал к отплытию? Но конечно же, такого с ним случиться не могло. Она встала и пошатнулась, чувствуя себя так, будто выпила слишком много вина, и ухватилась за перегородку, когда пол под ней закачался. В каюте было жарко и не хватало воздуха, несмотря на открытый иллюминатор, потому что яркое послеполуденное солнце затопило ее крошечное пространство. Она наклонилась к иллюминатору, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Пока что они маневрировали в тесной гавани, пробираясь к открытому морю в компании целой флотилии мелких суденышек, пытавшихся выйти из гавани в момент прилива. Она подскочила, услышав стук в дверь.

– Войдите! – крикнула Арабелла. Появился матрос, провожавший ее в каюту.

– Если вы пожелаете подняться на палубу, пока мы выходим из гавани, капитан будет рад приветствовать вас, – сказал он.

– Благодарю вас. С удовольствием подышу свежим воздухом.

От слишком крепкого сна глаза ее слиплись, а волосы, должно быть, выглядели как птичье гнездо.

– Нельзя ли мне получить кувшин воды для умывания? – спросила Арабелла.

– Не могу заполнить ни капли, мэм, – сообщил он ей. – Мы не можем разжечь огня в камбузе, пока не минувем порт.

– Для меня сойдет и холодная. Любая, – поспешила она его заверить. – Мне надо немного привести себя в порядок.

– Пожалуйста, мадам.

Он снова взял под козырек и быстро удалился, двигаясь привычно легко, несмотря на качку. Арабелла открыла саквояж и вытащила щетку для волос и маленькое зеркальце. Она подняла его и мрачно оглядела свое отражение. Все было именно так плохо, как она и предполагала. Весь день она проспала в костюме для верховой езды, в котором была вчера и спала предыдущей ночью в шезлонге, – она чувствовала себя грязной, липкой и потной. Но тут Арабелла подумала о другой женщине, той, что была в Шатле, и ей стало тошно от собственного эгоизма. Когда Шарлотта видела чистое постельное белье? А зубную щетку? Или даже щетку для волос? Была ли у нее возможность умываться чистой холодной водой?

Матрос снова постучал в дверь ее каюты и в ответ на приглашение вошел с кувшином воды и жестяным тазом, которые поставил на табуретку.

– Вам будет этого достаточно, мэм?

– Вполне, – ответила благодарная Арабелла с теплотой, удивившей ее самое, учитывая скудость этого подношения.

– Капитан будет ждать вас на палубе через полчаса, мэ.м.

– Благодарю вас.

Арабелла закрыла за ним и заперла дверь каюты. Если уж она собиралась раздеться догола, то должна быть уверена, что никто к ней не вломится. Она сбросила измятую юбку, жилет и жакет и, расправив, разложила все это на койке, потом скатала чулки и нижнее белье и сунула в саквояж. Упираясь в переборку качающегося судна, она с головы до ног обтерла все тело мокрой губкой, обмакнув ее в солонатовую воду. Это ее слегка освежило, и в голове у нее прояснилось. Если бы она приняла предложение капитана и поднялась на палубу, то лицом к лицу столкнулась бы с Джеком. Следовало ли ей устроить ему такой сюрприз на публике? Или сначала пойти поискать его каюту?

Яростно расчесывая волосы щеткой, она решила, что встретится с ним на людях. Ему придется проявить хотя бы формальную вежливость, а к тому времени, когда они останутся вдвоем, его гнев уже поостынет. Впрочем, она не особенно волновалась на этот счет. Она была права, а Джек – нет. Арабелла надела легкое платье из кремового батиста с бронзовым кушаком, сменила чулки, всунула ноги в простые замшевые туфли, единственную обувь, которую захватила с собой, если не считать сапог для верховой езды. Теперь она выглядела опрятно, но это было все, чего она могла добиться-

ся.

Арабелла остановилась у двери, держась за нее и не решаясь ее открыть. Она ни в коем случае не боялась мужа. Боже сохрани! Или все-таки боялась? Главное, она не должна была совершить ошибки. Ее будущее... их будущее... зависело оттого, сумеет ли она тактично взять дело в свои руки.

Наконец она открыла дверь в узкий коридор. Свет сюда поступал от верхней части трапа. Матрос назвал этот трап общественной лестницей. Придерживаясь за стену, она начала подниматься по ступенькам и скоро оказалась на ярком послеполуденном солнце. День уже клонился к вечеру.

Над морем с криками носились чайки, скрипели снасти, потрескивал парус. Арабелла, не подготовленная к такому движению, вцепилась в перила, инстинктивно пригнувшись, и над ее головой качнулась рея, как черная тень.

Она подняла голову и встретила взглядом с мужем, стоявшим на корме в нескольких футах от нее, позади бронзового от загара молодого человека у штурвала. Корабль поднялся и опустился, зарывшись носом в воду. Арабелла не двигалась с места, зачарованная взглядом серых недоумевающих глаз Джека.

Человек у штурвала приложил руку к матросской шапочке и пригласил ее:

– Идите сюда, мэ. Присоединяйтесь к нам. Прекрасный денек... чудесный западный ветер.

Казалось, он в восторге от того и другого. Лицо его сия-

ло улыбкой. Синие глаза искрились, как поверхность моря. Арабелла подошла к ним.

– Капитан?.. – сказала она вопросительно, приветствуя его.

– Капитан Перри, мэ. – Он протянул ей сильную руку, из другой не выпуская штурвала. – Счастлив видеть вас на борту. У вас есть попутчик. Его светлость герцог Сент-Джулз.

– Его светлость и я уже знакомы, – спокойно ответила Арабелла, не сводя глаз с Джека.

– И так уж случилось, что знакомы очень хорошо, – сказал Джек. – Капитан Перри, это моя жена герцогиня Сент-Джулз.

Том Перри уставился на обоих своих пассажиров:

– Прошу прощения. Я и понятия не...

– Как вы могли знать? – перебил его Джек. – Я и сам не имел представления. – Он взял жену за локоть. – Если вы нас извините, капитан, мы отлучимся минуты на две.

Он повел Арабеллу к уже знакомому трапу, предоставив Тому таращить на них глаза.

– Внизу слишком душно, – запротестовала Арабелла, когда они приблизились к трапу. – Там никого нет. – Она жестом указала на нос корабля.

Джек неохотно согласился, слабо кивнув. Они направились на нос и нашли небольшое свободное местечко, осторожно переступив через канат. Она смотрела за борт, ожидая, когда муж к ней присоединится.

– Не желаешь ли объясниться? – спросил он.

Голос его звучал обманчиво невозмутимо, когда руки его легли на поручни. Костяшки пальцев побелели.

– Я полагала, что это очевидно.

С резким надтреснутым смешком он повернулся к ней, опираясь спиной о поручни.

– Когда речь о тебе, не бывает ничего очевидного, дорогая. Я давно это усвоил. А теперь, если ты будешь так любезна, я хотел бы...

Она заговорила спокойно и тихо, но в речи ее слышалась непоколебимая сила и твердость:

– Я не Фредерик. Во мне есть кровь Лэйси, но я и мой брат – не одно и то же. Ты женился на мне по собственному усмотрению, и у тебя были свои резоны. Я всегда это понимала и считала, что это как-то связано с Фредериком. – Она продолжала смотреть на воду и, так как он ничего не ответил, продолжала: – Я рискнула выйти за тебя замуж и теперь поняла, что это было глупо, но то, что когда-то произошло между тобой и Фредериком, не имело ко мне никакого отношения. – Слова «ко мне» она произнесла с нажимом. – Я думала, что со временем ты это поймешь, и пошла на риск только по этой причине.

Между ними повисло тягостное молчание.

– Тебе нечего сказать? – спросила она с яростью, слегка повернувшись, чтобы видеть его профиль с упрямо сжатым ртом.

Сердце ее упало. Ее речь не произвела на него никакого

впечатления.

– Я не могу просить прощения за то, что натворил Фредерик, и не прошу его...

– Довольно! – свирепо перебил он. – Не хочу, чтобы с твоих губ слетало его имя снова и снова. Ты больше не Лэйси. Твоей семьи нет. И впредь никогда не произноси его имени. Понятно?

– Я то, что я есть, – возразила она. – Я твоя жена, Джек. Я люблю тебя, но я не родилась твоей женой. Я здесь для того, чтобы помочь твоей сестре. – Она властным жестом поднятой руки заставила его замолчать. – Нет, не перебивай меня. Твоя сестра – и моя сестра тоже. Она нуждается в помощи. И никто не заставит меня забыть о моей ответственности за ее судьбу, которая следует из того, что она сестра моего мужа, а вовсе не из того, что мой трусливый сводный брат выдал ее.

Она не спускала с него яростного взгляда и не сдалась даже, когда он отвернулся.

– Подумай, Джек, – продолжала она. – Если бы не я, ты, возможно, так и не узнал бы, что Шарлотта, вероятно, еще жива. Если бы не это...

– Прекрати! – закричал он. – Неужели ты не понимаешь, что сводишь меня с ума?

Она сглотнула, пытаясь найти нужный тон.

– Да, – ответила она безыскусно. – Я это понимаю. Как же не понять? Я твоя жена. Я люблю тебя. Больше всех на свете. Поэтому твои дела – и мои тоже. Это очень просто, если дать

себе труд задуматься.

Джек слышал ее слова, но, казалось, они его не трогали. На него словно смотрел Фредерик Лэйси, каким он был на площади Бастилии. Умри Шарлотта во дворе тюрьмы Ля Форс, то это произошло бы относительно быстро. Если же она не умерла... Он не мог вынести мысли о том, сколько ей довелось перестрадать. Побелевшими пальцами он вцепился в перила и невидящим взглядом смотрел на воды канала, забыв о женщине, молча стоявшей рядом.

Забытая им Арабелла оторвалась от перил и, держась за канаты, направилась к трапу и собственной каюте.

Ее спасением был гнев. Как он мог проявить столь мало человечности, понимания, так мало веры в нее? Арабелла захлопнула дверь крошечной каюты. Она обнажила перед ним душу, сказала о своей любви, и это его ничуть не тронуло. Он был все еще погружен в мерзкие мысли о мести, теперь уже застывшие, как охлажденная лава Везувия.

Она села на край скамьи и загляделась в иллюминатор. Солнце садилось, и море приобрело розоватый оттенок, потом цвет бледной бирюзы и, наконец, стало тускло-серым. На небе появилась вечерняя звезда, и до Арабеллы донесся запах стряпни. По палубе над ее головой простучали шаги. Корабль умеренно покачивался под порывами ветра.

Арабелла не знала, голодна ли или испытывает приступ тошноты, и все же продолжала сидеть, как в трансе, ожидая чего-то.

Раздался стук в дверь, и в ней вспыхнула надежда.

– Да, – откликнулась она.

Матрос отворил дверь:

– Прошу прощения, мэм, но не будете ли любезны отужинать с капитаном наверху? Или предпочитаете здесь?

Она уже была готова ответить, что ужинать не будет. Этот ответ висел на кончике ее языка, но она пересилила себя – победил здравый смысл.

Она ничего не ела с завтрака.

– Здесь, если можно.

Он, пятясь, вышел из каюты и через несколько минут вернулся с тарелкой рагу, ломтем хлеба и кувшином эля.

– Пожалуйста, мэм.

– Благодарю вас.

Она приняла у него поднос и села на койку. Пахло хорошо, и она, отломив кусочек хлеба, обмакнула его в подливку. Некоторое время она ела с удовольствием, потом снова почувствовала дурноту и отставила поднос. Она не привыкла путешествовать морем. Арабелла выставила поднос за дверь, разделась до нижней сорочки и заползла на койку под тонкие простыню и одеяло, где и осталась лежать, прислушиваясь к скрипу снастей, плеску волн о корпус корабля и глядя на серебряный блик от света звезд, проникавшего сквозь иллюминатор и освещавшего деревянный пол.

Джек и капитан ужинали на палубе. Ни один из них ни словом не обмолвился об отсутствии другой путешествен-

ницы, и Джек подсказал Тому Перри, чье неловкое молчание походило на беззвучный крик, нейтральную тему, заговорив об опасностях, подстерегавших корабли, курсировавшие между Англией и Францией.

– И кое-кто из тех, кого мы берем, сэр...

Том успокаивался и становился раскованнее, по мере того как уровень напитка в его кружке опускался. Разговор вертелся только вокруг Знакомых вещей.

– Несчастные... с трудом избежали гибели. Теперь мы берем всех. Не только аристократов, но и ремесленников, профессионалов. Для них не осталось места в их стране, но, думаю, достойны уважения люди, способные заработать своим трудом на приличную жизнь.

Он посмотрел на своего аристократического пассажира со смесью любопытства и беспокойства. Не говоря уже о странности отдельного путешествия герцогини и герцога, будто они и не были женаты, никогда нельзя было угадать, что думает путешественник, переправляющийся через Ла-Манш в Европу, о тамошнем хаосе. Гораздо легче было судить о настроении тех, кто прибывал оттуда.

Джек обмакнул хлеб в подливку.

– В самом деле, – сказал он.

Том Перри капитулировал – он осушил свою кружку и сказал:

– Простите, ваша светлость, но я веду корабль. Мне надо им управлять. Желаю вам доброй ночи. Надеюсь, она бу-

дет спокойной. Ветер изменился. Теперь дует юго-западный. Думаю, прибудем к четырем часам утра. К шести станем на якорь.

– Доброй ночи, капитан.

Джек снова наполнил свою кружку и неподвижно смотрел в пространство, не замечая звезд, мягкого бриза, пахнущего солью, и покачивания корабля. В голове его все еще не прояснилось. До сих пор им владела слепая холодная ярость, управлять которой было легко. Он видел ее так же ясно, как острие своей рапиры во время дуэли, как собственную шпагу во время урока фехтования у мэтра Альбера. Она разила с непрекаемой точностью и достигала цели. Но теперь в голове и сердце его была жаркая путаница, цель и ее достижение представляли перед ними в виде хаоса.

Шарлотта провела больше года в парижской тюрьме... Если действительно женщина в Ле Шатле была Шарлоттой. Но как это могло случиться? Ведь «вязальщица» описала ее... рассказала, как ее волокли на штыки по темному двору. Она упомянула серебряную прядь волос, ниспадавшую на ее лоб. Хихикая, эта ужасная ведьма протянула грязную руку, пытаясь прикоснуться к белой пряди на лбу Джека, сдвинув его красный колпак. При этом она подмигивала.

Но возможно, Шарлотте удалось выжить в той сентябрьской резне, избежав гильотины.

Он сжал руками виски, стараясь отгородиться от рева и грохота, потрясавших его смятенное сознание. Встав из-за

грубо сколоченного стола, он направился к трапу. Там стоял матрос, с явным нетерпением ожидая, когда с палубы уйдет поздний гость капитана.

– Покажите мне каюту леди Арабеллы.

Его требование было высказано кратко, и матрос ответил столь же лаконично. Он мотнул головой в сторону трапа. Джек последовал за ним вниз по лестнице, а потом туда, куда провожатый указал пальцем.

Джек бесшумно открыл дверь каюты и заглянул в тесное помещение, освещаемое только слабым светом звезд. Неясно видимое тело пошевелилось на койке.

– Итак, Джек? – спросила она.

Он приблизился, присел рядом с ней и положил руку на ее бедро, прикрытое одеялом. Она коснулась его руки. Их пальцы переплелись. Он наклонился поцеловать ее, и его губы легко скользнули по ее щеке. Она медленно перекатилась на спину, глядя на него в тусклом свете звезд. Улыбка ее была печальной.

– Прости меня, – прошептал он.

Джек сбросил сапоги и осторожно дюйм за дюймом забрался на узкую койку рядом с ней. Его рука скользнула под ее спину и он привлек ее к себе. Он гладил ее щеку, пока она устраивалась, положив голову ему на плечо, и он почувствовал, как под его ласками она погрузилась в сон. Он держал ее в объятиях всю ночь, глядя широко раскрытыми глазами в деревянные балки потолка и ожидая рассвета.

ГЛАВА 21

Арабелла проснулась под крики, дребезжание якорной цепи, вибрацию корабля, готового стать на якорь. Она все еще лежала, свернувшись клубочком, все еще прижималась к Джеку, а его рука лежала у нее на щеке. Он медленно повернул голову, когда она пошевелилась, и улыбнулся ей:

– Ты хорошо спала, моя любовь. Я это чувствовал.

– А ты вообще не мог заснуть, – решила она, проведя пальцами по его небритому подбородку.

Он так редко выглядел встрепанным и неопрятным, что она нашла его облик по-новому волнующим и чувственным.

– Не мог, – согласился он, убирая из-под нее руку.

Его рука и предплечье затекли, и он яростно потряс ими, когда с подавленным стоном встал с узкой койки.

– Эти койки не предназначены для двоих.

– Нет. Мне жаль, что у тебя затекли руки, – сказала Арабелла покаянно, пытаясь встать.

Он взял ее обеими руками за голову и поцеловал в губы:

– Заслуженное наказание.

– Нет, это не так, – возразила она, страстно обнимая его обеими руками. – Мне не хотелось, чтобы тебе было неудобно.

Об этом было несколько поздно сожалеть, кисло подумал он. Впрочем, ему было не до физических неудобств.

– Что мы будем делать сначала? – спросила Арабелла, расправляя свою многострадальную юбку для верховой езды.

Сейчас было так естественно сказать «мы». Теперь они были вместе, они стали парой с общей целью, и она чувствовала себя легкой, как воздух.

– Отправимся в гостиницу, договоримся о завтраке, а потом найдем лошадей, – ответил он с готовностью. – Одевайся поскорее, пока я принесу вещи из моей каюты.

Он оставил ее облачаться в костюм для верховой езды. Она быстро провела щеткой по волосам и плеснула на лицо остатками воды в кувшине. Потом прополоскала рот, гримасничая, потому что вода была солоноватой. От этого ее слегка затошнило.

Она поднялась по трапу, неся сумку с одеждой, и, выйдя на палубу, сощурилась от яркого солнца. Сцена представляла собой некий управляемый хаос: моряки бросали тюки в док, где грузчики их ловили на лету и клали на тележки; между деревянными сараями сновали мужчины; в гавань входили другие корабли, спуская паруса; слышались голоса людей, смешивавшиеся с криками реющих чаек.

Джек разговаривал с Томом Перри возле спущенных сходней, соединивших «Морскую лошадь» с берегом. Он сделал знак Арабелле, осторожно двигавшейся, переступая через кольца канатов и обходя коробки, чтобы присоединиться к ним.

– Капитан Перри рассчитывает снова быть в Кале через

десять дней, – сказал Джек, когда она приблизилась к ним.

– Если мы будем здесь, он захватит нас троих.

Он пытался говорить с определенностью и уверенностью. Для него стало очень важным, что Шарлотта находилась в Ле Шатле. Он не мог больше вынести мысли о том, что все их предприятие безнадежно и Клод Фламан ошибся... Или еще хуже – он прибудет слишком поздно, и к этому моменту Шарлотта уже будет мертва.

Такие пораженческие настроения не привели бы ни к чему хорошему. От переутомления его почти лихорадило, но он знал, что не смог бы уснуть, даже если бы для этого нашлось время.

Арабелла чувствовала его усталость и сомнения, но не сказала ничего. Она могла только предложить ему свою силу, чтобы поддержать его.

– На набережной есть гостиница, – сказала она. – Мы можем там позавтракать и, если у них есть конюшни, арендуем лошадей.

– О да, миледи. «Золотой лев» располагает хорошей конюшней, – заверил ее Том Перри. – Вы едете в Париж?

Джек кивнул:

– Да.

– Это займет три дня, – сказал Том.

– Я намерен прибыть туда к завтрашнему вечеру, – возразил Джек.

Капитан посмотрел на Арабеллу с сомнением. Может

быть, этот человек и способен скакать, как дьявол, и одолеть это расстояние за два дня, но никак не женщина.

– В таком случае вам надо прибыть туда днем, – сказал он. – С наступлением темноты городские ворота запирают. И ходить по улицам небезопасно. На ночь вам лучше остаться вне города и войти туда утром.

Джек снова кивнул, но Арабелла знала, что он не последует совету. Они попрощались с капитаном и пошли за матросом, который перенес их вещи на набережную и доставил в здание гостиницы, сложенное из черных бревен.

– Закажи для нас гостиную и завтрак, – сказал он Арабелле, когда они приблизились к двери. – О, и попроси горячей воды.

Он провел рукой по подбородку и состроил гримасу.

– Я хочу разузнать, каких лошадей они держат в конюшне и что могут нам предложить.

Арабелла дотронулась до его руки:

– Почему не заказать номер с постелями? Ты почувствуешь себя лучше, если поспишь часа два.

– Нет, – возразил он кратко. – Я хочу уехать через час.

Он направился к тыльной стороне здания, а Арабелла вошла внутрь, готовая примириться с мыслью, что теперь она будет играть только вспомогательную роль.

Она организовала приличный завтрак, рассудив, что при недостатке сна еда становится важнее. Джек вошел в гостиную, как раз когда она разливала кофе. С минуту он посто-

ял, прислонившись к двери, потом провел руками по лицу и подошел к умывальнику с мылом и водой, ожидавшими его. Арабелла открыла его чемодан, вынула бритву, и в течение нескольких минут единственным слышным в комнате звуком было царапанье бритвы по его щетине. Наконец он зарылся лицом в полотенце, потом повернулся к столу, где она сидела, молча наблюдая за ним.

Он сел, сделал большой глоток эля и сказал:

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь и ждала меня с Шарлоттой.

Потрясенная Арабелла воззрилась на него:

– Что ты хочешь сказать? Конечно, я еду с тобой.

Он покачал головой:

– Ты не в состоянии покрыть почти двести миль менее чем за два дня. Я не могу потребовать этого от тебя.

– Ты от меня и не требуешь этого, – ответила она, возмущенно глядя на него. – Я сама должна это сделать, Джек Фортескью. Если я буду тебя задерживать, я готова позволить тебе оставить меня у дороги, но уверяю, что я поеду с тобой.

Это было именно то, чего он ожидал, осознал Джек. Но он опасался, что она задержит его.

– Кроме того, – продолжала она гнуть свою линию, почувствовав его колебание, – Шарлотте понадобится женщина, Джек. Я захватила с собой для нее кое-какую одежду, лекарства... просто на всякий случай. – Ее голос дрогнул, но тот-

час же снова окреп: – Она нездорова, Джек. Она слаба. Есть вещи, которые я могу для нее сделать, а ты – нет.

Он опустил глаза, пытаясь представить свою сестру. Она никогда не была особенно крепкой, но физическая хрупкость компенсировалась сильной волей. Эта воля могла бы помочь ей пережить множество тягот, но сколько? Смогла бы воля помочь ей, будь она ранена? Если ее и не убили во время резни, она все-таки могла пострадать. Должно быть, эта «вязальщица» не ошиблась, она видела то, о чем рассказывала ему. Эта старая карга не солгала, сказав, что Шарлотту проткнули штыком. И конечно, изнасиловали. И вероятно, бросили, приняв за мертвую.

– Джек! – услышал он голос Арабеллы, непривычно высокий от волнения.

Он проник сквозь его злополучные видения. Джек взглянул на нее. Она смотрела на него глазами, полными страха.

– Прекрати это, – сказала Арабелла. – О чем бы ты ни думал сейчас, Джек, перестань. Это не приведет ни к чему хорошему.

– Да, – ответил он безжизненным голосом, а его мозг все еще хранил следы жутких видений. – Не приведет.

Народная полиция искала и его. Фредерик Лэйси в тот сентябрьский день донес обо всех, указал все известные ему имена, английские или французские. Это значения не имело. Если эти люди были в Париже и действовали против интересов Революции, трибунал охотился за ними и гильотина бы-

ла готова их пожрать. Арест Шарлотты был первым из многих, а Джек с небольшой группой единомышленников бежал из города всего за несколько минут до того, как народная полиция пришла и постучала в дверь. А он уехал, потому что Шарлотта была мертва, и он должен был выжить, чтобы отомстить за нее.

Он посмотрел через стол на сестру Фредерика Лэйси. На Арабеллу, свою жену. Она ответила на его взгляд твердо, но с состраданием. И он почувствовал силу ее любви, не имевшую никакого отношения к Лэйси, зато исходившую от этой женщины, которую он уже знал.

– Мы должны сегодня покрыть около сотни миль, – сказал он. – Это означает десять часов в седле.

Она только кивнула и отпила кофе:

– Ешь, Джек.

Он подчинился и начал есть вовсе не из-за того, что у него появился аппетит, а потому, что должен поест. Постепенно отчаяние притупилось, и он снова обрел цель. Его усталость отступила на задний план, и теперь он легко мог не обращать на нее внимания.

Арабелла, играя с куском хлеба с маслом, облегченно вздохнула, видя, что Джек пришел в себя. Она выпила еще чашку кофе и теперь созерцала ломтик ветчины, но потом отказалась от мысли его съесть. Поездка по морю пришлась ей не по вкусу. А возможно, это странное отсутствие аппетита было физической реакцией на потрясения и напряже-

ние последних двух дней. Она была уже готова отправиться в путь, когда Джек объявил, что удовлетворен, и вышел, чтобы уладить дело с хозяином гостиницы.

Она отправилась на поиски туалета в задней части гостиницы, потом проследовала во двор, где помещалась конюшня. Джек нанял двух неказистых, но по виду выносливых животных.

– Если они проигрывают в скорости, то это компенсирует их сила и выносливость, – заметил он, когда во дворе появилась Арабелла.

Он оглядел ее. Столь прискорбно использованный костюм для верховой езды был тем не менее вполне пригоден для путешествия. Он был так же неказист, как и лошади, и только отличное качество ее сапог было признаком богатства. На нем самом были только сюртук и бриджи, а также обычный льняной галстук и простая рубашка без кружев или брыжей. Его волосы были, как всегда, подвязаны сзади черной лентой, а шляпа из темного фетра не бросалась в глаза. Его можно было принять за торговца или сельского сквайра, и едва ли деревенский люд заинтересуется такими, как они. Сельчане в меньшей степени обладали менталитетом толпы, чем их городские сограждане, и, разумеется, были не столь крожадны.

Он помог Арабелле взобраться на лошадь, надежно прикрепит ее сумку с одеждой позади седла и вскочил на коня.

– Готова?

Она ответила ему быстрой уверенной улыбкой:

– Да.

Они дважды за день сменили лошадей. На первой же остановке Арабелла купила хлеба, сыра, чесночной колбасы и кожаную бутылку с вином у женщины на рыночной площади маленькой деревеньки, пока Джек в конюшне обменивал арендованных лошадей на других. Они поели, сидя в седлах, и почти не разговаривали, пока их лошади пожирали дорогу миля за милей. Перед глазами Арабеллы проселочные дороги сливались в неясные пятна, как и маленькие городишки и деревеньки.

Когда начало смеркаться, они проехали мимо небольшой гостиницы на перекрестке дорог, и Джек, натянув поводья, заставил свою лошадь остановиться. Уродливый, шелудивый пес выбежал со двора и принялся яростно лаять.

– Кажется, этот постоялый двор далеко отовсюду, – заметил Джек, – и потому безопасен. Тут мы остановимся на ночь.

Арабелла сморщила нос:

– Попомни мои слова, в здешних постелях наверняка есть блохи.

– В таком случае будем спать на полу.

Он спешил, передав Арабелле поводья своего коня. Шелудивая собачонка, как и предполагала Арабелла, начала пресмыкаться перед ним, как только его ноги коснулись земли. Джек не обратил внимания на животное, но собака про-

должала виться у его ног, пока он шел к двери гостиницы. Ему пришлось нагнуться под низкой притолокой.

Он появился через несколько минут.

– Здесь неказисто, но сойдет.

– А как насчет блох? – спросила Арабелла, поднимая бровь.

– Нет ни малейшего сомнения.

Он протянул к ней руки и снял ее с седла, несколько секунд подержав, прежде чем опустить на землю.

– И все же там найдется котел похлебки и каравай хлеба, а также большая кружка домашнего пива. Я шантажом добуду у хозяйки чистые перины и одеяла. Она неряха, но довольно приветливая.

Арабелла слишком устала, и ее не заботило, что ее тело станет местом пиршества блох и клопов. Перспектива угощаться похлебкой была соблазнительной. К тому же здесь должен быть колодец или насос. Она купалась в поту, пахла лошадю и мечтала о возможности насладиться холодной водой и пройти по телу губкой.

Джек сдержал обещание, и хозяйка гостиницы по его просьбе принесла одеяла и перины, если и не отличавшиеся стерильной чистотой, то по крайней мере не населенные блохами, поскольку их держали в сундуке кедрового дерева.

Арабелла объявила, что матрас, набитый сеном, на рахитичной кровати не выдерживает никакой критики, и постелила на полу маленькой комнатки под самыми балками.

Ночь была прохладной, и она свернулась калачиком, прижавшись к Джеку под одеялами, наваленными поверх их собственных плащей. К ее облегчению, Джек уснул еще до нее, и она повернулась на бок, сжимая его в объятиях и ощущая, как ритмично поднимается и опускается во сне его грудь.

На следующее утро они покинули гостиницу до рассвета. По мере их приближения к Парижу атмосфера сельской местности менялась. Если прежде они возбуждали краткое любопытство местных жителей, то теперь полные подозрений взгляды провожали их, пока они проезжали по улицам маленьких городишек и деревень. Когда они меняли лошадей на свежих, их встречали высокими ценами. Арабелла ощущала некоторую неловкость, но ее успокаивало то, что Джек принимал все это как должное. Он отвечал грубостью на грубость, бросал гневные взгляды, когда любопытные тарасили на них глаза, и похоже было, что это рассеивало подозрения.

Они приблизились к заставе Сен-Дени, воротам в Париж, как раз когда колокола прозвонили, подавая знак к их закрытию. Джек пришпорил лошадь и проскочил в ворота. Арабелла последовала его примеру. Жандарм оглядел путешественников сощуренными глазами, полными недоверия:

– Ворота закрываются.

– Но они еще не закрыты, – невозмутимо заметил Джек. – Прошу позволить проехать моей жене и мне. Мы спешим навестить ее больную мать в Мобере. Возможно, она не до-

тянет до утра.

В его руке, затянутой в перчатку, сверкнула серебряная монета, когда он придержал ее у своего бедра.

Арабелла испустила глубокий скорбный вздох и жалобно пролепетала:

– Прошу вас, месье, позвольте мне проехать. Моя мать на краю могилы.

Джек позволил своей руке упасть вдоль ноги в сапоге, упирающейся в стремя. И снова серебряная монета блеснула между его пальцами, когда они сжались. Жандарм подошел к ним.

– Мобер, говорите?

– Рю де Бьевр, – ответил Джек, и его ладонь разжалась, а рука жандарма скользнула к ней.

Обмен был произведен так быстро и безмолвно, что никто в кордегардии не догадался бы, что их коллега теперь оказался владельцем внушительной суммы в ливрах.

– У вас есть не более получаса проехать по улицам до начала комендантского часа, – проворчал жандарм, отступая и давая им дорогу.

Они ввели лошадей в ворота, и те звякнули за их спинами, закрываясь. Арабелла с трудом проглотила комок в горле. Они оказались запертыми в городе, где царили ад и террор. Люди шли по улицам и проулкам, держась поближе к стенам. Везде царил страх. Он читался на каждом лице, слышался в звуке шагов.

Джек наклонился к Арабелле и положил руку на уздечку ее коня выше мундштука:

– Будет лучше, если я поведу твою лошадь. Я знаю, куда мы направляемся, и мы не должны разлучаться.

– Не должны, – согласилась она. – Но мне нужно самой чувствовать поводья. Я не потеряю тебя из виду. Кстати, куда мы направляемся?

– Конечно же, в Мобер, – ответил он. – Нельзя лгать жан-дармам.

Его губы чуть тронула невеселая улыбка, а в серых глазах появился холодный и отчаянный блеск.

Арабелла была в Париже за несколько лет до Революции, но плохо знала город, если не считать Лувра и Тюильри, а также величественных дворянских особняков, окружавших их. Теперь они ехали по узким улочкам под высокими стенами домов, стараясь держаться в их тени. Булыжник под копытами лошадей был покрыт какой-то слизью, и ее лошадь едва не упала, не натяни она вовремя поводья. Им приходилось ехать гуськом по улицам, становившимся все уже и уже, и не требовалось прилагать особых усилий, чтобы заставить ее лошадь идти вслед за конем Джека, чуть не упираясь ему в хвост.

Они выехали на широкую, вымощенную булыжником площадь, переправившись через реку, и теперь удалялись от жутковатого здания с башенками – Консьержери, серые каменные стены которого возвышались над водой. Арабелла

посмотрела на сооружение в центре площади. Прежде она видела только изображения на картинках этого в высшей степени эффективного инструмента истребления. Лезвие гильотины висело на вершине высокого столба. Колода с аккуратной выемкой для шеи находилась на помосте точно под ножом. Даже в тусклом сумеречном освещении можно было разглядеть ржавые пятна на лезвии, и колоде.

Именно здесь нашла свою смерть королева. Ее привезли на это место на телеге из тюрьмы Консьержери. Город все еще был пропитан запахом крови и смерти. Арабелла знала, что тюрьма Ле Шатле где-то рядом.

Они миновали мост через Сену и теперь спешили, потому что колокола, возвещавшие наступление комендантского часа, зазвонили со всех церковных колоколен. Джек повернул и поехал через множество переулков, протянувшихся вверх от реки, и она старалась не отстать от него. Становилось все темнее. Наконец он осадил коня возле высокого здания и поднял глаза на его фасад. Окна были закрыты ставнями, и дом выглядел необитаемым. Джек заставил свою лошадь максимально приблизиться к двери и постучал костяшками пальцев особым образом – он повторил стук несколько раз подряд. Подождал. Арабелле показалось, что он считает про себя. Потом все повторилось снова. Он произвел эти действия три раза. Дверь чуть приотворилась, образовав узкую щель.

Джек обернулся к Арабелле и показал выразительным же-

стом, что ей пора спешиться и войти внутрь. Она попыталась в полутьме отвязать свою сумку с одеждой, но он только прошептал:

– Оставь ее.

Она спрыгнула, на мгновение потеряв равновесие и зашатавшись. После стольких часов, проведенных в седле, ноги перестали ей повиноваться. Но она быстро оправилась и протиснулась в дом сквозь щель, оглянувшись через плечо, однако и Джек, и лошади исчезли.

Высокая и худощавая женщина с волосами, упрятанными под платок, подозрительно оглядела ее, но Арабелла сочла, что это было привычкой, и не нашла в ее поведении ничего личного.

– Кто вы?

– Жена Джека.

Арабелла прижала руки к пояснице, чтобы облегчить боль. Лучше всего было вести себя просто.

Женщина кивнула и жестом пригласила ее пройти в заднюю часть дома. Арабелла подчинилась и вскоре оказалась в просторной кухне, полной народа. В основном это были мужчины, но возле горшков и сковородок суетились несколько женщин, одна из которых раскатывала тесто для пирожного на длинном столе, засыпанном мукой.

– Кто это, Тереза?

– Джек вернулся, – сообщила женщина. – Это его жена.

Не последовало ни восклицаний, ни вопросов. Только

спокойные взгляды и молчаливые кивки, означавшие понимание.

– Подойдите поближе к огню, жена Джека, – сказал пожилой мужчина, указывая на табуретку. – Долго ехали?

– Два дня, – ответила она, садясь на предложенное место. – Из Кале.

Люди одобрительно закивали, сознавая, какой подвиг они совершили. Кто-то сунул ей в руку чашу с вином, и она с благодарностью отпила глоток.

Где-то за ее спиной открылась дверь, и она скорее почувствовала, чем увидела, что вошел Джек. Она предположила, что он занимался лошадьми. Арабелла повернула голову. Он опустил их саквояжи на пол и пропал из ее поля зрения, смешавшись с другими людьми, окружившими его и задававшими ему негромкие вопросы, которые следовали друг за другом так быстро, что он едва успевал отвечать.

При упоминании о Шарлотте внезапно наступила тишина. Арабелла смотрела на огонь, позволив благотворному теплу от выпитого вина разлиться по ее телу. Насколько хорошо эти люди знали его сестру? Она догадывалась, что они не все были по происхождению дворянами, но их связало общее дело, и у нее возникло ощущение, что они давно вместе и объединены борьбой за это дело. Сколько их погибло в этой борьбе, хотела бы она знать. Она чувствовала себя чужой, вторгшейся без приглашения в их мир, и потому оставалась сидеть на табуретке у огня, ожидая, когда Джек обра-

тит на нее внимание.

Наконец он подошел к ней и положил руку ей на голову жестом властелина:

– Не объяснишь ли ты, Арабелла, что привело нас сюда?

Она пересказала историю, услышанную от Клода Фламанна, и все это время рука Джека лежала на ее голове. Она старалась говорить спокойно, не проявляя эмоций, скрывая радость, вызванную тем, что Джек признал ее роль в этом деле перед своими друзьями, то есть объявил ее своей соратницей.

– Мы ничего не слышали о Шарлотте, Джек. Из Шатле просачивается немного информации даже в лучшие времена.

Подошла Тереза и дотронулась до плеча Джека.

– Побоище в Ля Форс было... таким всеобъемлющим.

– Знаю, – ответил он, и в голосе его она расслышала хриплые нотки.

Его рука, лежавшая на голове Арабеллы, опустилась, и он потянулся к столу, чтобы снова наполнить свою чашу вином из графина.

– Нам известно, что Шарлотта оказалась в центре этой бойни. Но если каким-то чудом она уцелела, никто из нас не слышал об этом.

Арабелла, к своему изумлению, перебила ее:

– Мало смысла в сомнениях и догадках. Если она там, мы должны вызволить ее оттуда. Мне говорили, что за деньги

это возможно.

Никто не обиделся на ее вмешательство. Только Тереза сказала:

– Если сделать это с умом, то не исключено, что сработает. Но, обратившись не к тому человеку, можно навлечь на себя несчастье. Людей порой казнили за попытку дать взятку народной полиции. – Она коротко рассмеялась. – Как ни странно, но они не все коррумпированы.

– Сначала мы должны узнать, действительно ли графиня содержится в Ле Шатле, – сказал мускулистый мужчина, поднимая тяжелое полено, чтобы подбросить его в очаг.

Потом принялся поворачивать на вертеле свинью, ронявшую капли жира в огонь, и тот вспыхивал с новой силой.

– Э, Жан-Марк, кто-то должен туда пробраться. Женщина, – сказала Тереза. – Они не пустят мужчину в камеры к женщинам.

Она оглядела собравшихся.

– Наши лица мелькают на улицах. Тюремщики все из этих мест. Есть большая опасность, что кого-нибудь из нас узнают.

– Пойду я, – вмешалась Арабелла, – если вы научите меня, как это сделать.

– Нет, – решительно возразил Джек.

– Да, – настойчиво сказала Арабелла.

Снова наступило молчание, прерываемое только шипением жира, бульканьем вина, льющегося из кувшина в чашу

или стакан, да стуком скалки о стол. Арабелла выдержала взгляд Джека.

– Есть смысл в том, что говорит мадам. Пусть отправляется она, – сказала наконец Тереза. – Мы оденем ее соответствующим образом и скажем, куда идти. Проникнуть внутрь довольно легко, если приходишь продать что-нибудь и можешь ласково улыбнуться стражу.

– Нет, – возразил Джек.

– Да, – настаивала Арабелла. – Я сумею улыбнуться тюремщику, как любая другая женщина. Мой французский сносен, особенно если я буду говорить просто. Акцент мой, конечно, не очень убедителен, но можно говорить тихо...

– Даже в лучшие времена обстоятельства там не располагали к беседе, – сказал пожилой человек, сидевший у огня, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Вот улыбнуться, хихикнуть, позволить себя ущипнуть, и вы уже там и чувствуете себя свободно.

Арабелла не смогла удержаться от улыбки, увидев выражение лица Джека. Она догадалась, что больше всего его ужаснула перспектива, что она позволит себя ущипнуть.

– Я не каменный, моя любовь, – возразил он.

– Дело не в этом.

– Давайте-ка поедим. У нас еще останется много времени поговорить об этом на полный желудок, – предложила Тереза. – Садитесь-ка все за стол.

Она принялась вытирать муку со стола мокрой тряпкой, а

другая женщина уже торопливо ставила на него сковородки с картофелем и капустой, горшочки с маслом, глиняные миски, раскладывала караваи хлеба и приборы. Один из мужчин нарезал крупными ломтями жареную свинину, все еще брызжущую жиром, и положил их на продолговатое деревянное блюдо, стоявшее посреди стола.

Арабелла заняла место на одной из длинных скамей, Джек сел с ней рядом. Он наполнил ее чашу, когда пустили по кругу бутылъ с вином, вилкой подцепил кусок мяса и положил ей на тарелку. Она с аппетитом ела, слушая разговоры, но сама мало принимала в них участия. Из разговоров ей стало ясно, что эта небольшая группа людей не только помогла Джеку выбраться из Франции после ареста его сестры, но что и сам Джек трудился вместе с этими людьми в самые страшные дни революции. Они прилагали отчаянные усилия переправить из города тех, за кем охотились, а также добраться до побережья либо эмигрировать в Австрию или Швейцарию.

Она знала только того человека, которого он счел нужным показать ей, – плута, распутника и игрока, способного довести до разорения и гибели своего ближнего, циничного светского льва, друга принца Уэльского: ей было известно, что его интересует политика и правительство Англии, а также что все без исключения собаки ластанутся к нему.

Но теперь она услышала о другой его ипостаси. Этого человека она еще не встречала – мужчину, помогавшего бежать обреченным из страны, истерзанной революцией, постоянно

рисковавшего жизнью. Человека в распахнутой рубашке, евшего, положив локти на стол, запикивавшего в рот куски мяса и продолжавшего при этом говорить с многими из пестрой толпы друзей и соратников, с которыми его связывало общее дело. И все же, думала она, подаваясь назад, чтобы лучше видеть его профиль, вероятно, эта его ипостась была главной, все же остальное поверхностным, всего лишь маски каким бы толстым ни был слой позолоты. И этот же человек из мести мог довести другого до разорения и самоубийства.

– Ты, должно быть, устала, – сказал Джек вдруг, поворачиваясь к ней. – Ты как следуешь поела?

– Более чем достаточно, – сказала она.

– Тогда надо найти для тебя постель.

– Пока еще нет, – ответила она, поднимая к губам чашу с вином. – Мы должны составить план на завтра, и мне надо узнать все, что требуется.

Она поискала глазами женщину, впусившую ее в дом. Было очевидно, что дом этот принадлежит Терезе и что в этой группе она была одним из лидеров.

Тереза оперлась о стол локтями и сказала:

– Вы оденетесь торговкой. Возьмете с собой корзину с несколькими караваемы свежееиспеченного хлеба. Среди тюремщиков есть люди с деньгами. Они купят их у вас. Если вы попросите их как следует, они пропустят вас в женские камеры, чтобы вы попытались продать часть своего товара и там.

Арабелла кивнула, задумавшись, что могут означать слова «как следует». Возможно, в это определение входило и понятие «ущипнуть».

– А что, если они раскупят все и мне не с чем будет идти в тюрьму?

– Под тряпкой будет еще один ряд булочек. Вы скажете тюремщикам, что они вчерашние. Если вы сумеете сыграть правдоподобно, они не захотят их покупать и позволят нам войти внутрь, чтобы продать свой товар менее привередливым покупателям.

Теперь Арабелла расслышала в ее голосе горечь и поняла, что она имела в виду тех, кто погибал от голода. Джек поставил на стол чашу с вином.

– Я еще не дал своего согласия, – сказал он.

– В таком случае удались и обсуди все это с женой, – сказала Тереза. – На чердаке, где держат яблоки, есть постель... Там вы почувствуете себя в относительном уединении.

Послышался гул одобрения. Джек встал.

– Пойдем, – сказал он.

Арабелла повернулась на скамье и тоже поднялась:

– Благодарю за ужин. Он был изысканным.

– На здоровье, – ответила хозяйка. – Если вам что-нибудь понадобится, ты, Джек, знаешь, где что найти.

Он ответил ей коротким кивком и подтолкнул жену в нужном направлении – к черной кухне в задней части дома. Там собрал их саквояжи и указал ей на лестницу в чулане рядом

с кухней. Арабелла пошла наверх по ступенькам и вскоре оказалась на чердаке, омываемом лунным светом, где пахло сеном и яблоками. Джек последовал за ней и убрал приставную лестницу, чтобы она не торчала на виду над полом, потом закрыл люк, служивший дверью.

Это и есть уединение, подумала Арабелла, оглядевшись. Там был матрас, набитый сеном и даже прикрытый сверху куском грубой ткани, а также несколько сморщенных яблок на подставке. Если не считать пустых бочонков в дальнем углу, это было все, доступное для обозрения.

– Если нам придется провести здесь всю ночь до утра, мне бы надо сходить в туалет, – сказала она.

– Там, за бочками, есть ночной горшок.

Он склонился над своим чемоданом и принялся рыться в его содержимом, пока Арабелла воспользовалась предложенным удобством. Он стоял в чулках, в расстегнутой до пояса рубашке, когда она появилась из-за бочек.

Без преамбулы Джек сказал:

– Я не хочу, чтобы это делала ты.

– Ты ведь уже говорил это. – Она стояла у низкого оконца, глядя на городские крыши и каминные трубы, открывавшиеся взору. – Но я хочу взять это на себя. К тому же не вижу другого варианта. А ты разве видишь?

С минуту он молчал, потом подошел к ней сзади, руки его обвилились вокруг ее талии, и он прижал ее к себе. Наклонил голову, чтобы поцеловать ее в затылок. Она медленно

повернулась в его объятиях, провела рукой по его обнаженной груди, прижалась губами к его соскам, вдохнула земной запах его тела, смешанный с тяжелым духом лошадиного по-та, кожи и его собственными испарениями. Этот запах так не походил на обычно исходивший от него аромат чистоты и опрятности, свежестыранного и поглаженного белья и сухой лаванды. Его пальцы ощупывали застёжки ее юбки для верховой езды. Внезапно в этом небольшом помещении возникла напряженность отчаянного нетерпения и поспешности, разделенная ими обоими жажда обладания, нетребовавшая слов. Ее юбка с шуршанием упала на пол, и она отпихнула ее ногой.

Джек расстегнул свои бриджи одной рукой, в то время как вторая его рука оказалась под ее теперь довольно грязной нижней юбкой и принялась гладить ее бедра и впадину ниже живота. Их дыхание участилось, пока они стояли, прижавшись друг к другу перед окном, из которого изливался на них лунный свет. Она стянула с него бриджи, так что они оказались где-то у колен, обхватила его мускулистое тело и принялась ласкать его детородный орган, поглаживая его большим и указательным пальцами, в то же время прижимаясь к нему всем телом, настоятельно требовавшим ласки.

Джек обхватил ее за талию, приподнял и посадил на узкий подоконник, а она обвила его ногами, предлагая ему свое открытое для него тело, и впилась в его рот жадным поцелуем. Ее язык оказался у него во рту, в то время как он глум-

боко вторгся в ее лоно. Он обнимал ее бедра, поддерживая ее, а она двигалась, приспособившись к его ритму, все ускорявшемуся, до тех пор пока не приблизился пик ее наслаждения, а внутри у нее образовалась сладостная и мучительная спазма. Арабелла слышала его голос, невнятно бормотавший слова, которых она не понимала. Она прикусила его губу, ощутила вкус его крови, а свернувшаяся у нее внутри пружина сначала сжалась до предела, потом распрямилась, и она закричала, а он заглушил ее крик, прижав ладонь к ее рту, и вскоре последовал пик наслаждения и для него, и его семя изверглось в ее лоно.

Он дал ей соскользнуть вдоль его тела, сам отделился от нее, но руки его все еще сжимали ее ягодицы, и они прижались друг к другу, тело к телу, живот к животу. Джек снова поцеловал ее.

– Нет, – сказал он, медленно и неохотно выговаривая слова, будто их недавние страстные объятия и не прерывали разговора. – Я не вижу другой возможности.

Арабелла улыбнулась, и в улыбке ее был только намек на триумф:

– Я вам ровня, милорд герцог. Ровня во всем.

Он тихонько рассмеялся, но глаза его оставались серьезными.

– Я этого не оспариваю, моя дорогая, и никогда не стану отрицать.

ГЛАВА 22

Арабелла и Джек стояли на углу улицы, глядя на огромные ворота тюрьмы Ле Шатле. Они были открыты, и люди свободно входили в тюремный двор. Это были солдаты, жандармы, торговцы. В воздухе звенел грубый смех и слышалось, как торгуются покупатели с продавцами.

Арабелла посмотрела на своего спутника. Если бы она не видела утром, как он одевается, то никогда не признала бы своего мужа в этом жалком субъекте в грязных штанах и рваной рубашке, с шейным платком из грубой ткани, повязанным кое-как, с черными волосами, висящими, как сальные патлы, и обрамлявшими небритое лицо. Грязная шапчонка была надвинута низко на глаза, но под ней, как она знала, уже нельзя было бы увидеть его пресловутого серебристого локона, потому что он был покрашен черной краской и не отличался от остальной шевелюры. Передние зубы его были тоже замаскированы и выглядели как почерневшие пеньки.

Она опустила глаза на собственную рваную красную нижнюю юбку, на голые ноги и башмаки на деревянной подошве и осознала, что была идеальной парой для такого мужлана, как Джек. Ее блузка, некогда белая и отороченная кружевами по низкому вырезу, теперь не выдерживала никакой критики. Она приобрела серый цвет, кружева были порваны, но вырез открывал для обозрения такую же порцию

груди, как и в лучшие времена, а косынка из грубой ткани, жалкая и замурзанная, едва прикрывала выпирающую из декольте плоть. Ее волосы были заколоты на темени и собраны в неряшливый узел, и их увенчивал популярный в народе головной убор, тоже выдавший лучшие дни.

На шее у нее на длинном кожаном ремешке висела плетеная корзинка, при ходьбе ударявшая ее по бедру. Она была полна свежее испеченного хлеба, бриошей и рогаликов, аромат которых на рассвете наполнил весь чердак для хранения яблок. Под серой тряпицей был уложен второй слой столь же свежего хлеба, предназначенного для раздачи узникам. Были там и две черствые булки, которые она собиралась показать тюремщикам, если бы те потребовали от нее доказательств того, что ее товар в нижнем ряду несъедобен. Ни для кого, кроме самых несчастных и отчаявшихся.

На мгновение Арабелла подумала о своем лондонском облике, о той исключительной заботе, которую проявлял Джек, чтобы изменить ее деревенскую непритязательность и превратить ее в законодательницу мод и свою совершенную подругу жизни с безупречной внешностью. Контраст был столь абсурдным, что она бы расхохоталась, если бы не была перепугана насмерть.

– Ты уверена? – тихо спросил Джек.

– Абсолютно, – ответила Арабелла и двинулась к воротам тюрьмы.

По мере того как она удалялась от него, с каждым ее ша-

гом росло ощущение беззащитности, и сердце ее билось так болезненно и быстро, что она испугалась, что ее сейчас стошнит. Но она продолжала идти, влившись в толпу других торговцев, позволив этому потоку внести ее в тюремный двор. На трех стенах тюрьмы красовались крошечные зарешеченные оконца, похожие на маленькие вкрапления стекла на фоне неумолимо-серого камня. Во дворе кипела жизнь, царило оживление. Мужчины играли в кости и карты, женщины, одетые точно так же, как она, продавали то, что принесли в плетеных корзинках. Осел, нагруженный тяжелой поклажей, терпеливо стоял в центре двора, опустив голову, чтобы ослепительное солнце не било ему в глаза, в то время как погонщик препирался с жандармами, торговавшимися из-за медных кастрюль и сковородок, корзинами с которыми был нагружен осел.

Арабелла остановилась и огляделась. Теперь сердце ее билось не так бешено. Ей удалось проникнуть за ворота тюрьмы, и увиденная картина казалась вполне обычной, если бы не мрачное здание, на фоне которого развевалась торговля. Она выбрала группу жандармов, сидевших в тени возле закрытой двери у левой стены узилища, направилась к ним, кокетливо покачивая головой, и, приблизившись, сделала реверанс.

– У меня свежий хлеб, *citoyens*¹², – су за каравай, два за бриошь, – сказала она, поднимая салфетку, чтобы показать

---

¹² Граждане (фр.)

хлеб. – Все только что из печи.

– Ты сама лакомый кусочек, *citoyenne*¹³, – сказал один из мужчин, сделав ей знак приблизиться взмахом своей скверно пахнущей трубки. – Давай-ка заглянем к тебе в корзину.

Показать ему содержимое корзины означало наклониться и продемонстрировать грудь чуть ли не до сосков. Но она, не дрогнув, проделала это, улыбаясь, как надеялась, зазывно и обольстительно. Она выглядела именно такой женщиной, какой ей надлежало быть, готовой к тому, чтобы ее слегка ущипнули или пощекотали.

Жандарм потрогал каравай, потом плотоядно ухмыльнулся, глядя на ее груди.

– Славные сдобные булочки, – сказал он своим товарищам, все еще ухмыляясь. – Поглядите, какие они свежие.

Он засунул руку ей за вырез, она почувствовала прикосновение его грязных пальцев, нащупавших ее соски.

Арабелла отскочила с криком притворного негодования: – Право же, *citoyen*, не дело так обращаться с достойной замужней женщиной.

– Так ты замужем? – спросил один из жандармов, мужчина с густой рыжей бородой. – Тогда иди сюда, поглядим на твой хлеб поближе.

И снова ей пришлось пройти через этот унижительный ритуал. Мужчины обменивались скабрёзными шуточками и замечаниями, к счастью, не требовавшими никаких сложных и

---

¹³ Гражданка (фр.).

длинных ответных высказываний. Поэтому она лишь осаживала их, улыбалась и бормотала нечто, означавшее протест, что только пуще веселило их.

– Ну ладно, давайте-ка купим парочку этих рогаликов, – сказал наконец рыжебородый.

Он подмигнул своим товарищам:

– К ним прилагается славный кусок колбасы.

Это высказывание вызвало грубый раскатистый смех, и Арабелла решила, что с нее хватит. Она вытащила рогалики из корзины.

– Одно *sou* за пару, *citoyen*.

Он протянул ей мелкую монетку, и она с льстивым видом повернулась к остальным:

– Свежее этих у меня нет, *citoyens*.

– О да, – сказал один из них с похотливой ухмылкой, показывая пустой рот, в котором красовался только один передний зуб. – Но ты не такая уж свеженькая булочка, *citoyenne*. А?

– Су за один каравай, – сказала Арабелла, протягивая ему багет.

Игры были окончены, и остальные принялись раскупать у нее хлеб, к ним присоединились другие жандармы, и когда в ее корзинке остались одни крошки, она сказала:

– У меня есть еще вчерашний хлеб. Смогу я как-нибудь от него избавиться?

Она показала рукой на дверь тюрьмы за своей спиной.

– Кое-кто будет рад ему, – сказал жандарм с одним зубом. Он пожал плечами:

– Не вижу в этом вреда. Но вход только в женскую часть тюрьмы, запомни... и будь осторожна, чтобы они не слопали тебя заживо.

Он хмыкнул и смачно высморкался, зажав нос между большим и указательным пальцами.

– Но за это придется заплатить, *citoyenne*, – сказал первый жандарм, поднимаясь на ноги. – Сначала поцелуй.

Его дыхание было зловонным, от него разлило винным перегаром, чесноком и табаком, а рот оказался влажным. Он ухватил ее за ягодицы и прижался губами к ее рту. Она задержала дыхание и вытерпела. Наконец он выпустил ее и дал ей пройти.

– Сюда.

Он кивком головы указал на дверь в противоположной стене, и она последовала за ним через запруженный народом двор.

Он поговорил с каждым из двух жандармов, охранявших вход в тюрьму, один из которых ковырял в зубах, а другой задумчиво исследовал свою бороду в поисках вшей. Они оба кивнули. Один из них плюнул на булыжник двора себе под ноги и отпер дверь огромным ключом, свисавшим с пояса. Он махнул Арабелле, приглашая ее войти.

Дверь звякнула, закрываясь за ней. Она услышала скрежет ключа в замке и подумала, что пропала. Как она выбе-

рется из этого места? Никто не сообщил ей этого. Что, если все они уйдут и забудут о ней? Какое им дело до нее? Будет ли гнить одной заключенной больше или меньше, не все ли им равно? Но она сказала себе, что они видят в ней себе подобную. Жандармы считают ее труженицей, *citoyenne*, не чуждой небольших галантных развлечений.

Она постояла, чтобы сориентироваться. Здесь было мрачно, жарко и не хватало воздуха, но постепенно она начала различать фигуры, скрюченные тела у стен, лежащие прямо на полу. Воздух был наполнен тихим жужжанием, напоминающим пчелиный улей. Свет поступал только от двух смоляных факелов, укрепленных на дальней стене, и, когда она сделала шаг вперед, деревянные подошвы ее башмаков погрузились в неопишимо вязкое болото, которое представлял собой пол. Кричал младенец. Тихо плакал ребенок. Некоторые фигуры двинулись к ней. Женщины. Худые, с растрепанными волосами, одетые в лохмотья, некоторые с младенцами на руках, с затравленным голодным взглядом.

– У меня есть хлеб, – сказала Арабелла.

Жужжание перешло в гул, к ней потянулись руки, узницы рванулись к ней, спотыкаясь и падая. Она беспомощно смотрела на свою корзинку. Там бы едва хватило на небольшую семью, не говоря уже о толпе изголодавшихся и отчаявшихся женщин и детей.

Арабелла поставила корзинку на пол, не в силах вынести мысли о том, чтобы раздавать хлеб или выбирать его для них.

Теперь глаза ее привыкли к полумраку, и она уже могла различить черты женщин, когда они бросились к ее корзинке. Она чуть отступила и огляделась. Заключенные все еще лежали на матрасах и подстилках на полу или сидели, скрючившись, у стен, и она догадалась, что они были слишком слабы, чтобы заставить себя сделать усилие даже ради хлеба. Она двинулась, держась вдоль стен, скорее проскальзывая, чем идя, останавливаясь около каждого узла с тряпьем, наклоняясь к нему, чтобы еле слышно задать один и тот же вопрос:

– Шарлотта?

Но ответом ей были пустые непонимающие взгляды, глаза, смотревшие с белых, горящих в лихорадочном жару лиц.

Однако она упорно продолжала поиски, прошла вдоль одной стены, потом повернула туда, где в каменных подсвечниках горели факелы. Она остановилась, и у нее занялся дух. На подстилке спала женщина с серебристо-белой прядью в темных седеющих волосах, сбегавшей на лоб вдовьим мыском.

Арабелла опустилась на колени возле ее подстилки и положила руку ей на плечо. Под ее ладонью оказалась острая кость, а от кожи женщины веяло жаром. На щеках ее рдели два лихорадочно-алых пятна, дыхание ее было затрудненным.

– Шарлотта? – пробормотала Арабелла, дотронувшись до щеки женщины. – Это вы, Шарлотта?

Тонкие, как бумага, веки медленно приподнялись, показав глубоко запавшие глаза, но они были такими же пронзительно-серыми, как у Джека. Под глазами залегли пурпурно-лиловые тени.

– Кто меня спрашивает? – спросила она голосом, прозвучавшим сильнее и громче, чем можно было ожидать, судя по ее виду. – Кто вы?

Тотчас же глаза ее выразили подозрение и тревогу, когда она подняла их на женщину, склонившуюся над ней.

– Жена Джека, – шепотом ответила Арабелла. – Вы Шарлотта?

– Джека?

Женщина сделала попытку выпрямиться и сесть, и Арабелла помогла ей, поддерживая за плечи.

– Джек здесь?

– Он снаружи. Он считал вас умершей.

Женщина клонила голову, опираясь на руку Арабеллы.

– Я была... должна была умереть. И мне следовало умереть, но почему-то этого не произошло.

На мгновение силы оставили ее, и она прикрыла веки.

– Вы должны беречь силы, – сказала Арабелла, стараясь говорить как можно убедительнее. – Пожалуйста, прислонитесь к стене.

Шарлотта подчинилась, потом окинула Арабеллу острым пронзительным взглядом:

– Жена Джека?

Арабелла села на грязный пол и взяла руку, похожую на птичью лапку, зажав ее между своими ладонями:

– Мое имя Арабелла. Слушайте меня внимательно, Шарлотта.

Шарлотта подчинилась, не двигаясь, не отвечая, но взгляд ее был прикован к лицу Арабеллы. Когда та замолчала, она позволила себе прислонить голову к стене, полузакрыв глаза.

– У меня бывают странные сны, – пробормотала она. – Но это не сон.

– Нет, я действительно здесь.

Арабелла взяла руку узницы и прижала к своему лицу.

– Послушайте, Шарлотта, я не призрак, не химера. Я жена Джека, и очень, очень скоро мы вытащим вас отсюда.

Шарлотта погладила щеку Арабеллы, но тотчас же рука ее бессильно упала.

– Я больна, – сказала она со вздохом. – То, что осталось от моей жизни, не стоит того, чтобы подвергать опасности еще кого-нибудь.

– Вы можете себе представить, что сказал бы ваш брат, услышав это? – спросила Арабелла, снова сжав ее руку в своих. – Шарлотта, он словно в камере пыток. Ему сказали, что вас убили в Ля Форс, и он не может себе простить, что поверил этому.

– Лучше бы я умерла тогда, – сказала Шарлотта.

– Нет, – твердо возразила Арабелла. – Вам надо еще капельку мужества. Это продлится совсем недолго, и, когда вы

окажетесь на воле, на свежем воздухе, на солнечном свету, будете хорошо питаться, услышите пение птиц, почувствуете аромат цветов, вам станет лучше.

Бледная улыбка промелькнула на бескровных губах Шарлотты, потом ее глаза снова закрылись.

– Клянусь, что я отдала бы последний вздох за то, чтобы почувствовать на своем лице солнечное тепло.

– Вы его ощутите, – убежденно сказала Арабелла, – Поверьте мне и... Джеку.

– Брату я готова вручить свою жизнь, – тихо ответила Шарлотта.

На ее губах вновь мелькнула улыбка, и она посмотрела на свою посетительницу.

– Мне всегда было интересно знать, какая женщина окажется под стать Джеку. Вы его любите?

– Больше всего на свете.

– И если он отдал вам свое сердце, то любит вас безгранично, – сказала она. – Иногда я не верила, что он встретит подходящую женщину. Он нелегкий человек.

– Нелегкий, – с готовностью согласилась Арабелла и рассмеялась.

Шарлотта сделала попытку вторить ей, но закашлялась. Арабелла в отчаянии смотрела, как клочок ткани, который она приложила к губам, пропитывается кровью. Она встала и взяла свою опустевшую корзинку, вытащила из нее две салфетки и дала их Шарлотте. Это все, что она сейчас могла для

нее сделать.

Наконец судорожный кашель прошел, и Шарлотта при-слонилась к стене со вздохом изнеможения. Веки ее затрепетали, пропитанные кровью салфетки лежали скомканными на ее коленях.

– Если этому суждено случиться, следует спешить, – сказала она слабым голосом.

– Да. – Арабелла склонилась над ней и поцеловала ее в щеку. – Мне бы хотелось узнать свою золовку. Я так понимаю, – быстро сказала Арабелла, опасаясь, что Шарлотта снова впадет в забытье, – что узникам присвоены номера. Скажите мне ваш, Шарлотта.

Наступило долгое молчание. Дыхание, слетавшее с губ Шарлотты, было хриплым и прерывистым. Арабелла уже начала отчаиваться, но вдруг веки Шарлотты затрепетали.

– Узница номер 1568, – прошептала она.

Арабелла встала, отряхивая грязную солому и пыль со своей потрепанной юбки. Она отвела с лица упрямые волосы с чувством безнадежности. Ведь она могла бы принести с собой одеяло, питательный бульон, опиум. Все это было в ее саквояже. Потом покачала головой, чтобы избавиться от ощущения тщетности своих усилий. Она сделала то, зачем ее сюда послали. Теперь дело было за другими... за Джеком... Ему предстояло добиться свободы Шарлотты. И она знала, что ему это удастся.

С пустой корзинкой она проделала путь назад к запертой

двери в дальней стене. Несколько рук потянулось к ней. Они хватали ее за юбку, но в этом не было угрозы, а только отчаяние. Она выглядела вовсе не так, как лицо, обладающее властью и способное помочь выбраться кому-нибудь из этих несчастных заключенных, и большинство из них следили за ее движением тусклыми и равнодушными глазами.

Арабелла принялась колотить кулаком в дверь, теперь уже отчаянно стремясь выбраться на солнечный свет, оставив позади затхлый и болезненный воздух тюрьмы. Она барабанила снова и снова, и горло ей сжимала усугубляющаяся паника. Наконец в замке заскрежетал ключ, и дверь приоткрылась на несколько дюймов. Арабелла выскользнула наружу и глубоко вдохнула воздух.

– Надеюсь, что игра стоила свеч, – сказал жандарм. – Я бы потребовал больше, чем несколько су, за то, чтобы проникнуть туда.

– Я беру только то, что могу найти, – ответила Арабелла и поспешила прочь, размахивая корзинкой с беззаботностью женщины, чувствующей себя как дома.

Она почти бегом проскользнула в ворота и увидела Джека, все еще неподвижно стоявшего на том месте, где она оставила его. Когда она подбежала к нему, он все еще не шелохнулся, только в его глазах она прочла мучивший его вопрос.

– Она там, – сказала Арабелла.

Он хотел, чтобы эта женщина оказалась Шарлоттой, и боялся этого. Если бы ее там не оказалось, если бы Фламан

ошибся, это означало бы, что она умерла в тюрьме Ля Форс и он не покинул ее. Но по мере того как реальность просачивалась в его сознание, а мучительному ожиданию пришел конец, он ощутил только прилив радости, глубокой и всепоглощающей. Он осознал, что Арабелла рядом, что она стоит возле него, а ее рука сжимает его руку и лицо ее строго и серьезно.

– Джек, она больна. Боюсь, что это чахотка.

И снова душу его заполнил мрак.

– У нас мало времени, – продолжала она, тряся его руку. – Каждая минута, что она проводит в этом склепе...

– Думаешь, я этого не понимаю? – ответил он, стряхивая ее руку со своей.

Джек повернулся на каблуках и быстро пошел к реке. С минуту она стояла, глядя на его удаляющуюся спину, потом побежала за ним. Ей и в голову не приходило ожидать благодарности, но любая другая реакция, кроме этой отповеди, была бы желанна. И все же она понимала, что он чувствует, и не держала на него зла.

Арабелла нагнала его на Пон-Неф, и когда ее рука скользнула под его локоть, он замедлил шаг. Его другая рука накрыла ее руку.

– Прости меня, – сказал он.

– Нечего прощать, – ответила Арабелла. – Что нам теперь делать?

– Найти посредника.

Он снова ускорил шаг, и больше она ничего не говорила, до тех пор пока они не добрались до дома. Джек провел ее туда через боковую калитку, потом через сад, где гнездились куры и росло несколько кустов бобов. Наконец они попали в кухню.

Здесь были не все, кого она видела накануне, но Тереза что-то мешала в горшке, стоявшем на плите, а другие женщины мыли и чистили овощи. Старик так же сидел в углу перед огнем, поворачивая на вертеле олений окорок. И Арабелла подумала, что эти люди живут неплохо. Откуда они получали припасы, если весь город умирал от голода?

Молодой человек, которого она не видела раньше, ворвался в кухню из коридора. С сияющим от радости лицом он раскрыл объятия Джеку:

– Джек, mon ami!

– Мишель! – Джек обнял его. – Я полагаю, что олениной мы обязаны тебе.

– Да, я привез ее с фермы, укрыв под картофелем, – ответил молодой человек с самодовольной улыбкой. – Эти глупые жандармы даже не учуяли, что у них под самым носом.

– Моя дорогая, – сказал Джек, поворачиваясь к Арабелле. – Позволь тебе представить старого друга Мишеля де Шомона, в прежней жизни виконта де Шомона, а ныне просто гражданина Шомона. Моя жена, Мишель.

Изыщество поклона этого молодого человека шло вразрез с его грубой крестьянской одеждой – курткой-безрукавкой,

шерстяными штанами и заляпанными грязью сапогами. В былые времена он был бы украшением двора Людовика XVI и Марии Антуанетты, но и в этом жалком костюме, похоже, чувствовал себя превосходно. Сколько же обитателей этого дома располагают собственными землями в провинции... откуда появлялись вчера поросенок, а сегодня оленина?

– Enchante¹⁴, госпожа герцогиня.

Он поцеловал ей руку, а она рассмеялась, осознав абсурдность этого жеста. Ее ногти потрескались, грязь артистически была втерта в каждую линию на ладони и в костяшки пальцев.

Он тоже рассмеялся, будто самой веселой шутке, и подошел к столу, чтобы запечатлеть нежный поцелуй на худой щеке Терезы.

– Вина, та chere, – потребовал он. – Мы должны выпить за Джека и его жену.

– Мы уже пили за них вчера вечером, – сказала Тереза. – Но в кладовой есть бочонок отличного бургундского.

Она вытерла руки о передник и вопросительно посмотрела на Арабеллу, потом перевела взгляд на Джека.

– Это Шарлотта, – сказал Джек кратко, перекидывая ноги через скамью, чтобы сесть за стол.

– Ее номер 1568, – добавила Арабелла.

Тереза вздохнула и подняла глаза к потолку, будто собиралась произнести благодарственную молитву, потом повер-

---

¹⁴ Я в восторге (фр.)

нулась к буфету и вынула оттуда чаши для вина.

– Вам поможет мэтр Форэ. Нынче утром Жан Марк говорил с ним. Он сделает это по договору... и цена будет, конечно, существенной. Но он знает, кому можно сунуть взятку в префектуре.

– Форэ – стряпчий?

– Он самый.

Она расставила на столе чаши.

– Лукавый мерзавец, – высказался Джек.

Он принялся барабанить пальцами по столу.

– Мне приходилось прежде иметь с ним дело.

– Какого рода? – спросила Тереза.

– Неприятное дело. Много лет назад он пытался меня шантажировать.

– И что это был за шантаж? – спросила Арабелла, с любопытством подаваясь к нему.

Глаза ее широко раскрылись. Джек ущипнул ее за нос, и впервые за много дней улыбка осветила его глаза.

– Любопытство убило кошку, моя дорогая.

– Скажи мне. Это касалось женщины? Неужели ты обесчестил невинную девушку?

Его улыбка стала шире.

– На первый вопрос – ответ «да», на второй – «нет». И это все, что я собираюсь сказать тебе по этому поводу. Кроме разве того, что я выкинул его за дверь, а его шляпа полетела вслед.

– Ну, тогда ты не можешь к нему обратиться лично, – решила Тереза. – Для тебя он ничего не станет делать ни за вознаграждение, ни без него.

– Не будет, – согласился Джек, и лицо его снова стало сумрачным.

Он поставил свою чашу.

– Где его нынче можно найти?

– Рю Сент-Оноре, – сказала Тереза, пожимая плечами. – Он теперь бывает в свете, этот мэтр Форэ. Революция пошла ему на пользу. – В ее голосе прозвучала горькая ирония.

– Так как же к нему подобраться наилучшим способом?

Джек уставился в свою чашу будто ответ лежал в ее рубиновой глубине.

– Вопрос заключается в том, кому лучше взять это на себя, – задумчиво проговорила Арабелла. – Как насчет графини Данстон? Ведь, в конце концов, это мой второй титул, и уж по крайней мере в нем нельзя усмотреть никакой связи между парижским стряпчим и домом Сент-Джулзов.

– Мадам обладает манерами и сумеет найти подход к этой свинье, – сказала Тереза. – Форэ польстит внимание аристократки, английской дворянки, пытающейся разыскать подругу. Особенно если эта женщина обратится к нему с мольбой.

Она оглядела Арабеллу прищуренными глазами:

– Ну разумеется, не в таком облике.

– О, думаю, я мастерица по части маскировки, – заявила Арабелла. – У меня куча туалетов.

Она посмотрела на мужа, сидевшего молча.

– Джек?

– В чем дело? – спросил он, заключая ее лицо в ладони и глядя ей в глаза, будто пытался читать в ее душе. – Зачем тебе это делать, Арабелла?

– Ради твоей сестры, – ответила она, не сводя с него глаз. – Ради тебя. Потому что я нахожу этот план разумным. Потому что он сработает.

«И во искупление нашего семейного бесчестья», – добавила она мысленно, но это побуждение было не самым главным.

Медленно он отвел руки от ее лица и позволил им опуститься. Когда Джек заговорил, его голос звучал, как всегда, ровно.

– Какая у тебя одежда, кроме костюма для верховой езды?

– Батистовое платье, в котором я была на пароме. Есть еще одно. Оба очень простые, но, думаю, подойдут.

Он кивнул:

– Тереза, понадобится коляска. Она не может прийти к нему пешком, особенно если принесет королевский выкуп.

– Я могу почистить телегу, – весело сказал Марсель. – Потребуется немного времени, чтобы привести ее в божеский вид. Она будет выглядеть достойно, но не настолько экстравагантно, чтобы привлекать внимание. Если мадам сядет на скамью, то ее платье не достанет до пола телеги и не запачкается остатками грязи от картофеля и оленьей кровью.

– Править буду я, – сказал Джек, поднимаясь с места. – Пойдем, Арабелла. Тебе надо переодеться.

– Еще кое-что, – вмешался Жан Марк, все еще сидевший у огня. – Если вам удастся вытащить графиню из Шатле нынче вечером, вы не сможете вывезти ее из города до рассвета, когда откроют ворота.

– Я не оставлю ее в этой адской дыре, если смогу вызволить сейчас, – заявил Джек, решительно сжимая губы.

– Одну ночь вы можете провести здесь в полной безопасности, – быстро сказала Тереза. – Ей надо отдохнуть и набраться сил перед таким утомительным путешествием.

Она вопросительно посмотрела на Арабеллу, и та ответила едва заметным кивком, подтвердившим наихудшие подозрения пожилой женщины.

Если Джек и заметил этот безмолвный обмен репликами, то виду не подал. Он сделал нетерпеливый жест Арабелле, и она последовала за ним на чердак для хранения яблок, не возражив ни слова.

– Принесу воды, – сказал он.

Он поднялся вслед за ней по приставной лестнице минуты через две с кувшином горячей воды и тазом. Она разделась до сорочки, причесалась, стараясь пригладить спутанные волосы, столь мучительно и тщательно уложенные утром.

– Форэ – скользкий негодяй, – сказал Джек, наливая воду в таз. – Не знаю, что ты сделала сегодня утром, чтобы проникнуть в тюрьму, но, что бы это ни было, не следует повто-

рять это с Форэ. Жеманься, скули, лъсти, покажи себя английской дворянкой до мозга костей. Поведай ему только ту часть правды, которая потребуется. Скажи, что в Лондоне от эмигранта ты слышала, что твоя близкая подруга заключена в Ле Шатле. Скажи ему номер заключенной и придумай для нее имя. Например, виконтесса де Самюр... Она английская аристократка и твоя подруга детства и...

– Джек, я знаю, что сказать, – перебила она.

Арабелла повернулась к нему и обхватила его руками.

– Знаю, любовь моя, для тебя чистый ад, что кто-то ведет игру вместо тебя, но иногда приходится использовать инструменты, оказавшиеся под рукой. – Она улыбнулась и провела пальцем по его губам. – Вспомни, ты ведь игрок. Ты знаешь, к какой стратегии прибегнуть, чтобы добиться наилучшего результата, когда можно с честью отступить, а когда атаковать.

Он крепко, до боли, сжал ее запястья.

– Никогда прежде я никому не разрешал играть вместо меня.

– Понимаю. Но в этом случае должен.

Он знал, что она права. Джек выпустил ее руки и переключил свое внимание на неотложное дело. Через полчаса Арабелла была одета в платье кремового и бронзового цветов, шею ее целомудренно прикрывала кружевная косынка, волосы скромно уложены вокруг головы, под подбородком завязаны бронзовые ленты соломенной шляпки. Белые пер-

чатки и башмачки из лайки дополняли костюм. На ней не было драгоценностей, и без украшений в ушах и на шее она чувствовала себя почти обнаженной. Год назад в стоячей воде Кента она бы этого изъяна и не заметила.

Джек оглядел ее очень внимательно, потом одобрил коротким кивком и повернулся к своему чемодану на полу. Он извлек из него кожаный мешочек, открыл его, и на соломенный матрас излился дождь золотых монет.

Арабелла с удивлением смотрела на золотые ливры, суверены, гинеи. Как можно обладать таким количеством золотых монет? Одно дело – банковские счета, но совсем другое – живое золото.

Джек принялся сортировать монеты и сначала отобрал ливры.

– Форэ будет легче с ними обращаться, – сказал он, высыпая их в мешочек.

Потом он добавил к ним пригоршню гиней и туго затянул шнурок мешочка.

– Куда мне его положить? – спросила Арабелла.

В былые дни она могла спрятать мешочек под фижмы или пристегнуть к талии серебряной цепочкой. Но легкое платье, которое она носила теперь, не давало возможности надежно скрыть кошель в одежде.

Джек задумался.

– Это не совсем удобно, – сказал он наконец, – но, пожалуй, лучше всего тебе носить его на запястье, как вечернюю

сумочку. Можешь придержать его рукой.

Он протянул ей кожаный мешочек, и она сделала, как Джек посоветовал.

Мешочек был слишком велик, чтобы совсем скрыться в ее кулаке, но, если не вглядываться внимательно, можно было его не заметить.

– Теперь это. – Он вернулся к своему чемодану и вынул оттуда шелковый кошелек, открыл его, и на ее ладонь упали прекрасные сапфировые сережки. – Надень их. Можешь распорядиться ими, если сочтешь необходимым. Форэ алчен, но не исключено, что содержимое кошелька его удовлетворит. Он возьмет свои комиссионные, а остальные деньги использует как взятку.

Его губы изогнулись в кривой усмешке, а глаза снова стали непроницаемыми, но на этот раз Арабелла не смутилась. С этим ничего нельзя было поделать. Она кивнула и теперь ждала.

Помедлив с минуту, он продолжил:

– Если тебе покажется, что он хочет больше, или вдруг почувствуешь неуверенность, отдай ему серьги. Пусть он сочтет...

– Джек, любимый, я знаю, как поступить. Когда я сниму эти... – Она дотронулась до голубых огоньков в ушах. – Если я их сниму, он будет считать, что я отдаю ему последнее...

– Да, это понятно. – Он говорил отрывисто, отвернувшись к лестнице. – Марсель уже, вероятно, привел в порядок те-

легу.

Она последовала за ним вниз, стараясь не наступить на оборки своего платья. Хотя оно и было простым, но никак не соответствовало обстановке кухни с ее грубой мебелью. Жан Марк хмыкнул и объявил:

– Прекрасна, как только что отчеканенная монета.

Арабелла присела в реверансе:

– О, благодарю вас, месье.

– Следите за своей речью, – предупредила Тереза.

– Citoyen, – поправила себя Арабелла. – Это была только шутка, citoyenne Тереза. Я знаю, как и что говорить.

Она подметила раздражение в своем тоне. Ей было неприятно, что они считают ее новичком, за которым нужен глаз да глаз, чтобы он не наделал ошибок. Разве нынешним утром она не оказалась запертой в ужасном и мрачном помещении женской камеры тюрьмы Ле Шатле?

– Тереза не имела в виду ничего обидного, Арабелла, – сказал Джек.

– Разумеется, не имела, – согласилась Тереза. – Но мы привыкли опасаться за свою жизнь в случае, если ненароком скажем что-нибудь не так, мадам. Простите нам наши опасения и излишнюю осторожность.

Арабелла едва заметно пожала плечами:

– Я не обижаюсь, Тереза. Понимаю, что вы привыкли к осмотрительности, которой я еще не научилась. Но я не предам никого из вас.

Тереза улыбнулась с заметным облегчением:

– Мы все это понимаем, мадам. И душой будем с вами.

Она повернулась к двери чулана за своей спиной и сняла с крючка шерстяной плащ с капюшоном.

– Наденьте это. В таком платье вы будете привлекать к себе внимание. Не говоря уже о сережках.

Арабелла приняла плащ. Это и в самом деле было мудрой предосторожностью. Контраст между ней и Джеком в его теперешнем виде был просто смехотворным.

– Благодарю вас.

Она закуталась в плащ и накинула капюшон на голову, стараясь не потревожить соломенной шляпки и скрыть сапфиры. Потом вышла из дома вместе с Джеком.

Телега Марселя хоть и не походила на экипаж джентльмена, была довольно чистой. Поперек сиденья возницы было постлано чистое одеяло, чтобы не запачкать спины пассажиров. Картофеля видно не было, как и оленьих окороков. Лошадка была крепкой и стояла смирно.

– Я поеду сзади, – сказал Марсель, передавая вожжи Джеку. – На всякий случай.

Он не стал ждать ответа Джека, а просто прыгнул в телегу, забился в угол и оказался отчасти скрытым куском мешковины. Джек поднял Арабеллу и усадил на скамью, предназначенную для возницы. Она расправила юбки, не удержавшись при этом от презрительной гримаски, вызвав, несмотря ни на что, улыбку своего мужа. Потом он взобрался на

телегу, сел рядом с ней и взял в руки вожжи.

Они проехали по людным улицам, пересекли реку, миновали дворцы Лувр и Тюильри. У обоих массивных зданий был заброшенный вид. За садами Тюильри ухаживали плохо. Арабелла вспомнила рассказы о резне швейцарских гвардейцев в этом саду и отвела глаза. Она отвернулась и от гильотины, стоявшей на большой площади, где заканчивались сады Тюильри. Телега легко вписалась в поток других транспортных средств и привлекала ничуть не больше внимания, чем грубоватый возница.

Арабелла смотрела прямо перед собой, радуясь тому, что ее скрывает плащ, и чувствуя вес тяжелого кошелька с деньгами на коленях.

Они прокатили по Рю бент-Оноре, и Джек остановил телегу возле красивого дома. Двустворчатые ворота вели во двор. Дом, некогда принадлежавший дворянину, теперь был куплен одним из представителей новой республиканской аристократии. Губы Джека презрительно скривились. Форэ, должно быть, отлично знал, кому дать взятку, а кому оказать внимание или услугу, пока карабкался наверх, цепляясь зубами и когтями.

– Я не хочу въезжать во двор, – сказал Джек. – Тебя ожидают. Поэтому привратник впустит тебя, не задавая лишних вопросов.

Арабелла пожатием плеч избавилась от плаща и вылезла из телеги.

– Ты останешься здесь?

– Конечно. Если ты не вернешься через полчаса, я приду за тобой.

Она покачала головой:

– В этом не будет необходимости. Леди Данстон знает, что делает.

Арабелла улыбнулась ему, стараясь успокоить. Его волнение и отчаяние были в каждой черте его лица и в глубине глаз, полных беспокойства и походивших цветом на сумрачное зимнее море. Она никогда не видела его таким. Он умел скрывать свои чувства под маской веселья и жизнерадостности. Казалось, ничто не может вывести его из равновесия. Даже когда он погружался во мрак своего отчаяния, то оставался с виду спокойным и не выдавал своих чувств. Но сейчас он весь был как открытая рана.

– Я не задержусь долго, – сказала Арабелла и направилась к воротам.

ГЛАВА 23

Мэтр Форэ был розовым, упитанным и чрезвычайно самодовольным. Он поднялся из-за своего элегантного письменного стола в стиле Людовика XV, как только объявили о прибытии леди Данстон.

– Миледи Данстон... *enchante*...

Он вышел из-за стола, поклонился и протянул руку:

– Мне сказали, что явился визитер, но я не мог себе представить, что гостя будет такой очаровательной.

Улыбаясь, он охватил взглядом ее всю, и его маленькие карие глазки блеснули, когда он заметил сапфировые серьги.

На нем был традиционный черный костюм законника, но сюртук и штаны были из тончайшего бархата, а рубашка отделана кружевами. Богато вышитый жилет украшали золотые часы. Пряжки на его башмаках и пуговицы были из лучшего серебра. Его сидящие волосы были тщательно завиты и блестели от помады, и, когда он приблизился к Арабелле, ее окутало облако ароматов мускуса и гардении.

Она подала ему руку в перчатке, но не сделала реверанса. Графини не приседают перед стряпчими, как бы высоко те ни взлетели при новом режиме.

– Мне так приятно, мэтр Форэ, – пробормотала она.

– Прошу садиться, миледи. Может быть, стаканчик шерри? Или чаю?

Он подвинул к ней изящный золоченый стул.

– Благодарю вас, шерри, – сказала она, садясь, оправляя юбки и пряча в их складках кожаный мешочек.

Он позвонил в колокольчик и теперь стоял, потирая руки и разглядывая посетительницу с выражением восторга.

– Какой прекрасный день, – заметил он. – Но может быть, немного слишком теплый?

– Я этого не нахожу, – ответила Арабелла, улыбаясь ничего не значащей улыбкой.

Появился лакей, шерри был налит, и она сделала крошечный глоточек, испытывая благодарность к напитку за дарованную им хмельную отвагу. При всех приятных и даже заискивающих манерах мэтра Форэ она не доверяла ему. Глаза у него были маленькие и слишком близко посаженные друг к другу. Он производил впечатление изворотливого человека.

Мэтр Форэ сел на такой же изящный стул напротив посетительницы. Его тучные бедра переваливались через край стула. Он скрестил ноги и одарил благодушным кивком блестящие пряжки своих башмаков. Потом спросил:

– Чем могу служить, миледи? Поверьте, я готов сделать все, что в моих силах. – Он ослепительно улыбнулся ей.

Арабелла не стала попусту тратить слов.

– В Париж меня привела злополучная оплошность правосудия, сэр. Моя очень старая и близкая подруга заключена по ошибке в тюрьму Ле Шатле. Это англичанка, оказавшаяся в тяжелых обстоятельствах в силу печального недоразумения.

Она многозначительно улыбнулась, будто считала неизбежными такие ошибки, если происходит нечто столь важное, как революция.

– Понимаю. – Он кивнул с серьезным видом. – К сожалению, такое бывает, и, увы, я знал несколько подобных при-
скорбных случаев. Вам известен номер узницы?

– 1568.

Он тщательнейшим образом записал номер на листке, потом кивнул и сложил пальцы башенкой.

– Как я понимаю, миледи, мы говорим об аристократке? – спросил он. – Это осложняет дело.

– Но все в вашей власти, мэтр Форэ, – ответила Арабелла, снова улыбнувшись.

Она подалась вперед и положила руку поверх его руки.

– Прошу вас, сэр, сделайте, что возможно, чтобы исправить эту ошибку. Моя подруга, виконтесса де Самюр не француженка по рождению, как я вам уже объяснила. Ее муж, виконт, конечно, был казнен. – Она попыталась показать всем своим видом, что считает эту казнь законной и справедливой. – Но его жена, его вдова, ни в чем не виновата.

Арабелла снова выпрямилась на стуле, не сводя глаз с его лица, и в глубине их был только намек на мольбу.

Мэтр Форэ погладил свой чисто выбритый розовый подбородок, и его маленькие глазки почти исчезли в жирных складках щек.

– Ну разумеется, весьма прискорбно, когда ни в чем не по-

винная иностранка оказывается замешанной в делах, которые ее вовсе не касаются. Но знаете, миледи Данстон, трудно освободить аристократку.

– Трудно, но, полагаю, возможно, – сказала Арабелла, пристраивая свой кожаный мешочек с деньгами на коленях.

Звон золота, когда монеты, перекатываясь, коснулись друг друга, прозвучал как церковный колокол, во внезапно воцарившейся тишине.

– Я понимаю, что это обойдется недешево, – продолжала она, глядя на него с широкой открытой улыбкой.

– Это очень дорого, миледи. – Он снова погладил подбородок. – У меня есть старый добрый друг в префектуре, которого, возможно, удастся убедить подписать разрешение освободить узницу номер 1568 из тюрьмы Ле Шатле.

– И вы заслужите мою вечную признательность, мэтр! – Она чуть приподняла свой мешочек, потом снова позволила ему упасть на колени.

Глаза стряпчего следили за ее действиями. Он, не произнося ни слова, протянул руку, и она вложила кошель в его ладонь. Он взвесил его на руке. На его лице было написано, что он пытается определить, сколько там денег. Потом, поднявшись с места и пробормотав слова извинения, он вышел из комнаты, прихватив с собой кожаный мешочек.

Арабелла осталась сидеть с бурно бьющимся сердцем. Ничто не могло помешать ему забрать деньги и отказать в просьбе. Если не считать того, что такой поступок мог стать

известным и он потерял бы возможность вершить дела подобного рода в дальнейшем, а его репутация посредника была жизненно важна для него, обеспечивая ему богатство и почёт. Нет, решила она, он достиг такого положения не с помощью кражи обмана. Причиной его процветания была коррупция. Если, разумеется, видеть разницу между тем и другим. Ожидая его возвращения, она ощупывала сапфировые сережки.

Через десять минут он вернулся без кожаного мешочка. В его руке была бумага, а на лице сияла довольная улыбка.

– Ну, миледи, – объявил он, – вы пришли куда надо. Вот распоряжение освободить узницу номер 1568 из тюрьмы Ле Шатле, и оно уже действует.

Арабелла поднялась с места:

– Не могу выразить, как я вам благодарна и как будет признательна семья *citoyenne* в Англии. Наши чувства невозможно передать словами.

Его глаза сверкнули, когда он бросил взгляд на ее сережки и положил бумагу на стол, придерживая ее ладонью.

– В словах нет необходимости, миледи.

Она без труда поняла намек.

– Я хотела бы поблагодарить вас лично, – сказала Арабелла, дотрагиваясь до серег так, что они закачались и на фоне ее шеи сверкнули синие огоньки, высеченные из их глубины этим движением.

Алчный взгляд стряпчего не отрывался от них.

– Но нельзя ли мне взглянуть на разрешение, мэтр Форэ? – Она с улыбкой протянула руку.

Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что это был случай чистейшего подкупа.

– Ну разумеется, миледи.

Он убрал руку с документа, а она подалась вперед и взяла его с письменного стола. Арабелла развернула бумагу. Похоже, она подлинная. Внизу листка стояла печать народной полиции. Подпись была неразборчивой, но печати вполне достаточно.

– Благодарю вас, – сказала Арабелла, складывая документ и пряча его на груди.

Она подняла руку, сняла сапфировые серьги и протянула ему:

– Примите это в знак моей личной признательности, мэтр Форэ.

Он взял их, и тотчас же его пальцы сжались, будто сережки могли убежать по собственной воле.

– Желаю вам всего хорошего, мэтр.

Арабелла кивнула и направилась к двери. Он вскочил, чтобы открыть для нее дверь.

– С вами приятно иметь дело, миледи.

– В самом деле? – спросила она, слегка наклонив голову.

Арабелла прошла по широкой лестнице, пересекла сверкающий мрамором пол холла и вышла на солнечный свет, где лакей уже держал открытой для нее дверь.

Она должна была миновать двор. Ей казалось, что от ворот ее отделяют мили пространства. Ее миссия была выполнена легко... Не слишком ли просто? Она напрягала слух, опасаясь звуков погони, но ничего не услышала. В конце двора только собака лениво грелась на солнце. Привратник у ворот бросил на нее беглый взгляд, и она вышла на улицу.

Джек наблюдал за ее приближением. Заметив, что на ней больше нет сережек, он облегченно вздохнул. Он спрыгнул с телеги и, подхватив ее на руки, усадил на скамью.

– Бумага у тебя?

– Да.

Она вынула документ из-за корсажа.

– Одиозный маленький человечек. Он взял серьги.

– Я этого ожидал.

Джек развернул листок бумаги и прочел его, потом отдал ей, щелкнул кнутом, и лошадь повлекла телегу прочь. Арабелла не спрашивала, куда они едут.

– Кто пойдет в тюрьму?

– Я, – ответил Джек.

– Но тебя не пропустят в женское отделение.

– Мне туда и не надо. Они должны привести Шарлотту, – ответил он почти грубо.

Она не стала возражать. Он так долго мирился со вторыми ролями, что больше не смог этого выносить. Теперь наступил его час. У ворот тюрьмы он спрыгнул, и Марсель занял его место на скамье.

– Мы подождем тебя здесь, – сказал он.

Джек только кивнул и направился к воротам, держа в руках бумагу. Арабелла вытянула шею, чтобы увидеть, как он входит в тюремный двор. Руки ее были сжаты и лежали на коленях, ногти впились в ладони с такой силой, что она чувствовала это даже через перчатки.

Джек поговорил с жандармом, стоявшим на страже у ворот, показал ему бумагу. Жандарм вызвал других, и скоро вокруг Джека собралась целая толпа.

– Сумеют они прочесть бумагу? – спросила Арабелла шепотом, обращаясь скорее к себе самой, чем к Марселю.

– Вполне. Они уже видели подобные документы прежде, – уверил ее Марсель. – Если только печать подлинная.

Она кивнула и прикусила губу. Потом группа людей рассеялась, и один из жандармов пошел к двери тюрьмы, в которую и она входила только нынешним утром. Теперь же солнце клонилось к закату. Джек последовал за провожатым, но остался у входа.

Шарлотта стояла на полу на коленях возле женщины, страдавшей родовыми муками, когда на них упал луч света. Она повернула голову к его источнику, и, несмотря на крайнее истощение, в глазах ее блеснула искра надежды.

Жандарм остановился возле двери, не входя в камеру.

– Номер 1568, – проблеял он.

Одно мгновение все оставались неподвижными. Потом он снова выкрикнул этот номер. Шарлотта посмотрела вниз на

женщину, нуждавшуюся в помощи. Она оглядела камеру в поисках кого-нибудь, кто мог бы ее заменить. Жандарм пожал плечами и сделал шаг назад, чтобы закрыть дверь.

– Нет, она здесь! – крикнул кто-то. Чьи-то руки потянули Шарлотту вверх, заставили встать и с силой вытолкнули вперед.

– Она здесь.

Жандарм нетерпеливо притопывал ногой:

– Ну-ка, поспеши. Не мешкай.

Шарлотту почти вынесли на руках товарки туда, откуда падал луч света. За ее спиной закричала роженица. Шарлотта по привычке повернула голову, потом ее толкнули вперед, и она чуть не упала на тюремщика. Он едва почувствовал ее вес, настолько легкой она стала. Он грубо схватил ее за руку, потащил за собой, и дверь захлопнулась с громким стуком.

Она остановилась, ослепленная ярким светом, ощущая жаркие лучи солнца на голове и спине. Когда в последний раз она видела солнце, вдыхала свежий воздух?

И вот руки Джека обвилились вокруг нее. Он поднял ее, по щекам его катились слезы. Джек повернулся и, держа ее на руках, выбежал за ворота тюрьмы. Тело его сотрясалось от рыданий: он осознал ее невероятную хрупкость. Это было все равно, что нести маленького ребенка или даже бесплотный дух. Он передал ее Марселю, потом забрался в заднюю часть телеги и сел так, чтобы держать сестру на руках и баюкать ее, стараясь защитить от толчков, когда железные ко-

леса громыхали по булыжнику.

Арабелла вертелась на скамье. Она видела слезы, струящиеся по щекам Джека, когда он гладил изможденное лицо сестры. Шарлотта с усилием улыбнулась, и сердце Арабеллы сжалось. Она повернулась лицом к дороге, предоставляя брату и сестре побыть вдвоем, и наконец вздохнула глубоко и с облегчением. Ее роль была сыграна. Джек понимал, что жить Шарлотте осталось недолго, но у них оставалось еще немного времени побыть друг с другом. Она решила ступать и помогать чем сможет, но знала, что, когда все закончится, она будет нужна Джеку еще больше прежнего.

Марсель придержал лошадь возле дома на Рю де Бьевр, и Джек, все еще держа сестру в объятиях, спустился с телеги. Тереза открыла дверь на первый же стук и издала негромкое восклицание радости или... потрясения. Арабелла так и не смогла понять, что это было. Она последовала за ними в коридор и на кухню, довольная тем, что может оставить их вместе, пока Шарлотту усаживали в качалку возле камина и укутывали в толстые пледы.

– Бульон, крепкий говяжий бульон, – сказала Тереза и заступилась у кастрюли.

Она казалась возбужденной, руки ее тряслись, и половник тоже дрожал. Огорчение и замешательство проглядывали в каждой черте ее лица.

Арабелла догадалась, что все эти люди и прежде были связаны с Джеком и пытались помочь ему вызволить сестру и

вывезти ее из Франции, и все они были почти так же потрясены и растеряны из-за столь фатального невезения, приведшего к трагедии. Арабелла подошла к плите и взяла разливательную ложку из рук Терезы. С минуту лицо Терезы оставалось изумленным, потом она уступила и вернулась к Шарлотте.

Арабелла подошла к качалке с миской бульона. Она встала на колени возле Шарлотты и опустила ложку в бульон.

– Дай мне, – тихо произнес Джек.

Арабелла молча посторонилась и передала Джеку миску и ложку.

Шарлотта сделала отчаянное усилие, но смогла проглотить всего несколько ложек, как ее потряс сильный приступ спазматического кашля. Арабелла, зная, чего ожидать, сунула в руки Шарлотты салфетку. Этот кашель, казалось, продолжался целую вечность, пока наконец обессиленная страдальца не откинулась на спинку стула. На губах ее выступила кровь. Арабелла отерла ее рот и взяла у нее салфетку, подошла к каменной раковине, где выполоскала ее, потом вернулась с салфеткой назад.

Шарлотта со слабой благодарной улыбкой приняла салфетку и с минуту удерживала руку Арабеллы в своей.

– Мне хотелось бы... – сказала она, но силы ей изменили.

– Чего хотелось бы, Шарлотта? – спросил Джек, все еще стоявший возле сестры на коленях. – Чего бы тебе хотелось, дорогая?

Ее веки затрепетали, и глаза открылись.

– Принять ванну, – ответила она просто.

Вся комната будто испытала удар электрического тока. Все зашевелились, потому что появилось конкретное дело, нечто такое, что могло принести ей явное облегчение. Тот час же котлы были наполнены водой и повешены на крюки над огнем. Разожгли очень сильный огонь. Тут же появилась медная ванна и гора полотенец. Арабелла сбегала на чердак и принесла брусок мыла, который захватила отчасти для себя, но и предвидя возникшую теперь необходимость. Она принесла также собственную мягкую и тонкую ночную рубашку.

Шарлотта протянула к ней руку, и Арабелла приблизилась.

– Ты мне поможешь, Арабелла... сестра?

Арабелла вспыхнула от удовольствия. Она кивнула и взяла тонкую руку в свои.

– Скажи мне, и я сделаю все, что в моих силах.

Джек стоял за спиной сестры, наблюдая за этим разговором и прислушиваясь к нему. Он испытывал глубокую любовь к жене и гордость за нее. И разрывающую сердце печаль, потому что эти только завязывающиеся отношения должны были закончиться, едва начавшись.

Как только ванну наполнили водой, в кухне не осталось никого, кроме двух женщин. Шарлотта встала, тяжело опираясь о стул, и укрывавшие ее пледы упали.

– Я такая грязная, – сказала она, когда Арабелла сделала шаг к ней, чтобы помочь раздеться. – В одежде полно вшей. Не прикасайся к ней.

– Не имеет значения, – ответила Арабелла. – Лучше ее разрезать. Это облегчит дело.

Она нашла ножницы, разрежала грязные лохмотья и сняла их с Шарлотты, отчаянно стараясь не отшатнуться при виде вшей. Стянув тряпки с Шарлотты, она бросила их в камин и услышала, как шипят насекомые, поджариваясь на огне.

– Грязные твари, – бормотала она.

Исхудавшее тело Шарлотты было покрыто красными пятнами от укусов. Вши, должно быть, были и в ее волосах. Арабелла помогла ей сесть в ванну и встала на колени возле нее, держа в руках мыло и тряпочку для мытья.

Шарлотта приняла их от нее, и голос ее зазвучал чуть сильнее:

– Я могу мыться сама, если только ты вымоешь мне волосы. У Терезы найдется щелок?

– Пойду спрошу ее.

Щелок был единственным известным средством борьбы с головными вшами, встречавшимися довольно часто, и Тереза, сочувственно улыбаясь, принесла из чулана, где она чистила картофель, ожидая, пока освободится кухня, горшок со щелоком.

Арабелла действовала молча, гребнем со щелоком прочесывая голову Шарлотты. Ее волосы были не мыты и не стри-

жены почти год. Шарлотту забрали в тюрьму, не дав ей даже захватить гребня, и у нее не было возможности пользоваться простейшими средствами ухода за собой.

– Было бы лучше их обрезать, – сказала наконец Арабелла, чуть не плача, потому что не могла расчесать свалявшиеся волосы.

– В таком случае отрежь их, – согласилась сестра Джека, приподнимая с шеи мокрую массу волос. – Отрежь их, Арабелла.

– Как жаль, что здесь нет месье Кристофа, – задумчиво проговорила Арабелла. – Он бы подстриг тебя по последней моде. Но даже Бекки справилась бы с этим лучше, чем я.

– Да отрежь ты их!

Это прозвучало как приказ, и Арабелла подчинилась с отрешенным видом и пожатием плеч. Она щелкнула ножницами, и спутанные пряди волос полетели на пол. Потом она собрала их и бросила в камин. Она попыталась уложить волосы Шарлотты аккуратно, подровняла их вокруг ушей, но все-таки решила, что конечный результат нельзя считать безусловным успехом.

Однако Шарлотта была просто счастлива. Она провела руками по своей коротко остриженной голове и испустила вздох облегчения, будто освободилась от железного ошейника.

– О, я чувствую такую легкость и свободу. Благодарю тебя, Арабелла. Джек никогда бы не смог с этим справиться.

– Не смог бы, – согласилась Арабелла, гадая, как отнесется Джек к новому облику сестры. – И все же не думаю, что он одобрит мое рукоделие.

Шарлотта тихонько рассмеялась:

– Может не одобрять сколько угодно. Это не его дело, сестра.

– Ты готова вылезти из ванны? – спросила Арабелла.

– Да, уж лучше вылезти, пока я не запачкалась снова в этой грязной воде. Пожалуйста, подай мне руку.

Арабелла взяла Шарлотту за руку и, поддерживая под локоть, помогла подняться.

– Есть еще горячая вода... чистая. Если ты сможешь с минуту постоять, я окачу тебя чистой теплой водой.

Она встала на цыпочки и вылила на золовку кувшин дымящейся воды, а та только жмурилась от удовольствия. Внезапно Арабелле показалось, что теперь она преобразилась и стала много крепче.

– О, я так долго об этом мечтала, – сказала Шарлотта, чуть пошатнувшись. – Грязь – это хуже голода, жажды и даже темноты.

По ее телу пробежала дрожь.

– Могу себе представить, – сказала Арабелла, и это было правдой.

Она взяла Шарлотту за руку и снова усадила в качалку.

– Не поешь ли еще крепкого бульона? Или, может быть, выпьешь вина?

– Было бы неблагодарностью отказываться, – сказала Шарлотта со слабой улыбкой. – Я попытаюсь отведать того и другого, чтобы сделать тебе приятное.

– Могу я теперь открыть дверь?

– Попроси Джека убрать ванну, – сказала Шарлотта. – Мне будет неприятно, если это сделает кто-нибудь другой...

Но Арабелла была уже у двери и говорила с Джеком, который теперь вошел в кухню. Он посмотрел на сестру.

– Что за черт? – Впервые за все эти дни его голос звучал как всегда. – Это твоя работа, Арабелла?

Он повернулся к жене.

– По моей просьбе, – ответила Шарлотта, и в голосе ее звучала усмешка.

– Сказать по правде, это больше походило на приказ, – призналась Арабелла. – Нам надо избавиться от этой воды, Джек.

Ему не потребовались объяснения. Он легко поднял ванну, локтем открыл дверь кухни и вышел через черный ход в сад, где и вылил под герань грязную воду – свидетельство заключения его сестры. Когда он вернулся, кухня снова была полна жизни; Шарлотта пила мелкими глотками бульон, ухитряясь сама удерживать ложку, а от выпитого вина ее щеки слегка порозовели. На мгновение перед ним забрезжила надежда, безумная, иррациональная и невероятная. Но потом его взгляд упал на ее впалые щеки и тонкую, как бумага, кожу, и он понял, что все бесполезно.

Его жена прикоснулась к нему. Ее золотистые глаза были полны любви и сострадания. Она прошептала:

– Бери то, что тебе дают, любовь моя. Теперь она дома.

Он обнял ее за плечи и поцеловал в темя, потом подошел к сестре и оставался возле нее всю ночь, бодрствуя, пока она спала, и нежно вполголоса разговаривая с ней, когда просыпалась, а также заменяя окровавленные салфетки свежими, когда ее мучили приступы кровохарканья.

Арабелла лежала одна на чердаке для яблок, не спала и прислушивалась к ужасному кашлю. Она поняла, что обратный путь в Кале с Шарлоттой отнимет у них гораздо больше времени, чем дорога сюда, и размышляла, сможет ли больная женщина осилить такое путешествие. Она попыталась убедить Джека остаться в Париже до тех, пор пока его сестра не наберется сил, но Джек и думать не хотел о промедлении. Однажды ему уже не удалось вывезти Шарлотту из Парижа, и второй неудачи он бы не пережил. Народная полиция могла передумать... Возможно еще что-нибудь непредвиденное, например, налет на дом на Рю де Бьевр.

Арабелла не стала спорить. Это не принесло бы пользы, а Джек был настолько подавлен чувствами печали и вины, что походил на одержимого. В конце концов она уснула, но сон ее был прерывистым, ее преследовали видения, в которых женщина с затравленным взглядом парила над ней в грязи и зловонном мраке. Она проснулась до рассвета в поту и тошноте, оттого что кто-то тряс ее за плечо.

– Нам пора отправляться, – жесткой настойчиво сказал Джек. – Через пять минут. Марсель готовит телегу. Надень то, в чем ты ходила в тюрьму.

Сам он уже был облачен в грязные лохмотья. Арабелла села на постели, стараясь преодолеть тошноту, вызванную скверно проведенной ночью.

– Как Шарлотта? И что она наденет? Я привезла для нее кое-какую одежду.

– Тереза позаботилась об этом. Все, что ты привезла, слишком хорошо выглядит. Никто из нас не должен привлекать внимание. Поторопись.

Он взял свой чемодан, и ее саквояж и исчез на лестнице.

Арабелла хотела бы, по крайней мере, причесаться, но Джек забрал все ее пожитки. Она надела грязные тряпки, которые были на ней, когда она посещала тюрьму, и пальцами провела по волосам, пытаясь причесаться, прежде чем нахлобучила на голову ужасный колпак. Она была голодна или так ей казалось. Несомненно, ее утроба чего-то требовала. Она спустилась по приставной лестнице. Кухня была полна людей.

Джек стоял у стола и пил кофе, держа в руке ломоть хлеба с сыром.

– Ешь, – велел он, указав на стол.

Шарлотта все еще сидела в качалке, но теперь уже была закутана в плащ. Она улыбнулась Арабелле, которая взяла кусок хлеба и ломоть холодной оленины, и подошла к ней.

– Как ты нынче утром?

– Чуть покрепче, – ответила Шарлотта. – Тереза насильно впихнула в меня овсяную кашу. Последние полчаса она проталкивала ее мне в горло.

Шарлотта издала короткий смешок, но от этого усилия у нее началась одышка.

– У меня есть лауданум, – сказала Арабелла вполголо-са. – Не поможет ли он во время путешествия? Ты смогла бы немного поспать.

Шарлотта покачала головой:

– Возможно, если станет совсем уж худо. Но я хочу оставаться в сознании как можно дольше. Я ведь так давно не видела белого света, не хочу ничего пропустить.

Арабелла кивнула, и тут подошел Джек, дожевывая хлеб с сыром.

– Пошли, – сказал он, наклоняясь, чтобы взять на руки Шарлотту. – Телега Марсея на улице. Через полчаса городские ворота откроют, и я хочу выбраться из города одним из первых.

Они навалили гору одеял и подушек в задней части телеги, и Шарлотта, через силу улыбаясь, объявила, что ей очень уютно и удобно в этом гнездышке. Джек выглядел встревоженным, хлопоча вокруг нее и подтыкая плед, чтобы лучше ее укутать.

– Боюсь, тебя сильно растрясет.

– Чепуха, – сказала она твердо. – Перестань суетиться,

Джек, и поедем.

– Я сяду сзади рядом с Шарлоттой, – сказала Арабелла, забираясь в телегу, – а ты и Марсель можете править.

Джек вспрыгнул на скамью, щелкнул кнутом, и телега загромыхала по еще темным и пустынным улицам к воротам Сен-Дени. На небе появились первые проблески рассвета, и лавочники принялись открывать ставни, когда они добрались до городских ворот, где уже собралось несколько телег, ожидавших возможности выехать из города. По большей части это были фермеры, распродавшие провизию, привезенную накануне, задержавшиеся допоздна и не успевшие покинуть Париж.

Их телегу равнодушно оглядели, когда она выезжала за ворота, затерявшись среди других повозок. Арабелла заметила облегчение Джека, когда они добрались до большой дороги. Плечи его утратили каменную неподвижность, и он несколько раз повел головой туда-сюда, чтобы прогнать ощущение онемения в шее.

Шарлотта слегка улыбалась и глубоко дышала, позволяя солнцу омывать свое лицо. Но по мере того как день вступал в свои права, она улыбалась все реже и реже. Она болезненно переносила толчки, когда телега подпрыгивала на рытвинах и выбоинах, и Арабелла обнимала ее, стараясь смягчить тяготы дороги. Она и сама чувствовала себя неважно. Тряска и у нее вызывала тошноту, отдаваясь болью в спине, но она сжимала зубы и старалась думать только о Шарлотте.

Джек отказывался останавливаться там, где их могли заметить, и потому в качестве ночлега они выбрали амбар. Марсель отправился в ближайшую деревушку и вернулся с вином, хлебом, мясом и фруктами. Шарлотта попыталась поесть, но была слишком утомлена и просто устроилась на соломе, из которой соорудили для нее постель.

Арабелла предложила ей лауданум, и она приняла его.

ГЛАВА 24

Шарлотта настояла на том, чтобы ей разрешили посидеть на палубе, когда они отплывали и их суденышко пробиралось среди других судов, выходя из гавани в открытое море. Она оглядывалась на уже плохо видный порт. Джек стоял рядом с ней, держа руку на ее плече. Оба они, каждый по-своему, прощались с Францией. Арабелла стояла в отдалении у поручней, предоставляя брату и сестре побыть в эту минуту вдвоем. Наконец они миновали гавань, и их небольшое судно начало набирать скорость под свежим ветром, а красные стены замка Кале быстро таяли и скрывались из виду. Шарлотта подняла глаза на брата:

– Все кончено, Джек.

– Для нас кончено, – согласился он. – Позволь мне отнести тебя вниз.

Она кивнула. Ей только хватило сил побыть на палубе, чтобы проститься с Францией, а теперь они быстро убывали, по мере того как берег скрывался из поля зрения. Ей захотелось прилечь. Джек поднял ее на руки и понес в каюту.

– Арабелла поможет мне лечь в постель, – сказала Шарлотта, когда он уложил ее на узкую скамью.

Он смотрел на нее сверху вниз печально и беспомощно. Казалось, она тает на глазах. Он повернул голову, когда в каюту вошла Арабелла.

– Возвращайся через несколько минут, – сказала она, опуская на пол свой саквояж и кувшин воды.

Он наклонился поцеловать Шарлотту в лоб и вышел из каюты.

Арабелла уже привыкла ухаживать за Шарлоттой и помогать ей в самых интимных процедурах, и та охотно принимала ее заботы. Она спокойно лежала, пока Арабелла раздевала ее и протирала губкой, намоченной в холодной воде, ее тело и помогала ей надеть ночную рубашку. Она проглотила лавданум, который Арабелла тщательно отмерила для нее. Он облегчал кашель и давал ей некоторый покой и передышку.

– Побудь со мной, – сказала она, когда Арабелла уложила в саквояж кое-какие вещи.

– Мне надо избавиться от этих тряпок, – сказала Арабелла, показывая свои грязные лохмотья с гримасой отвращения. – Не представляю, что может подумать капитан Перри. В прошлый раз он видел нас в образе герцога и герцогини Сент-Джулзов и в соответствующей одежде. Нам повезло, что он согласился взять нас с собой.

Она рассмеялась, пытаясь подбодрить Шарлотту.

– Переоденусь здесь.

Арабелла осталась в одной сорочке и принялась влажной губкой смывать с себя пыль путешествия, прикасаясь ею к рукам и груди, когда вошел Джек. Он посмотрел на нее, и ему показалось, что она осунулась. Лицо ее было бледнее обычного, а глаза больше. Он подумал, что выглядит она

неважно. Но после десяти дней странствий едва ли это было удивительно.

Заметив его взгляд, она робко улыбнулась ему, но эта улыбка истаяла, потому что он на нее не ответил, и она почувствовала себя неким предметом, который он изучал чуть ли не с медицинской дотошностью. Ей стало неприятно, но она понимала, что все его помыслы были о сестре.

Джек опустился на колени возле скамьи, на которой лежала Шарлотта. Лауданум уже начал оказывать действие, и веки ее отяжелели.

– Ненавижу его, оттого что от него мутно в голове, – проворчала она.

– Что это, любовь моя?

Он наклонился, чтобы расслышать.

– Лауданум, – сказала Арабелла, стоявшая сзади и сражавшаяся с пуговицами на своем свежем платье. – Я даю его ей постоянно. От него затихает кашель.

Он нахмурился:

– Разумно ли одурманивать ее?

– Да, – ответила Арабелла. – Пожалуйста, застегни эти пуговицы. – Она повернулась к нему спиной. – Ты думаешь, сейчас это имеет значение? – спросила она, глядя на скамью и Шарлотту, которая уснула и тяжело дышала во сне ртом. – Я знаю, Джек, тебе больно.

– Как ты можешь знать? – спросил он, стряхивая руку, которую она положила ему на плечо. – Моя сестра умирает,

а я ничего не могу сделать, чтобы спасти ее.

– Кроме того, чтобы сделать приятными последние дни ее жизни, – ответила она яростным шепотом. – Ты мог бы иногда заставить себя улыбнуться. Как, ты думаешь, чувствует себя Шарлотта, когда ты смотришь на нее так, будто она уже в могиле?

Джек взглянул на нее, потом покачал головой и, ничего не ответив, вышел из каюты. Арабелла вздохнула. Она сделала попытку убедить его... Шарлотта пошевелилась и прошептала:

– Не ссорьтесь из-за меня, Арабелла.

– Мы не ссорились, – солгала она, приближаясь к постели Шарлотты. – Но должна признаться, что твой брат пытается испортить праздник по своему капризу.

Шарлотта слабо улыбнулась:

– Поможешь мне приподняться и сесть? Так легче дышать.

Арабелла присела на койку рядом с Шарлоттой и приподняла ее, давая ей опереться на свое плечо.

– Так лучше?

– Да, спасибо.

Ее глаза закрылись, и несколько минут она снова мирно проспала, пока Арабелла сидела, отрешенно следя за покачиванием судна, поднимавшегося и опускавшегося на слабых волнах.

– Меня сейчас вырвет, – сказала Арабелла торопливо и

выскользнула из-под Шарлотты.

Она только успела добраться до ночного горшка. Шарлотта проснулась и с тревогой наблюдала за ней. К ужасу Арабеллы, в каюту вернулся Джек как раз в тот момент, когда она извергла остатки завтрака.

– В чем дело? – спросил он, отводя от ее лица волосы, в то время как она, скорчившись, сидела над горшком, и тело ее сотрясалось от приступов рвоты. – Море тихое, как мельничный пруд, – послышался голос Джека, полный беспокойства, и, несмотря на недомогание, она почувствовала облегчение.

Значит, ее слова оказали на него воздействие.

– Должно быть, из меня никудышный моряк, – ответила Арабелла, все еще сидя на корточках и отирая рот платком. – Прошу прощения.

– Надо избавиться от этого. – Он взял в руки горшок и открыл иллюминатор. – К счастью, ветер этому благоприятствует.

Джек выплеснул содержимое горшка в окно и оставил его открытым.

– Что делать мужчине с двумя больными на руках? – спросил он благодушно. – Я собирался предложить поиграть в вист втроем, но вы обе выглядите такими бледными, что сомневаюсь в вашей способности считать карты.

Шарлотта с трудом улыбнулась:

– Моя голова слишком затуманена, чтобы я была способна считать. Не пойти ли тебе поговорить с капитаном и оставить

больных утешать друг друга?

Арабелла, прополоскав рот водой из кувшина, не произнесла ни слова, пока не выплюнула воду в иллюминатор.

– О, я просто умираю от голода, – объявила она, – да и Шарлотта могла бы съесть немного каши. Почему бы тебе не отправиться на поиски пищи?

– Ты лишилась одной трапезы и нуждаешься в немедленной компенсации? – Его брови удивленно поднялись.

– Похоже на то. – Арабелла взмахом руки направила его к двери. – Подойдет все – хлеб, сыр, суп. И яблоко.

– К вашим услугам, мадам.

Он отвесил им шуточный поклон и вышел из каюты. Арабелла заняла свое прежнее место на койке, снова подставив плечо Шарлотте. Она смотрела на стену каюты, по-прежнему раскачивавшуюся, но сейчас тошноты не испытывала. Забавно? Или это вовсе не было забавно?

– О! – сказала она внезапно.

– Что? – Сонная Шарлотта повернула голову, все еще лежавшую на плече Арабеллы.

– Не думаю, что у меня приступ морской болезни, – ответила та. – Как же это глупо с моей стороны не понять... Но за это время произошло так много всего, и я не обратила внимания на то, что в последний раз у меня не было месячных.

– О, моя дорогая! – Шарлотта сжала руку Арабеллы горячими пальцами. – Как это чудесно! Я всегда хотела детей, но у меня их так и не было.

Она снова закрыла глаза и добавила едва слышным шепотом:

– Но возможно, все это к лучшему. В Ле Шатле дети не живут долго.

Арабелла ничего не ответила, только продолжала обнимать и поддерживать ее, пока не вернулся Джек с подносом, который и поставил на стол, привинченный к полу болтами. Он посмотрел на сестру и сделал над собой усилие, чтобы сохранить на губах бодрую улыбку, так не вязавшуюся с жесткими линиями его лица.

Он снова опустил на колени возле постели и сказал:

– Как только мы причалим, поедem в горы, Шарлотта, где воздух чистый и свежий. Ты там растолстеешь и порозовеешь на хорошем молоке, яйцах и сливках... – Голос его пресекся.

Она накрыла его руку своей.

– Да, да, мой дорогой, я там поправлюсь. Я это знаю.

Но ее запавшие глаза говорили о другом, и Джек знал, что это не так, и понимал, что его фантазии не могли заставить забыть горькую правду. Он поднес ее руку к губам и поцеловал пальцы. Потом снова медленно поднялся и взял миску с подноса. Стараясь придать своему голосу силу и бодрость, он сказал:

– Давай! Ты должна поесть или никогда не выздоровеешь.

Джек сел на угол скамьи и поднес к ее губам ложку каши, приправленной специями. Она попыталась есть, но, прогло-

тив одну ложку, отстранила еду, пробормотав слова извинения. Джек смотрел на нее в полном отчаянии, сознавая свою беспомощность.

– Думаю, тебе следует нас развлечь, – немедленно вмешалась Арабелла, – хочу послушать о твоей беспутной юности. Правда, Шарлотта?

Она улыбнулась:

– Он почти всегда жил в опасности. Джек никогда не задумывался о правилах. Потому и нарушал их. Расскажите мне, как вы встретились.

В воздухе повисло напряжение, потом Джек ответил:

– Я нашел Арабеллу на цветочной грядке в грязи и поту. Не знаю почему, но я счел такое сочетание неотразимым.

– А Джек, конечно, был безупречен, – сказала Арабелла. – Но я не сразу оценила его. Ведь известно, что противоположности притягивают друг друга, и, в конце концов, это произошло.

– Я вовсе не уверен, что, когда речь заходит о респектабельности, мы так далеко отстоим друг от друга, – заявил Джек, видя, что его сестра оживилась и в ее глазах появились крошечные искорки света.

– Ну, не может быть, чтобы только один из нас придерживался нестандартных взглядов, – заметила Арабелла с усмешкой. – А иначе наш союз не был бы счастливым.

– Мне бы так хотелось увидеть вашего ребенка, – сказала Шарлотта со слабой улыбкой, слегка пошевелившись на уз-

кой койке.

Джек стремительно повернулся к Арабелле, все еще лежавшей на койке рядом с Шарлоттой, голова которой покоилась на ее плече, как на подушке. Улыбка Арабеллы была благодушной и снисходительной.

– Я не думаю, что страдаю от морской болезни, – сказала она. – У меня до отвращения крепкий организм...

Шарлотта слабо рассмеялась, но даже столь ничтожное усилие оказалось для нее непомерным. Смех перешел в ужасающий приступ спазматического кашля, и полотенце, которое она поднесла ко рту, уже через несколько секунд стало алым. Арабелла молниеносным движением выхватила его и подставила миску, которую держала наготове на полу возле скамьи. Джек отвернулся, не в силах видеть страдания сестры. Наконец кашель прекратился, и Шарлотта заняла прежнее положение. Голова ее лежала на плече Арабеллы. Лицо было белым, как бумага, глаза запали так глубоко, что казались пустыми глазницами, а синие тени под ними доходили теперь почти до скул. Искра жизни, еще теплившаяся в ней, теперь угасала, как слабое пламя гаснущей свечи.

Арабелла протянула миску Джеку, без единого слова опорожнившему ее и поставившему на стол. Потом снова прилегла на койку и поддерживала тело, столь хрупкое и невесомое, что, казалось, легчайшее прикосновение могло его сломать. Она продолжала поддерживать Шарлотту, в то время как Джек, сидя на скамье у окна, смотрел в иллюминатор.

Спина его казалась оцепеневшей, плечи каменными. Арабелла чувствовала, как жизнь медленно вытекает из женщины, лежавшей рядом с ней.

– Джек, – позвала она тихо.

Он обернулся, встал и подошел к койке, опустился на колени возле нее, взял высохшую, будто бумажную, руку сестры в свои, прижал ее к щеке и нежно баюкал, пока последний вздох, похожий на шепот, не слетел с губ Шарлотты.

Арабелла плакать не могла, глаза ее оставались сухими, возможно, потому, что у Джека хватило слез на двоих.

Наконец Джек осторожно приподнял тело Шарлотты, освободив от нее Арабеллу, и прижал к груди. Арабелла поняла и, соскользнув со скамьи, неслышно вышла из каюты, предоставив Джека его скорби.

На рассвете они похоронили Шарлотту, мягко опустив ее тело в спокойное, окрашенное розовым море. Том Перри произнес просто:

– Мы предаем ее тело морю.

Моряки хранили молчание, пока Джек неподвижно стоял у перил и смотрел, как тело его сестры скрывается в воде. Арабелла накрыла его руку своей, но понимала, что он не чувствует ее прикосновения. Он снова отдалился, ушел от нее. И все же она не убирала руки, безуспешно стараясь подавить рвущиеся наружу слезы. Она лила слезы из-за Джека и из-за себя тоже. Она была знакома с Шарлоттой всего несколько дней, но успела полюбить ее как сестру и теперь

оплакивала свою утрату. Она плакала и из-за будущего младенца, которому не суждено узнать свою тетку.

Когда все было кончено, Джек, поблагодарив Тома Перри, тотчас же ушел в свою каюту. Арабелла сделала шаг, чтобы последовать за ним, но он едва уловимым знаком показал, что хочет побыть один, и она со страхом поняла это. Поколебавшись, она вернулась к поручням и одна смотрела, как рассвет вступает в свои права, а береговая линия Англии вырисовывается на горизонте.

Она скорее почувствовала, чем услышала, возвращение Джека. Он приблизился к поручням, когда пробились первые лучи утреннего солнца. Подался вперед и загляделся на гладь канала и гавань. Молча, он протянул руку к жене, и она сделала несколько шагов, чтобы оказаться с ним рядом. Он не дотронулся до нее, хотя их тела были так близко друг к другу, что она чувствовала его тепло.

– Прости меня, – прошептала она.

– За что, Арабелла?

Он медленно повернул к ней голову. Лицо его было спокойным, но глаза полны боли. Она пыталась найти слова:

– За моего брата.

– Прошло много месяцев с тех пор, как я считал, что ты живешь в одной вселенной с Фредериком Лэйси, – сказал он.

Его рука обвила ее плечи, и он крепко прижал ее к себе.

– Это я должен попросить у тебя прощения, любовь моя.

У меня ушло слишком много времени на то, чтобы понять,

какое сокровище я нашел в тебе... и как мало я его заслуживаю.

Все тело Арабеллы наполнило тепло. Она глубоко и трепетно вздохнула и опустила голову на его плечо. Боль и неуверенность ушли.

Через минуту он заговорил снова:

– У меня такое чувство, что Шарлотта умерла дважды, Арабелла. И дважды я не смог ее спасти. Не знаю, смогу ли я это вынести.

Голос его прервался, и он закрыл лицо руками.

Она обняла его, и их слезы смешались. Это была разделенная скорбь и взаимная любовь. И в эту минуту они были единым целым. У нее не было слов утешения. Она могла только прижимать его к себе, пока он сам не справится со своим горем.

ЭПИЛОГ

Убийственно холодным январским утром Мэг стояла на нижней ступеньке крыльца дома на Кэвендиш-сквер, весело прощаясь с невероятно усатым кавалерийским офицером, отдающим ей изящный поклон и размахивающим своей шляпой с плюмажем:

– Прощайте, дражайшая леди. Буду томиться до нашей новой встречи.

– Да бросьте вы, – отвечала Мэг. – Вы это говорите каждой женщине моложе шестидесяти лет, лорд Томас.

– Вы считаете меня вертопрахом, – ответил он, улыбаясь так же широко, как она.

Качая головой, Мэг повернулась, чтобы подняться по ступенькам в дом, но столкнулась с герцогом Сент-Джулзом, без шляпы сбегавшим вниз в непривычной для него спешке.

– Где вы были, Мэг? – спросил он, отстраняя ее, чтобы пройти.

– В парке, – ответила недоумевающая Мэг.

– Арабелла... доктора, – пробормотал он, показывая жестом куда-то в сторону, уже готовый бежать дальше.

– Пойдите, Джек! – Мэг схватила его за руку. – Ребенок? – Разумеется, вопрос был риторическим. – Почему вы сами бежите за доктором? Не послать ли за ним лакея?

Он покачал головой:

– Арабелла не хочет, чтобы я оставался в комнате. Сказала, что не вынесет моего присутствия. Мне надо привести доктора. Не знаю, что еще я смогу сделать. Не могу оставаться дома.

Мэг больше не пыталась удержать его. Она поспешила в дом, где обычно невозмутимый Тидмаус мерил шагами холл.

– О, это вы, мисс Баррет... Ее светлость...

– Да. Герцог сказал мне, – ответила Мэг, поспешно поднимаясь по лестнице.

Она быстро преодолела ступеньки и вбежала в комнаты Арабеллы. Борис и Оскар бегали по коридору у двери в будуар герцогини и принялись прыгать на Мэг, возбужденно лая.

– Ш-ш, – сказала она. – Не о чем беспокоиться. Все в порядке.

Она заставила их лечь.

– Оставайтесь здесь.

Мэг вошла в будуар и плотно закрыла за собой дверь под их сердитыми и печальными взглядами.

Спальня была открыта. Арабелла расхаживала по комнате. Лицо у нее было белое и мрачное. Леди Баррет и Бекки занимались постельным бельем. На треножниках над сильным огнем стояли котлы с водой.

– О, Мэг, слава Богу, ты вернулась, – с облегчением сказала Арабелла. – Это началось так неожиданно.

– Я уже поняла, – ответила Мэг, сбрасывая плащ и шля-

пу. – Я столкнулась с твоим мужем. Он побежал за доктором. Джек совершенно растерян.

– О-о, Джек! – Арабелла махнула рукой. – В критических случаях он никуда не годен, просто распадается на части.

Мэг подавила готовый вырваться смешок, услышав такую характеристику всегда уравновешенного и невозмутимого герцога Сент-Джулза.

– Я объяснила его светлости, что женщины в родах могут быть несколько раздражительными, – сказала леди Баррет. – Иногда они говорят такие вещи, о которых вовсе не думают.

– О, я как раз это и думаю, – возразила Арабелла и, не глядя, протянула руку Мэг, которая приняла ее и сделала гримаску, потому что Арабелла сжала ее так сильно, что на глазах у ее подруги выступили слезы.

– Думаю, теперь тебе следует лечь в постель, Белла, дорогая, – спокойно сказала леди Баррет. – Все происходит довольно быстро.

– А я считала, что рождение первого ребенка длится целую вечность, – ответила Арабелла, но подчинилась и легла в постель.

– Не жалуйся, – возразила практичная Мэг. – Это не развлечение. Чем скорее все кончится, тем лучше.

Арабелла ответила слабой улыбкой:

– Я бы хотела, чтобы именно это сказал мой муж, вместо того чтобы ломать себе руки и стонать.

– Он не делал ничего подобного, Арабелла, – возразила

леди Баррет. – Он был очень спокоен, пока ты не начала кричать на него.

Бекки суетилась с куском ткани, намоченным в лавандовой воде, который она возложила на лоб Арабеллы, когда новые схватки исторгли невольный стон у роженицы.

Мэг снова взяла ее за руку.

– Я говорила Джеку, что мне не нужен доктор, – сказала Арабелла, когда пароксизм боли прошел, и она снова смогла вздохнуть. – Леди Баррет и Бекки могут прекрасно со всем справиться.

– Но я думаю, так будет лучше, моя дорогая, – сказала Мэг, выглянувшая в окно на улицу. – Как бы то ни было, но врач уже здесь. Джек просто выпихнул беднягу из наемного экипажа.

Доктор вошел в комнату, опережая Джека, нерешительно остановившегося в дверях.

– Если ты все еще не переносишь моего вида, любовь моя, я снова уйду.

Но Арабелла уже больше не замечала никого из находившихся в комнате.

Джек не мог ни остаться, ни уйти, а время шло, и наступал полдень. Джек был охвачен безумным страхом. Смерть Шарлотты стала его частью и осталась в нем навсегда. Печаль затаилась глубоко в его душе, но он сжился и примирился с ней. Умиротворение принесла ему Арабелла, а теперь он боялся потерять и ее. С такой потерей он не смог бы жить

дальше.

Он беспомощно стоял в изголовье кровати, глядя на ее белое искаженное лицо, и отирал пот с ее лба тканью, которую ему передала Бекки. Он пытался почерпнуть спокойствие от доктора, от деловитости и внимания леди Баррет, от очевидной невозмутимости и уверенности Бекки, и так тянулось весь день. Он хотел бы походить на Мэг, способную вести легкую беседу, на которую Арабелла иногда отвечала улыбкой.

Внезапная суета у другого конца кровати встревожила его, и ужаснул пронзительный крик Арабеллы, а потом изумил тонкий писк младенца. Он тупо смотрел на окровавленный кусочек плоти в руках леди Баррет.

– Сын, – сказала она. – У вас сын, ваша светлость... Белла, дорогая, он красив.

Она приложила младенца к материнской груди.

Арабелла устало улыбнулась и поцеловала крошечную головку, потом посмотрела на Джека. В его серых глазах стояли слезы.

– Смотри, любовь моя, какое чудо мы сотворили.

– Не уверен, что это моя заслуга, – ответил он с бледной улыбкой.

Джек поцеловал жену, потом сына.

– Из-за него я чувствую смущение и робость.

– Чарльз, – сказала Арабелла. – Мы назовем его Чарльзом.

– Да, – согласился он, неуверенно беря на руки крошечное

тельце.

– Лучше дайте его мне, ваша светлость, – поспешила через комнату леди Баррет. – Боюсь, мы его простудим.

Джек тотчас же отдал сына, чтобы его завернули в одеяло, которое ее милость держала наготове.

– А теперь уйдите на час, а потом и Арабелла, и младенец будут готовы вас принять, – распорядилась леди Баррет.

Обычно она испытывала большое почтение к герцогу, но сейчас ее роль повитухи давала ей некоторую уверенность, и она, не задумываясь, отдавала ему приказания.

– Если хотите сделать что-нибудь полезное, – сказала Мэг ободряюще, видя его нерешительность, – выведите на прогулку собак. Они томятся в коридоре.

– Да, я заметил, – сухо ответил он.

– Ступай, любовь моя, – поддержала Арабелла, но голос ее был очень слабым. – Дай им побегать. Они весь день взаперти. Отказываются выходить с кем-нибудь другим, но с тобой, как ты знаешь, пойдут.

Джек вопросительно оглядел лица собравшихся женщин, потом сдался:

– Ладно, вернусь через час.

Он наклонился и поцеловал влажный лоб Арабеллы, отведя с него мокрую прядь волос:

– Но помните, я буду отсутствовать не больше часа.

Она улыбнулась:

– Возвращайся поскорее.

Он вышел и свистнул собакам, которые помчались за ним вниз по лестнице. Тидмаус все еще мерил холл шагами.

– Ваша светлость?

– Сын, Тидмаус, – сказал Джек, безуспешно пытаясь скрыть свое ликование. – Красивый мальчик, и ее светлость в порядке.

– Примите мои поздравления, ваша светлость.

Обычно суровое лицо Тидмауса расплылось в улыбке:

– Могу я поздравить слуг с этим событием?

– Можешь, – ответил Джек, все еще улыбаясь. – И открой бооченок октябрьского эля, чтобы все в кухне могли выпить по этому случаю.

– Да, ваша светлость. С удовольствием, ваша светлость.

Тидмаус отвесил поклон и отправился выполнять поручение. В его важной, солидной походке появилось что-то легкое и пружинистое.

Часом позже Джек вернулся домой и застал всех слуг в возбуждении. Тидмаус сообщил ему, что доктор ушел четвертью часа раньше. Джек помчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки, собаки неслись впереди и ворвались в спальню Арабеллы, принеся с собой свежесть в слишком жарко натопленную комнату.

Борис и Оскар рванулись к кровати, и Мэг едва успела их оттащить за ошейники.

– Нет, не сейчас, – сказала она. – Я отведу их на кухню.

Джек не сводил глаз с лица жены. Она полулежала, опи-

раясь о белоснежные подушки. Лицо ее было все еще бледным, но просветленным. У груди она держала младенца.

– У него нос, как у Шарлотты, – сказала она.

Джек опустился на колени возле постели, а леди Баррет неслышными шагами направилась к двери, вытесняя из комнаты Бекки.

– Ты так не думаешь? – спросила Арабелла, дотрагиваясь кончиком пальца до названного органа и чуть приподнимая его. – Это крошечная Шарлотта.

Джек улыбнулся. Сам он этого не видел, но был готов в это поверить.

– Чарльз, – пробормотал он, прикасаясь губами к щеке младенца.

Он посмотрел на жену:

– Я люблю тебя. Не могу выразить словами, как сильно. Не представлял, что мужчина может быть так счастлив.

Арабелла погладила его щеку.

– Или женщина, – сказала она.

Чарльз, маркиз Хэвершем, зевнул.

– На него это не произвело впечатления, – сказал Джек с тихим смехом.

Он прилег рядом с женой и сыном, и рука его скользнула под спину Арабеллы, когда она в изнеможении погрузилась в сон. Впервые в жизни Джек подумал, что понимает, что такое чувство удовлетворения.